

НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В Ы П У С К X I

**СОВРЕМЕННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ**

**Составление, общая редакция
и вступительная статья**

А. Е. КИБРИКА

**МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1982**

*Рецензенты д. ф. н. Н. Д. Арутюнова и
д. ф. н. В. П. Недеялков*

Редактор Н. Н. Попов

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

В настоящий сборник включены новейшие работы американских лингвистов — специалистов по синтаксису. Все работы связывает определенное тематическое единство — это поиски новых горизонтов в области универсальных базисных синтаксических понятий, и в то же время они охватывают разнообразный спектр проблем, актуальных в современном языкознании.

Книга предназначена для лингвистов всех специальностей, особенно для специалистов по синтаксису и общему языкознанию, а также для философов и логиков.

© Составление, вступительная статья, указатели и перевод на русский язык — издательство «Прогресс», 1982

Н $\frac{70101-016}{006(01)-82}$ 183-82

4602000000

ПРОБЛЕМА СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УНИВЕРСАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Настоящий сборник знакомит советского читателя с новейшими американскими работами в области теоретического синтаксиса, так или иначе связанными с фундаментальной проблемой синтаксических отношений. В общем синтаксисе эта проблема является центральной, но те конкретные формы, которые приняло ее осмысление в современной американской лингвистике, естественным образом связаны как с предшествующими этапами ее развития, так и с общим современным состоянием. Поэтому представляется целесообразным сперва бегло обрисовать ту идейную среду, из которой возник и в которой существует современный американский синтаксис (этому посвящен первый раздел), а затем (во втором разделе) перейти к конкретному содержанию самого сборника.

I. АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНГВИСТИКА 70-Х ГОДОВ

Специфика развития американской лингвистики, в отличие от европейской, состоит в периодической смене как метода, так и объекта исследования.

Обособленная от Европы американская лингвистическая школа возникла одновременно с дескриптивизмом. Дескриптивисты ограничились изучением лишь нижних ярусов языковой системы — фонетики и морфологии, но развили весьма тонкую и эффективную формальную технику дистрибутивного анализа.

Идейная и предметная ограниченность этого направления привела к тому, что на рубеже 50—60-х годов в центр внимания американской лингвистики выдвинулась трансформационная порождающая грамматика — модель языка, резко раздвинувшая горизонты дескриптивизма, расширившая общие представления о языковой системности¹ и сделавшая основным объектом рассмотрения синтаксис.

Однако весьма скоро обнаружилось, что и этот теоретический костюм для лингвистики слишком тесен. Поэтому почти непосредственно после выхода в свет в 1965 году фундаментальной работы Н. Хомского², завершающей теоретическое обоснование так называемой Стандартной теории трансформационной порождающей грамматики (Standard theory), стали высказываться идеи, идущие вразрез с ее основными постулатами³. Последнее десятилетие в американской лингвистике характеризуется активной переоценкой возможностей трансформационной порождающей грамматики, поиском более адекватных моделей описания языка и стремлением сменить главный объект рассмотрения и перенести центр внимания на семантику, а затем и на прагматику.

Уже и сам Хомский, и его последователи не могли не учитывать серьезности критики Стандартной теории, что выразилось сперва в создании ее нового варианта — так называемой Расширенной стандартной теории (Extended

¹ Видимо, именно последнее обстоятельство способствовало популярности трансформационной порождающей грамматики не только в американской, но и в европейской лингвистике (которая никогда не ограничивала себя догматами дескриптивизма, оставшегося в общем национальной американской лингвистической школой).

² Chomsky N. Aspects of the theory of Syntax. MIT Press Cambridge (Mass.), 1965 (русский перев.: Аспекты теории синтаксиса. Изд-во МГУ, М., 1972).

³ Эти идеи концептуально группируются в оппозиционные лингвистические направления, из которых прежде всего должны быть упомянуты порождающая семантика (generative semantics), формировавшаяся постепенно с 1965 г. как самостоятельное направление в исследованиях Дж. Лакоффа, Дж. МакКоли, Дж. Росса и др., и падежная грамматика (case grammar) Ч. Филлмора: см. Fillmore Ch. The case for case.— In: «Universals of linguistic theory». E. Bach, R. Harms (eds.). New York, 1968 (русский перев. см. в сб.: «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X, «Прогресс», М., 1981). Ее ревизия с точки зрения десятилетней ретроспективы содержится в: Fillmore Ch. The case for case reopened.— In: «Syntax and semantics». P. Cole, J. Sadock (eds.). Vol. 8. Grammatical relations. Academic Press, New York, 1977 (русский перев. см. в сб. «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X).

standard theory), а затем пересмотренной Расширенной стандартной теории (revised Extended standard theory), а также в разработке ее составных элементов — интерпретирующей семантики (interpretive semantics) и теории следов (trace theory) ⁴. Наряду с этим появляются многочисленные теоретические программы, получающие большую или меньшую известность, в которых предлагается в рамках той или иной системы принципов строить глобальную модель языка: реляционная грамматика (relational grammar), естественная грамматика (natural generative grammar), грамматика Монтегю (Montague grammar), функциональная стратиграфия (functional stratigraphy), теория «гештальтов» (linguistic Gestalts), референциально-ролевая грамматика (role and reference grammar), лексическая теория грамматики (lexical theory of grammar) и т. д. ⁵.

Настоящий сборник даже в малой степени не претендует на то, чтобы дать полную картину современной американской лингвистики, отражающую всю пестроту взглядов, подходов и мнений. Во-первых, он ограничен синтаксической проблематикой — в той, правда, степени, в какой на современном этапе синтаксис может быть отделен от семантики и прагматики (см. об этом ниже). Во-вторых, в сборник включены работы, в фокусе внимания которых находится в первую очередь вопрос о природе синтаксических отношений. Этот, казалось бы, частный или с точки зрения трансформационной грамматики мнимый вопрос в действительности оказался фундаментальным при решении многих других важнейших лингвистических проблем: проблемы глобальной модели языка, проблемы универсальной грамматики, проблемы взаимоотношения синтаксиса и семанти-

⁴ Что борьба Хомского и с Хомским не окончена, свидетельствует недавняя весьма острая публикация в журнале «The behavioral and brain sciences», 1980, № 3, 1—61 (Chomsky N. Rules and representations), в которой Хомский полемизирует один на один с каждым из 25 оппонентов — крупнейших современных лингвистов, философов, психологов, специалистов по искусственному интеллекту, выдвигающих всевозможные аргументы против его теории.

⁵ Весьма полный перечень направлений с указанием основных идей, понятий и библиографией содержится в: Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Порождающая грамматика.— Тетради новых терминов. № 23, ВЦП, М., 1979; библиография по американской лингвистике за 1970—1977 годы с тематическим указателем содержится в: Gazdar et al. (eds.). A bibliography of contemporary linguistic research. New York—London, 1978.

ки, проблемы типологического сравнения языков и т. д. В-третьих, цель настоящего сборника — познакомить советского читателя с работами последних лет, поэтому в нем представлены лишь исследования, выполненные в период с 1976 по 1980 год.

Хотя в целом сборник посвящен американской лингвистике, в него в качестве приложения включена также статья западногерманского лингвиста И. Бехерта «Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий», иллюстрирующая (разумеется, фрагментарно) стремление к выявлению функциональной природы синтаксических отношений в рамках европейской традиции.

Таким образом, настоящий сборник представляет собой тематически организованное единство, которое, однако, не предполагает единства теоретических позиций отдельных авторов (о некоторых имеющихся разногласиях см. ниже). При этом он знакомит советских читателей не просто с конкретными лингвистическими текстами, но и с общей атмосферой и направленностью поисков в области синтаксиса, характерных для современной американской и, шире, зарубежной лингвистики.

Каковы же важнейшие особенности этого этапа построения лингвистической теории?

1. Отношение к оппозиции: трансформационная VS традиционная лингвистика. Как уже говорилось, трансформационная порождающая грамматика знаменовала собой кардинальную смену научной «парадигмы» и поэтому воспринималась (как ее сторонниками, так и противниками) как теория, оппозиционная в отношении традиционной (в широком смысле) лингвистики. Аналогичным образом современная американская лингвистика также отталкивается от непосредственно предшествующей ей господствующей традиции — на этот раз воплощенной в Стандартной теории Хомского. Здесь не место перечислять все недостатки этой теории, о которых много писалось как за рубежом, так и у нас. Что же касается центрального вопроса о статусе грамматических отношений, то в Стандартной теории он решался следующим образом. С одной стороны, утверждалось, что такие понятия, как «подлежащее», «сказуемое», «дополнение», являются избыточными, поскольку они определяются конфигурационно: Хомский определяет подлежащее «как отношение, связывающее NP некоторого

предложения вида NP — Aux — VP со всем предложением», прямое дополнение — «как отношение между NP в VP вида V — NP и всей VP и т. д.»⁶. Иными словами, утверждается, что эти понятия задаются правилами базового компонента S → NP — Aux — VP; VP → V — NP и т. д. С другой стороны, оказывалось, что сами правила базового компонента построены таким образом, что они, в сущности, лишь формализуют традиционные понятия подлежащего, сказуемого, дополнения и т. д., оставляя их неопределяемыми, потому что вид этих правил никак не обосновывается. Так, первое правило базового компонента S → NP — Aux — VP соответствует традиционному утверждению, что предложение состоит из группы подлежащего (NP) и группы сказуемого (Aux — VP). Тем самым это правило не снимает вопроса ни об универсальности такого разложения, ни о способе нахождения таких составляющих в конкретных предложениях конкретных языков⁷.

В падежной грамматике Филлмора был подвергнут сомнению постулат о первичности той формы базового компонента, которая предлагалась Хомским, и, далее, об исходности и универсальности синтаксических понятий типа «подлежащее», «дополнение» и т. д. В качестве исходной структуры в теории Филлмора принимается «семантическая глубинная структура», включающая 1) модальный компонент и 2) пропозицию, состоящую из предиката и аргументов, связанных с предикатом типовыми семантическими отношениями («глубинными падежами» типа *agens*, *patientis*, *dativ*, *locativ* и т. д.). Переход от исходных семантических отношений к синтаксическим осуществляется с помощью специальных правил, регулирующих, в частности, способ выбора подлежащего (так называемая «первичная топикализация»). Не будучи исходными, синтаксические отношения тем не менее получали свой самостоятельный статус на уровне поверхностной синтаксической структуры. По мнению Филлмора, «синтаксические глубинные структуры (которые стали известными из работ Хомского и его после-

⁶ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса, с. 65.

⁷ Попутно можно отметить, что в советской лингвистике в тот же период наблюдалась аналогичная тенденция к отказу от таких традиционных синтаксических понятий, как члены предложения, ср., например, академические грамматики 1970 и 1954 гг. (Грамматика русского языка. «Наука», М., 1970; Грамматика современного русского литературного языка, Изд-во АН СССР, М., 1954).

дователей)... оказываются не чем иным, как искусственным промежуточным уровнем между эмпирически выявляемой „семантической глубинной структурой“ и открытой непосредственному наблюдению поверхностной структурой, то есть уровнем, свойства которого скорее имеют отношение к методологическим рассуждениям грамматистов, чем к природе человеческого языка»⁸.

В чем же состояло непримиримое противоречие между предтрансформационной и трансформационной лингвистикой? По мнению трансформационалистов,— в оппозиции *таксономия VS порождение*. Под таксономией понимается классификация объектов, не пытающаяся дать «эксплицитную формулировку существа „творческих“ процессов языка»⁹, а под порождающей грамматикой — система правил, «которая некоторым эксплицитным и хорошо определенным образом приписывает предложениям структурное описание»¹⁰.

По мнению же сторонников предтрансформационной (или, иначе, традиционной в широком смысле) лингвистики, противоречие состояло в *соблюдении VS несоблюдении принципа верности* «природе человеческого языка». Хомский поставил знак равенства между «структурным описанием» предложения и природой языка, не приводя в пользу этого прямых доказательств, и это давало основание опасаться, что его противопоставление «конкретных „поверхностных структур“ абстрактным „глубинным структурам“, отражающим семантические отношения между компонентами, уводит семантические отношения в чуть ли не мистическую глубину, реализующуюся неизвестно в каких языковых единицах»¹¹.

Итак, различие «двух лингвистик» состояло в том, что они считали для себя в соответствующий исторический момент условием *sine qua non*: следовать порождающему принципу (принципу эксплицитности) или «правде» языка. В то время как предтрансформационалисты были готовы по-прежнему жертвовать точностью, эксплицитностью описания, полагаясь «на умственные способности читателя,

⁸ Филлмор Ч. Дело о падеже. В сб. «Новое в зарубежной лингвистике». Вып. X, с. 495.

⁹ Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса, с. 13.

¹⁰ Там же.

¹¹ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. «Наука», М., 1973, с. 17.

понимающего существо дела»¹², трансформационалисты фактически шли на неизбежную для них идеализацию природы языка. Иными словами, «обе лингвистики» ясно видели коренные недостатки друг друга, а достоинства старательно игнорировали.

Что касается синтаксиса, то в предтрансформационной лингвистике его понятийный аппарат разрабатывался на основе учения о членах предложения, воспринятого из грамматик классических языков. Если описательные грамматики, как теперь становится очевидным, часто использовали этот аппарат некритически, считая соответствующие понятия универсальными и самоочевидными, то общая теория языка никогда этим не довольствовалась и стремилась к теоретическому и типологическому обоснованию этого аппарата. В частности, в русском языкознании проблема членов предложения традиционно занимала важное место, начиная с теории типов предложения (основанной на классификации типов подлежащего и сказуемого), которая создавалась в исследованиях А. М. Пешковского¹³ и А. А. Шахматова¹⁴, и кончая учением о членах предложения¹⁵, типологией предложения¹⁶ и теорией диатез¹⁷. В отечественной лингвистике накапливался богатый эмпирический материал, формировались теоретические обобщения, значительно обогащавшие понимание сущности синтаксических отношений. Логика развития советского языкознания такова, что для него тот поворот, который наблюдается в американской лингвистике 70-х годов, является не сенсационным, а вполне естественным и предсказуемым.

К концу 60-х годов в американской лингвистике было на-

¹² Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса, с. 10.

¹³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1928, и др. изд.

¹⁴ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, Учпедгиз, М., 1941.

¹⁵ См. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1945; Члены предложения в языках различных типов, «Наука», Л., 1972.

¹⁶ См., например: Мещанинов И. И. Структура предложения. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1963; Эргативная конструкция в языках различных типов. «Наука», Л., 1967; Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. «Наука», М., 1973; Климов Г. А. Типология языков активного строя. «Наука», М., 1977.

¹⁷ См.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. «Наука», Л., 1969; Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогн. «Наука», Л., 1974.

коплено уже достаточно много аргументов в пользу мнения о несостоятельности той модели языка, которая была предложена Хомским, и одной из реакций на это явилась идея вновь обратиться к традиционным «членам предложения», то есть к синтаксическим отношениям¹⁸, как к инструменту внутриязыкового и межъязыкового описания.

Наиболее эксплицитно эта идея выразилась в новом направлении, получившем название «р е л я ц и о н н а я г р а м м а т и к а». Реляционная грамматика в узком смысле связана с исследованиями П. Постала, Д. Перлмуттера и Д. Джонсона, а также с работами все увеличивающегося круга их сторонников. Кроме того, ряд других лингвистов, не причисляемых к представителям «ортодоксальной» реляционной грамматики, стремится моделировать язык с использованием понятия синтаксического отношения и в связи с этим вскрыть внутреннюю языковую природу этого понятия (Ч. Филлмор, У. Чейф, Б. Комри, Э. Кинэн, Ч. Ли, С. Томпсон, П. Шахтер, Р. Ван Валин, Дж. Лакофф, Р. Диксон и др.).

Этот послетрансформационный период характеризуется тенденцией к *преодолению антиномии предтрансформационной и трансформационной лингвистики* и является, по существу, развитием как одной, так и другой линии.

2. Роль эмпирической базы в теоретических исследованиях. Трансформационная грамматика в теоретическом плане разрабатывалась почти исключительно на материале

¹⁸ Следует подчеркнуть соотносительность этих двух терминологических способов обозначения синтаксических единиц. В терминологии «членов предложения» внимание акцентируется на классифицирующих признаках синтаксических единиц, мыслящихся как размеченные позиции, места в предложении: позиция подлежащего, дополнения, обстоятельства и т. д., то есть речь идет о некоторых отрезках предложения, которым приписываются соответствующие синтаксические пометы. То, что такие пометы вырабатываются в значительной степени в зависимости от синтаксического окружения этих единиц, в данной терминологии не отражено. Напротив, в терминологии синтаксических отношений преобладает идея о предложении как о системе подчинительных связей и о том, что синтаксический статус подчиненной единицы определяется тем синтаксическим отношением, которым она связана с другими, подчиняющимися единицами: подлежащим, объектным, обстоятельственным и т. д. отношением. Итак, подлежащее есть конституирующий член подлежащего отношения, дополнение — объектного, обстоятельство — обстоятельственного и т. д. Эти два способа обозначения не являются взаимоисключающими, и всякий раз выбор может зависеть от того, какой аспект синтаксической структуры находится в фокусе внимания: позиционный или реляционный.

английского языка, хотя ей и приписывалась универсальная значимость. Именно попытки перенести ее механически на другие языки вызвали наиболее серьезные сомнения в ее адекватности. Послетрансформационную американскую лингвистику роднит с предтрансформационной повышенный интерес к языковым данным. Ее можно охарактеризовать как теорию, ориентированную на факты, в отличие от Стандартной теории, ориентированной на моделирование. При сохранении постулата о существовании универсальной грамматики (об этом см. ниже) ее ядро конструируется преимущественно не дедуктивно, а исходя из конкретной эмпирической базы. Поскольку универсальная грамматика мыслится не как пересечение (общая часть) всех грамматик естественных языков, а как исчисление альтернатив¹⁹, то естественно, что поиск этих альтернатив необходимо осуществлять в различных естественных языках, стремясь к максимальному разнообразию языковой базы. Поэтому английский иллюстративный материал в теоретических работах все в большей степени стал замещаться примерами из самых различных, зачастую впервые вводимых в лингвистический обиход языков. Это демонстрирует и указатель языков, помещенный в конце настоящего сборника. Существенно, однако, не количество упоминаемых языков, а стремление многих лингвистов-теоретиков достаточно глубоко проникнуть в суть нетривиальных фактов «нестандартных» языков, не укладывающихся в рамки привычных теорий²⁰.

¹⁹ К е е n E. The logical diversity of natural languages.— In: «Annals of the New York Academy of Sciences». Vol. 280, New York, 1976.

²⁰ В качестве примера можно привести глубокие исследования Э. Кинэна по малагасийскому языку (К е е n a n E. Relative clause formation in Malagasy (and some related and some not so related languages).— In: «The Chicago Which Hunt. Parasession from the relative clause festival». P. M. Peranteau et al. (eds.). CLS, Chicago, 1972; К е е n a n E. Remarkable subjects in Malagasy.— In: «Subject and Topic». Ch. Li (ed.). Academic Press, New York, 1976), П. Шахтера по тагальскому языку (S c h a c h t e r P., O t a n e s F. T. A Tagalog reference grammar. Univ. of California Press, Berkeley, 1972); Р. Ван Валина по языку лакота (V a n V a l i n R. Aspects of Lakhota syntax. Ph. D. Diss. University of California, Berkeley, 1977), Б. Комри по финскому, чукотскому и др. языкам (C o m r i e B. The antiertgative: Finland's answer to Basque.— In: «Papers from the 11th Regional Meeting». R. Grossman et al. (eds.). CLS, Chicago, 1975; C o m r i e B. Inverse verb forms in Siberia: evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal. Ms., 1977), Р. Диксона по языку дирбал и йдин (D i x o n R. M. The Dyirbal language of North Queensland. Cambridge University Press, Cambridge,

Не нужно долго доказывать, что такой метод лингвистической работы, претендующей на типологическую и универсальную значимость, способствует приближению теоретических обобщений к лингвистической реальности, к «природе языка». Ведь наблюдающийся еще разрыв между теоретической и описательной лингвистикой не идет на пользу ни той, ни другой. Оторванная от языковых фактов теория оказывается беспомощной при столкновении с непредусмотренными языковыми данными, а оторванное от творчески развиваемой теории описательное языкознание вынуждено, как правило, довольствоваться приспособлением к своему материалу случайных грамматических представлений, что неизбежно приводит к их фетишизации и тем самым к искаженной интерпретации данных, а также, что особенно опасно, к маскировке неадекватной терминологией различных уникальных явлений, знание которых могло бы оказать решающее влияние на изменение существующих грамматических представлений.

Осознание этой взаимозависимости и стремление сблизить теоретическую и описательную лингвистику является характерным свойством послетрансформационного периода, о чем свидетельствует, в частности, появление проекта типологической анкеты, задуманной как теоретическая основа для описательных исследований, претендующих на общелингвистическую значимость²¹.

Сказанное не означает, что в американских работах послетрансформационного периода изжиты указанные пороки (в теоретических построениях наблюдается и игнорирование важных языковых контрпримеров, и поверхностный анализ данных), но сам факт серьезного интереса к эмпирической базе следует считать положительным и перспективным сдвигом.

3. Лингвистическая теория и формализация. Если трансформационная лингвистика видела успех своей деятельностью в развитии формального аппарата лингвистического описания, то лингвистика послетрансформационная характеризуется нарочитым отказом от использования формализмов. Со страниц лингвистических работ почти полностью исчезли синтаксические деревья, без которых ранее не

1972; Dixon R. M. W. A grammar of Yidin. Cambridge University Press, Cambridge, 1977).

²¹ Comrie B., Smith N. Lingua descriptive studies: questionnaire.— In: «Lingua», vol. 42, № 1, 1977.

обходилась почти ни одна статья по синтаксису. Такую тенденцию Дж. Лакофф обосновывает следующим образом: «Недостаток формальных теорий состоит в том, что они охватывают только те факты, с которыми может иметь дело данный способ формализации. В настоящий момент любое описание языка, которое тесно связано с некоторой формальной теорией, не в состоянии описать большинство явлений, имеющих в языке. Более того, когда формальные теории устаревают — а срок их жизни постоянно сокращается, — то описания экзотических языков, построенные на основе этих теорий, во многом теряют смысл»²². Именно стремление охватить как можно больше нетривиальных фактов и понять их функциональную природу привело к столь заметному снижению уровня формализации. В настоящем сборнике попытка связать теорию с формальным аппаратом представлена только в работах П. Постала и Д. Перлмуттера («К универсальной характеристике трансформации пассивизации» и «Закон единственности продвижения именных групп в позицию подлежащего»). Следует отметить, что все их утверждения можно было бы выразить, не прибегая к реляционным сетям, как это делает, в частности, Д. Джонсон («О реляционных ограничениях на грамматики»). Однако использование реляционных сетей является, по-видимому, оправданным не потому, что они позволяют глубже проникнуть в суть явлений, а в силу их наглядности. Такую же иллюстративную функцию имеют схемы Р. Ван Валина и У. Фоли в статье «Референциально-ролевая грамматика».

Отказ от использования формальных средств в лингвистических текстах не означает отказа от формализации мышления. Опыт трансформационной грамматики не пропал даром: лингвисты научились различать «внутренний язык» исследователя и «внешний язык» описания. Статьи данного сборника показывают, в частности, что «внутренний» мир формальных представлений, более или менее близких к аппарату трансформационной грамматики, для большинства авторов все же существует, но само описание не загромождается формализмами, коль скоро всю необходимую информацию можно выразить и без них.

4. Проблема универсальной грамматики. Послетрансфор-

²² Из интервью Дж. Лакоффа, опубликованного в: «Discussing language». Paret G. (ed.), Mouton, The Hague, 1974, p. 152.

мационная лингвистика унаследовала постулат Хомского о существовании универсальной грамматики и универсализм Дж. Гринберга ²³, однако внесла в них новое содержание. Речь стала идти не столько о поиске субстанциональных и/или формальных универсалий, сколько о создании единого, универсального понятийного аппарата лингвистики, который должен отображать принципиально универсальное устройство естественных языков. В лингвистике давно уже испытывается острая неудовлетворенность из-за отсутствия определений самых необходимых, самых обиходных понятий, начиная с понятия «язык» и кончая понятиями «предложение» и «слово». Не лучше обстоит дело с разграничением основных уровней языка — фонетики, морфологии, синтаксиса и семантики.

В рамках тематики, представленной в настоящем сборнике, одной из центральных проблем стала проблема универсального определения подлежащего. Универсальный подход к проблеме подлежащего может означать: а) презумпцию универсальности соответствующей единицы и отнесение ее к числу исходных, неопределяемых сущностей, или б) презумпцию универсальности соответствующей единицы и попытку ее единого определения, или в) презумпцию универсальности потенциального множества свойств, которыми может обладать соответствующая единица, если она существует в некотором языке, и попытку обнаружения этих свойств.

В литературе представлены все три подхода (см. подробнее ниже). Здесь уместно будет указать на опыт универсального определения подлежащего, предложенного Э. Кинэном в статье «К универсальному определению „подлежащего“». Собственно говоря, определения в привычном смысле слова у Кинэна не только нет, но оно даже и не предполагается. Вместо этого Кинэн использует так называемый многофакторный подход — выделяет такие свойства подлежащих, которые, как правило, обнаруживаются у них в так называемых базисных предложениях. Ни одно из этих свойств само по себе не является ни необходимым, ни достаточным. На множестве этих свойств задается отношение

²³ См.: Greenberg J. (ed.). *Universals of language*. Cambridge, 1966 (русский перев.: «Новое в лингвистике», вып. V. «Прогресс», М., 1970), а также периодическое издание Стенфордского университета «Working papers on language universals».

подлежащеподобности: максимально приближаются к идеальному подлежащему такие единицы, которые обладают всеми потенциальными свойствами подлежащих, максимально далеки от идеального подлежащего единицы, не имеющие никаких свойств подлежащих. Иными словами, имеется шкала подлежащеподобности, что и объясняет неразрешимость проблемы единого определения подлежащего для всех предложений языка и для всех языков. Тем самым универсальность языковой единицы переносится на шаг вглубь: подлежащее в каждом конкретном языке и даже в разных предложениях одного языка есть конфигурация свойств, поэтому две единицы, которые обычно называются подлежащими, и не должны быть функционально эквивалентны. Универсальным является первичный по отношению к подлежащему инвентарь свойств и способы их потенциального комбинирования друг с другом.

Кинэн не дает окончательного определения подлежащего, но намечает интересный путь, по которому следовало бы идти. Кроме того, он показывает, почему не увенчался успехом лобовой штурм данного понятия, исходящий из презумпции о тождественности подлежащего самому себе во всех случаях. Можно ожидать, что применение такой «техники» определения к другим лингвистическим понятиям позволило бы в известной степени продвинуть вперед понимание стоящих за ними объектов, а также прояснить причину предшествующих неудач.

Итак, идея универсальной грамматики в современном понимании несколько не умаляет разнообразия естественных языков, наоборот, она способствует привлечению особенно пристального внимания к этому разнообразию. Кроме того, она дает шанс увидеть за этим разнообразием то единство, в которое пока что приходится только верить.

5. Типология. При том понимании универсальной грамматики и универсалий, о котором говорилось выше, типология перестает быть индуктивной классификационной схемой, а становится частным, хотя и очень важным разделом универсальной грамматики, в котором должны быть систематизированы *реализующиеся* в естественных языках *универсальные принципы* построения языковой структуры. В области синтаксиса главной типологической проблемой является проблема типов конструкций предложения. Что касается представителей трансформационной грамматики, то их эта проблема, по понятным причинам, несколько не

волновала. В 70-е годы, напротив, наблюдается резко возрастающий интерес к проблемам типологии предложения, абсолютно новым для американской лингвистики, но классическим для нашего отечественного языкознания, уделявшего значительное внимание изучению противопоставления *номинативных VS эргативных* языков ²⁴.

Примечательно, что эргативные языки стали почти что проблемой номер один в типологической западной литературе 70-х годов ²⁵. То, что эргативность оказалась в центре внимания, не является случайным. Дело в том, что, коль скоро предпринимается попытка осмыслить универсальный статус таких синтаксических отношений, как подлежащее, прямое дополнение и т. д., сразу же приходят на ум эргативные языки, в которых «совмещение двух, казалось бы, несовместимых позиционных функций (субъекта и прямого объекта) в одном падеже и существование двух параллельных падежей в единой функции субъекта противоречит глубоко укоренившимся взглядам на основные падежи и их синтаксические функции» ²⁶. Иными словами, универсальный подход к теории синтаксических отношений необходимым образом предполагает учет фактов эргативных языков. Хотя эргативная проблематика непосредственно не отражена в настоящем сборнике (она могла бы составить предмет отдельной книги), отголоски ее проявляются в ряде статей (см., например, влияние явления эргативности на исследование прагматических оснований грамматических категорий у Бехерта, рассуждения Э. Кинэна и Б. Комри о

²⁴ См., например: К а ц н е л ь с о н С. Д. К генезису номинативного предложения. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1936; М е щ а н и н о в И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. «Наука», Л., 1967; К л и м о в Г. А. Очерк общей теории эргативности. «Наука», М., 1973, см. также исторический обзор типологических исследований в советском языкознании: К л и м о в Г. А. Из истории типологических исследований в СССР (20—40-е гг.). «Наука», М., 1981.

²⁵ Отметим лишь наиболее фундаментальные публикации: международный сборник: P l a n k F. (ed.). *Ergativity. Towards a theory of grammatical relations*. Academic Press, 1979 с богатейшей библиографией, учитывающей как зарубежную, так и советскую лингвистику; C o m r i e B. *Ergativity*.— In: "Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language". W. P. Lehmann (ed.). The Harvester Press, Sussex, 1978; T c h e k h o f f C. *Aux fondaments de la syntaxe: l'ergatif*. Presses Universitaires de France, 1978; D i x o n R. M. W. *Ergativity*.— In: "Language", Vol. 55, No. 1, 1979; V a n V a l i n R. *Grammatical relations in ergative languages*, Ms., 1980.

²⁶ К а ц н е л ь с о н С. Д. Типология языка и речевое мышление. «Наука», Л., 1972, с. 68.

подлежащем отношении в австралийском языке дирбал («Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика»), специальные оговорки Джонсона о трудностях, связанных с приложением реляционной грамматики к эргативным языкам, и др.).

В целом типологические интересы современной зарубежной лингвистики близки и созвучны сложившейся проблематике нашего отечественного языкознания, имеющего в этом отношении бесспорный приоритет.

6. Функционализм. Причину сущностного единства человеческого языка естественно искать не в едином инвентаре формальных ограничений на возможные грамматики, а в единстве языковой функции (то есть в единстве функциональной обусловленности структуры языка). Такой взгляд на природу универсальной грамматики неизбежно приводит не только к идее о первичности семантики по отношению к прочим уровням языковой структуры, но и к обращению к прагматике — той сфере, которая долго считалась для лингвистов запретной территорией. И в этой области послетрансформационная американская лингвистика в известной мере встала на путь, задолго до того намеченный в европейском языкознании (достаточно будет вспомнить пражский функционализм).

Функциональная направленность рассматриваемого периода явным образом была провозглашена в специальной конференции по функционализму, проведенной Чикагским лингвистическим обществом²⁷. В несколько заостренной форме точку зрения функционального подхода к синтаксису выразил участник этой конференции С. Куно: «Среди приверженцев порождающей грамматики широко распространено убеждение о том, что лингвистическими явлениями управляют главным образом строго формулируемые синтаксические условия, а взаимодействующие с синтаксисом факторы, такие, как представления о мире, в котором человек существует, пресуппозиции, влияние дискурса, стратегия восприятия и т. д., в лучшем случае играют лишь незначительную роль при создании предложений различной степени правильности и приемлемости. Многие считают несинтаксические объяснения грехом, в который можно власть лишь тогда, когда все попытки точных синтаксичес-

²⁷ См.: Grossmann et al. (eds.), Papers from the parasession on functionalism. CLS, Chicago, 1975.

ких формулировок оказались безуспешными, и полагают также, что несинтаксические факторы, которые не могут быть точно сформулированы, не представляют особой ценности для теории грамматики». С. Куно ставит своей целью «показать, что широкий круг лингвистических явлений в действительности определяется в основном несинтаксическими факторами, которые отводят синтаксису, если ограничить его лишь строго формулируемыми трансформациями и условиями, весьма скромную и неинтересную роль»²⁸.

Функциональный метод исходит из презумпции функциональной обусловленности языковой формы. Эта презумпция находит свое выражение в постулате, что различие формы служит для различения значений. Принятие такого постулата, в частности, требует углубления анализа таких конструкций и единиц, которые с точки зрения «денотативного» значения являются свободно распределенными, то есть требует продолжения поисков истинных причин языковой синонимии. Принятие такого постулата вынуждает также к объяснению причин существования языковых единиц, которые не имеют очевидного «денотативного» значения. И, как правило, эти причины оказываются связанными с коммуникативной функцией языка. Так, проблема подлежащего тесно переплетена с проблемой темы, хотя долгое время эти понятия существовали независимо и даже противопоставлялись, с проблемой референции, с проблемой коммуникативной организации информации (подробнее см. ниже), то есть с такими значениями, которые в «денотативно-ситуационную» семантику не включаются. В настоящее время наблюдается настоящий штурм всевозможных языковых «казусов» (т. е. таких структурных компонентов, само существование которых представляется загадочным и немотивированным) с точки зрения функциональной перспективы. Примером такого рода исследования является статья Бехерта, в которой делается попытка объяснить прагматическими факторами сосуществование в различных языках в пределах некоторого фрагмента языковой системы фиксированных комбинаций конкретных значений грамматических категорий (так называемые избирательные средства) и отсутствие других, «обратных» комбинаций. Сходной

²⁸ K u n o S. Three perspectives in the functional approach to syntax.— In: Grossmann et al. (eds.). Op. cit., p. 276.

по духу является работа А. Вежбицкой²⁹, в которой дается прагматическое объяснение «расщепленной падежной кодировки», наблюдающейся во многих языках (имеется в виду наличие различных падежных подсистем для имен разных классов, например личных местоимений и существительных). Так называемая «референциально-ролевая грамматика» Ван Валина — Фоли стремится явным образом «встроить» в общую модель языка прагматический компонент, без которого отдельные его части оказываются несводимыми воедино.

Итак, мы бегло охарактеризовали тот общенаучный контекст, из которого извлечены предлагаемые вниманию советского читателя работы. Не все они в равной мере соответствуют данной выше усредненной характеристике. Их объединяет тем не менее определенное тематическое единство, к сути которого мы и переходим.

II. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ИХ ФУНКЦИИ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

1. **Типы членений.** В лингвистике издавна осознавалось, что отношения, существующие между синтаксическими элементами предложения, могут иметь различную природу и что, более того, один и тот же элемент может *одновременно* быть членом *нескольких* различных отношений. Вспомним традиционное троичное противопоставление субъектов: грамматический — логический — психологический³⁰. В этом противопоставлении выделялось три классификационных сечения или, в иной терминологии, членения (грамматическое, логическое, психологическое), а наименование «субъект» обозначало лишь одну (из нескольких) единицу в каждом членении. Как стало ясно впоследствии, один и тот же термин «субъект» в разных членениях отражал тот факт, что в каждом членении имелся в виду наиболее выделенный, главный член, т. е. элементы всех членений интуитивно ощущались иерархически упорядоченными.

²⁹ Wierzbicka A. Case marking and "Human nature". Ms., 1980.

³⁰ См.: Шахматов А. А. Цит. соч., с. 21 и сл., а также статью У. Чейфа в наст. сборнике.

Эту традиционную классификацию в настоящее время можно (с некоторыми оговорками) следующим образом соотнести с современным пониманием типов членений, или типов «осей», по терминологии А. Тимберлейка (см. его статью «Косвенно-объектные контролеры рефлексивизации в русском языке» в наст. сборнике): грамматическое членение соответствует системе синтаксических отношений, или синтаксической оси, логическое — внешнеситуационным отношениям (таким, как «глубинные падежи» Филлмора), или ролевой оси, психологическое — коммуникативным отношениям, или коммуникативной оси. Кроме того, необходимо выделить особый тип отношений — референциальные³¹ (эти отношения классифицируют способ соотнесения языковых единиц с объектами внешнего мира или с представлениями об этих объектах).

Из этих четырех членений наиболее явным образом соотнесено со структурой наблюдаемых предложений синтаксическое членение. Именно оно и составляло реляционный каркас классической грамматики, и именно для него существует наиболее разработанная и привычная терминология. Что касается других членений, то языковые средства их выражения не поддаются сколько-нибудь строгому учету, и это препятствует однозначному выявлению пар типа такое-то отношение ↔ такие-то кодирующие средства. Более того, чаще всего дело обстоит таким образом, что своих специфических средств выражения эти отношения не имеют, что они, как правило, выражаются совмещающими формами (то есть формами, имеющими одновременно несколько функций). Известен, например, тот факт, что грамматический, логический и психологический субъекты часто выражаются в одной и той же форме именительного падежа, хотя диагностичны для их выделения именно случаи их независимого проявления, доказывающие, что все-таки мы имеем дело не с одной, а с двумя или тремя сущностями.

³¹ Данный список не является полным. Видимо, немаловажную роль играют в структуре предложения также действительные отношения (отношения, связывающие компоненты высказывания с координатами, задаваемыми ситуацией акта речи), хотя в статьях данного сборника им не уделено должного внимания. См. о дейксисе: Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол.— В сб.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». «Наука», М., 1972; Fillmore Ch. Santa Cruz lectures on deixis. Indiana University Club, 1975.

Благодаря своей как бы большей наблюдаемости синтаксические отношения являются отправной точкой в изучении отношений как в традиционной лингвистике, так и в американской лингвистике 70-х годов. Мы выделим два основных подхода к изучению синтаксических отношений: 1) «реляционный»³² подход, исходящий из идеи универсальности и первичности синтаксических отношений (реляций) и ставящий своей целью извлечь из этой идеи как можно больше полезных обобщений; 2) функциональный подход, ставящий своей целью вскрыть природу синтаксических отношений.

Обратимся прежде всего к существованию первого подхода.

2. Реляционная грамматика. В самом начале 70-х годов П. Постал и Д. Перлмуттер приступили к разработке оснований новой концепции базовой синтаксической структуры, которая, в отличие от модели Хомского, непосредственно использует понятие синтаксического отношения. В 1974 году они выступили с циклом лекций по реляционной грамматике в Summer Institute of Linguistics, и с тех пор популярность этого направления стала неуклонно расти. К сожалению, последовательное авторское изложение концепции Постала — Перлмуттера отсутствует, но о ней можно составить представление по публикуемой в сборнике работе Д. Джонсона (ученика и затем коллеги Постала) и по фрагментам работ Постала и Перлмуттера, посвященным применению их концепции к некоторым конкретным проблемам.

В реляционной грамматике основное внимание уделяется не процедуре отождествления синтаксических отношений в предложении и не проблеме выявления их сущности. Эти отношения считаются заданными, универсальными и никак не определяются. Не обосновывается и состав отношений, которые делятся на термовые: подлежащее, прямое и не прямое дополнение (им присваиваются цифровые обозначения — 1, 2, 3 соответственно) и нетермовые — косвенные дополнения (модифицируемые при необходимости семантически: локатив, бенефактив, цель и т. д.) и так называемый шомёр³³ (от франц. *chô-*

³² О соотношении терминов «отношение» — «реляционный» см. сноску на стр. 38—39.

³³ Соотношение этих терминов с традиционно выделяемыми членами предложения следующее: объем понятий подлежащего и прямого дополнения совпадает с объемом соответствующих традиционных поня-

тему 'безработный'). Ценность реляционной грамматики видится не в классификации отношений. Эта классификация — лишь отправная точка для основных утверждений о языке, составляющих главную цель реляционной грамматики. Предполагается, что если эти утверждения будут достаточно содержательными, объяснительными и простыми, то этим будет оправдана кажущаяся произвольность исходных неопределяемых объектов и именно это и будет служить как бы их «определением постфактум».

Реляционная грамматика делит все процессы, происходящие при деривации предложения, на меняющие и не меняющие первоначальные (исходные) отношения (шомёр к исходным отношениям не относится). В центре внимания находятся те процессы, при которых происходят те или иные изменения отношений, хотя и процессы, не меняющие отношений, также описываются при помощи реляционных ограничений. Суть шомёра, специфического терминологического новшества реляционной грамматики, состоит в том, что это производная синтаксическая единица: такой статус приобретают в процессе деривации термы (члены термовых отношений), которые были вытеснены со своих позиций (например, агентивное дополнение при пассиве, считающееся «вытесненным» исходным подлежащим). На множестве отношений постулируется реляционная иерархия: $1 < 2 < 3 <$ косвенные дополнения, шомёр, соответствующая, вообще говоря, традиционному представлению об относительной значимости членов предложения.

Таков набор основных исходных понятий. Следует отметить, что таксономия этих понятий согласуется в значительной мере с лингвистической традицией, а формальная запись структуры предложения — реляционные сети — очень напоминает дерево зависимостей (если отвлечься от того, что вершиной реляционной сети является не глагол, а символ предложения).

Исходные понятия реляционной грамматики нужны для формулирования законов и принципов, которые регламен-

тий (по крайней мере на поверхностном уровне), непрямому дополнению соответствует также традиционное косвенное дополнение, которое имеет значение адресата действия и выражается обычно дативом (например, *давать — кому*), косвенные дополнения в реляционной грамматике соответствуют традиционным косвенным дополнениям и обстоятельствам; шомёрам в традиционной грамматике также соответствуют косвенные дополнения.

тируют синтаксические процессы конкретных языков и способны предсказывать возможность/невозможность/необходимость тех или иных процессов, ориентированных на синтаксические отношения. Эта ориентация может быть связана с реляционными свойствами той единицы, которая предопределяет характер синтаксического процесса (такая единица называется контролером (controller) данного процесса), и единицы, которая подвергается действию процесса (она называется жертвой (victim) процесса).

Из синтаксических процессов, меняющих синтаксические отношения, наиболее распространенным и очевидным является процесс пассивизации. В отличие от конфигурационного описания пассива в трансформационной грамматике, неотделимого от соответствующей синтаксической техники конкретных языков, пассивизация в реляционных терминах складывается из двух правил: $2 \rightarrow 1$ и $1 \rightarrow \text{шомёр}$, утверждающих, что 1) прямое дополнение (контролер процесса) приобретает статус подлежащего, 2) исходное подлежащее (жертва процесса) вытесняется со своей позиции и оказывается шомёром. При этом выясняется, что в одних языках ведущим является правило $2 \rightarrow 1$, а правило $1 \rightarrow \text{шомёр}$ следует из него автоматически (например, английский язык), а в других ведущим является правило $1 \rightarrow \text{шомёр}$, в то время как правило $2 \rightarrow 1$ может и не применяться (так, например, интерпретируются пассивные предложения северорусских диалектов *У меня было теленка зарезано*, что значит 'Теленок был мной зарезан', где прямое дополнение теленка не перешло в позицию подлежащего³⁴). Несмотря на возникшие ожесточенные споры об универсальном статусе этих правил и об универсальности их соотношения³⁵, сама возможность таких споров появи-

³⁴ См.: Timberlake A. Subject properties in North Russian passive.—In: «Subject and topic». Ch. Li (ed.). Academic press, New York, 1976.

³⁵ См.: Keenan E. Some universals of passive in relational grammar.—In: «Papers from the 11th Regional meeting». R. Grossmann et al. (eds.), CLS, Chicago, 1975; Comrie B. In defense of spontaneous demotion: the impersonal passive.—In: «Syntax and semantics», vol. 8, Grammatical relations, P. Cole, J. Sadock (eds.). 1977; Perlmutter D., Postal P. Toward a universal characterization of passivization.—In: «Proceedings of the 3rd annual meeting». K. Whistler et al. (eds.). BLS, 1977.

лась лишь после того, как пассив стал определяться через синтаксические отношения ³⁶.

Из синтаксических процессов, не меняющих синтаксические отношения, универсально значимым является процесс р е л я т и в и з а ц и и, то есть образования относительных групп ³⁷. Продуктивность опоры на синтаксические отношения при построении типологии стратегий релятивизации была показана в работе Э. Кинэна и Б. Комри «Иерархия доступности и универсальная грамматика» (см. наст. сборник), первый вариант которой появился в 1972 году. Авторы этой работы независимо от исследований Перлмуттера и Постала сформулировали так называемую И е р а р х и ю д о с т у п н о с т и, очень близкую к Реляционной иерархии, с помощью которой попытались объяснить реально существующие во многих языках ограничения на синтаксический статус именной группы, подвергающейся релятивизации, и статус именной группы, контролирующей релятивизацию. Общая идея Иерархии доступности (иерархического упорядочивания синтаксических отношений) состояла в том, что чем более высокий ранг синтаксического отношения имеет некоторая именная группа, тем она «доступнее» для правила релятивизации.

Принципы и законы реляционной грамматики привлекают лингвистов тем, что, во-первых, они делают сопоставимыми данные различных языков, что позволяет, например, говорить о релятивизации в таких терминах, которые отвлечены от всей специфики конкретного кодирующего аппарата, варьирующего от языка к языку и на определенном этапе такого сравнения нерелевантного; во-вторых, они дают в руки описательной лингвистики некоторый ориентир, обеспечивающий возможность эффективно «открывать» синтаксическую структуру языка; в-третьих, они позволяют оценивать степень типологической достоверности тех или иных интерпретаций (см., например, аргументацию Тимберлейка при обсуждении вопроса о статусе контролеров русской рефлексивизации: Тимберлейк при отборе интерпретаций исходит из того факта, что с точки зрения реля-

³⁶ Высказывается также точка зрения о несинтаксической природе пассива, см., например, статью Шахтера в наст. сборнике, а также B r e s n a n J. The passive in lexical theory. Occasional paper 7. Center for cognitive science. MIT, Cambridge, (Mass.), 1980.

³⁷ Об этом термине см. примечание на стр. 112.

ционной грамматики правдоподобна не всякая модель языковой структуры).

3. **Неполнота реляционной грамматики.** Вместе с тем реляционная грамматика вызывает серьезные критические замечания. Первое замечание касается нерешенности вопроса о месте реляционных сетей в глобальной модели языка. Как соотносится синтаксический компонент, которым всецело и занимается реляционная грамматика, с семантикой? Откуда берутся синтаксические отношения? Коль скоро реляционная грамматика мыслится как универсальная модель, то на чем покоится убеждение об универсальности синтаксических отношений?

Говоря об «эмпирической интерпретации» синтаксических отношений, Перлмуттер и Постал ограничиваются кратким указанием, что она «универсально определяется принципами, учитывающими семантические роли» (наст. сборник, с. 79). Однако о том, каковы эти принципы, ничего конкретного не сообщается, и можно лишь мысленно уподобить их правилам «первичной топикализации» Филлмора (соотносящим один из аргументов предиката с позицией подлежащего). Попытку связать реляционный синтаксис с семантикой делает Роудз³⁸, однако в этом вопросе остается много неясного. Что касается постулата об универсальности синтаксических отношений, то ряд статей данного сборника явным образом ставит его под сомнение. Действительно, «то, что язык может быть способен обходиться без подлежащих, весьма нетрудно представить себе тому, кто знаком с так называемой падежной грамматикой»³⁹, позволяющей допустить существование языков, в которых такие семантические роли, как агенс, пациенс, экспериенцер, стимул, реципиент, инструмент и т. п., однозначно выражаются поверхностными формами. В таких языках естественным образом отсутствуют правила, меняющие способ кодирования именных групп (в частности, залоговые преобразования), хотя синтаксические правила, не меняющие синтаксических отношений, не исключены (например, рефлексивизация, глагольное согласование). Эти правила тоже могут иметь ограничения на характеристики

³⁸ R h o d e s R. Semantics in a relational grammar.—In: «Papers from the 13th Regional meeting». W. A. Beach et al. (eds.). CLS, Chicago, 1977.

³⁹ P l a n k F. Reconstructing the concept of subject. Ms., 1980.

контролеров и жертв. Но должны ли они формулироваться и в этих языках в терминах синтаксических отношений? Если да, то есть основания ожидать, что при этом произойдет искусственное размножение объектов и прямое описание через семантические сущности будет заменено описанием через вторичные понятия — синтаксические отношения. Если нет, то тезис об универсальности реляционной грамматики подрывается и сфера ее применимости ограничивается языками с косвенным выражением семантических отношений. Действительно, класс языков с прямой кодировкой семантических отношений с достаточной достоверностью обнаружен (это семантически эргативные, семантически аккумулятивные и активные языки ⁴⁰), и его существование доставляет реляционной грамматике серьезные неприятности.

Наконец, вопрос о том, почему языки мира подчиняются именно таким реляционным законам, а не другим, остается за пределами реляционной грамматики, поскольку ответ на него, скорее всего, должен был бы потребовать столь кардинального пересмотра ее исходных допущений, что она не осталась бы тождественной самой себе.

4. Функциональный подход к синтаксическим отношениям. Этот подход не ставит своей непосредственной целью предложить некоторую конкурентоспособную модель языка, а изыскивает способы познать функциональную природу синтаксических отношений, и в первую очередь подлежащего как главного отношения на синтаксической оси. Эти способы могут быть различными.

П. Шахтер (см. его статью «Ролевые и референциальные свойства подлежащих»), подвергнув тщательному анализу один из филиппинских языков — тагальский, приходит к убеждению о «расщепимости» функций подлежащего: по его мнению, типичные подлежащие свойства контролеров и жертв в различных синтаксических процессах и окружениях в тагальском языке расщеплены между различными сущностями — актором (протагонистом, главным героем

⁴⁰ См. К и б р и к А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках.— Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980, № 4; К и б р и к А. Е. Эталон эргативности и дагестанские языки.— «Публикации ОСиГЛ», Изд-во МГУ, М., 1980; Van Valin E. Ergativity and the universality of subjects.— In: «Papers from the 13th Regional meeting». W. A. Beach et al. (eds.). CLS, Chicago, 1977.

ситуации) и топиком (именной группой, обладающей презумпцией референтности). Актор участвует в таких процессах, как образование императива, рефлексивизация, эллипсис в инфинитивных дополнениях (трансформация Экви — Equi-NP-Deletion) и линеаризация, а топик — при релятивизации, свободном перемещении кванторов, образовании экзистенциальных предложений. Иными словами, свойства, которые в одних языках совмещены в одной составляющей — подлежащем, в филиппинских языках принадлежат разным составляющим. По Шахтеру, именно в филиппинских языках реализуется наиболее простое состояние, позволяющее увидеть, что стоит за подлежащим подлежащих языков.

Если Шахтер восходит к универсальному понятию подлежащего, наблюдая один из конкретных языков, то многофакторное определение Э. Кинэна («К универсальному определению “подлежащего”») является, напротив, типологическим: собираются вместе всевозможные свойства, которые могут быть присущи подлежащему в разных языках.

Ч. Ли и С. Томпсон в своей, также типологической, статье («Подлежащее и топик: новая типология языков») исходят из неуниверсальности подлежащего и противопоставляют его топикку. Близка к ним позиция М. Нунэна («О подлежащих и топиках»). У. Чейф («Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения») выстраивает ряд референциальных и коммуникативных (упаковочных — *packaging*) отношений, смежных в отношении подлежащности. Рассмотрим подробнее связь подлежащего с единицами несинтаксических членений.

5. Подлежащее и смежные понятия. Прежде всего, большинство исследователей согласно с тем, что синтаксические отношения являются отражением на синтаксическом уровне аргументных семантических (= ролевых) отношений. Так, подлежащее обычно соотносится с семантической ролью агенса или экспериенцера, а при отсутствии таковых в пропозиции — с ролью пациенса. Прямое дополнение обычно соотносится с ролью пациенса, не прямое дополнение (датив) — с ролью адресата-реципиента, а косвенные дополнения — с прочими семантическими отношениями (бенефактивом, инструментом, локативом и др.). Это соотношение выражается не только в соответствующем размещении семантических ролей по синтаксическим позициям, но и в том, как далее проявляют себя

синтаксические отношения в различных синтаксических контекстах и процессах. Таким образом, оказывается возможным объяснить некоторые ограничения на синтаксические контексты и процессы не в терминах синтаксических отношений, а непосредственно в терминах семантических ролей. Однако еще Филлмор наглядно продемонстрировал, что в языке имеется множество отклонений от указанного типичного соответствия между семантическими и синтаксическими отношениями. Это объясняется тем, что синтаксические отношения вступают также в корреляции с отношениями, находящимися на других осях.

Остановимся сперва на коммуникативных отношениях, которые относятся скорее не к концептуальной (внешнеситуационной) информации, а к способу ее «упаковки»: они задают, так сказать, маршрут изложения ситуации.

Важнейшее место среди коммуникативных отношений принадлежит топику (см. подробнее ниже): неоднократно высказывалось мнение, что подлежащее — это (исторически) грамматикализованный топик. О глоттогенезе подлежащих и топиковых языков специально пишут Ли и Томпсон.

Кроме того, к коммуникативным отношениям можно отнести понятия *перспективы* Филлмора⁴¹, *прагматического пика* Ван Валина и Фоли, *ориентации* Нунэна, *точки зрения (эмпатии)* Чейфа. Взаимодействие синтаксических и коммуникативных отношений проявляется, в частности, в том, что распределение семантических ролей по синтаксическим позициям осуществляется в значительной мере под влиянием коммуникативных факторов.

Наконец, немаловажное значение для понимания функций синтаксических отношений имеют референциальные отношения. В списке свойств подлежащего Кинэна референциальные признаки занимают почетное место. Инвентарь референциальных отношений не является вполне установленным⁴², но можно указать такие статусы элементов высказывания, как данное/новое, определенность (конкретно-референтность), контрастивность (о них

⁴¹ Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь.— В сб.: «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X.

⁴² См. по этому поводу: А р у т ю н о в а Н. Д. Номинация и текст.— В сб.: «Языковая номинация». «Наука», М., 1977; П а д у ч е в а Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. НТИ, 1979, № 9.

подробно говорится в статье Чейфа). Существенным для подлежащего оказывается также способ задания референтности (автономная VS зависимая референтность, абсолютная VS относительная референтность, презумптивная референтность, см. статью Кинэна в наст. сборнике), а также референциальные характеристики лексем, предопределяемые их словарным значением⁴³.

6. Неоднозначность подлежащего. Таким образом, вырисовывается примерно следующая картина: уровень синтаксических отношений в тех языках, где он действительно существует, является формальным уровнем, на который в значительной степени отображаются свойства единиц других членений (семантического, коммуникативного, референциального, дейктического). Одна и та же синтаксическая единица (например, подлежащее) не только в разных языках, но и в одном языке (в различных контекстах) может объединять различные конфигурации этих свойств. Некоторые из таких конфигураций более устойчивы — они и образуют типичные свойства синтаксических единиц, другие являются случайными, произвольными, характеризующими узус, а не систему. Обычно, когда говорят о синтаксических единицах, наибольшее внимание уделяют подлежащему, благодаря чему неоднозначность этого понятия вскрыта в наибольшей степени. Однако наряду с такой «природной» неоднозначностью подлежащего приходится еще иметь дело и с неоднозначностью взглядов некоторых исследователей на этот объект. Так, например, определение Чейфа, сводящееся к традиционному «то, о чем говорится в предложении», не кажется особенно удачным. В такой трактовке это скорее упаковочная категория, близкая к понятию топика других исследователей, например Кинэна («объект, о котором сообщает говорящий») и темы в терминологии, принятой в теории функциональной перспективы (актуального членения).

Различие во взглядах на подлежащее связано, как говорилось выше, с презумпциями, лежащими в основе этих взглядов. Перлмуттер — Постал — Джонсон исходят из того, что подлежащее и другие синтаксические отношения суть синтаксические примитивы и исследоваться должны

⁴³ См.: Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978, № 4, где различаются «я»-предложения, «локус»-предложения и «классические» номинативно-глагольные предложения.

не они, а связанные с ними процессы. Чейф полагает, что подлежащее — это единая и универсальная категория, которой может быть дано единое определение. Наконец, большинство других исследователей (Филлмор, Кинэн, Шахтер, Ван Валин и др.⁴⁴) рассматривают подлежащее как вторичную сущность, определяемую в терминах некоторых других, более элементарных свойств или отношений. Подводя итог попыткам объяснения природы подлежащего, можно констатировать, что единая теория с единой терминологией на сегодняшний день еще не выработана и что создание такой теории является задачей будущего.

7. Неоднозначность топики. Легко заметить, что термин «т о п и к» весьма близок к принятому вслед за пражской школой термину «тема», однако по ряду причин в настоящем сборнике сохранен термин оригиналов. Во-первых, «топиковая» и «темовая» лингвистические традиции развиваются в значительной степени независимо. Во-вторых, имеется ряд явных расхождений в использовании термина «топик» различными американскими лингвистами, а кроме того, иногда та же сущность называется другими терминами. В-третьих, само понятие «тема», видимо, не является первичным, а наподобие «подлежащего» лежит на пересечении более элементарных понятий. Она характеризуется обычно⁴⁵ как «исходный пункт высказывания», «отправная точка» (ср. понятие «подлежащее» у Чейфа), носительница «данного» (ср. «данное» у Чейфа), «актуально менее значимая, чем ремá», часть предложения (т. е. нечто противоположное топику как «центру внимания» у Ли — Томпсон и «фокусу интереса» Зубина — Ван Валина — Фоли). Как думается, с этим связаны большие практические трудности в однозначном нахождении темы в реальных текстах.

Наиболее подробно раскрывают свое понимание топики Ли и Томпсон (в публикуемой в наст. сборнике статье). Они описывают свойства топики в оппозиции к свойствам подлежащего и выделяют семь таких свойств, неоднородность и производность которых очевидна: 1) определенность (это референциальное, а не коммуникативное от-

⁴⁴ См. также: К и б р и к А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. № 4.

⁴⁵ См., например, перечень свойств темы, дающийся в учебнике: Бел о ш а п к о в а В. А. Современный русский язык. Синтаксис, «Высшая школа», М., 1977, с. 146.

ношение); 2) необязательность вхождения в сочетаемостные отношения с глаголом, т. е. необязательность заполнения топи́ком какой-то актантной позиции при глаголе⁴⁶ (определение через отсутствие устойчивой связи с ролевым членением); 3) непредсказуемость топи́ка лексическим значением глагола (частично следует из предыдущего свойства); 4) уточнение области, применительно к которой верна данная предикация, центр внимания (собственно коммуникативная характеристика топи́ка); 5) невлиianie на глагольное согласование (отношение к морфолого-синтаксическому оформлению предложения); 6) начальная позиция в предложении (отношение к правилам линеаризации и мотивирующим их причинам); 7) нейтральность к синтаксическим процессам типа рефлексивизации, опущения идентичных именных групп, т. е. правила Экви, и т. д. (отношение к синтаксису предложения; вообще говоря, это свойство топи́ка нуждается в уточнении и дополнительной проверке). Большинство этих свойств лишь косвенно определяет топи́к и приписывается одной составляющей лишь со статистической достоверностью. Видимо, так же как подлежащее и тема, топи́к является неэлементарным понятием.

В связи с этим вполне естественно, что исследователи, пользующиеся термином «топи́к», осознают его недостаточность, так как явно ощущается, что за ним скрываются близкие, но не идентичные сущности (ср., например, различие Чейфом «китайских топи́ков», «английских топи́ков» и «топи́ков как предваряющих подлежащих», использование Шахтером термина «топи́к» для той именной группы, которая обладает презумпцией референтности, то есть для обозначения референциального, а не коммуникативного отношения, и т. д.). Поэтому наблюдается также тенденция обновить терминологию. Так, Ван Валин и Фоли вводят в свою теорию понятие прагматический пик, который в свою очередь также не является элементарным понятием, а лежит на пересечении выделенности в дискурсе (связанной с референциальными свойствами определенности, конкретности, данности) и «фокуса интереса» говорящего. Прагматический пик играет важную роль в формировании связной речи, в выборе подлежащего, он характеризуется крайне левой позицией, морфологической немаркирован-

⁴⁶ Ср., например, топи́к в русск. разг. *У кого нет разменной монеты, у водителя имеются абонементные книжечки.*

ностью, обязательностью, он часто обуславливает залоговые преобразования, участвует в процессах релятивизации, Экви, сочинительного сокращения. Характеристики прагматического пика могут варьировать от языка к языку. Таким образом, наполнение этого понятия, как и понятия подлежащего, зависит от соответствующего языка. Более того, по Ван Валину — Фоли, не все языки имеют прагматическую структуру и, следовательно, прагматические пики.

Как видно, прагматический пик и топик — смежные, но далеко не идентичные понятия, что Ван Валин и Фоли специально оговаривают, относя прагматический пик к уровню элементарного (clause — level), а топик — к уровню полного предложения (sentence — level).

Еще одно родственное понятие — ориентация (orientation) Нунэна. Разными своими признаками оно может быть сопоставлено с различными другими коммуникативными отношениями. Нунэн дает ориентации такие характеристики: 1) это тот объект, с точки зрения которого представляется ситуация (ср. определение точки зрения, или эмпатии, у Чейфа; в то же время приводимые Нунэном русские примеры: *Борис ударил Ивана VS Ивана ударил Борис* — сближают ориентацию с темой); 2) это рамка, которая задает остальную часть предикации (ср. «китайский топик» в терминологии Чейфа и Ли — Томпсон, которым, кстати, и иллюстрируется это свойство); 3) средство связи данной предикации с предыдущим текстом или фоном к данному тексту (ср. прагматический пик Ван Валина — Фоли и тему); 4) то, о чем говорится в предложении (ср. подлежащее Чейфа, топик Кинэна, тему).

Таким образом, очевидно, что теория коммуникативных отношений (и топика как важнейшего из них) находится только в стадии своего становления, и предстоит проделать еще огромную работу, прежде чем она примет форму стройного и исчерпывающего исчисления⁴⁷.

8. Проблема интегрирующей модели языка. Большинство работ сборника посвящено отдельным узловым вопросам универсальной грамматики, главным образом статусу синтаксических отношений. Вместе с тем на современном этапе

⁴⁷ Систематический обзор понятий подлежащего и топика см. также в: Демьянков В. З. «Субъект», «тема» и «топик» в американской лингвистике последних лет, — Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1979, № 4.

развития лингвистической теории необходимо всякий раз сопрягать результаты конкретного исследования с некоторой интегрирующей, объемлющей моделью языка, отдавая себе отчет в том, какое место в этой модели занимает тот или иной исследуемый фрагмент.

Что касается реляционной грамматики, то для ее авторов она является интегрирующей теорией в том смысле, что она обобщает накопленные трансформационной порождающей грамматикой данные о всевозможных синтаксических трансформациях. Интегрирующая идея состоит в том, что «большое число грамматических правил можно сформулировать непосредственно в терминах грамматических отношений и таким образом формально отразить универсальный характер этих правил и установить множество типологически значимых обобщений»⁴⁸.

Вместе с тем реляционная грамматика, как было сказано выше, рассматривает лишь синтаксический уровень языка и не отвечает на вопрос, как связан этот уровень с семантикой и прагматикой, хотя такую грамматику и легко представить как некоторый компонент, занимающий определенное место в глобальной модели⁴⁹.

Одной из попыток включить реляционную грамматику (или, шире, грамматику уровня синтаксических отношений, какую бы конкретную форму она ни приняла) в объемлющий контекст является референциально-ролевая грамматика Ван Валина — Фоли. Эта грамматика, близкая по своей структуре концепции Филлмора, Нунэна и Шахтера, во многом отличается от стандартной трансформационной порождающей грамматики. Она синтезирует значительную часть работы, проделанной за истекшее десятилетие в области теории отношений. Как и все современные модели, она является многоуровневой. Существенным ее отличием является стремление учесть коммуникативную функцию языка: «Одной из главных проблем, подлежащих рассмотрению, является соотношение между (коммуникативной) функцией и формой» (наст. сборник, с. 377). Если считать, что формой являются синтаксические отношения, то функцией для них, по мнению авторов, являются семантические и

⁴⁸ Johnson D. Toward a theory of relationally based grammar. Indiana University linguistics club. 1976, p. 1.

⁴⁹ См. по этому поводу предложения Роудза: Rhodes R. Op. cit.

прагматические факторы (семантические и дискурсные роли) ⁶⁰. Референциально-ролевая грамматика является очередным приближением к построению глобальной модели языка.

* * *

В целом можно констатировать, что в послетрансформационный период в американской лингвистике не сложилось еще такой интегрирующей модели языка, которая могла бы сравниться по известности и популярности с моделью Стандартной теории. Работа пока идет в основном на стадии возведения фундамента и лесов для такой теории. Возможно, это отражает более реалистический взгляд на сложность поставленной задачи.

Во всяком случае, думается, что представленная в данном сборнике проблематика не чужда советским лингвистам и знакомство с нею может быть полезным как для правильных ретроспективных оценок, так и для реальных перспективных планов ⁶¹.

А. Е. Кибрик

Москва, октябрь 1980 г.

⁶⁰ Ср. различие внешнеситуационного, акто-речевого и коммуникативного компонентов смысла в: К и б р и к А. Е. Эталон эргативности и дагестанские языки. 1980.

⁶¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность Н. Д. Арутюновой, М. Б. Бергельсон, В. А. Звегинцеву, А. И. Коваль, С. В. Кодзасову, Н. И. Лауфер, Н. В. Перцову, Н. Н. Попову, Е. Н. Саввиной, ознакомившимся с рукописью настоящей статьи и высказавшим ряд полезных замечаний, которые я по мере возможности постарался учесть.

О РЕЛЯЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЯХ НА ГРАММАТИКИ

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших задач теоретической лингвистики можно считать точное описание сущностных свойств естественного языка, т. е. создание достаточно широкой общей теории структуры и организации языка, или, говоря проще, создание универсальной грамматики¹. Внутри общей проблемы разработки эмпирически адекватной универсальной грамматики можно выделить следующие основные вопросы:

1. *Вопрос существования. Какие синтаксические правила могут существовать в естественных языках?*

2. *Вопрос выбора. Если дано универсальное множество возможных синтаксических правил, то какие из этих правил может (или должен) "выбирать" данный язык? Иными словами, существуют ли какие-либо условия, предопределяющие наличие в естественных языках тех или иных синтаксических правил?*

Так или иначе оба эти вопроса уже обсуждались в лингвистической литературе. Э. Бах, например, указывает (Bach 1971):

«Наиболее сильная гипотеза относительно трансформаций, заслуживающая, по нашему мнению, внимания, состоит в том, что существует постоянный конечный набор трансформаций, действующих в любом языке. Разумеется, это может и не быть абсолютно верно, если мы опираемся на широко принятое определение трансформации. В конечном итоге я хотел бы получить такое общее определение «главных трансформаций», на основе которого можно было бы разделить трансформации каждого языка на главные трансформации, входящие в универсальный список, и гораздо более ограниченные второстепенные трансформации, или «национально-языковые» правила ("housekeeping" rules). Пока же хорошей работающей гипотезой могло бы служить

David E. Johnson. On Relational Constraints on Grammars.— In: "Syntax and Semantics", vol. 8, Grammatical Relations. Academic Press, New York, 1977, p. 151—178.

предположение, что такие трансформации, как вопросительная трансформация, топикализация, образование групп подлежащих, образование относительных групп (relative clauses) *, подъем групп подлежащего, образование императивных высказываний и др., должны выбираться из некоторого постоянного списка. Тогда мы могли бы делать предсказания следующего вида: если известны некоторые структурные признаки языка, то свойственное ему правило образования относительных групп будет иметь такие-то характеристики; в нем будет иметься (или не будет иметься) правило топикализации, и т. п.» [с. 154]. «Изменение порядка слов при вопросительной трансформации возможно только в языках с порядками слов SVO и VSO, но никогда в языках с порядком SOV (в глубинной структуре)» [с. 164].

До недавнего времени, однако, выяснению того, как связана с этими вопросами теория грамматических отношений, уделялось мало внимания (см., однако, Chomsky 1973, Keenan—Comrie 1977; Johnson 1974a, 1974b и Johnson (in preparation); Perlmutter 1968; Perlmutter—Postal (forthcoming); Postal 1969, 1974a, 1974b, 1975; Ross 1974).

В работах Perlmutter—Postal (forthcoming) и Johnson 1974b был выдвинут ряд гипотез, существенно зависящих от трактовки грамматических отношений; эти гипотезы ограничивают класс возможных трансформационных правил (Вопрос существования). В работах Perlmutter—Postal (forthcoming), Keenan—Comrie 1977 и Johnson 1974a, 1974b велось обсуждение реляционных ограничений, сужающих множество правил, которые может «выбрать» тот или иной язык (Вопрос выбора). Однако такого рода исследования находятся еще на первоначальной стадии². Цель настоящей работы и состоит в изучении той роли, которую играют грамматические отношения в ограничениях на тип и выбор синтаксических правил, а суть ее заключается в том, что имеется некоторое число универсальных принципов, связанных с действующими в естественных языках грамматическими отношениями и существенно ограничивающих инвентарь правил, которые может иметь тот или иной конкретный язык. В области теории я придерживаюсь точки зрения реляционной грамматики (РГ) **. Этот выбор не случаен, поскольку эта

* О термине «относительная группа» см. наст. сборник, с. 112.—
Прим. перев.

** Здесь и далее для перевода английского прилагательного relational мы прибегаем к транслитерации 'реляционный'. Таким образом, прилагательное «реляционный» используется как адъективный дериват существительного «отношение»: по смыслу оба эти слова совпадают.

концепция одновременно стимулирует поиски такого рода закономерностей и обеспечивает теоретический фундамент, необходимый для выражения этих закономерностей в виде принципов. Для тех читателей, которые не знакомы с РГ, в следующем разделе кратко излагаются ее основные положения ³.

ОЧЕРК РЕЛЯЦИОННОЙ ГРАММАТИКИ

Этот раздел содержит эскизное изложение реляционной грамматики в том виде, как ее понимает автор настоящей работы ⁴. В задачу автора не входит обоснование реляционной грамматики. Многочисленные доводы, подкрепляющие ее основные принципы, можно найти в работах Perlmutter — Postal (forthcoming); Johnson 1974a, 1974b; Johnson (in preparation); Postal 1974a, 1975; Pullum 1975a (см. также Pullum 1977).

Общие положения

Основной принцип реляционной грамматики состоит в том, что грамматические отношения типа «подлежащее» и «прямое дополнение» играют центральную роль в синтаксисе естественных языков. Иными словами, эти отношения являются удобными единицами для адекватного описания различных аспектов структуры предложений и их компонентов на разных уровнях вывода и непосредственно участвуют в формулировках многочисленных грамматических правил и универсальных принципов, которые определяют структуру и организацию синтаксиса естественных языков. В реляционной грамматике эти грамматические отношения трактуются как элементарные единицы (примитивы) лингвистической теории. Эта трактовка противоречит позиции стандартной трансформационной грамматики, согласно которой такие отношения являются производными и опре-

На наш взгляд, перевод сочетания *relational grammar* как 'реляционная грамматика' более удачен, чем «грамматика отношений»: в последнем случае субстантивный модификатор в родительном падеже создает трудности для дальнейшего распространения этого сочетания (ср.: «грамматика отношений английского языка»). — *Прим. перев.*

деляются в терминах понятий структуры составляющих, а именно в терминах «подчинения» и «линейного предшествования»⁵.

Частные сведения о РГ

Определения и обозначения

В РГ постулируется постоянное универсальное множество элементарных «чистых» грамматических отношений $GR = \{\text{подлежащее (S), прямое дополнение (DO), не прямое дополнение (IO)}\}$ и множество «нечистых» грамматических отношений типа ИНСТРУМЕНТАЛЬ, ЛОКАТИВ и БЕНЕФАКТИВ, которые в противоположность чистым отношениям имеют самостоятельное семантическое содержание⁶. Именную группу (ИГ), реализующую нечистое грамматическое отношение, мы будем называть КОСВЕННЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ (*oblique object* — OO). Вслед за Перлмуттером и Посталом ИГ, реализующую чистое отношение, мы будем именовать ТЕРМОМ. Отношения «подлежащее» и «прямое дополнение» будут называться ЯДЕРНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ и соответственно именные группы — подлежащие и прямые дополнения — будут называться ЯДЕРНЫМИ ТЕРМАМИ. Постулируется элементарное грамматическое отношение общей (непомеченной) зависимости — ОТНОШЕНИЕ X. Если *a* находится в помеченном грамматическом отношении к *b*, $GR_i(a, b)$, то *a*, вообще говоря, зависит от *b*, т. е. имеет место $X(a, b)$. Однако обратное не обязательно верно, т. е. $X(a, b)$ не имплицирует $GR_i(a, b)$.

В РГ простое предложение (на любом конкретном уровне вывода) рассматривается как образование, состоящее в основном из предиката (V) и некоторого числа именных аргументов, каждый из которых находится ровно в одном грамматическом отношении к подчиняющему предикату V. Как и в трансформационной порождающей грамматике, в РГ принята многоуровневая теория структуры предложения, и поэтому для характеристики любого конкретного предложения необходимо определить реляционную структуру этого предложения на разных уровнях вывода. Рассмотрим пример: *Max was hit by John with a balloon*, букв. 'Макс был ударен Джоном с помощью воздушного шара'; здесь *Max* представляет собой исходное прямое дополнение предиката *hit* и в то же время циклическое подлежащее

при нем; John — исходное подлежащее при hit и в то же время циклический подлежащий шомёр, a balloon — одновременно и исходный, и циклический инструмент при hit. Исходный и циклический уровни этого предложения соотносятся посредством правила мены отношения — правила пассивизации, которое преобразует прямое дополнение в подлежащее. Это «продвижение» вызывает переход именной группы, бывшей подлежащим, в состояние, именуемое «шомаж»⁷. Подобные изменения в грамматических отношениях считаются основным, универсальным свойством пассивизации. Изменения в линейном порядке актантов и в глагольной, и в именной морфологии рассматриваются как побочные эффекты, специфические для конкретного языка (language-specific side effects, если использовать терминологию Перлмуттера и Постала).

В первом приближении универсальная природа правила пассивизации может быть следующим образом описана в терминах реляционной грамматики:

(1) Пассив (в терминах РГ) ($DO \rightarrow S$)

a) $DO(A, V_i) \rightarrow S(A, V_i)$

b) $S(B, V_i) \rightarrow X(B, V_i)$

Как сказано выше, различные конкретно-языковые свойства пассива, такие, как особенности глагольной и именной морфологии, должны выявляться отдельно для каждого языка, в котором возможен процесс пассивизации; стало быть, правило (1) — это некая схема правил, на основе которой могут строиться конкретные правила пассивизации для отдельных языков.

Грамматические правила распадаются на два больших класса: правила, не меняющие грамматических отношений, например Проминализация (Pronominalization), Присвоение падежной характеристики (Case Assignment) и Глагольное согласование (Verb Agreement), и правила, меняющие грамматические отношения, например Пассивизация, Передвижение датива (Dative Movement) и Подъем подлежащего в позицию дополнения (Subject-to-Object Raising). В соответствии с концепцией реляционной грамматики Перлмуттера и Постала существует три типа правил мены отношений: Повышение (Promotion), Опускание (Deletion) и Объединение предложений (Clause Union), Подъем предикатов (Predicate Raising). Повышения распадаются на три класса: Вставление (Insertion), Восхождение (Ascension) и Продвижение (Advancement). Вставления

включают вставку пустой (dummy) ИГ или замену данной ИГ предложения, находящейся в грамматическом отношении GR, к глаголу этого предложения, на пустую ИГ; примерами вставлений могут служить правила постановки пустых *it* и *there* в английском языке. Восхождения включают замену некоторой ИГ — хозяина (Host), являющегося термом в данном предложении, на другую ИГ, являющуюся частью хозяина. В качестве примеров Восхождений в английском языке можно привести Свободное перемещение квантора — Quantifier Floating (например, *All of men are here* 'Все мужчины находятся здесь' — *The men are all here* 'Мужчины находятся все здесь') и Подъем подлежащего в позицию дополнения⁸.

Говоря в содержательных терминах, в случае Подъема подлежащего в позицию дополнения подлежащее (А) придаточного предложения (Н), находящегося в прямообъектном отношении к глаголу (V) главного предложения, принимает прямообъектное отношение к V*. Одновременно А утрачивает подлежащее отношение к подчиняющему глаголу в предложении Н, а это последнее утрачивает прямообъектное отношение к V. Однако не все эти факты должны быть отражены в правиле РГ, поскольку перераспределение грамматических отношений в значительной степени осуществляется автоматически в соответствии с общим реляционным принципом. В частности, тот факт, что А утрачивает подлежащее отношение к глаголу придаточного предложения, и тот факт, что Н утрачивает прямообъектное отношение к глаголу главного предложения, являются автоматическими следствиями из двух общих реляционных принципов:

1. **Принцип единственности синтаксической зависимости.** *Если ИГ принимает некоторое грамматическое отношение, она утрачивает любое другое грамматическое отношение.*

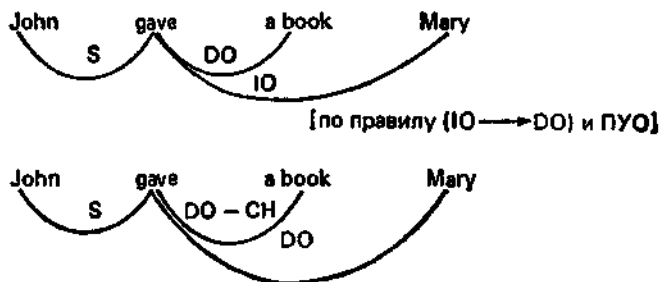
* Здесь для перевода сочетаний *the direct object relation to the verb* и *the subject relation to the verb* используются соответственно выражения 'прямообъектное отношение к глаголу' и 'подлежащее отношение к глаголу'. Тем самым мы хотя и отступаем от строгости изложения, но избегаем излишне педантичных громоздких сочетаний: «отношение «быть прямым дополнением (прямое дополнение)» при глаголе», «отношение «быть подлежащим (подлежащее)» при глаголе». Прилагательные «прямообъектный» и «подлежащий» являются адъективными дериватами от терминов «прямое дополнение» и «подлежащее». — *Прим. перев.*

2. Принцип уничтожения отношений (Perlmutter — Postal (forthcoming)). Если именная группа ИГ_i принимает грамматическое отношение G от другой именной группы ИГ_j (i ≠ j), то ИГ_i утрачивает G и принимает состояние ШОМАЗ.

Например, в предложении John believes Bill to be ill 'Джон считает Билла больным' (производном от предложения John believes that Bill is ill 'Джон считает, что Билл болен') слово Bill (в исходном предложении — подлежащее вставленного предложения Bill is ill, находящегося в прямообъектном отношении к глаголу главного предложения believes) принимает прямообъектное отношение к глаголу believe. Следовательно, в соответствии с указанными двумя принципами Bill перестает быть подлежащим вставленного предложения, а это последнее утрачивает прямообъектное отношение к believe и становится прямообъектным шомёром.

Продвижения — это такие процессы, при которых данная ИГ, находящаяся в грамматическом отношении GR_i к V_j, принимает другое грамматическое отношение GR_j к V_j, причем GR_j < GR_i согласно Реляционной иерархии S < DO < IO < OO (см. ниже)⁹. В качестве хорошо известных примеров продвижений можно указать Пассивизацию и Передвижение датива (непрямое дополнение продвигается в позицию прямого дополнения). Заметим, что следствием Принципа уничтожения отношений (ПУО) является тот факт, что подлежащее предложения, к которому применяется Пассивизация, становится подлежащим шомёром, т. е. (1b) не обязательно должно формулироваться в самом правиле Пассивизации. Аналогичным образом прямое дополнение в предложении, исходном для правила Передвижения датива, автоматически становится прямообъектным шомёром. Например, в процессе вывода предложения John gave Mary a book 'Джон дал Марии книгу' произойдет следующее преобразование:

(2)

Целый ряд универсальных принципов связан со следующей Реляционной иерархией (Perlmutter — Postal (forthcoming)):

(3) Реляционная иерархия
 $S < DO < IO < OO$,

если $A < B$, то мы говорим, что A имеет приоритет по отношению к B или A выше по рангу, чем B .

Центральным принципом реляционной грамматики, существенно использующим Реляционную иерархию (РИ), является Закон изменения ранга (Perlmutter — Postal (forthcoming)):

(4) Закон изменения ранга. Правило, которое изменяет термовый статус некоторой ИГ, должно повышать ранг этой ИГ.

Определение ранга. Составляющая A превосходит по рангу составляющую B в структуре Q , если либо A односторонне подчиняет B (*unilaterally commands*), либо A и B взаимно подчиняют друг друга и при этом A выше в РИ, чем B . Элементы, не входящие в структуру Q , имеют нулевой ранг в Q^0 .

РГ постулирует много других универсальных принципов, которые в значительной мере сужают круг возможных грамматик, совместимых с лингвистической теорией. Ниже приводятся некоторые принципы такого рода, взятые из работы Perlmutter — Postal (forthcoming):

(5) а) Закон реляционной преемственности. ИГ, повышенная по правилу восхождения, принимает то грамматическое отношение, которое имела составляющая-хозяйин, из состава которой вышла повышенная ИГ.

б) Закон согласования. Только термы могут вызывать (*trigger*) глагольное согласование.

с) Закон рефлексивизации. Только термы могут вызывать механизм рефлексивизации (введения возвратных местоимений).

д) Закон кореферентного опущения. Только термы могут вызывать механизм кореферентного опущения.

Другие универсальные реляционные принципы составят основное содержание дальнейшего изложения.

РЕЛЯЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Условия приоритета

Несколько лет назад Дж. Росс предложил в качестве универсального следующий принцип (R o s s 1974):

(6) **Приоритетное ограничение.** *Подлежащие имеют приоритет по отношению к дополнениям, и не существует такого правила, которое с большей свободой было бы применимо к дополнениям, чем к подлежащим.*

Первым примером, иллюстрировавшим приоритетное ограничение, было правило Подъема. В то время, когда Росс впервые предложил сформулированное выше Приоритетное ограничение, казалось вероятным, что если в языке возможен Подъем подлежащего в позицию дополнения главного предложения, то в нем возможен также Подъем подлежащего в позицию подлежащего главного предложения. Однако последующие исследования поставили под сомнение это утверждение; в частности, представляется, что такие языки, как японский и латинский, допускают Подъем подлежащего в позицию дополнения, но не допускают Подъем подлежащего в позицию подлежащего (R o s s 1974). Другими примерами могут служить правила типа Экви (Equi) и правило Рефлексивизации. Приоритетное ограничение предсказывает: «Любой язык, допускающий контроль Equi со стороны именных групп, не являющихся подлежащими, или способность таких именных групп быть антецедентами возвратных местоимений, должен допускать наличие аналогичных свойств также у подлежащих» (R o s s 1974, 574). Как кажется, эти предсказания подкрепляются фактами разных языков (см. ниже примеры (21) — (26)).

В то же время в работе К е е п а н — С о т г і е 1977 был дан обзор стратегий образования относительных групп (ООГ) на материале более сорока языков и было сформулировано следующее обобщение, охватывающее рассмотренные языки:

(7) **Доступность ИГ в отношении образования относительных групп.** *Если в соответствии с правилами ООГ в языке возможна релятивизация ИГ, занимающей позицию X в Иерархии доступности (ИД), то в нем возможна релятивизация именных групп, занимающих позиции выше X в ИД: $S \geq DO \geq IO \geq OO \geq$ притя-*

жательная ИГ \geq Объект сравнения (ИГ при сравнительном союзе).

Кинэн и Комри также утверждают (не приводя обоснований), что ИД ведает и другими «фокусирующими» операциями — например, такими, как образование вопросительных предложений с *wh*-элементом и расщепление (*Clefting*). Полученные ими результаты по ООГ указывают, что в ряде случаев общее понятие приоритета, введенное Россом, должно быть модифицировано таким образом, чтобы учитывать отношения приоритета между различными именными группами, не являющимися подлежащими, равно как и между подлежащими и неподлежащими. Впрочем, очевидно, что в основе обоих указанных принципов просматривается одно и то же базисное обобщение. Более того, предложенная Кинэном и Комри Иерархия доступности обнаруживает поразительное сходство с Реляционной иерархией Перлмуттера — Постала, при том, что последняя была построена, по крайней мере частично, на совершенно иных основаниях, исходя из формулировки Закона изменения ранга, а также из обнаружения того, что некоторые правила, например Свободное перемещение квантора (применимое только к термам) и Вставление пустой группы (применимое только к ядерным термам), согласуются с РИ. Это означает для любого языка *L*, что, если терм T_i может вызывать перемещение квантора или допускать Вставление пустой группы, то любой терм T_j , расположенный выше в РИ (т. е. $j < i$ в РИ), может также вызывать перемещение квантора или допускать Вставление пустой группы.

В работах Johnson 1974a, 1974b представлены свидетельства в пользу того, что продвижения в позицию подлежащего также согласуются с РИ; в Mogaevsik 1974 показано, что то же ограничение справедливо для глагольного согласования.

Отметим мимоходом, что отношение $<$ в РИ Перлмуттера — Постала логически не эквивалентно отношению \geq в ИД Кинэна — Комри. Символ $<$ в РИ — это теоретический конструкт, не имеющий непосредственной интерпретации типа «столь же подвержен [релятивизации], как». Понятие «столь же подвержен релятивизации» легко определяется в РИ следующим образом (оставляя в стороне элементы, не присутствующие в обеих иерархиях одновременно) если $A < B$ в РИ, то $A \geq B$ в ИД. Заметим, что логически возможны и другие определения: например, если

$A < B$ в РИ, то $B \leq A$ в ИД; можно даже считать, что эти две иерархии никак не соотносятся друг с другом. То обстоятельство, что для обеих иерархий их общие позиции одинаковым образом упорядочены относительно друг друга, является впечатляющим эмпирическим свидетельством в пользу универсальности следующего порядка рангов именных групп: $S < DO < IO < OO$ ¹¹. Такая замечательная согласованность между разными языками, проявляющаяся в одинаковом упорядочении ИГ по рангам по отношению к разным грамматическим явлениям, помогает объяснить и наполнить богатым содержанием теоретические понятия S , DO и IO в рамках РГ, так как эти элементарные синтаксические понятия приобретают значимость не на основе их прямой интерпретации, но скорее благодаря их участию в сложных системах принципов, управляющих поведением ИГ, реализующих эти грамматические отношения.

Определение того, каким образом и в какой степени действуют в естественных языках условия приоритета, является с точки зрения универсальной грамматики проблемой чрезвычайной важности. Последующие страницы настоящей работы посвящены в основном дальнейшему обсуждению этой темы.

Ограничение на продвижение в позицию* подлежащего

Как было бегло упомянуто в предшествующем разделе, в работах Johnson 1974a, 1974b представлены свидетельства в пользу того, что продвижение именных групп в позицию подлежащих в конкретных языках подчиняется следующему принципу:

- (8) **Цепочечное ограничение на продвижение в позицию подлежащего.** *Если в языке L именные группы, занимающие в РИ позицию B , могут продвигаться в позицию подлежащего, то именные группы, занимающие любую из позиций A , таких, что $A < B$ в РИ, также могут продвигаться в позицию подлежащего.*

Ниже, в (9) — (11), приводятся примеры из нескольких языков, иллюстрирующие это ограничение; на основе этих примеров составлена итоговая таблица (12).

* Речь идет о грамматическом отношении (подлежащее), а не о месте в структуре составляющих конкретного предложения. Ср. примечание на с. 117 о многозначности термина «позиция». — *Прим. ред.*

(9) Языки, располагающие только правилом (DO → S):

а) Французский язык:

(i) Marie a donné le livre à Jacques.
Мария *вспом. глаг* дан *арт* книга *io* Жак
'Мария дала книгу Жаку'.

(ii) Le livre a été donné à
арт книга *вспом. глаг* быть дан *io*
Jacques par Marie. (DO → S)
Жак Мария *sc*
'Книга была дана Жаку Марией'.

(iii) *Jacques a été donné le livre
Жак *вспом. глаг* быть дан *арт* книга
(par Marie). (IO → S)
(*sc* Мария)

б) Немецкий язык¹²:

(i) Er hat ihm Bücher gegeben.
он *вспом. глаг* ему (*dat*) книги дан
'Он дал ему книги'.

(ii) Bücher wurden ihm von mir
книги были ему (*dat*) *sc* мною
gegeben. (DO → S)
дан
'Книги были даны ему мною'.

(iii) *Er wurde von mir Bücher gegeben. (IO → S)
Он был *sc* мною книги дан

в) Албанский язык:

(i) Gjergji ja dhe librin
Джордж-*опр-им* ему-это дал книга-*опр-вин*
Jonit.

Джон-*опр-дат*

'Джордж дал книгу Джону'.

(ii) Libri ju-dha Jonit
книги-*опр-им* ему-*пассив-дать* Джон-*опр-дат*
prej Gjergjit. (DO → S)

sc Джордж-*опр-дат*

'Книга была дана Джону Джорджем'.

(iii) *Joni ju-dha librin
Джон-*опр-им* был-дан книга-*опр-вин*
(prej Gjergjit).
(*sc* Джорджем)

(10) Языки с правилами (DO → S) и (IO → S):

а) Японский язык (примеры взяты из Кипо (1973):

(i) John ga Mary ni hon o atae-ta.
Джон *sm* Мария *io* книга *do* дать-*прош*
'Джон дал Марии книгу'.

(ii) Hon ga John ni (yotte) Mary
книга *sm* Джон *sc* (посредством) Мария
ni atae-gare-ta. (DO → S)
io дать-*пассив-прош*
'Книга была дана Марии Джоном'.

(iii) Mary ga John ni (yotte) hon
Мария *sm* Джон *sc* (посредством) книга
o atae-gare-ta. (IO → S)
do дать-*пассив-прош*
букв. 'Мария была дана книгу Джоном'.

б) Санскрит:

(i) Rāmaḥ Nalāya pustakaṁ
Рама-*им-ед* Наль-*дат-ед* книга-*вин-ед*
dadāti.
дает
'Рама дает книгу Налью'.

(ii) Rāmena Nalāya pustakaḥ
Рама-*sc* Наль-*дат-ед* книга-*им-ед*
dīyate. (DO → S)
дать-*пассив-наст*
'Книга дается Налью Рамою'.

(iii) Nalaḥ Rāmena pustakaṁ
Наль-*им-ед* Рама-*sc* книга-*вин-ед*
dāruyate. (IO → S)
каузировать + дать + *пассив* + *наст*

(11) Языки с правилами (DO → S), (IO → S), (OO → S):

а) Малагасийский язык (по данным Кеенап—Сом-
рие 1977 и Кеенап 1972):

(i) Atolo-dRasoa an-dRakoto ny
дается-со-стороны-Расоа к-Ракото этот
vagy. (DO → S)
рис
'Рис дается Ракото (*дат. пад.*) Расоа (*твор. пад.*)'.

(ii) Tologan-dRasoa ny vagy
дается-со-стороны-Расоа этот рис
Rakoto. (IO → S)
букв. 'Ракото (*им. пад.*) дается рис (*вин. пад.*)
Расоа (*твор. пад.*)'.

- (iii) Nividy ny vary ho an'ny ankizy ny
купила этот рис для этих детей эта
vehivavy.
женщина
'Женщина купила рис для детей'.
- (iv) Novidin'ny vehivavy ho an'ny ankizy
куплен женщиной для этих детей
ny vary. (DO → S)
этот рис
'Рис куплен для детей женщиной'.
- (v) Nividianan'ny vehivavy ny vary ny
куплен женщиной этот рис эти
ankizy. (OO → S)
дети
букв. 'Дети были куплены рис женщиной'.
- (vi) Nividy ny vary amin'ny vola
купила этот рис посредством-этих денег
ny vehivavy.
эта женщина
'Женщина купила рис на эти деньги'.
- (vii) Nividianan'ny vehivavy ny
куплены-посредством-этой женщины этот
vary ny vola. (OO → S)
рис эти деньги
'Эти деньги были использованы женщиной
для покупки риса'.
- b) Язык себуано (по данным из Bell 1974 a):
- (i) Nagpalit ang babaye ug saging.
um + купить *sm* женщина *ind* банан
'Женщина купила бананы'.
- (ii) Gipalit sa babaye ang
um + купить *sc* женщиной *sm*
saging. (DO → S)
банан
'Бананы были куплены женщиной'.
- (iii) Gisulat ni Go. Abaya ang sulat
um + писать *sc* мистером Абайа *sm* письмо
kanila para kang Perla.
им для *prt* Перла
'Письмо было написано к ним мистером Абайа
для Перлы'.
- (iv) Sulatan sila ni Go. Abaya ug
писать + *um* они *sc* мистером Абайа *ind*

sulat alang kang Perla. (IO → S)

письмо для prt Перла

букв. 'Они были написаны письмо мистером Абайа для Перлы' (= 'Мистер Абайа написал письмо им для Перлы').

- (v) Sulatan ni Go. Abaya si Perla ug
писать + *um sc* мистер Абайа *sm* Перла *ind*
sulat. (BEN → S)

письмо

букв. 'Перла был написан письмо мистером Абайа' (= 'Мистер Абайа написал письмо Перле').

- (vi) Gipalitan sa babaye any bata'
um + купить + *um sc* женщиной *sm* мальчик
ug saging. (OO → S)

ind бананы

'Женщина купила бананы у мальчика', букв.
'Мальчик был куплен бананы женщиной'.

- (vii) Gilaba niya kining ma-ayong
um + стирать он/она это хорошее
sabon. (OO → S)

мыло

'Он/она стирал(а) этим хорошим мылом'.

- (12) Непосредственные продвижения в позицию подлежащего

Язык	Продвижение групп		
	DO	IO	OO
Французский	да	нет	нет
Немецкий	да	нет	нет
Албанский	да	нет	нет
Японский	да	да	нет
Санскрит	да	да	нет
Малагасийский	да	да	да
Себуано	да	да	да

Ядерное цепочечное ограничение

В некоторых языках существуют правила, создающие DO; например, (IO → DO), (BEN → DO), (INS → DO), (COM → OO). Приводимые ниже примеры иллюстрируют некоторые правила из семейства правил Продвижения в позицию DO:

- (13) Язык луганда:

- a) John yatta enkonko p'ekiso.
Джон убил цыпленок ножом
'Джон убил цыпленка ножом'.
- b) John yattisa ekiso
Джон убил-посредством нож
enkonko. (INS → DO)
цыпленок
'Джон использовал нож для убийства цыпленка'.
- c) John yattira mukazi enkonko. (BEN → DO)
Джон убил-для женщина цыпленок
букв. 'Джон одарил женщину убийством цы-
пленка'.

(14) Индонезийский язык (по данным MacDonald—Soenjo 1967):

- a) Ali mencucikan baju ini buat saya.
Али стирал рубашку *опред* для меня
'Али стирал рубашку для меня'.
- b) Ali mencucikan saya baju ini. (BEN → DO)
Али стирал мне рубашку *опред*
'Али стирал мне рубашку' *.
- c) Ali membelikan buku itu untuk saya.
Али купил книгу *опред* для меня
'Али купил книгу для меня'.
- d) Ali membelikan saya buku itu. (BEN → DO)
Али купил мне книгу *опред*
'Али купил мне книгу'.
- e) Ali memberikan buku itu kepada saya.
Али дал книгу *опред* к мне
'Али дал книгу мне'.
- f) Ali memberikan saya buku itu. (IO → DO)
Али дал мне книгу *опред*

(15) Английский язык:

- a) John gave the book to Mary.
'Джон дал книгу Марии'.
- b) John gave Mary the book. (IO → DO)
'Джон дал Марии книгу'.
- c) John bought the book for Mary.
'Джон купил книгу для Марии'.

* В примерах (14b), (14d) и (14f) местоимение *saya* выступает в функции прямого дополнения при соответствующих глаголах; используемая (по необходимости) в русском пословном переводе форма 'мне' не отражает синтаксической функции индонезийского местоимения.— *Прим. перев.*

d) John bought Mary the book. (BEN → DO)

‘Джон купил Марии книгу’.

e) John played three games of chess with Max.

‘Джон сыграл три партии в шахматы с Максом’.

f) John played Max three games of chess. (COM → DO)

‘Джон сыграл с Максом три партии в шахматы’.

(16) Язык дирбал (по данным Dixon 1972):

a) Bayi palnga pada wugali ramundu. (IO → DO)

nm-A ребенок-*A* я дала грудь-*dc*

‘Я дала ребенку грудь’.

b) Balan dugumbil bangul yaḡangu banggu

nm-A женщина-*A nm-E* мужчина-*E nm-ins*

yugungu balgan.

палка-*ins* ударил

‘Мужчина ударил женщину палкой’.

c) Bala yugu bangul yaḡangu

nm-A палка-*A nm-E* мужчина-*E*

bagalman bagun dugumbilgu. (INS → DO)

ударил + *inm nm-dat* женщина-*dat*

‘Мужчина ударил палкой женщину’.

Не проводя детального обследования большого количества языков, я хотел бы лишь высказать предположение, что правила из семейства «Продвижение в позицию DO» также образуют РЕЛЯЦИОННУЮ ЦЕПОЧКУ *, из чего следует, что, например, если в языке возможно преобразование инструментальных ИГ в DO, то в нем также возможно преобразование IO в DO.

(17) Цепочное ограничение на продвижение в позицию DO. Для любого языка *L*, если в *L* возможно (OO→DO) для некоторой ИГ с отношением OO, то в *L* возможно также (IO→DO).

Указанные два цепочечных ограничения — на продвижение в позицию S и в позицию DO — могут быть совмещены в одном. Прежде всего мы введем ряд полезных определений. В правиле вида (GR₁→GR₂) отношение GR₁ будем называть отношением-кандидатом (the candidate relation), а именные группы, связанные этим отношением, — кандидатами. Отношение GR₂ будет называться отношением-мишенью (the target relation), а именные группы, связанные этим отношением, — мишенями. Например, в правиле (DO→S)

* Имеется в виду непрерывный отрезок в РИ, к которому применимо правило продвижения. — Прим. ред.

отношение DO — это отношение-кандидат, а отношение S — отношение-мишень. Отметим, что Закон изменения ранга сужает область допустимых пар «кандидат — мишень»; например, пара $(DO \rightarrow S)$ допустима, а пара $(S \rightarrow DO)$ — нет. Теперь можно сформулировать следующее обобщение: (18) **Цепочечное ограничение на продвижение в ядерную позицию.** *Если в языке L возможно продвижение ИГ, находящихся в грамматическом отношении A , в позицию C^* , то для любого допустимого отношения-кандидата B , такого, что $B < A$, в языке L возможно продвижение ИГ, находящихся в отношении B , в позицию C .* (NB: из самого смысла словосочетания «допустимое отношение-кандидат» следует, что $C < B$).

Предсказующая способность реляционных ограничений: примеры

Вместе с реляционными ограничениями на возможные правила, такими, как ограничения, предложенные в *Perlmutter — Postal (forthcoming)* и *Johnson 1974b*, условия типа (18) существенно ограничивают разнообразие языковых типов, совместимых с лингвистической теорией. Рассмотрим следующее утверждение, претендующее на универсальность:

(19) **Принцип единственности мишени¹³.** *Ни в одном языке невозможно наличие двух правил продвижения с одним и тем же отношением-кандидатом, но с разными результирующими отношениями-мишенями.*

Сочетание двух сформулированных принципов — (18) и (19) — позволяет делать ряд предсказаний. Например, на основе того факта, что в японском языке есть правило $(IO \rightarrow S)$, можно предсказать, что в нем нет правила $(OO \rightarrow DO)$ для любого OO . Рассуждение ведется следующим образом. Предположим, что в японском языке есть правило $(OO \rightarrow DO)$. Тогда ограничение (18) предсказывает наличие в японском правила $(IO \rightarrow DO)$, а это противоречит Принципу единственности мишени, поскольку для этого языка известно наличие правила $(IO \rightarrow S)$. Следовательно, в японском языке не должно быть правила $(OO \rightarrow DO)$. В качест-

* Видимо, предполагается, что C является ядерным термом — подлежащим или прямым дополнением. — *Прим. ред.*

ве другого примера возьмем индонезийский язык, располагающий правилом (IO → DO). По принципу единственности мишени заключаем, что в нем нет правила (IO → S), а отсюда, по (18), предсказывается отсутствие в этом языке правил вида (OO → S) для любого OO.

В более общем виде: если ограничиться рассмотрением продвижений в позиции S и DO, то получается, что (18) и (19) предсказывают наличие восьми возможных типов языков с точки зрения образования ядерных термов:

(20) Тип языка	Примеры языков
OO, IO, DO → S	малагасийский, калаган, себуано
IO, DO → S	японский
DO → S	хинди
OO, IO → DO	?
IO → DO	?
IO → DO, DO → S	?
OO, IO → DO, DO → S	индонезийский, шона
нет правил	?

Поскольку априори допустимо наличие тридцати двух типов языков, принципы (18) и (19), действуя совместно, исключают из рассмотрения три четверти из этого числа логически возможных типов¹⁴.

Двойные цепочки

Как указано в Ross 1974, правила Рефлексивизации¹⁵ и Кореферентного опущения также выявляют различия именных групп с точки зрения приоритета. Однако наблюдения Росса чрезмерно упрощены в двух отношениях, которые для нас существенны: (i) как указано выше, понятие приоритета у Росса не было применено для разграничения различных неподлежащих ИГ; (ii) он не указал, что и контролеры, и жертвы упомянутых правил могут образовывать реляционные цепочки. Ниже приводятся примеры варьирования свойств контролеров и жертв при правиле рефлексивизации (внутри простых предложений) — примеры (21) — (23) — и кореферентного опущения — примеры (24) — (26).

(21) Индонезийский, малайский языки (по данным Chung 1976a). Рефлексивизации могут подвергаться только

прямые дополнения (неэмфатические «подлинно» возвратные формы местоимения):

- a) Saya (me)-lihat diri saya dalam air.
я *trans*-видеть себя мой внутри вода
'Я увидел себя в воде'.
b) *Syahirir men-cerita-kan sesuatu
Шахирир *trans*-рассказать-*BEN* некоторая
cerita kepada diri-nya.
история к себе
'Шахирир рассказал себе историю'.

(22) Немецкий язык. Вообще говоря, рефлексивизации могут подвергаться неподлежащие ИГ — при контроле со стороны подлежащих (и только подлежащих):

- a) Der Mann₁ liebt sich₁.
art мужчина любит себя
b) Johannes₁ redete mit Maria₁ über sich₁*₁.
Иоханнес говорил с Марией о себе
c) Der Mann₁ verkaufte den Sklaven₁ an sich₁*₁.
art мужчина продал *art* раба к себе

(23) Английский язык. Вообще говоря, рефлексивизации могут подвергаться неподлежащие ИГ — при контроле со стороны именных групп более высокого ранга:

- a) John loves himself.
'Джон любит себя'.
b) John sold the book to himself.
'Джон продал книгу себе'.
c) John talked to Mary about himself.
'Джон говорил с Марией о себе'.
d) John sold the girl to herself.
'Джон продал девушку ей самой'.
e) John talked to Mary about herself.
'Джон говорил с Марией о ней самой'.
f) John crossed the wire over itself.
'Джон перекрутил проволоку вокруг нее самой'.
g) Mary received a present from herself.
'Мария получила подарок от себя самой'.

Сведения о правилах кореферентного опущения, которыми я располагаю, весьма неполны, но, по-видимому, можно считать, что во вьетнамском языке (Truítner 1972) и в языке дирбал (Dixon 1972) жертвами кореферентного опущения могут быть прямые дополнения,

а в индонезийском языке контролерами при кореферентности могут быть только подлежащие и прямые дополнения (Chung 1976 a).

(24) Вьетнамский язык (по данным Truítner 1972). Группы S и DO могут опускаться¹⁶:

a) Kim muốn John đánh.
Ким хотеть Джон ударить
'Ким хочет, чтобы Джон ударил [eē]'.

b) Kim muốn đánh John.
Ким хотеть ударить Джон
'Ким хочет ударить Джона'.

(25) Язык дирбал (по данным Dixon 1972). Группы S и DO могут опускаться:

a) Bayi yaḡa bangul gubingu mundan
nm-A мужчина-*A nm-E* губи-*E* привел
bangun dugumbiḡu balgali.
nm-E женщина-*E* избить + *pr*
'Губи привел мужчину₁, чтобы женщина избил
[eḡo₁]'

b) Balan dugumbil bangul yaḡangu wawun
nm-A женщина-*A nm-E* мужчина-*E* привел
ḡayinbagu walmbilḡaygu.
девушки-*dat* разбудить + *ḡay* + *pr*
'Мужчина привел женщину, чтобы разбудить де-
вушек'.

(26) Индонезийский язык (по данным Chung 1976a). Только группы S и DO могут контролировать опущения:

a) Dia meng-endarai mobil itu supaya dia dapat
он *trans*-водить машина эта *comp* он мочь
men-coba-pua.
trans-испытать-она
'Он водил эту машину, поэтому он мог ее испы-
тать'.

b) Mereka mem-beli ikan itu supaya (ikan itu)
они *trans*-купить рыба эта *comp* рыба эта
dapat di-masak oleh saya.
мочь *passiv*-варить посредством меня
'Они купили рыбу, поэтому она могла быть сва-
рена мною'.

- c) Dia meng-endarai mobil itu untuk
он *trans*-водить машина эта для
men-coba-nya.
trans-испытать-она
'Он водил машину, чтобы ее испытать'.
- d) Mereka men-beli ikan itu untuk
они *trans*-купить рыба эта для
dapat di-masak oleh saya.
мочь *passiv*-варить посредством меня
букв. 'Они купили рыбу, чтобы (быть способной)
быть сваренной мною'.
- e) Saya mem-bawa surat itu kepada wanita
я *trans*-принести письмо это к женщина
itu supaya dia dapat mem-baca-nya kepada
эта *comp* она мочь *trans*-читать-оно к
anak-nya.
дети ее
'Я принес письмо женщине, так что она смогла
прочитать его своим детям'.
- f)* Saya mem-bawa surat itu kepada wanita
я *trans*-принести письмо это к женщина
itu untuk dapat mem-baca-nya kepada
эта для мочь *trans*-читать-оно к
anak-nya.
дети-ее

В отношении рефлексивизации английский язык весьма свободно оперирует контролерами и жертвами. В противоположность английскому индонезийский язык в этом отношении предельно ограничен: здесь правила рефлексивизации допускают лишь одну возможность. Немецкий язык сходен с индонезийским в ограничениях на контролеров (которыми могут быть только группы S), но по относительной свободе в выборе жертв он напоминает английский язык. На основе весьма скудных данных, обнаруженных мною, можно предположить, что правила кореферентного опущения следуют в основном той же самой модели. Например, такие языки, как вьетнамский и дирбал, допускают группы DO в качестве жертв в тех случаях, когда английский и индонезийский языки препятствуют этому. Английский и индонезийский языки расходятся в том отношении, что только первый допускает группы IO в качестве контролеров кореферентного опущения. Хотя такого рода факты не слишком многочисленны, все же они совместно с приве-

денными выше свидетельствами о тенденции грамматических процессов образовывать реляционные цепочки естественным образом ведут к следующей гипотезе:

(27) **Ограничение на образование двойных цепочек.** *И контролеры, и жертвы правил рефлексивизации, действующих внутри одного элементарного предложения, а также правил кореферентного опущения, согласуются с РИ, т. е. грамматические отношения, допустимые в качестве контролеров и жертв, образуют непрерывный отрезок в РИ.*

Это ограничение — вместе с формулируемыми ниже реляционными принципами¹⁷ — задает ограниченное множество теоретически допустимых типов языков и является, таким образом, эмпирической гипотезой о природе естественного языка.

(28) а) **Закон рефлексивизации** (по Перлмуттеру — Посталу). *Только термы могут вызывать правило рефлексивизации.*

б) **Закон кореферентного опущения** (по Перлмуттеру — Посталу). *Только термы могут вызывать правила кореферентного опущения.*

с) **Ограничение на антецедент возвратного местоимения.** *Если А контролирует В в правиле рефлексивизации, действующем в пределах элементарного предложения, то $A < B$.*

Ограничение (27), Закон рефлексивизации и Ограничение на антецедент возвратного местоимения вместе задают следующие типы языков.

(29) Типы языков с точки зрения соотношения контролера и жертвы рефлексивизации:

а) Отсутствие рефлексивизации

б) S/DO *

;) S/IO; S/DO

д) S/OO; S/IO; S/DO

е) DO/IO; S/IO; S/DO

ф) DO/OO; DO/IO; S/OO; S/IO; S/DO

г) IO/OO; DO/OO; DO/IO; S/OO; S/IO; S/DO.

Без учета указанных реляционных условий мы имели бы 226 возможных типов языков¹⁸. Таким образом, (27) и принципы (28а) и (28с) существенно сокращают число ти-

* Первый член дроби указывает на тип контролера рефлексивизации, второй член — на тип жертвы,— Прим. ред.

пов языков, совместимых с лингвистической теорией с точки зрения действия правил рефлексивизации.

Возвращаясь к правилам кореферентного опущения, мы обнаруживаем следующее: если принять самое слабое допущение относительно потенциальных жертв, а именно допущение о том, что они могут доходить до позиции ОО в РИ, то ограничение (27) и Закон кореферентного опущения (28b) задают следующие тринадцать возможных типов языков:

(30) Типы языков с точки зрения кореферентного опущения:

- a) Отсутствие кореферентного опущения
- b) S/S
- c) S/DO, S/S
- d) S/IO, S/DO, S/S
- e) S/OO, S/IO, S/DO, S/S
- f) DO/S, S/S
- g) DO/DO, DO/S, S/S
- h) DO/IO, DO/DO, DO/S, S/S
- i) DO/OO, DO/IO, DO/S, S/OO, S/IO, S/DO, S/S
- j) IO/S, DO/S, S/S
- k) IO/DO, IO/S, DO/DO, DO/S, S/DO, S/S
- l) IO/IO, IO/DO, IO/S, DO/IO, DO/DO, DO/S, S/IO, S/DO, S/S
- m) IO/OO, IO/IO, IO/DO, IO/S, DO/OO, DO/IO, DO/DO, DO/S, S/OO, S/IO, S/DO, S/S.

Здесь, как и в случае рефлексивизации, без учета ограничений на допустимые пары контролеров и жертв насчитывается 226 возможных типов языков¹⁹. Три группы типов языков — (20), (29) и (30), — выделяемые на основе реляционных ограничений, задают $8 \times 7 \times 13 = 728$ возможных типов языков, а без учета реляционных ограничений всего насчитывается $32 \times 226 \times 226 = 1\,634\,432$ возможных типа языков. Таким образом, можно заключить, что условия приоритета играют значительную роль в уменьшении числа возможных типов естественных языков²⁰.

Принцип непрерывности отрезков иерархии

Приоритетное ограничение, сформулированное Россом, является слишком сильным в том смысле, что оно касается всех правил, и слишком слабым в том смысле, что оно различает только подлежащие и неподлежащие и не проводит

разграничения между контролерами и жертвами. С другой стороны, предлагаемые здесь принципы слабее Приоритетного ограничения, поскольку они относятся к конкретным типам правил: ограничение (18) действует в отношении правил продвижения, а Ограничение на образование двойных цепочек — в отношении правил, в которых участвуют контролеры и жертвы, таких, как правила Рефлексивизации и Кореферентного опущения. Однако предложенные здесь принципы проводят более тонкие разграничения среди ИГ, выступающих в различных грамматических отношениях. В ограничении Росса утверждается, что подлежащие всегда в большей степени доступны действию правил, чем неподлежащие. Существуют достаточно веские свидетельства в пользу того, что это слишком сильное утверждение. Например, такие правила, как Tough-перемещение (Tough Movement) *, Опускание неопределенной ИГ, Инкорпорация имени и Рефлексивизация ИГ в разных элементарных предложениях (по крайней мере в итальянском языке, ср. Napoli 1974), применяются к неподлежащим ИГ, но не к подлежащим — или во всех, или хотя бы в некоторых языках ²¹.

(31) а) Tough-перемещение:

(i) John is easy for Mary to please.

‘Для Марии легко угодить Джону’, букв.
‘Джон легок для Марии, чтобы угодить’.

(ii) *John is easy to please Mary.

букв. ‘Джон легок, чтобы угодить Марии’.

б) Опускание неопределенной ИГ:

(i) The man was hit.

‘Мужчина был ударен’.

(ii) *Hit the man [в осмыслении, эквивалентном (i)].

Ограничения (18) и (27) несут на себе печать близкого сходства: в основе обоих этих принципов лежит одно и то же базисное явление. Единственное существенное различие между ними состоит в том, что правила типа правил рефлексивизации, связанные с явлением кореферентности, оперируют двумя сущностями, которым могут соответствовать различные отрезки в РИ, а именно контролерами и

* Так называется преобразование типа It is easy for Mary to please John ⇒ John is easy for Mary to please. Название Tough Movement объясняется тем, что прилагательное tough ‘трудный’ допускает данное преобразование.— *Прим. перев.*

жертвами. То обстоятельство, что одно и то же базисное явление упорно повторяется в самых разнообразных грамматических процессах (включая продвижения, вставления, глагольное согласование и правила, затрагивающие явления кореферентности, такие, как рефлексивизация, кореферентное опущение и релятивизация), позволяет предполагать, что все правила, ссылающиеся на грамматические отношения, образуют реляционные цепочки. Таким образом, мы приходим к формулировке универсального принципа, охватывающего все рассмотренные случаи.

(32) **Принцип непрерывности отрезков иерархии.** *Любое правило R может применяться лишь к непрерывным отрезкам в РИ, т. е. если R применимо к ИГ, обладающим в РИ грамматическими отношениями U и W ($U < W$), то это R применимо также к ИГ, обладающей отношением V , таким, что $U < V < W$.*

Термин «применяться/быть применимым», используемый в (32), не совсем точен: подразумевается, что он относится и к контролерам, и к жертвам, а также к кандидатам на продвижение, к контролерам согласования и т. п. В следующем разделе формализуются некоторые рассмотренные выше понятия и правила с целью устранения указанной неточности и обеспечения возможности дальнейших обобщений.

Формализация некоторых реляционных ограничений ²²

На уровне универсальной грамматики мы будем исходить из того, что среди прочих имеются следующие две схемы правил, изменяющих тип отношения:

(33) Схема образования подлежащего
 $GR_1 (NP_m, V_n) \rightarrow S (NP_m, V_n);$

(34) Схема образования прямого дополнения
 $GR_2 (NP_m, V_n) \rightarrow DO (NP_m, V_n)$

(где GR_1 и GR_2 — переменные с областью значений $\{S, DO, IO, OO\}$, а NP_m и V_n обозначают произвольную ИГ и произвольный глагол соответственно).

Наша основная мысль состоит в том, что языки могут «конструировать» на основе этих схем конкретные правила, используя разнообразные реляционные принципы и добавляя некоторые зависящие от природы данного языка детали типа тех или иных морфологических преобразований, оформляющих данную схему. При «выборе» языком схемы типа

(33) необходимо определить значения для переменной GR_1 , т.е. определить, какими должны быть отношения-кандидаты. Например, в английском языке единственным отношением-кандидатом, способным выступать в качестве значения переменной GR_1 в (33), является DO; в японском языке допустимы в качестве значений переменной GR_1 отношения IO и DO. Для достижения большей точности формулировок мы вводим следующие определения:

- (35) а) *Переменный (реляционный) компонент правила (схемы) — это любое выражение вида $G (NP, V)$ (где G — любая переменная с областью значений $\{S, DO, IO, OO\}$, например GR_1 и GR_2 в (33) и (34) соответственно, а NP и V обозначают переменные с областями значений — множеством именных групп и множеством глаголов соответственно).*
- б) *Пусть R — схема правила с переменным (реляционным) компонентом $GR_1 (NP_m, V_n)$. Тогда границами данного компонента схемы R в языке L назовем два грамматических отношения, приписываемых переменной GR_1 в качестве ее значений — либо универсальным образом, либо языком L при “выборе” им схемы R . Допустим, что A и B суть границы данного компонента схемы R и что $A < B$ в РИ. Тогда A есть верхняя граница (ВГ), а B — нижняя граница (НГ) этого компонента. Если $A=B$, то A есть одновременно ВГ и НГ.*

Более того, предполагается, что любой грамматический процесс, который чувствителен к грамматическим отношениям в рассмотренном здесь смысле, должен универсально формулироваться в терминах переменных компонентов. Например, Правило рефлексивизации в универсальной грамматике должно иметь два переменных компонента, один из которых относится к контролерам, другой — к жертвам. Ниже на основе приведенных выше определений формулируется ряд реляционных принципов.

- (36) а) *Условие наличия границ. В языке L все переменные компоненты всякого правила R должны иметь указания о нижней и верхней границе в грамматике языка L , если только такого рода указания не задаются универсально.*
- б) *Условие верхней границы продвижения. Правила образования подлежащего и образования прямого дополнения не могут иметь верхние границы, зада-*

ваемые грамматикой конкретного языка [т. е. не-универсальным образом].

- с) Принцип непрерывности отрезков иерархии (усовершенствованный вариант). Пусть GR_i (NP_m , V_n) — произвольный переменный компонент данного правила R в некотором языке L . Если A есть верхняя граница, а C — нижняя граница переменной GR_i , то любое отношение B в PI , такое, что $A < B < C$, входит в область значений переменной GR_i . (NB: Эта формулировка относится и к контролерам, и к жертвам в двойных цепочках в предположении, что и те и другие универсальным образом представлены посредством переменного компонента.)

На основе этих исходных положений и определений Закон изменения ранга может рассматриваться как общий принцип, задающий для правил продвижения универсальные верхние границы переменным отношений-кандидатов. Условие верхней границы продвижения исключает возможность для какого-либо языка иметь в схеме продвижения свою собственную верхнюю границу, которая оказалась бы ниже универсальной ВГ, заданной на основании Закона изменения ранга.

Если иметь в виду, что язык может или использовать, или не использовать в своей грамматике схемы (33) и (34), то принципы, содержащиеся в (36), вместе с Законом изменения ранга и Законом минимального продвижения задают как раз те типы языков, которые перечислены в (20). Например, если некоторый язык выбирает схему правил (33), но не (34) и в соответствии с (36a) и (36b) приписывает этой схеме в качестве НГ отношение IO , то Принцип непрерывности отрезков иерархии (32), (36с) и Закон изменения ранга, взятые вместе, требуют наличия в этом языке правил ($IO \rightarrow S$) и ($DO \rightarrow S$). Таково положение дел в японском языке. Следует подчеркнуть, что, скажем, правило ($IO \rightarrow S$) само по себе не является собственным правилом японской грамматики, поскольку оно еще не определяет различные конкретные свойства этого языка, такие, как глагольная и именная морфология и правила, управляющие данным реляционным изменением. На самом же деле язык может использовать ту или иную схему в нескольких правилах, например в правилах рефлексивной пассивизации и «обычной» пассивизации (см. Perlmutter — Postal (forthcoming) и Chung 1976).

Таким образом, мы приходим к весьма абстрактной концепции понятия «реляционное правило грамматики». Универсальная грамматика должна задавать наряду с другими объектами множество схем правил и множество принципов, регулирующих «использование» этих схем конкретными языками при «конструировании» и «применении» конкретных правил. Примерами таких универсальных принципов являются, как я полагаю, Закон изменения ранга, Закон уничтожения отношений, Условие наличия границ и Принцип непрерывности отрезков иерархии. Конкретный, хотя и весьма упрощенный пример из японского языка может способствовать уяснению данной концепции понятия реляционного правила грамматики:

(37) Японский язык:

а) Универсальная схема: образование подлежащего
 $GR_1 (NP_m, V_n) \rightarrow S (NP_m, V_n)$.

б) Конкретно-языковая схема: образование подлежащего в японском языке

$GR_1 (NP_m, V_n) \rightarrow S (NP_m, V_n)$.

Конкретно-языковые свойства:

(i) $НГ=10$

(ii) *Глагольная морфология: V+rare*

(iii) *Морфологический показатель шомёра: ni (yotte)*

с) Конкретно-языковые правила [“конкретизации” пункта (b)]:

(i) $IO (NP_m, V_n) \rightarrow S (NP_m, V_n)$

Конкретно-языковые свойства:

(a) *Глагольная морфология: V+rare*

б) *Морфологический показатель шомёра: ni (yotte)*

(ii) $DO (NP_m, V_n) \rightarrow S (NP_m, V_n)$

Конкретно-языковые свойства:

(a) *Глагольная морфология: V+rare*

(б) *Морфологический показатель шомёра: ni (yotte)*

Структура правила (37b) следует из выбора схемы (37a) и применения универсальных принципов, которые, среди прочего, требуют указания для данной схемы нижней границы и связанных с данной схемой морфологических показателей. В (37c) представлены реальные воплощения правил, применяемых в конкретных выводах. Правила (37c) не обязательно должны присутствовать в грамматике японского языка, поскольку они выводятся из (37b) по универсальным принципам. Таким образом, грамматика японского языка должна лишь: 1) указывать на выбор схемы (33) и

2) задавать конкретно-языковые свойства в связи с данной схемой. Если это дано, мы можем говорить, что некоторый этап D_2 в выводе произведен от этапа D_1 , причем переход от D_1 к D_2 осуществляется посредством (37b), если существует правило конкретизации (37b), которое преобразует D_1 в D_2 (совместно с универсальными принципами применения правил, например Законом уничтожения отношений).

Эта весьма абстрактная концепция реляционных (т. е. чувствительных к грамматическим отношениям) правил, как представляется, позволяет адекватно сформулировать Принцип непрерывности отрезков иерархии, а именно (36с) ²³ ²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящем исследовании я игнорирую сложности, связанные с явлением эргативности. В работе Johnson (to appear) утверждается, что эргативность поддается учету в рамках системы предлагаемого здесь типа.

В настоящей работе используются следующие сокращения: А=абсолютив; асс=аккузатив; BEN=бенефактив; СН=шомёр (chômeur) [см. наст. сб., с. 23—25, 67]; СОМ=комитатив; сомр=комплементаризер [элемент, номинализующий предложение и вводящий его в позицию дополнения]; dat=датель; ДО=прямое дополнение (direct object (of)); dc=показатель прямообъектного шомёра (direct object chômeur marker); do=показатель прямого дополнения; E=эргатив; ind=показатель неопределенности; INS=инструменталь (instrumental (of)); inm=показатель инструментального залога (instrumental voice marker); IO=непрямое дополнение (indirect object (of)); io=показатель непрямого дополнения; nm=показатель существительного (noun marker); OO=косвенное дополнение (oblique object (of)); oo=показатель косвенного дополнения; rg=показатель именной группы, выражающей цель (purpose marker); prt=частица (particle); S=подлежащее (subject (of)); sc=показатель подлежащего шомёра (subject chômeur marker); S-ch==подлежащий шомёр (subject chômeur); tns=время; trans=показатель переходности глагола (transitive); vm=показатель залога (voice marker).

В данной работе мы опираемся на сведения и утверждения из работ Chung (to appear); Keenan (to appear); Keenan—Comrie 1977; Lawler 1977; Schachter (to appear).

² Под «реляционным ограничением» я понимаю любой принцип или любое ограничение, которое существенным образом опирается на грамматические отношения.

³ Факты, обсуждаемые в настоящей работе, указывают, что информация, затрагивающая грамматические отношения, должна быть универсальным образом представлена как на производных уровнях вывода предложения, так и на исходном уровне. Поскольку транс-

формационная грамматика не располагает надежными средствами учета грамматических отношений (на любом уровне), она и не может формулировать реляционные ограничения теоретически адекватным образом.

⁴ В начале 1970-х годов ряд наблюдений и открытий, сделанных независимо друг от друга Комри, Кинэном, Морганом, Перлмуттером, Посталом и Россом, довели до сознания лингвистической общественности тот факт, что грамматические отношения играют центральную роль в синтаксисе естественных языков. В 1972 году Перлмуттер и Постал (в серии лекций) впервые предложили и развили доводы в пользу целесообразности замены трансформационной порождающей грамматики теорией реляционной грамматики. В данном разделе дается лишь самый широкий (и, следовательно, упрощенный) обзор реляционной грамматики. Этот обзор в значительной мере опирается на взгляды Перлмуттера и Постала, как я их понимаю, но при этом отражает также мое собственное понимание предмета.

⁵ См. Johnson 1974b, где подвергается критике хомскианский подход к определению грамматических отношений. Ср. Keenan 1976 и Perlmutter — Postal (forthcoming). Кинэн (Keenan 1976) предлагает определять понятие «подлежащее» как конгломерацию более элементарных синтаксических и семантических свойств. Критика этого подхода содержится в работах Johnson (to appear), Johnson (in preparation).

⁶ Термины «чистый» и «нечистый» взяты из работы Perlmutter — Postal (forthcoming). Перлмуттер и Постал постулируют также много других элементарных грамматических отношений, например «быть соединенным с» (conjunct of), «предшествовать» (precede), «быть сигнализатором» (flag of) (это отношение, в котором предлоги, послелогои и падежные показатели находятся к их аргументам). Эти отношения здесь не будут рассматриваться.

⁷ Термины «исходный» (initial) и «циклический» (cyclic) введены Посталом, который определяет «циклическое подлежащее (предложения С)» как «подлежащее предложения С после применения соответствующего (под)цикла правил к С», а «исходное подлежащее (предложения С)» как «первое подлежащее, которое С имеет в процессе вывода» (Postal 1976, 156). Последнее понятие, как правило, соответствует подлежащему в базовой структуре, за исключением тех случаев, когда образуются новые сложные глаголы по правилам типа правила Подъема предиката (Predicate Raising). Эти определения распространяются далее, на другие грамматические отношения. При более подробном рассмотрении вопрос об уровне, на котором устанавливается конкретное отношение между ИГ и предикатом, приобретает первостепенное значение.

Термин «шомёр» (французское слово *chômeur* со значением «безработный») используется Перлмуттером и Посталом для обозначения ИГ, грамматическое отношение которой как бы «насильственно захвачено» другой ИГ в результате применения некоторого правила мены отношений. Подлежащее, оказавшееся в состоянии шомажа (от фр. *chômage* 'безработица'), именуется подлежащим шомёром; говоря обобщенно, та ИГ, грамматическое отношение G которой было захвачено, именуется G-шомёр. Шомёр при данном предикате V находится в отношении X к этому V.

⁸ См. Postal 1976, где реляционное объяснение Свободного перемещения квантора (Quantifier Floating) противопоставлено транс-

формационному объяснению; в работе Postal 1974b подробно обсуждается Подъем подлежащего в позицию дополнения.

⁹ Заметим, что все продвижения ограничены пределами одного элементарного предложения (clause-internal); восхождения же могут совершаться как в пределах элементарного предложения (например, Свободное перемещение квантора), так и между разными элементарными предложениями (например, Подъем подлежащего в позицию дополнения).

¹⁰ Здесь имеется в виду реляционный аналог понятия «подчинять» (command), относящегося к структуре составляющих.

¹¹ Следует подчеркнуть, что и РИ, и ИД ссылаются как на исходные, так и на производные грамматические отношения, т. е. они предполагают, что грамматические отношения определяются достаточно приемлемым образом на уровне, отличающемся от уровня глубинных структур (см. Chomsky 1965, 253—258, и Johnson 1974b, гл. 2). Необходимо отметить также, что, поскольку исследуемые языки различаются с точки зрения порядка слов в предложении, различную релятивизируемость именных групп нельзя объяснить асимметрией порядка слов: тем самым мы утрачивали бы типологические обобщения, воплощенные в указанных иерархиях.

¹² В данной связи существует опасность неверной интерпретации данных немецкого языка; например, такие предложения, как

(i) Er hat es geschenkt bekommen.

он *вспом.* глаг это подарен получен

‘Ему это подарили’.

(ii) Er hat es gegeben gekriegt.

он *вспом.* глаг это дан получен

‘Ему это дали’.

можно было бы трактовать как случаи (IO → S), а не как случаи Опушения группы IO, а именно последнее предполагается здесь в порядке рабочей гипотезы.

¹³ К этому принципу я пришел, исходя из Закона минимального продвижения (the Advance Laziness Law), предложенного Перлмуттером и Посталом: «Подвергающаяся продвижению ИГ продвигается на самую низкую позицию в иерархии, допускаемую универсальными и конкретно-языковыми условиями». Например, если дано правило вида «Продвижение группы IO», то группа IO продвигается в позицию DO, если только в языке нет условия, в принципе запрещающего продвижение в позицию DO или запрещающего продвижения в DO некоторых типов составляющих.

¹⁴ Ситуация здесь чрезмерно упрощена в том отношении, что OO считается единым грамматическим отношением. Строго говоря, нет правила (OO → DO), а есть множество правил: (BEN → DO), (INS → DO) и т. п. Это упрощение проводится и в дальнейшем изложении.

С учетом этого упрощения число типов языков, определяемых наличием тех или иных правил продвижения, рассчитывается следующим образом. Существует три правила продвижения в позицию S — (OO, IO, DO → S) — и два правила продвижения в позицию DO — (OO, IO → DO). Не учитывая ограничений, накладываемых на правила языком, т. е. принимая во внимание все возможные комбинации, получаем $2^3=8$ типов семейств правил продвижения в позицию S и $2^2=4$ типа семейств правил продвижения в позицию DO, Перемножение

этих двух чисел дает число логически возможных семейств, включающих оба типа правил, а именно 32.

¹⁵ В последующем обсуждении рассматривается только рефлексивизация, действующая в пределах элементарного предложения. Более того, игнорируются многие другие параметры. К этим параметрам относятся такие явления, как возможное опущение ИГ, кореферентной другой ИГ в пределах одного элементарного предложения, глагольная морфология и рефлексивизация генитивов (например, John sold his own book 'Джон продал свою собственную книгу'). В ряде языков, например в языке себуано, допускаются предложения вида:

(i) Himself_i could not be controlled by him_i.

букв. 'Сам_i не мог контролироваться им_i' (= 'Он сам не может себя контролировать').

Я не буду рассматривать здесь важную проблему определения того, на каких уровнях применяются те или иные правила (см. сноску 17). Во многих языках, например в английском, линейный порядок слов также кажется существенным с точки зрения рефлексивизации:

(ii) а) John talked to Mary about herself.

'Джон говорил с Марией о ней самой'.

б) *John talked about herself to Mary.

В наши цели не входит исчерпывающая характеристика всех ограничений на рефлексивизацию; таким образом, многие важные области исследования оставлены здесь без внимания, ср. Johnson 1975; Johnson (in preparation); Perlmutter — Postal (forthcom).

¹⁶ Эти предложения, возможно, не являются полноценными примерами кореферентного опущения группы DO, поскольку их можно подвести под общее правило опущения местоимений. Кореферентное опущение дополнений встречается также в некоторых английских конструкциях:

(i) The chicken is ready for you to eat.

букв. 'Цыпленок готов для тебя, чтобы есть'.

(ii) Pimpkins are fun to look at.

букв. 'Тыквы забавны, чтобы смотреть'.

(iii) Rex is too dumb for Mary to train.

букв. 'Рекс слишком глуп для Марии, чтобы дрессировать'.

¹⁷ На протяжении всего данного раздела я последовательно избегал чрезвычайно важного вопроса о том, на каком уровне вывода предложения выполняются данные ограничения. На самом деле в данной области наблюдается известное варьирование от языка к языку. В работе L a w l e r 1977 указывается, что правило глагольного согласования в ачехском языке вызывается исходным подлежащим (в противоположность более типичной ситуации согласования с реальным подлежащим конечного цикла):

(i) Ачехский язык:

а) Gorpuan ka gi-com lop.

она *перфект* она-целовать меня

'Она (уже) поцеловала меня'.

б) Lop ka gi-com le-gorpuan.

я *перфект* она-целовать посредством-ее

'Я уже был поцелован ею'.

Как указывается в В e l l 1974a, 1974b, в языке себуано факультативно допускается, чтобы рефлексивизацию вызывали исходные, нециклические подлежащие,

(II) Язык себуано:

- a) Nagbantay ako sa akong kaugalingon.
стеречь я *oo* мой дом
'Я стерегу свой дом'.
- b) Bantayan pako ang akong kaugalingon.
стеречь-*um* меня *sm* мой дом
'Я сам буду стеречь мой дом'.
- c) *Nagbantay ang akong kaugalingon kapako
стеречь *sm* мой дом *меня*

Известны также случаи, когда правила кореферентного опущения вызываются исходными терминами, например, в тагальском языке (ср. Schachter 1976).

Утверждалось, что в связи с такого рода примерами перед РГ возникает серьезная проблема: (i) эти примеры показывают, что нетермы могут контролировать такие грамматические процессы, которые, согласно РГ, могут контролироваться лишь терминами, и/или (ii) они показывают, что понятие «подлежащее» не есть первичное, элементарное понятие, как предполагает РГ (поскольку «типичные» свойства подлежащего распределяются иногда между разнообразными ИГ в пределах данного элементарного предложения — см. Keenan 1976 и Schachter 1976). Эти соображения очевидным образом отводятся, если ввести в рассмотрение важное понятие «уровень/этап вывода». Вернемся к примерам из языка себуано (ii a — b). Из них только пример (ii c) грамматически неправилен, а это как раз тот случай, когда ИГ, вызывающая правило рефлексивизации, не может мыслиться как подлежащее элементарного предложения ни на каком из уровней вывода. Данное различие между языками типа английского, немецкого и индонезийского, с одной стороны, и языками типа тагальского и себуано — с другой, может быть разумно интерпретировано как свидетельство того, что в указанных двух типах языков релевантные для них реляционные ограничения действуют на разных уровнях вывода предложений. В более общем виде (если исходить из многоуровневой концепции вывода), строго говоря, бессмысленно утверждать, например, что А есть «подлежащее элементарного предложения С»; следует говорить, что А есть «подлежащее предложения С на уровне L». Представляется совершенно ясным, что во многих языках контроль над самыми разнообразными синтаксическими процессами — такими, как Рефлексивизация, Опущение идентичной ИГ (Equi-NP-Deletion) и Глагольное согласование, — обуславливается нециклическими исходными терминами (ср. Bell 1974a и 1974b; Lawler 1977; Perlmutter — Postal (forthcoming), Pullum 1975b; Schachter 1976). Описание таких процессов не вызывает никаких реальных проблем для многоуровневых лингвистических теорий (таких, как РГ); на самом деле такие теории как раз и создаются для учета подобных явлений и находят косвенную поддержку в существовании таких фактов. Нужно лишь точно определить тип такого рода явлений и сферу их действия, например выяснить, существуют ли между ними взаимосвязи такого типа: если в языке L некий процесс P₁ вызывается некоторыми исходными терминами, то в этом языке процесс P₂ также вызывается исходными терминами, и т. п.; требуется также установить, каковы реальные комбинации условий, которые могут быть заданы в рамках теорий многоуровневых выводов.

Рефлексивизация в языке самоа, как может показаться, противоречит ограничению (28с). В работе Sharp 1970 приводятся

следующие примеры, в которых на первый взгляд группа DO вызывает факультативную рефлексивизацию группы S:

(iii) Язык самоа:

a) Sa soni Ioane ie la lava.
tns резать Джон $\left\{ \begin{matrix} sm \\ sc \end{matrix} \right\}$, он *возвр. мест*

‘Джон сам себя порезал’

или, может быть, точнее букв. ‘Он-сам был порезан Джоном’.

b) Sa soni e Ioane la lava.

tns резать *sm* Джон он *возвр. мест*

‘Джон порезал себя’.

Можно, однако, такие предложения, как (iii a), трактовать как результат пассивизации и тем самым сближать их с примером (ii b) из языка себуано, с той лишь разницей, что в языке самоа нет морфологических глагольных показателей пассива (что иногда бывает, как, например, в ачехском языке). В связи с примерами из языка самоа можно также отметить, что язык самоа — это эргативный язык; даже если и считать его данные действительно противоречащими (28с), то этот язык, будучи эргативным, предполагает некое ослабление принципа (28с), допускающее «рефлексивизацию подлежащего» только, и исключительно только, в эргативных языках. Дальнейшее обсуждение этого вопроса см. в J o h n s o n (to appear and in preparation).

¹⁸ Это число получается следующим образом. Имеется четыре возможных контролера и четыре возможные жертвы: S, DO, IO и OO. Следовательно, имеем $2^4=16$ возможных множеств контролеров, а именно: $\{\emptyset\}$, {S}, {S, DO} и т. д., и столько же множеств жертв. Отбрасывая все пары, в которых один из членов — пустое множество, например (S, \emptyset), (\emptyset , DO), получаем $(15 \times 15) + 1 = 226$ логически возможных множеств пар вида «множество контролеров, множество жертв».

¹⁹ Подсчеты здесь производятся так же, как в примечании 18.

²⁰ С точки зрения усвоения языка можно естественным образом объяснить причины существования таких ограничений. Если бы не было сильных допущений о том, какими могут быть конкретные грамматики, ребенку, располагающему ограниченным объемом первичных данных, пришлось бы преодолевать немалые трудности при конструировании грамматики усваиваемого им языка, поскольку тогда число грамматик, совместимых с этими первичными данными, было бы чрезвычайно велико.

²¹ Эти факты поднимают следующую проблему: какие «верхние границы» в реляционных цепочках являются универсальными, а какие определяются природой конкретных языков? Например, операция «Опущение неопределенной ИГ» очевидным образом привязана к конкретным языкам, поскольку в ряде языков допускается опущение подлежащих, например в языке дирбал:

(i) Balan dugumbil balgan.

пт-А женщина-А ударил

‘Кто-то ударил женщину’

или в эскимосском языке (S w a d e s h 1944):

(ii) Tiylaniaq takuvoq.

лиса-А видел

‘Кто-то видел лису’;

что же касается операции «Инкорпорация имени», то в некоторых языках допускается инкорпорация подлежащего, например в языке могавак:

Ка-т' sreht+hu'syi.
она+машина+черный
'Машина является черной'.

Другая проблема, возникающая в данной общей области, состоит в том, как определить, являются ли некоторые правила по своей внутренней природе нечувствительными к РИ. Заметим, что реляционно нечувствительные правила не нарушали бы Приоритетного ограничения; однако такие правила требуют, видимо, более внимательного рассмотрения в лингвистической теории. Пронаминализация и Согласование внутри именной группы представляются примерами правил, которые по внутренней природе нечувствительны к грамматическим отношениям. В данной работе мы не предпринимаем попыток решения этих проблем.

²² Понятие «грамматическое правило изменения отношений», развиваемое в данном разделе, возникло под влиянием работ *B a c h* 1965, 1971; *L a k o f f* 1972 и *P o s t a l* 1971. Более подробное изложение данной концепции см. в *J o h n s o n* (in preparation) (ср. *A n d r e w s* 1973 и *K e e p a n* 1972 а).

²³ Было бы ошибочным считать, что основное утверждение данной работы состоит в том, что произвольный терм T_i вызывает некоторый процесс или подвергается некоторому процессу в том случае, если для некоторого T_j (где $i < j$) верно, что T_j вызывает этот процесс или подвергается этому процессу в каждом преобразовании или даже в каждом типе преобразования. Здесь мы выдвигаем более слабое утверждение, а именно: если существуют преобразования, обеспечивающие возможность для термина T_i вызывать процесс P или подвергаться процессу P , то существуют преобразования (возможно, не пересекающиеся с преобразованиями первого типа), обеспечивающие возможность для T_j ($j < i$) вызывать P или подвергаться P . Так, например, в языке L группы IO , но не группы DO могут вызывать глагольное согласование в структурах $XVDOIOY$, и при этом никакие из выдвинутых здесь утверждений не будут нарушаться. В качестве примера рассмотрим Правило опущения идентичной ИГ. Я вовсе не утверждаю, что при любом конкретном преобразовании, если это правило может применяться под контролем группы DO , оно может также применяться под контролем группы подлежащего; иными словами, не утверждается, что примеры (ia) — (ib) неоднозначны: *

(i) a) John forced Bill to leave.

‘Джон заставил Билла уйти’.

b) John permitted Bill to leave.

‘Джон разрешил Биллу уйти’.

Значение вершинного глагола очевидным образом влияет на потенциальных контролеров в конкретных преобразованиях. Наше утверждение формулируется примерно следующим образом: если синтаксическое опущение ИГ под контролем группы DO допустимо для некоторых глаголов, значение которых возбуждает некоторую «анафорическую связь» (см. *P o s t a l* 1971) между DO и ИГ дополнительного оборота, то синтаксическое опущение ИГ под контролем подлежащего

* Имеется в виду невозможность интерпретации примеров (ia) — (ib), при которой контролером опущения ИГ, зависящей от глагола *leave*, являлось бы подлежащее *John*. — *Прим. ред.*

будет, вообще говоря, допустимо для таких глаголов, при которых анафорическая связь возбуждается между подлежащим и ИГ дополнительного оборота. Это утверждение иллюстрируется, например, тем обстоятельством, что ни в одном языке не будут одновременно правильными предложения типа (i) и неправильными все предложения типа (ii):

- (ii) a) Bill wanted to leave.
'Билл хотел уйти'.
b) John promised Bill to leave.
'Джон обещал Биллу уйти'.

Те же замечания справедливы и для других правил. Такого рода «локальные предпочтения» — это целая отдельная тема (см. M o r a v s i k 1974, J o h n s o n, in preparation).

²⁴ Мне встречались следующие потенциальные контрпримеры, подрывающие Принцип непрерывности отрезков иерархии, более конкретно — Цепочечное ограничение на продвижение в позицию подлежащего. В английском языке имеются такие конструкции:

- (i) a) Mary takes good pictures (photographs well).
букв. 'Мария берет хорошие картины' (= 'Мария хорошо выходит на фотографиях').
b) This barn houses one hundred cows.
'Этот хлев вмещает сто коров'.
c) This plane flies three hundred people.
'Этот самолет перевозит триста человек'.

Если эти конструкции будут выводиться по одному и тому же правилу, то Цепочечное ограничение на продвижение в позицию подлежащего и Принцип непрерывности отрезков иерархии будут нарушаться, поскольку (ia) предполагает продвижение группы DO в позицию подлежащего, а (ib) — (ic) предполагают продвижение локатива в позицию подлежащего. Как кажется, однако, аналогичных случаев, где в позицию подлежащего продвигалась бы группа IO, по-видимому, не существует: *Mary sells easily (в смысле One can sell things to Mary easily 'Можно легко продавать Марии вещи'). Для предложений такого типа характерно: 1) отсутствие специфических морфологических глагольных показателей, 2) невозможность подлежащего шомёра при глаголе (*Mary takes good pictures by Peter/everyone) и 3) некоторое обобщенное значение. Как поступать с примерами такого рода, я пока не знаю.

ЛИТЕРАТУРА

A n d r e w s 1973 — A n d r e w s A. Agreement and Deletion. In: "Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society". C. Corum, T. C. Smith-Stark, A. Weiser (eds.), University of Chicago, Chicago, Illinois, 1973.

B a c h 1965 — B a c h E. On Some Recurrent Types of Transformations. In: "Georgetown University Monograph Series on Languages and Linguistics", C. Kreidler (ed.), 1965, 18, 3—18.

B a c h 1971 — B a c h E. Questions. In: "Linguistic Inquiry", 1971, 2, 153—166.

B e l l 1974a — B e l l S. J. Some Notes on Cebuano and Relational Grammar. Unpublished paper, MIT, 1974.

B e l l 1974b — B e l l S. J. Two Consequences of Advancement Rules in Cebuano, In: "Papers from the Fifth Annual Meeting", E. Kaisse,

J. Hankamer (eds.), North Eastern Linguistic Society, Harvard University, Cambridge (Mass.), 1974.

Chapin 1970 — Chapin P. Samoan Pronominalization. In: "Language", 1970, 46, 366—378.

Chung 1976a — Chung S. An Object-creating Rule in Bahasa Indonesian.— In: "Linguistic Inquiry", 1976, 7, 41—88.

Chung 1976b — Chung S. On the Subject of Two Passives in Indonesian. In: "Subject and Topic", Ch. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976.

Chomsky 1965 — Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1965 (русский перевод: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Изд-во МГУ, М., 1972).

Chomsky 1973 — Chomsky N. Conditions on Transformations. In: "A Festschrift for Morris Halle", S. R. Anderson, P. Kiparsky (eds.), Holt, Rinehart and Winston, New York, 1973.

Dixon 1972 — Dixon R. M. W. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge University Press, Cambridge, 1972.

Jacobson 1975 — Jacobson P. Crossover and About Movement in a Relational Grammar. In: "Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society", C. Cogen et al. (eds.), University of California, Berkeley, California, 1975.

Johnson 1974a — Johnson D. E. On the Role of Grammatical Relations in Linguistic Theory. In: "Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society", M. W. La Galy, R. A. Fox, A. Bruck (eds.), University of Chicago, Chicago, Illinois, 1974.

Johnson 1974b — Johnson D. E. Toward a Theory of Relationally-based Grammar. Unpublished Doctoral dissertation. University of Illinois, Urbana, Illinois, 1974.

Johnson (to appear) — Johnson D. E. Ergativity in Universal Grammar. In: "IBM Research Report", IBM Thomas J. Watson Research Center, Yorktown Heights, New York.

Johnson (in preparation) — Johnson D. E. An Essay on Universal Grammar.

Keenan 1972a — Keenan E. L. On Semantically Based Grammar. In: "Linguistic Inquiry", 1972, 3, 413—462.

Keenan 1972b — Keenan E. L. Relative clause formation in Malagasy. In: "The Chicago Which Hunt: Papers from the Relative Clause Festival", P. Peranteau, J. N. Levi, G. C. Phares (eds.), Chicago Linguistic Society, University of Chicago, Chicago, Illinois, 1972, 169—189.

Keenan 1976 — Keenan E. L. Towards a Universal Definition of "Subject" (см. наст. сб., с. 236—276).

Keenan — Comrie 1977 — Keenan E. L., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar (см. наст. сб., с. 111—165).

Kuno 1973 — Kuno S. The Structure of the Japanese Language. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1973.

Lakoff 1973 — Lakoff G. Fuzzy Grammar and the Performative/Competence Terminology Game. In: "Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society", P. Peranteau, J. N. Levi, G. C. Phares (eds.), University of Chicago, Chicago, Illinois, 1973.

Lawler 1977 — Lawler J. A Agrees with B in Achenese: a Problem for Relational Grammar. In: "Syntax and Semantics", v. 8: Grammatical Relations. P. Cole, J. M. Sadock (eds.), New York, 1977,

MacDonald — Soenjono 1967 — MacDonald R., Soenjono D. Indonesian Reference Grammar. Georgetown University Press, Washington, D. C., 1967.

Moravcsik 1974 — Moravcsik E. Object-Verb Agreement. In: "Working Papers in Language Universals", 15, Stanford University, Stanford, California, 1974, 25—140.

Napoli 1974 — Napoli D. J. Reflexivization across S Boundaries in Italian: Semantic Conditions on a Syntactic Process. Presented at the Annual Meeting, Linguistic Society of America, 1974.

Perlmutter — Postal (forthcoming) — Perlmutter D., Postal P. M. Relational Grammar.

Postal 1969 — Postal P. M. On the Surface Verb 'Remind'. In: "Linguistic Inquiry", 1969, 1, 37—120.

Postal 1971 — Postal P. M. The Method of Universal Grammar. In: "Method and Theory in Linguistics", P. Garvin (ed.), Mouton, The Hague, 1971.

Postal 1974a — Postal P. M. Observations on Structure Preservation. Unpublished paper, IBM Thomas J. Watson Research Center, Yorktown Heights, New York, 1974.

Postal 1974b — Postal P. M. On Raising. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1974.

Postal 1976 — Postal P. M. Avoiding Reference to Subject. In: "Linguistic Inquiry", 1976, 8, 151—181.

Pullum 1975 — Pullum G. K. Squibs on Relational Grammar. Nos. 1—6. Unpublished papers, University College, London, 1975.

Ross 1974 — Ross J. R. There, There, (There (There, ...)). In: "Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society", M. W. La Galy, R. A. Fox, A. Bruck (eds.), University of Chicago, Chicago, Illinois, 1974.

Schachter 1976 — Schachter P. The Subject in Philippine Languages: Topic, Actor, Actor-Topic or None of the Above? In: "Subject and Topic", Ch. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976.

Swadesh 1944 — Swadesh M. South Greenlandic (Eskimo). In: "Viking Fund Publications in Anthropology", 6, New York, 1944.

Truitner 1972 — Truitner N. Passive Sentences in Vietnamese. In: «Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society», P. Peranteau, J. N. Levi, G. G. Phares (eds.), University of Chicago, Chicago, Illinois, 1972.

О ФОРМАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Структура предложений (в том числе придаточных предложений, самостоятельных оборотов и т. п.), на которых будет сосредоточено наше внимание, представляет собой объект, который мы назовем *реляционной сетью* (РС). РС с формальной точки зрения является объектом теории графов; она содержит три типа элементарных сущностей: *узлы*, представляющие лингвистические единицы разного рода; *реляционные пометы*, представляющие грамматические отношения между единицами, и *координаты*, представляющие различные уровни, на которых имеют место те или иные отношения. Узлы бывают двух типов — *терминальные* и *нетерминальные*. Терминальные узлы представляют значимые лингвистические единицы, включая морфемы, записанные в морфонемном виде. Нетерминальные узлы представляют более абстрактные единицы, такие, как синтаксические обороты, синтаксические группы и т. п. Нетерминальные узлы можно обозначить натуральными числами. Реляционные пометы могут пониматься (в неформальном плане) как имена грамматических отношений. Координаты также обозначают натуральными числами; необходимо различать обозначения нетерминальных узлов и реляционных помет, поэтому последние мы обозначаем символами c_1, \dots, c_n . В противоположность множеству нетерминальных узлов множество координат не только конечно, но и крайне ограничено.

В терминах этих трех типов элементарных сущностей

David M. Perlmutter, Paul M. Postal. On the Representation of Clause Structure. Раздел 4 из статьи: D. M. Perlmutter and P. M. Postal. Toward a Universal Characterization of Passivization.— In: «Proceedings of the Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Berkeley, California, 1977.

можно формально определить основные «строительные» компоненты реляционных сетей, называемые *дугами*. Здесь мы не даем их формального определения. Неформально говоря, дуга предполагает упорядоченную пару узлов (первый узел — зависимый, второй узел — подчиняющий*), снабженную только одной реляционной пометой и непустой последовательностью координат. Например, конкретная дуга может быть представлена следующими двумя эквивалентными способами:

$$(1) \quad a) [1 (45,666) \langle c_1 c_2 \rangle] \quad b) \begin{array}{c} 666 \\ | \\ c_1 c_2 \\ | \\ 45 \end{array}$$

Если 1 есть имя отношения «быть подлежащим», 666 — узел, представляющий элементарное предложение (clause), а 45 — узел, представляющий именную группу¹, то дуга типа (1) выражает тот факт, что узел 45 реализует отношение «быть подлежащим» к узлу-предложению 666 (т. е.

* В другой работе тех же авторов, публикуемой в настоящем сборнике (см. с. 83—110), они используют следующие обороты: первый узел возглавляет дугу/является главой дуги (heads an arc/is a head of an arc), второй узел является концом («хвостом») дуги (is a tail of an arc) — см., например, с. 88, определение (10). Здесь термин «возглавлять» употребляется не в смысле «синтаксически подчинять» (наиболее естественная интерпретация этого термина) — ведь подчиняющим считается как раз второй узел, а в смысле «быть первым в паре». — *Прим. перев.*

¹ Мы не характеризуем здесь такие понятия, как *именной узел* или *узел предложения*. Очевидный способ задания этих понятий в терминах РС состоит в следующем: различаются отдельные терминальные узлы Nom, С и т. д.; постулируется некоторое особое отношение — отношение «помечать» («являться пометой»); тогда для задания интересующего нас узла достаточно сделать его членом отношения «помечать» с одним из выделенных узлов. Тогда утверждение, что некоторый узел, скажем узел 55, является именным узлом, эквивалентно следующей РС:

$$(i) \quad \begin{array}{c} 55 \\ | \text{ помечать} \\ c_1 \downarrow \\ \text{Nom} \end{array}$$

Более интересен вопрос об определении общих условий, регулирующих дистрибуцию дуг типа (i). Не исключено, что подобные дуги могут быть предсказаны на основе дуг, имеющих узел 55 в качестве первого узла (так, например, все узлы, реализующие подлежащее, прямообъектное и непрямообъектное отношения, являются, конечно, узлами Nom и т. п.).

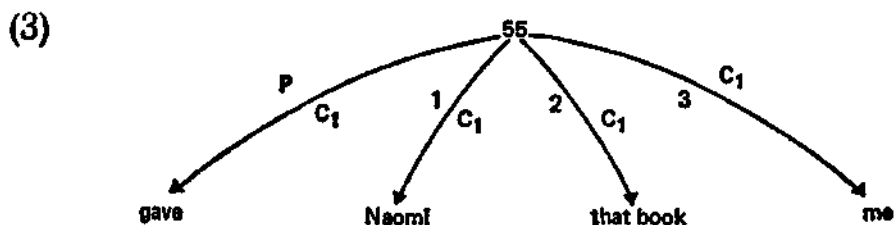
ИГ, представленная узлом 45, является подлежащим в предложении, представленном узлом 666) на уровнях c_1 и c_2 . С формальной точки зрения полная РС является не чем иным, как множеством дуг типа (1).

Допустим, нам требуется построить в виде системы дуг полную структуру некоторого предложения, скажем (2):
(2) Naomi gave that book to me.

‘Наоми дала ту книгу мне’.

Для этого нам необходимо выявить все узлы, релевантные для синтаксической, семантической, морфологической и фонологической структур данного предложения, и все грамматические отношения между узлами.

Разумеется, невозможно даже пытаться это сделать на нынешнем уровне наших знаний. Поэтому мы отвлекаемся от всех логически возможных способов формального представления предложения и сосредоточиваем свое внимание на отношениях между узлами на уровне предложения. Это означает (кроме всего прочего), что мы искусственно «сжимаем» в единичный узел все те подсети реляционных сетей, которые представляют именные группы. Так, представляя РС предложения (2), мы вынуждены интерпретировать сочетание *that book* как единый узел, игнорируя тем самым очевидный факт, что это сочетание имеет собственную внутреннюю структуру. С учетом всего сказанного мы можем теперь представить предложение (2) следующим образом:

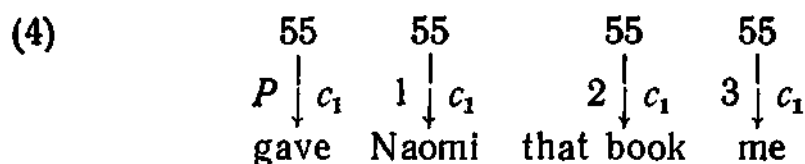

Здесь реляционные пометы 1, 2, 3 и P соответственно обозначают грамматические отношения «подлежащее», «прямое дополнение», «непрямое дополнение» и «сказуемое». Таким образом, (3) выражает тот факт, что (2) состоит из предложения с тремя именными группами и одним сказуемым, причем именные группы реализуют отношения «подлежащее», «прямое дополнение» и «непрямое дополнение». Следует отметить, что в целях упрощения в (3) игнорируются время глагола и глагольное согласование, а также отношение линейного порядка между некоторыми узлами.

Прежде чем идти дальше, следует особо подчеркнуть, что

мы не рассматриваем здесь важный вопрос о том, каким образом элементарные отношения типа 1, 2, 3 и т. п. получают эмпирическую интерпретацию. Это предполагает, среди прочего, решение вопроса об обосновании утверждений такого типа: в (2) именно ИГ Naomi реализует отношение 1, ИГ that book реализует отношение 2 и т. д. В данной связи суть нашего утверждения состоит в том, что обоснование такого рода присвоения отношений именным группам (на уровне координат c_1) универсально определяется принципами, учитывающими семантические роли ИГ. Так, в соответствии с традиционной точкой зрения агентивные ИГ на исходном уровне реализуют отношение 1 (хотя, разумеется, не все ИГ, реализующие отношение 1, представляют собой агенсы), пациенсы реализуют отношение 2 и т. п. Понимая, какие трудности стоят на пути уточнения подобных утверждений, мы все же не сомневаемся, что даже предварительные, не до конца уточненные идеи могут существенно обогатить эмпирическим содержанием (не зависящим от того или иного языка) утверждение о том, что такая-то ИГ реализует на исходном уровне отношение 1, или отношение 2, или какое-либо другое отношение.

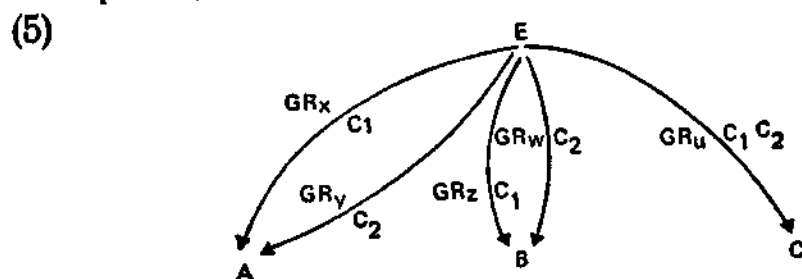
Как можно видеть из (3), структура предложения (2) включает четыре различные дуги, каждая из которых имеет один и тот же второй (подчиняющий) узел. В используемых нами представлениях структур мы для удобства записи указываем этот узел лишь один раз. В качестве альтернативного способа представления структуры предложения (2) можно было бы использовать (4):

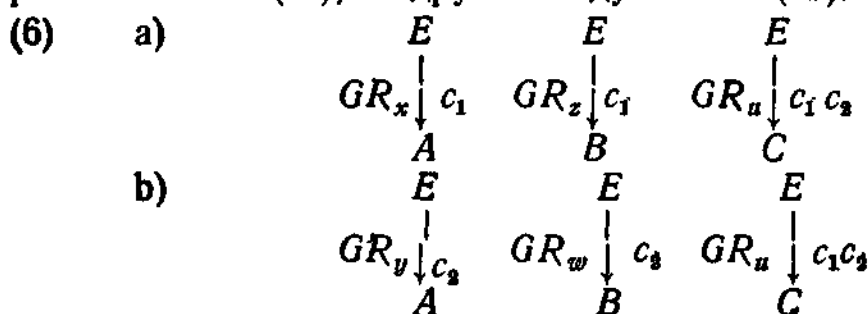
Более того, поскольку конкретные обозначения нетерминальных узлов не имеют существенного значения (ведь структуры, отличающиеся лишь некоторыми нетерминальными узлами, являются лишь «алфавитными» вариантами друг друга), бессмысленно использовать такие структуры, в которых указаны явно нетерминальные узлы: ведь наличие любого такого узла определяется пересечением линий, обозначающих дуги. Поэтому мы не будем указывать нетерминальные узлы в представлении структуры предложений.

Как видно из (3), все дуги имеют одну и ту же координату (c_1) (что, правда, отнюдь не обязательно для дуг с общим вторым узлом). Эта особенность, на наш взгляд, определяет важное свойство дуг, а именно: свойство принадлежности к одному и тому же слою (*stratum*). Слой — это всего лишь максимальное множество дуг с общим вторым узлом и общей координатой. Таким образом, любое множество дуг, таких, как в (3), определяет от 1 до n слоев. Понятие «слой» можно использовать для формализации понятия лингвистического уровня.

В приведенном выше примере РС каждый зависимый узел находится только в одном отношении к подчиняющему узлу; иными словами, каждый зависимый узел является первым узлом только одной дуги. Последнее вовсе не обязательно для реляционных сетей. Обратимся к искусственному примеру (5), представляющему вполне допустимую РС, в которой $GR_x, GR_y, GR_z, GR_w, GR_u$ — произвольные реляционные пометы:

Здесь два зависимых узла — А и В — являются первыми узлами двух различных дуг. РС в (5) имеет два отдельных слоя, один из которых образуется дугами, изображенными в (6а), а другой — дугами в (6б).

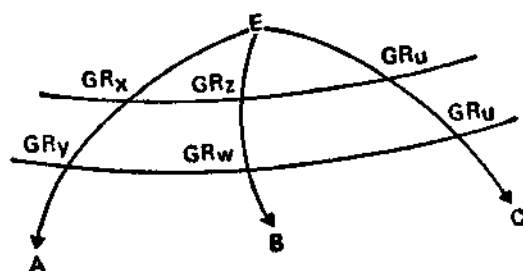

Таким образом, эта РС указывает, что один и тот же элемент, скажем А, на уровне c_1 реализует одно отношение (обозначенное GR_x), а на уровне c_2 — другое отношение (обозначенное GR_y).

Теперь в целях наглядности и удобства нам представ-

ляется целесообразным изменить графический способ представления множеств распределенных по слоям дуг (т. е. РС) следующим образом. Мы заменим обозначения координат геометрическим изображением слоев в виде линий, пересекающих дуги; все дуги, имеющие общий зависимый узел, заменяются одной дугой, на которой располагаются упорядоченные по слоям реляционные пометы. Тогда структура (5) преобразуется в эквивалентную, но гораздо более наглядную структуру (7):

(7)

Здесь каждый слой (множество дуг), определяемый одной общей координатой, представлен в виде одной горизонтально ориентированной линии, а множество дуг с одними и теми же парами узлов — в виде одной графической дуги. В последующем изложении мы используем по преимуществу схемы типа (7) в качестве средства представления РС предложений.

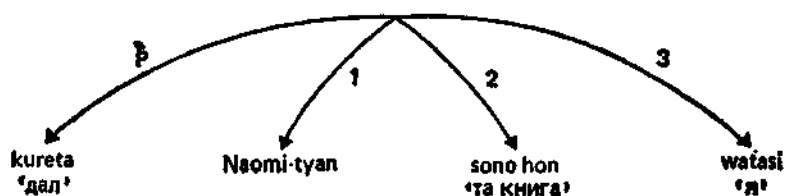
Одно из следствий представления структур предложений в виде РС можно продемонстрировать, если сопоставить приведенное выше представление (3) английского предложения (2) с представлением эквивалентного японского предложения:

(8) Naomi-tyan wa watasi ni sono hon o kureta.
я DAT та книга ACC дала

‘Наоми дала ту книгу мне’.

Ниже, в (9), изображается упрощенная РС этого предложения, в которой (как и в других приводимых нами РС) игнорируются отношения линейного порядка между элементами в (8), время глагола, а также вопросы, касающиеся способов представления грамматических частиц wa, ni, o и «топикового» отношения.

(9)

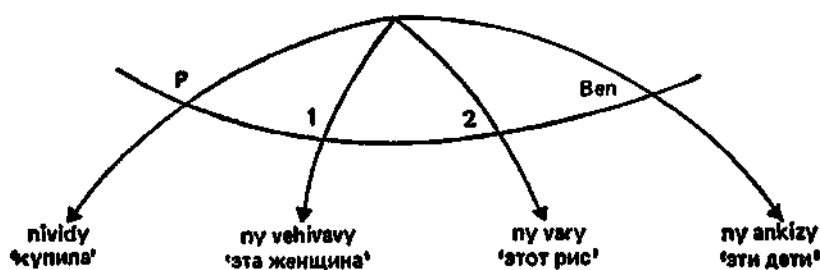
(9) указывает, что глагол *kureta* реализует в данном предложении отношение «сказуемое» (Predicate), а именные группы *Naomi-tyan*, *sono hon* и *watasi* — отношения 1, 2 и 3 соответственно. Английское предложение (2) и японское предложение (8) имеют одни и те же базисные отношения — при том, что морфемы и линейный порядок соответствующих элементов в этих языках, естественно, различаются.

В качестве примера, содержащего косвенное грамматическое отношение [косвенное дополнение], рассмотрим следующее предложение на малагасийском языке:

(10) *Nividy ny vary ho an'ny ankizy ny vehivavy*,
купила этот рис для этих детей эта женщина
'Женщина купила рис для детей'.

Упрощенная РС предложения (10) (в которой не отражены время глагола, предлог *ho* и отношения линейного порядка между элементами) имеет следующий вид:

(11)

(11) указывает, что в предложении (10) *nividy* реализует отношение «сказуемое», *ny vehivavy* — отношение 1, *ny vary* — отношение 2 и, наконец, *ny ankizy* — отношение «бенефактив».

Главная цель лингвистической теории должна состоять в описании свойств, по которым естественные языки отличаются друг от друга, и свойств, которые принадлежат всем языкам, — иными словами, в разграничении универсальных свойств языка вообще и свойств, характерных для тех или иных конкретных языков. Представление структуры предложений в виде РС — существенный шаг на пути к осуществлению этой цели, поскольку оно позволяет выявить как универсальные для разных языков свойства структуры предложения, так и характерные различия между языками, включая различия в линейном порядке элементов.

ЗАКОН ЕДИНСТВЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ ИМЕННЫХ ГРУПП В ПОЗИЦИЮ * ПОДЛЕЖАЩЕГО

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В первом варианте реляционной грамматики, разработанном к концу 1972 года, выделялся класс правил, именовавшихся продвижениями, и тем самым класс структур, включающих продвижения. В общей модели вывода предложения, в рамках которой была выполнена настоящая работа, продвижением считалось правило, которое повышает именную группу, реализующую некоторое грамматическое отношение в элементарном предложении, в статус другого грамматического отношения в пределах того же элементарного предложения. Содержание понятия «продвижение» состоит в том, что второй реляционный статус продвинутой ИГ выше первого статуса в соответствии с реляционной иерархией следующего типа.

(1) Иерархия грамматических отношений ¹:

Высшее	1
	2
	3
Низшее	Нетермовые отношения = (шомёр**, косвенные дополнения и т. п.)

Именная группа, подвергающаяся продвижению, называется продвиженцем (advanee). Таким образом,

David M. Perlmutter, Paul M. Postal. Разделы 1—3 из статьи: The 1 Advancement Exclusiveness Law.—In: "Passivization and Related Issues", D. M. Perlmutter (ed.), 1981.

* См. сноску на с. 47.—Прим. ред.

** О терминах «шомёр» и «шомаж» см. с. 23—25, 67 наст. сборника.— Прим. ред.

продвиженец реализует по крайней мере два различных грамматических отношения в пределах одного элементарного предложения. В приводимых ниже примерах ИГ-продвиженцы выделяются курсивом:

- (2) a) *Melvin* was tackled by the lunatic.
'Мелвин был схвачен сумасшедшим'.
b) Harriet gave *Ted* a new bowling ball.
'Гэрриет дала Теду новый кегельный шар'.
c) *Ted* was given a new bowling ball by Harriet.
букв. 'Тед был дан новый кегельный шар Гэрриет (твор. пад.)'.

В (2a) имя *Melvin* является продвиженцем, так как в исходной структуре оно реализует отношение 2 в предложении, а затем продвигается в статус отношения 1 (в позицию 1) посредством правила пассивизации. В (2b) имя *Ted* — продвиженец, так как в исходной структуре оно реализует отношение 3 в предложении, а затем продвигается в позицию 2. В (2c) имя *Ted* также является продвиженцем, так как в исходной структуре оно реализует отношение 3 в предложении, затем продвигается в позицию 2 и, наконец, продвигается в позицию 1. (2c) иллюстрирует тот факт, что ИГ может подвергаться более чем одному продвижению.

В модели вывода предложения, принятой в раннем варианте реляционной грамматики, был предложен принцип, названный «Закон сохранения состояния продвиженца» (*Advancee Tenure Law*; Perlmutter — Postal 1974). Этот принцип неформально может быть сформулирован следующим образом:

(3) Закон сохранения состояния продвиженца.

Продвиженец не может быть переведен в позицию шомёра в результате действия какого-либо правила продвижения.

Хотя этот закон запрещал превращение продвиженца в шомёр посредством продвижения, он не исключал возможности такого превращения посредством правила введения пустого элемента или правила восхождения. Так, закон (3) не препятствует такой трактовке, скажем, французского предложения (4), при которой выделенная ИГ продвигается в позицию 1 до того, как она становится шомёром в результате действия правила введения пустого элемента ii:

(4) Il a été blessé *beaucoup* d'ouvriers pendant la mêlée.
'Во время столкновения было ранено много рабочих'.
А именно, (3) не препятствует такой трактовке предложения (4), при которой пустой именной элемент *il* как носитель отношения 1 вводится в структуру, в которой ИГ *beaucoup d'ouvriers* реализует отношение 1, приобретенное ранее в результате продвижения из позиции 2. Таким образом, закон (3) не ставит непреодолимых запретов на перемещение продвиженца в позицию шомёра — он лишь исключает возможность такого перемещения посредством продвижения ².

Закон (3) обобщенно охватывает весь класс термовых отношений, т. е. отношений 1, 2 и 3, поскольку, согласно Закону обусловленного шомажа (*Motivated Chômage Law*) — см. *Perlmutter — Postal 1981*, — шомёрами могут становиться лишь именные группы, реализующие эти, и только эти, отношения. Однако, хотя закон (3) формулируется обобщенно для целого класса термовых отношений, основной корпус случаев, объясняемых Законом сохранения состояния продвиженца, содержит лишь примеры с продвиженцем в позицию 1, который из некоторой позиции продвигается в позицию 1 (далее 1-продвиженец — 1-advancee): для этих примеров закон (3) запрещает, чтобы 1-продвиженец переходил в позицию шомёра в результате действия какого-либо другого продвижения. В настоящий момент мы считаем, что универсальное ограничение на состояние продвиженца должно касаться лишь 1-продвиженцев; при этом мы исходим из следующих соображений:

во-первых, как было только что указано, в большинстве языковых примеров, поддающихся объяснению с помощью такого рода принципа, содержатся именно 1-продвиженцы; во-вторых, нам неизвестно ни одного случая, когда такой принцип имел бы полезные следствия для продвиженцев в позицию 3. Продвижения в позицию 3 довольно редки. Множественные продвижения в позицию 3 (т. е. продвижения различных типов ИГ в позицию 3) встречаются в пределах одного и того же языка чрезвычайно редко. В тех немногих случаях, когда демонстрируется возможность множественных продвижений в позицию 3 для того или иного языка, взаимное исключение этих продвижений, как оказывается, осуществляется на основе независимых ограничений и, таким образом, не служит

обоснованием в пользу принципа типа (3) в применении к продвижениям в позицию 3^а.

Наконец, рассмотрим случай 2-продвиженцев. Хотя и отмечаются такие языковые явления, для которых использование принципа типа (3) в применении к 2-продвиженцам обладало бы объяснительной силой, однако материал некоторых языков банту говорит о том, что продвижения в позицию 2 в универсальном плане не являются взаимоисключающими в пределах одного элементарного предложения. В частности, как подробно показано в работе K i t e n y i 1976 на материале языка руанда, в этом языке допустимы продвижения локативной и инструментальной именных групп в позицию 2 в одном и том же предложении. Так, в предложении типа (5)

(5) Umwáalímu y-a-andits-e imibáre ku
учитель он-*прош*-писать-*перф* формула на
kibaho n'íngwa.
доска мелом

‘Учитель писал формулу на доске мелом’.

нет продвижения ни локативной, ни инструментальной ИГ, а в следующих двух предложениях мы обнаруживаем продвижение локатива, но не инструментала — (6a) — и продвижение инструментала, но не локатива — (6b):

(6) a) Umwáalímu y-a-andits-é-ho ikibaho
учитель он-*прош*-писать-*перф*-на доска
imibáre n'íngwa.
формула мелом

b) Umwáalímu y-a-andik-iish-ije imibáre
учитель он-*прош*-писать-*инстр-перф* формула
íngwa ku kibaho.
мел на доска

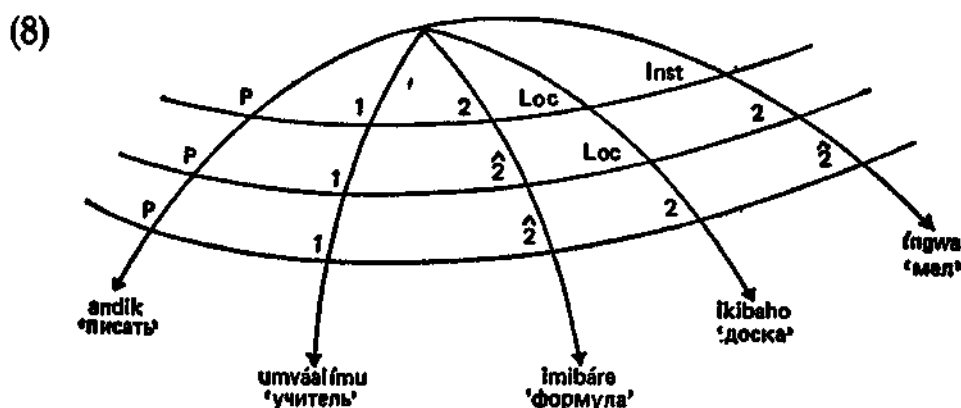
Для этих случаев имеются многочисленные доводы, свидетельствующие о продвижении. В каждом случае исходное косвенное дополнение, маркируемое в (5) предлогом, фигурирует в предложениях (6) без такового. Глагол, не содержащий в (5) показателя синтаксической роли, фигурирует с инструментальным показателем -iish- в (6b) и с локативным показателем -ho в (6a). Еще более убедительным свидетельством в пользу наличия продвижения служит то обстоятельство, что разнообразные грамматические процессы, сфера действия которых ограничена поверхност-

ными терминами *, неприменимы к косвенным дополнениям типа фигурирующих в (5), но применимы к продвиженцам в (6а, б). Такими грамматическими процессами являются способность к пассивизации и релятивизации, способность обуславливать выбор возвратного местоимения и т. п.

Рассмотрим следующее предложение:

- (7) Umwáálimu y-a-andik-iish-ijé-ho ikibaho
 учитель он-прош-писать-инстр-перф-на доска
 imibáre íngwa.
 формула мел

Это предложение, как и предложения (6а, б), выражает в основном тот же смысл, что и (5); при этом оно обнаруживает многочисленные (но не все) свойства обоих предложений (6а, б). В частности, как инструменталь, так и локатив фигурируют в (7) без предлога, а глагол содержит как инструментальный, так и локативный показатель. Однако только локатив способен подвергаться процессам, применимым к поверхностным терминам. Мы объясняем это явление тем, что постулируем для (7) двойное продвижение в позицию 2, причем инструменталь продвигается первым, локатив — вторым, а инструменталь при этом понижается до статуса шомёра **. В результате для предложения (7) мы получаем следующую реляционную сеть в виде диаграммы со слоями ***:

* Т. е. такими ИГ, которые являются терминами в конечном слое деривации.— Прим. ред.

** Имеется и другое понимание фактов языка руанда, при котором исходная ИГ в позиции прямого дополнения сохраняет свой статус при продвижениях, что приводит к появлению двух прямых дополнений; см. G a g u — K e e n a n 1977.— Прим. ред.

*** О диаграммах со слоями см. опубликованное в настоящем сборнике извлечение из другой работы Д. Перлмуттера и Д. Постала — «О формальном представлении структуры предложения», — содержащее

Мы рассматриваем такие примеры, как свидетельства в пользу принципиальной допустимости в естественных языках множественных продвижений в позицию 2 [в пределах одного предложения]. Значит, такая общая формулировка Закона сохранения состояния продвиженца излишне сильна* и, следовательно, должна быть отвергнута.

2. ЗАКОН ЕДИНСТВЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ В ПОЗИЦИЮ 1

Отрицательный вывод, к которому мы пришли в конце предыдущего раздела, вовсе не означает, что Закон сохранения состояния продвиженца абсолютно неверен. Наоборот, как уже говорилось, мы полагаем, что, если представить его в виде закона, охватывающего область продвижений в позицию 1, из него можно вывести ряд положений, имеющих универсальную значимость. Тогда для этого нового закона данные (6) языка руанда нерелевантны. В предварительном порядке мы можем содержательно сформулировать этот закон следующим образом:

(9) *Закон единственности продвижения в позицию 1 (первый вариант). Множество продвиженцев в позицию 1 в пределах одного элементарного предложения содержит не более одного члена.*

Для более строгой формулировки этого закона в рамках формализма *реляционных сетей* (РС), описанного в работе Perlmutter — Postal 1977, мы должны прежде всего задать понятие «дуга продвиженца» в терминах РС. Это понятие относится к сфере общей типологии конструкций с *реляционной меной* (revaluation constructions), которые могут быть определены следующим образом:

(10) *Конструкция с реляционной меной (данного предложения) — это такая конструкция, в которой для данного именного узла a и узла предложения b , a возглавляет, во-первых, дугу с концевым узлом b и реляционной пометой GR_x в слое c_i предложения b и, во-вторых, дугу с концевым узлом b и другой реляционной пометой GR_y в слое c_{i+1} предложения b .*

Мы хотим показать, что класс конструкций с реляционной

краткое изложение аппарата представления структуры предложения в реляционной грамматике (с. 76—82).— *Прим. перев.*

* Так как она чрезмерно ограничивает класс допустимых естественных языков.— *Прим. ред.*

меной разбивается на основании независимых допущений на два подкласса — продвижения и понижения.

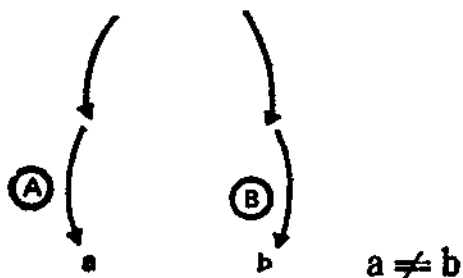
Продвижения — это такие конструкции с реляционной меной, в которых отношение GR_y превосходит по рангу отношение GR_x в соответствии с иерархией (1). **Понижения** — это такие конструкции с реляционной меной, в которых отношение GR_x превосходит по рангу отношение GR_y . Для того чтобы убедиться в том, что произвольная конструкция с реляционной меной является либо продвижением, либо понижением, требуется установить невозможность трех типов реляционных мен: 1) мены одного косвенно-объектного отношения на другое (невозможность этого типа устанавливается Законом о косвенных дополнениях — см. Perlmutter — Postal 1981); 2) мены косвенно-объектного отношения на шомёр (Закон обусловленного шомежа — Perlmutter — Postal 1977); 3) мены шомёра на косвенное отношение (также Закон о косвенных дополнениях).

Прежде чем определить понятие «дуга продвиженца», удобно ввести следующие три отношения между дугами в РС (строгое определение этих отношений см. в Johnson — Postal 1980, ch. 2): отношения «соседствовать», «сходиться» и «быть параллельными»:

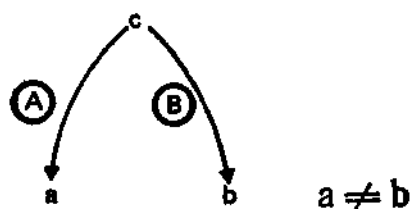
- (11) а) Две дуги A и B соседствуют <являются соседями>, если, и только если, они имеют общий концевой узел.
 б) Две дуги A и B сходятся, если, и только если, они имеют общий главный [т. е. первый] узел.
 в) Две дуги A и B параллельны, если, и только если, они соседствуют и сходятся.

Эти отношения можно показать на диаграммах следующим образом:

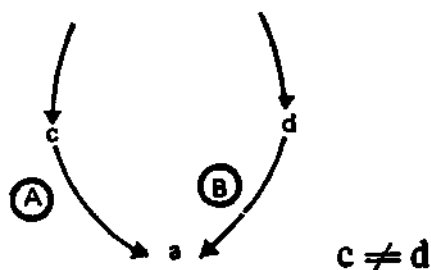
- (12) а) A и B не сходятся и не соседствуют

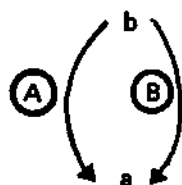
b) A и B соседствуют, но не сходятся

c) A и B сходятся, но не соседствуют

d) A и B параллельны

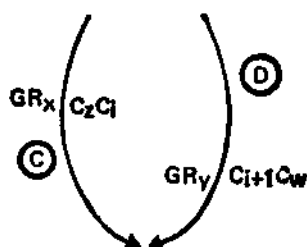
Рассмотрим теперь такую подсеть реляционной сети, в которой выполняются следующие условия:

(13) а) Существуют нетождественные параллельные дуги A и B.

б) Первый координатный индекс дуги A на единицу больше последнего координатного индекса дуги B*.

В этом случае мы называем дугу A реляционно перемеченной дугой (revaluee arc). В общем виде реляционно перемеченная дуга может быть показана как дуга D в (14):

(14)

* О координатных индексах (=координатах) дуг см. наст. сб., с. 76.— Прим. перев.

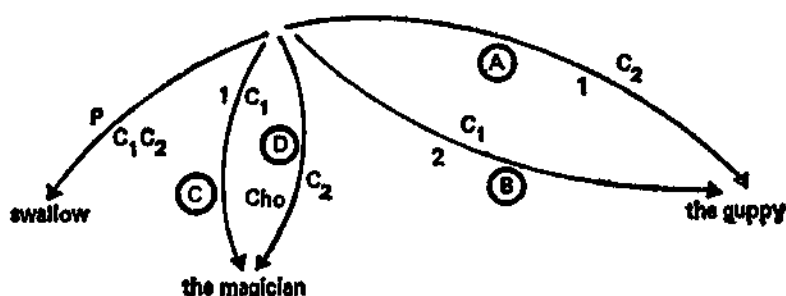
Таким образом, в данном случае уместно говорить о реляционном переходе к GR_y и о реляционном переходе из GR_x . В том случае, когда отношение, соответствующее GR_y , превосходит по рангу отношение, соответствующее GR_x , мы имеем продвижение, а в противоположном случае — понижение. В первом классе случаев реляционно перемеченная дуга есть дуга продвиженца (advancee arc), а во втором классе случаев реляционно перемеченная дуга есть дуга пониженной ИГ (demotee arc).

Для иллюстрации введенных понятий рассмотрим стандартную пассивную структуру, например структуру (15b) предложения

(15) a) The guppy was swallowed by the magician.

‘Рыбка гуппи была проглочена фокусником’.

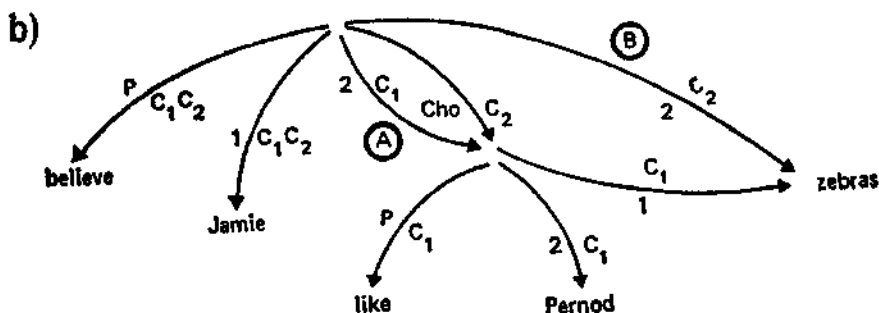
b)

Здесь дуги A и D обе являются реляционно перемеченными дугами. A является реляционно перемеченной дугой, так как она параллельна дуге B и ее первый координатный индекс на единицу больше последнего координатного индекса дуги B. D является реляционно перемеченной дугой, так как она параллельна дуге C и ее первый координатный индекс на единицу больше последнего координатного индекса дуги C. Однако дуга C не является реляционно перемеченной дугой, так как, хотя условие (13a) и удовлетворяется (C параллельна дуге D), не удовлетворяется условие (13b).

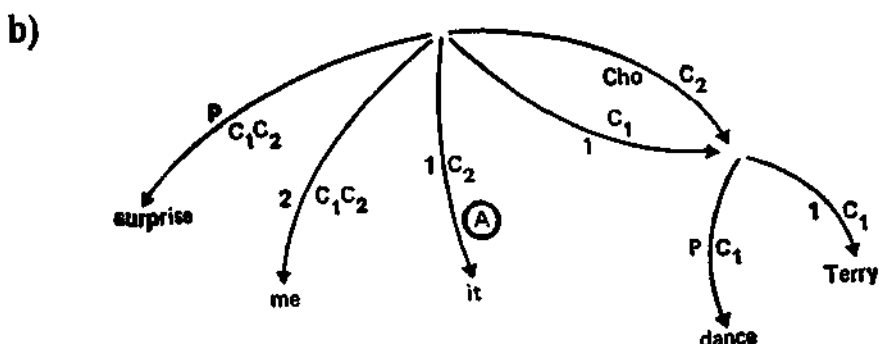
Отнюдь не все именные дуги являются реляционно перемеченными. Рассмотрим, например, (16b) — реляционную сеть предложения (16a):

(16) a) Jamie believes zebras to like Pernod.
 'Джеми считает, что зебры любят перно' *.

В (16b) В не является ни исходной дугой, ни реляционно перемеченной дугой, поскольку условие (13a) не выполняется, а, стало быть, проверять условие (13b) не имеет смысла. Аналогичным образом наиболее «ранняя» дуга, возглавляемая пустым узлом, не может быть реляционно перемеченной дугой. Так, дуга А в (17b) — РС предложения (17a) — не является реляционно перемеченной:

(17) a) It surprised me that Terry danced.
 'Меня удивило, что Терри танцевал'.

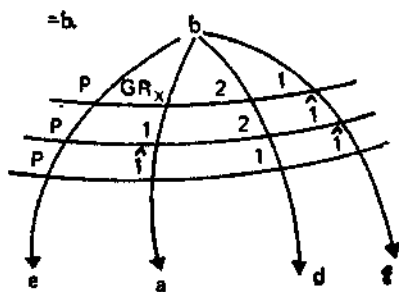
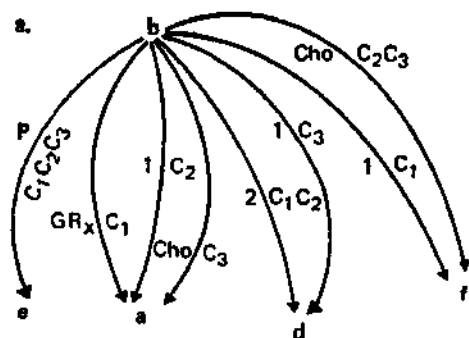

Располагая точным и ясным понятием «дуга продвиженца», мы можем теперь более точно сформулировать закон (9):
 (18) Закон единственности продвижения в позицию 1. Пусть А и В суть различные соседствующие дуги с реляционной пометой 1. Тогда, если А является дугой продвиженца, В таковой не является.

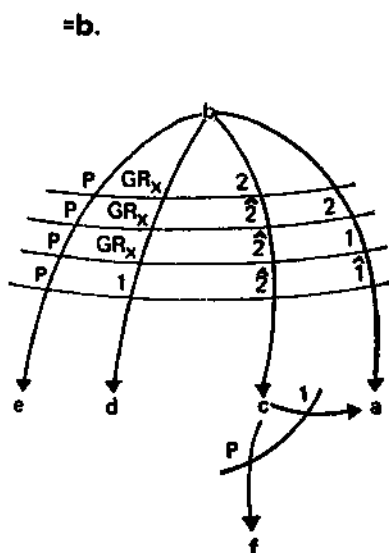
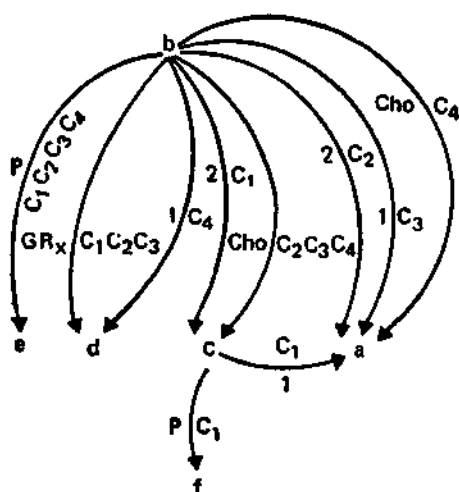
Среди РС, запрещаемых Законом единственности продвижения в позицию 1 (далее — ЗЕПП 1), отметим РС вида (19) и (20):

* Перевод не отражает синтаксической структуры оригинала,—
 Прим. перев.

(19)

(20)

В (19) именной узел a , возглавляющий дугу с пометой GR_x в первом слое, в результате продвижения возглавляет дугу с пометой 1 во втором слое, а узел f , являющийся исходной 1*, возглавляет дугу с пометой Cho во втором. На следующем этапе осуществляется пассивное преобразование, и исходная 2 (узел d) возглавляет дугу с пометой 1 в третьем слое, а узел a , продвинувший во втором слое в позицию 1, в третьем слое возглавляет дугу с пометой Cho . В (20) мы имеем «подъем» 1 (узел a), который во втором слое возглавляет дугу с пометой 2 в главном предложении. Затем этот узел продвигается в позицию 1 в третьем слое.

* Далее в целях компактности формулировок перевод следует оригиналу, в нем допускаются сокращенные наименования следующих типов: исходная/поверхностная единица (исходная/поверхностная 1), исходная/поверхностная двойка (исходная/поверхностная 2), исходная/поверхностная тройка (исходная/поверхностная 3) — вместо выражений типа «ИГ в позиции 1/2/3 (реализующая отношение 1/2/3) в исходном/поверхностном слое» и т. п., — Прим. перев.

В четвертом слое именной узел *d*, возглавляющий дугу с пометой GR_x в первых трех слоях, продвигается в позицию 1 и тем самым приводит продвинутое и перемещенное в главное предложение ИГ *a* в состояние шомажа. Как в (19), так и в (20) наблюдаются, таким образом, разные соседствующие дуги продвиженца с пометой 1 в нарушение ЗЕПП 1.

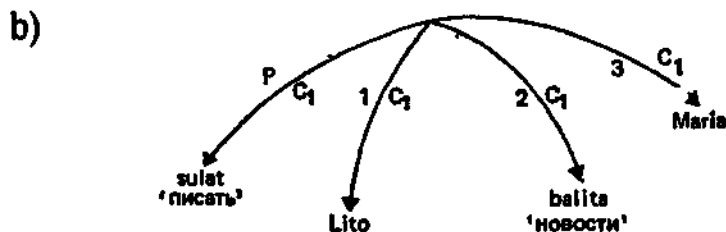
3. НЕКОТОРЫЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ ИЗ ЗАКОНА ЕДИНСТВЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ В ПОЗИЦИЮ 1

3.1. Множественные продвижения в позицию 1 в филиппинских языках

Одно из следствий ЗЕПП 1 состоит в том, что в языках типа языков филиппинской группы, допускающих продвижение разнообразных типов именных групп в позицию 1, только одно из продвижений возможно для произвольного элементарного предложения. Мы проиллюстрируем справедливость этого утверждения на материале языка себуано*, опираясь на работу *Велл* 1976.

Рассмотрим сначала активное предложение (21a), РС которого дана в (21b):

(21) a) *Nagsulat si Lito sa balita kang Maria.*
ACT-писать NOM OBL новости OBL Мария
 'Лито писал о новостях Марии'.

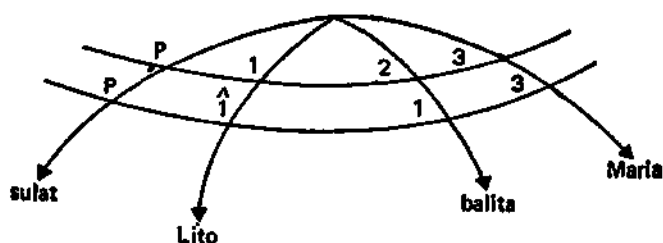
В (21a) глагол — в активном залоге, а ИГ *Lito* сопровождается номинативным показателем (в данном случае *si*), характерным для поверхностных 1. Пассивное предложение, соответствующее (21a), дано в (22a), РС которого — (22b) — представлена в виде диаграммы со слоями:

* Нижеследующие рассуждения авторов исходят из презумпции, что в филиппинских языках существуют грамматические отношения 1, 2, 3, хотя есть серьезные основания в этом сомневаться; см. статью П. Шахтера в наст. сб.— *Прим. ред.*

(22) a) Gisulat ni Lito ang balita kang
OBJ-писать GEN NOM новости OBL
 Maria.

букв. 'Новости были писаны Лито (твор. пад.)
 Марии';

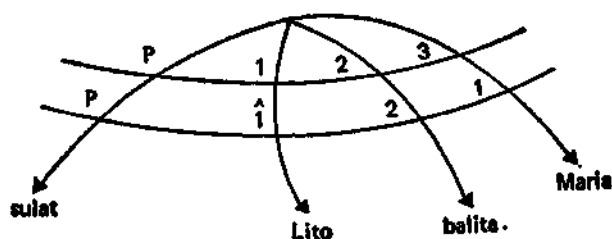
b)

В (22а) глагол — в объектном залоге, характерном для пассивных предложений, *balita* сопровождается номинативным показателем (*ang*), характерным для поверхностных 1. *Lito* сопровождается генитивным показателем, характерным для шомёров, возникающих в результате понижения с позиции 1. Продвижение из позиции 3 в позицию 1 [продвижения типа 3—1] в себуано также возможны; например, рассмотрим предложение (23а) и его РС (23б):

(23) a) Gisulatan ni Lito si Maria sa balita.
REC-писать GEN NOM OBL новости
 букв. 'Мария была писана новости Лито (твор. пад.)';

b)

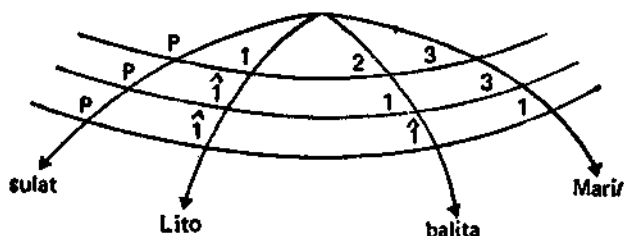

В (23а) глагол — в реципиентном залоге, характерном для предложений, в которых имеет место продвижение типа 3—1. ИГ *Maria* — исходная 3 — сопровождается номинативным показателем, характерным для результирующих 1, а ИГ *Lito* — исходная 1 — маркируется генитивным показателем, характерным для подлежащих шомёров.

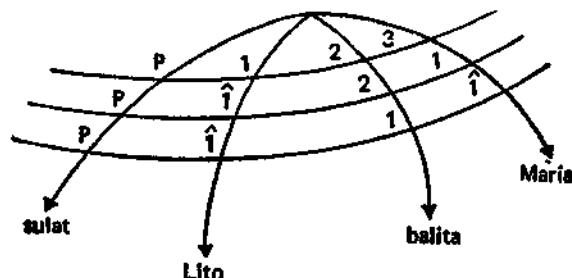
Далее ЗЕПП 1 предсказывает для себуано недопустимость грамматически правильных предложений, которые получались бы либо в результате добавления в (22b) еще

одного слоя, в котором ИГ *Maria* продвигалась бы в позицию 1, либо в результате добавления в (23b) слоя, на котором ИГ *balita* продвигалась бы в позицию 1. Иными словами, этот закон предсказывает, что ни одна из двух приведенных ниже РС не соответствует грамматически правильному предложению в себуано:

(24) a

b)

И в самом деле, предложения, отвечающие подобным РС, грамматически неправильны — независимо от порядка применения двух продвижений в позицию 1 и независимо от того, стоит глагол в объектном залоге (характерном для пассивных предложений) или в реципиентном залоге (характерном для предложений с непосредственным продвижением типа 3—1):

(25) a) **Gisulat ni Lito ni Maria ang balita.*
OBJ-писать GEN GEN NOM новости

b) **Gisulatan ni Lito ni Maria ang balita.*
REC-писать

c) **Gisulat ni Maria ni Lito ang balita.*
 **Gisulatan ni Maria ni Lito ang balita.*

Можно было бы предположить, что структуры (24a) и/или (24b) могут реализоваться при глаголе с обоими аффиксами — как объектного, так и реципиентного залога. Однако и это невозможно:

(26) a) **Gigisulatan ni Lito ni Maria ang balita.*

b) **Gigisulatan ni Maria ni Lito ang balita.*

Таким образом, продвижение типа 3—1 и продвижение типа 2—1 невозможно в одном и том же предложении языка себуано, как и предсказывает ЗЕПП 1.

Как показано в работе Велл 1976, в себуано свободно допустимы продвижения в позицию 1 не только доек и гроек, но и инструментальных, бенефактивных, темпоральных и т. п. ИГ. ЗЕПП 1 предсказывает (и это соответствует языковой реальности), что все эти продвижения взаимно исключают друг друга в одном предложении.

Аналогичная ситуация указывается в работе Гагу — Кеена 1977, 113 для родственных языков: «Например, в тагальском и в малагасийском практически любая основная ИГ в предложении может продвинуться в позицию подлежащего. Но коль скоро какая-либо ИГ продвинута в эту позицию, никакие другие ИГ не могут в нее продвинуться».

3.2. Множественные продвижения в позицию 1 в английском языке

3.2.1. Взаимодействие пассивных и спорадических (случайных) продвижений в позицию 1

Тот тип предсказаний Закона единственности продвижения в позицию 1, который оправдывается на материале высокопродуктивных продвижений в позицию 1 в языках типа себуано, малагасийского и т. п., оправдывается также на материале более спорадических продвижений в позицию 1, имеющих в английском языке. Допустим, например, что предложение типа (27b) трактуется как содержащее продвижение косвенного дополнения определенного типа в позицию 1. Такая трактовка возможна, если считать, что ИГ 5 dollars выполняет в (27a) и (27b) одну и ту же семантическую роль:

(27) a) Melvin bought a lot of heroin for 5 dollars.

‘Мелвин купил много героина за 5 долларов’.

b) 5 dollars bought a lot of heroin in 1827.

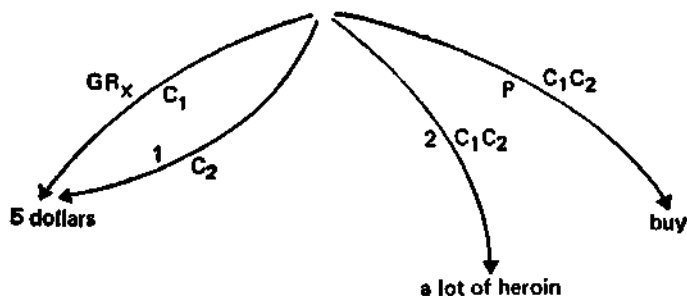
букв. ‘5 долларов покупали много героина в 1827 году’

(= ‘За 5 долларов можно было купить много героина в 1827 году’).

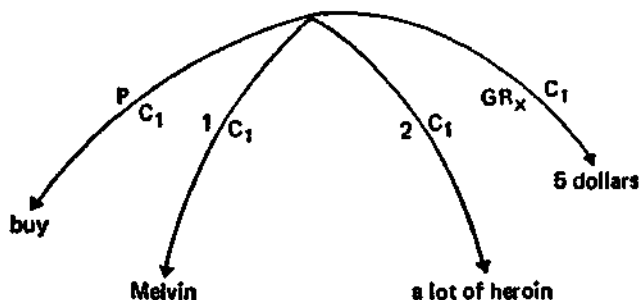
Иными словами, предположим, что предложение (27b) обладает представлением, включающим подструктуру вида *

* Отношение GR_x в (28) и других РС — это отношение, природа и статус которого неясны или не существенны для изложения.—
Прим. ред.

(28)

а предложение (27а) имеет структуру вида
(29)

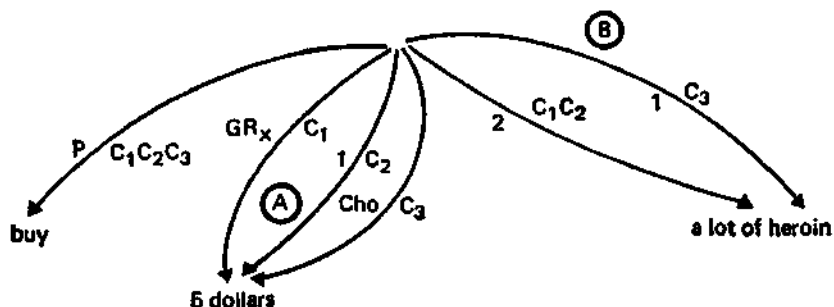
Достоинством представления (28) является тот факт, что оно отражает как поверхностное положение ИГ five dollars в позиции 1, так и то, что эта ИГ выполняет в (27а) и в (27b) одну и ту же семантическую роль.

Более того, РС (28) в соответствии с ЗЕПП 1 и нашей концепцией пассивизации (см. Perlmutter — Postal 1977) предсказывает, что, в то время как для (27а) пассивное преобразование не невозможно⁴, для (27b) пассивного коррелята не существует. И это предсказание оказывается верным:

(30) а) A lot of heroin was bought (by Melvin) for 5 dollars.
'Много героина было куплено (Мелвином) за 5 долларов'.

б) *A lot of heroin was bought by 5 dollars (in 1827).
Предложение *(30b) запрещается ЗЕПП 1, поскольку, исходя из предположений, лежащих в основе представления (28), ему придется приписать структуру, включающую следующие дуги:

(31)

Грамматическая неправильность *(30b) является, таким образом, следствием того, что в (31) две дуги — (A) и (B) — являются дугами продвиженца с пометой 1, что противоречит ЗЕПП 1.

В английском языке существует целый ряд конструкций, сходных с типом, представленным в (27b). Таковы предложения с глаголом в активном залоге, обладающие следующими свойствами:

(32) а) *Допустима трактовка их поверхностных дуг с пометой 1 как дуг продвиженца.*

б) *Допустимо наличие в них дуг с пометой 2.*

с) *Они не имеют пассивных коррелятов.*

Возможность трактовки в таких предложениях поверхностных дуг с пометой 1 как дуг продвиженца основывается на том, что в каждом таком случае именной узел, возглавляющий поверхностную дугу с пометой 1, выполняет в предложении ту же семантическую роль, какую выполняет в других предложениях с тем же сказуемым идентичный именной узел, не возглавляющий в них дуги с пометой 1⁶. Именно такова ИГ 5 dollars в (27); тот же случай иллюстрируется приводимыми ниже примерами. Мы считаем, что наличие такого рода предложений подтверждает одновременно две гипотезы:

(33) а) *Поверхностные дуги с пометой 1 в каждом таком предложении действительно являются дугами продвиженца.*

б) *Для этих предложений выполняется ЗЕПП 1.*

Гипотезы (33а) и (33б), взятые вместе, предсказывают (33с). Приведем другие примеры:

(34) а) 1939 found the United States on the brink of disaster.
'1939 год застиг США на грани катастрофы'.

б) *The United States was found on the brink of disaster by 1939.

букв. 'США были застигнуты на грани катастрофы 1939 годом'.

(35) а) Labor Day saw the government's policy in shreds.
букв. 'День труда увидел политику правительства в клочьях' (= В День труда стало явным, что политика правительства потерпела крах).

б) *The government's policy was seen in shreds by Labor Day.

(36) а) \$ 35 000 won't build that kind of a house these days.
букв. '35 000 долларов не построят дом такого

типа в нынешние времена' (= В нынешние времена за 35 000 долларов нельзя построить дом такого типа).

b) *That kind of a house won't be built by \$ 35 000 these days.

(37) a) This cabin sleeps twenty people.

букв. 'Эта каюта предоставляет ночлег двадцати человекам' (= В этой каюте могут спать двадцать человек').

b) *Twenty people are slept by this cabin.

(38) a) A large bribe obtained that passport for Sally.

букв. 'Большая взятка добыла тот паспорт для Салли' (= Салли добыл тот паспорт за большую взятку').

b) *That passport was obtained for Sally by a large bribe⁶.

букв. 'Тот паспорт был добыт для Салли большой взяткой'.

Во всех этих случаях мы полагаем, что косвенное дополнение продвигается в позицию 1. ЗЕПП 1 предсказывает для каждого из них грамматическую неправильность пассивного коррелята.

Относительно грамматической неправильности пассивных предложений в (30) — (38) следует сделать два замечания. Во-первых, насколько нам известно, никакого другого объяснения подобных случаев языковой неправильности ранее предложено не было. Во-вторых, глаголы большинства подобных предложений (buy 'покупать', find 'находить, заставить', see 'видеть', build 'строить' и obtain 'получать, добывать') встречаются в правильно построенных пассивных предложениях. Поэтому нельзя утверждать, что глаголы этих классов вообще не способны к пассивизации.

3.2.2. Взаимодействие пассива и инверсии

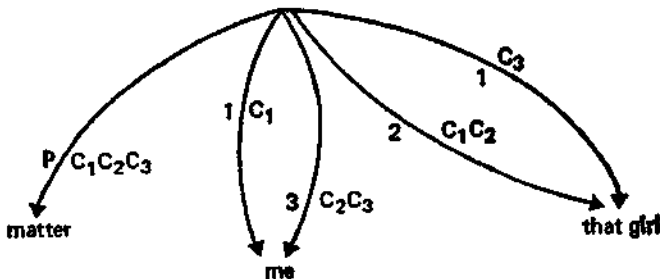
ЗЕПП 1 делает ряд предсказаний относительно предложений с *инверсией*, т. е. понижением из позиции 1 в позицию 3. Свидетельства существования такой конструкции в некоторых языках были представлены в работах Naggs 1978a, 1978b и Reilmutter 1978. ЗЕПП 1 делает предсказания относительно предложений с инвер-

сией постольку, поскольку в подобных предложениях обычно (но не обязательно) происходит продвижение исходной 2 в позицию 1.

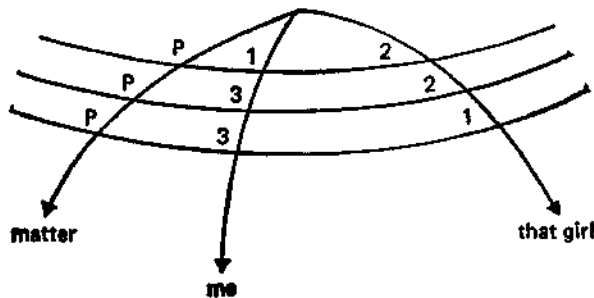
Те предложения, в которых ИГ, выполняющая семантическую роль экспериенцера, или «познающего» (Cognizer), является поверхностной тройкой, мы будем трактовать как случаи Инверсии. Таково предложение (39a), которое мы представляем в виде (39b, c):

(39) а) That girl mattered to me.
 'Та девушка много значила для меня'.

b)

c)

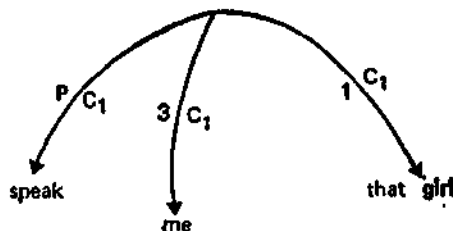

Существенно, что ИГ that girl является исходной 2 и поверхностной 1 в (39) и, таким образом, является продвиженцем. Следовательно, (39) отличается от (40), где that girl является исходной 1 и поверхностной 1 одновременно и, таким образом, не является в (40) продвиженцем:

(40) а) That girl spoke to me.

'Та девушка говорила со мной'.

b)

Предложение (40a) имеет в качестве коррелята «псевдопассив» ?:

(41) I was spoken to by that girl.

букв. 'Я был говорим с той девушкой'.

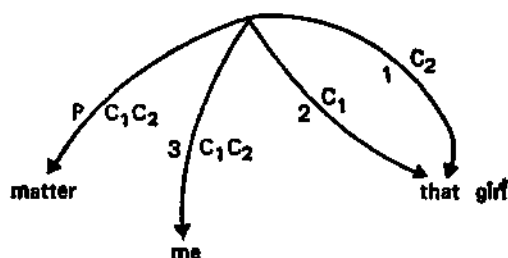
Однако на основе структур в (39) ЗЕПП 1 предсказывает, что у (39a) нет грамматически правильного «псевдопассивного» коррелята:

(42) *I was mattered to by that girl.

Поскольку ИГ *that girl* возглавляет дугу продвиженца в (39b), РС для *(42), которая должна была бы содержать две ИГ — *that girl* и *I*, возглавляющие дуги продвиженца с пометой 1, запрещается согласно ЗЕПП 1.

Предсказание относительно грамматической неправильности предложения *(42) существенно связано с тем обстоятельством, что ИГ *that girl* в (39) возглавляет дугу продвиженца с пометой 1, что является следствием того, что эта ИГ является исходной 1 и поверхностной 2 в этой структуре. Таким образом, это предсказание никак не связано с исходной позицией 1 инвертированной группы *me*. Иными словами, ЗЕПП 1 предсказывал бы грамматическую неправильность (42) и в том случае, если бы в качестве структуры предложения (39a) была выбрана не (39b), а другая структура — (43):

(43)

Поэтому, хотя грамматическая неправильность (42) служит некоторым обоснованием для гипотезы о том, что *that girl* в (39a) — продвиженец, на этой основе все же нельзя непосредственно обосновать, что ИГ *me* является исходной 1 в этом примере. Таким же образом соотносятся инверсия и ЗЕПП 1 во всех остальных случаях.

Хотя «псевдопассивы» типа (41) возможны с глаголом *speak*, они не всегда проходят даже для таких глаголов, которые, по нашей трактовке, присоединяют исходную 3. Так, многие глаголы, сочетающиеся с исходными тройками, не допускают «псевдопассивного» преобразования в отношении такой ИГ. Однако эти факты не влияют на существо наших утверждений. ЗЕПП 1 вовсе не утверждает, что любое предложение, не содержащее 1-продви-

женца, допускает «псевдопассивизацию», скажем, исходной 3 даже в языках типа английского, допускающих «псевдопассивизацию». Мы утверждаем, что инвертированные предложения, предполагающие продвижение некоторой ИГ в позицию 1, не допускают «последующей» пассивизации любого типа. Так, для английского языка это утверждение сводится к тому, что класс предложений, в которых тройка допускает «псевдопассивизацию», должен быть подмножеством класса неинвертированных предложений. Этот тезис можно проверить постольку, поскольку существуют независимые основания для причисления предложений с некоторыми особыми глаголами к классу инвертированных структур. Такого рода решение, в частности, следует из нашего мнения (здесь не мотивируемого нами), что исходные грамматические отношения в некотором предложении можно предсказать на основе смысла этого предложения. Тогда утверждение, что, скажем, глагол *matter* имеет в качестве исходного подлежащего ИГ с семантической ролью Экспериментер, означает, что любой глагол с тем же значением должен трактоваться аналогичным образом в произвольном языке. Итак, данные любого языка где глагол, эквивалентный английскому *matter*, участвовал бы в грамматически правильных аналогах предложений (39) и (42), не были бы одновременно совместимы с ЗЕПП 1 и мнением, что глагол, означающий *matter*, имеет в качестве исходного подлежащего экспериментер. Обнаружение такого синонима глагола *matter* в каком-либо диалекте английского языка, который встречался бы в контекстах типа *(42), имело бы то же самое следствие.

Рассмотрим другой тип английских предложений, в которых мы также склонны усматривать инверсию⁸:

(44) a) *Harry seems to me to be wrong.*

‘Гарри кажется мне неправым’.

b) *Louise appears to me to be wrong.*

‘Луиза представляется мне неправой’.

c) *That belongs to me.*

‘Это принадлежит мне’.

d) *That occurred to me.*

‘Это произошло со мной’.

e) *That happened to me.*

‘Это случилось со мной’.

f) *That dawned on me*

‘Это пришло мне в голову’.

ЗЕПП 1 правильно предсказывает недопустимость «псевдопассивов» для всех предложений в (44):

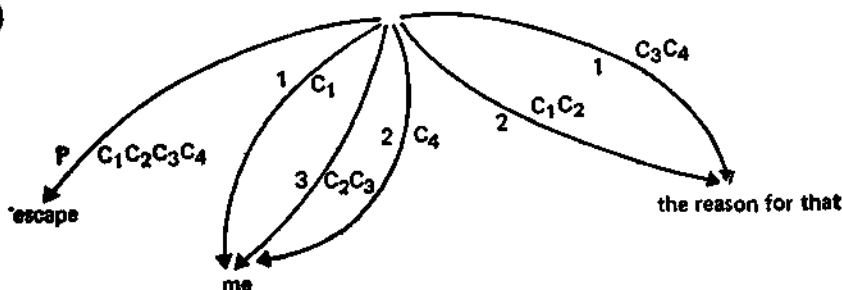
- (45) a) *I am seemed to by Harry to be wrong.
 b) *I am appeared to by Louise to be wrong.
 c) *I am belonged to by that.
 d) *I was occured to by that.
 e) *I was happened to by that.
 f) *I was dawned on by that.

ЗЕПП 1 предсказывает невозможность не только «псевдопассивов», но и обычных пассивов для инвертирующих предложений, в структуре которых есть слой с 1 и 2. Этот тип пассивизации потенциально возможен в инвертирующих предложениях, в которых подвергшаяся инверсии ИГ затем продвигается из позиции 3 в позицию 2. Предложения с глаголами elude, escape 'бежать, избегать, ускользнуть', как кажется, представляют именно этот тип *:

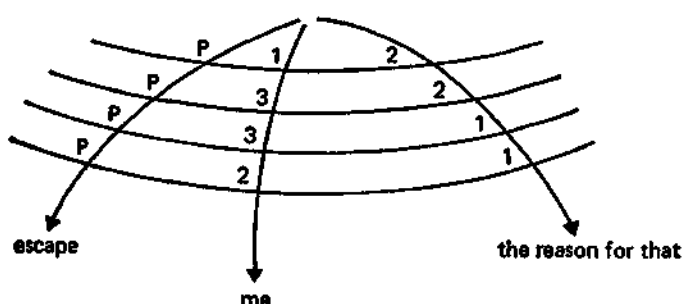
- (46) a) The reason for that escapes me.
 'Аргумент в пользу этого не доходит до меня'.
 b) His motivations elude me.
 'Его доводы ускользают от меня'.

Мы полагаем, что предложению (46a) соответствует РС (47a), представленная в сокращенном виде на диаграмме (47b):

(47) a)

b)

(Если не принимать во внимание Закон о шомёре, возможна также интерпретация с трехслойной структурой, в которой

ИГ the reason for that возглавляет дугу с пометой 1 во втором слое, что позволяет обойтись без третьего слоя в (47).) При предложенной трактовке невозможность пассивизации в таких случаях предстает не как необъяснимая причуда языка, а как закономерное следствие универсального принципа грамматики, мотивируемого независимо от какого-либо конкретного языка. При трактовке, опирающейся на инверсию, исходная 1 становится 3 во втором слое, а в следующем слое продвигается в позицию 2. Для нас существенно то, что ИГ the reason for that является исходной 2, а затем продвигается в позицию 1. Таким образом, она возглавляет дугу продвиженца с пометой 1 в (47). Соответственно ЗЕПП 1 правильно предсказывает грамматическую неправильность обычных пассивных коррелятов предложений (46):

(48) a) *I am escaped by the reason for that.

b) *I am eluded by his motivations.

РС, отвечающая *(48a), должна содержать две дуги продвиженца с пометой 1, одну из которых возглавляет 1, а другую — the reason for that, что приводит к нарушению ЗЕПП 1. Грамматическая неправильность *(48b) объясняется аналогичным образом, *mutatis mutandis*.

Относительно недопустимости пассивизации (а также «псевдопассивизации») в инвертирующих предложениях уместно сделать ряд дополнительных замечаний. Во-первых, насколько нам известно, никакого другого объяснения таких случаев языковой неправильности предложено не было. Более того, нам вообще не известны работы, содержащие сколько-нибудь систематическое описание таких фактов. Во-вторых, грамматическая неправильность отмеченных нами типов пассивных предложений подтверждает одновременно ЗЕПП 1 и гипотезу о том, что в рассмотренных предложениях имеет место так называемое «неаккузативное продвижение» (в конструкциях с инверсией).

Мы продемонстрировали случаи, когда ЗЕПП 1 правильно предсказывает грамматическую неправильность «псевдопассивных» и обычных пассивных коррелятов для инвертирующих предложений. Мы воспользовались материалом английского языка, но, поскольку утверждается универсальность ЗЕПП 1, этот закон делает аналогичное предсказание для всех естественных языков.

3.2.3. Невозможность «множественной пассивизации»

Другим интересным следствием ЗЕПП I является тот факт, что для любого языка в пределах одного предложения невозможна «множественная пассивизация». Проиллюстрируем этот запрет на английском материале.

(49) a) Many constituents have written to Senator Warhola.
'Многие избиратели написали сенатору Вархола'.

b) Senator Warhola has been written to by many constituents.

букв. 'Сенатор Вархола был написан к многими избирателями'.

(49b) иллюстрирует возможность «псевдопассивизации» исходной тройки. Теперь рассмотрим следующие предложения:

(50) a) Many constituents have written letters to Senator Warhola.

'Многие избиратели написали письма сенатору Вархола'.

b) Letters have been written to Senator Warhola by many constituents.

'Письма были написаны сенатору Вархола многими избирателями'.

c) *Senator Warhola has been written to by many constituents by letters.

d) *Senator Warhola has been been written to by many constituents by letters.

Априори ничто не препятствует множественной пассивизации. В только что приведенном примере априори ничто не исключает возможность пассивизации (50b), приводящей к *(50c) или, если допустить «двойную пассивную морфологию», к *(50d). Однако ЗЕПП I запрещает подобные грамматически неправильные пассивные предложения, так как отображающие их РС содержат более одной дуги продвиженца с пометой I (в данном случае — возглавляемых ИГ letters и Senator Warhola).

Аналогичным образом ЗЕПП I предсказывает невозможность гипотетического пассивного предложения *(52c) или *(52d), характеризующегося «двойной» пассивной морфологией:

(51) a) Mark slept on the bed.

'Марк спал в постели'.

b) The bed was slept on by Mark.

букв. 'Постель была спана в Марком'.

(52) a) Mark kissed Betty on the bed.

'Марк поцеловал Бетти в постели'.

b) Betty was kissed on the bed by Mark.

'Бетти была поцелована в постели Марком'.

c) *The bed was kissed on by Mark by Betty.

d) *The bed was been kissed on by Mark by Betty.

Поскольку «псевдопассивные» корреляты некоторых типов предложений с непереходными сказуемыми все же возможны в английском и поскольку в пассивных предложениях сказуемые непереходны (в отношении поверхностно-синтаксического поведения), грамматическая неправильность примеров типа *(50с, d) и *(52с, d) требует объяснения. Эти английские примеры иллюстрируют предсказание, делаемое нашим ЗЕПП 1, что множественная пассивизация одного и того же предложения не должна допускаться в любом языке.

3.3. Заключение

Мы продемонстрировали убедительные эмпирические свидетельства в пользу ЗЕПП 1, опираясь на данные филиппинских языков и английского языка, подтверждающие невозможность более одного продвижения в позицию 1 в пределах отдельного предложения. Этот закон предсказывает, что взаимодействия типов процессов, недопустимые, как было показано, в рамках рассмотренных языков, должны быть недопустимыми в универсальном плане. В настоящее время нам не известны какие-либо языковые данные, несовместимые с этим законом. Он делает точные предсказания относительно широкого диапазона конструкций во всех языках и, таким образом, может быть подвергнут дальнейшей эмпирической проверке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь представлена реляционная иерархия, постулированная нами еще в начале разработки теории реляционной грамматики. Она сходна с иерархией, постулированной Кинэном и Комри (см. их статью в наст. сб.), в том, что в обеих иерархиях отношения 1, 2 и 3 располагаются в данном порядке и что термовые отношения располагаются выше нетермовых отношений. Реляционная иерархия Кинэна и Комри

отличается от нашей иерархии тем, что в ней вообще не проводится разграничения термовых и нетермовых отношений, но зато выделяются позиции «генитив» и «объект сравнения».

² В работе G a r y — K e e n a n 1977, 113 предлагается возможность широкого обобщения Закона сохранения состояния продвигенца (ЗССП):

«ЗССП, по существу, утверждает, что терм, полученный правилом продвижения, не может быть понижен никаким другим правилом продвижения (в любом цикле). На самом деле наиболее широким обобщением ЗССП может служить следующая формулировка: *“Никакой производный терм не может быть понижен правилом продвижения”*».

Мы экспериментировали с самыми разнообразными обобщениями такого рода, в том числе с обобщением, названным нами Закон антитяготения (Anti-Gravity Law). Этот закон запрещает понижение любого неисходного термина посредством каких-либо правил. Однако в настоящее время мы убеждены, что подобного рода обобщения слишком сильны. Например, рассмотренные нами примеры из языка руанда, в которых инструментальная ИГ — продвигенец в позицию 2 перемещается затем в позицию шомёра из-за последующего продвижения локативной ИГ в позицию 2, нарушают как Закон антитяготения, так и обобщение Закона сохранения состояния продвигенца, предложенное Гэри и Кинэном в их работе о языке руанда, а также закон (3) в тексте нашей работы. Вместо этого можно было бы предложить принцип, препятствующий понижению ИГ, занимающих неисходную позицию 1. Обсуждение такого принципа см. в P e r l m u t t e r — P o s t a l 1981.

³ Пример такого рода можно, по-видимому, найти в грузинском языке, где наблюдается более одного продвижения в позицию 3, но эти продвижения обуславливаются более сильными ограничениями, мешающими применению Закона сохранения состояния продвигенца (см. H a g g i s 1976).

⁴ Подобная трактовка не предсказывает наличие у (27a) пассивного коррелята, так как вполне возможно, чтобы некоторое независимое от ЗЕПП 1 ограничение блокировало пассивизацию в данном конкретном случае.

⁵ Любая лингвистическая теория, в которой исходные грамматические отношения предсказываются на основе семантических ролей, по-видимому, требует, чтобы подобные поверхностные дуги с пометой 1 трактовались как дуги продвигенца. См. P e r l m u t t e r 1978, где рассматриваются и объясняются некоторые примеры, которые на первый взгляд противоречат такой теории.

⁶ Некоторые информанты признают правильными примеры типа (38b). Мы предполагаем, что такие информанты используют *by* как вариант инструментального наречного выражения *by means of* ‘с помощью’ в более широком круге контекстов, чем авторы настоящей работы. Мы считаем, что для таких информантов выражение *by a large bribe* является не шомёром, а инструментом в принимаемой ими интерпретации (38b). Таким образом, мы предсказываем, что в идиолектах этих информантов будут приемлемы предложения типа:

(i) *Ted obtained that passport for Sally yesterday by a large bribe.*

‘Тед достал этот паспорт для Салли вчера с помощью большой взятки’. Это предложение для наших идиолектов неправильно, но оно становится правильным, если *by* заменить на *with* или на *by means of*. Вот

почему мы утверждаем, что примеры типа (38b) признаются приемлемыми только тогда, когда им приписывается структура, не противоречащая ЗЕПП 1, а именно структура, в которой группа предлога *by* является инструментальной. То же рассуждение справедливо, *mutatis mutandis*, для предложений (b) в (34) — (37).

⁷ Вопрос о структуре «псевдопассивных» предложений весьма важен, однако в строгом смысле не слишком существен для настоящего изложения. На наш взгляд, термин «псевдопассив» относится по меньшей мере к двум различным типам структур. С одной стороны, имеются такие типы предложений, в которых поверхностная двойка маркируется (нерегулярным образом) некоторым особым падежным показателем или предлогом, вообще говоря, не типичным для поверхностных двоек. С другой стороны, имеются предложения, в которых разного рода ИГ, не находящиеся в позиции 2, продвигаются в позицию 2, а затем в позицию 1. Более того, продвижение ИГ в позицию 2 предполагает оставление следа исходного отношения этой ИГ отличного от 2; в поверхностной структуре английских предложений этот след реально не остается (не находит реального воплощения). Стандартный предлог является, таким образом, частью предложной группы, содержащей как бы невидимый след местоимения. Ср. обсуждение этого вопроса в *Johnson — Postal 1980, ch. 13*.

⁸ Некоторые аргументы в пользу инверсии, приводимые в *Perlmutter 1978* относительно материала итальянского языка, могут быть распространены, *mutatis mutandis*, на эти английские примеры.

⁹ Как утверждается в *Perlmutter 1978*, более весомые свидетельства в пользу данной трактовки обнаруживаются в голландском языке, в котором предложения, аналогичные (46a), с глаголом *ontsnarpen* 'убегать, ускользать' либо реализуются в виде (46a), т. е. с немаркированным *Познающим* (не сопровождается никаким предлогом) сразу после глагола (главное свидетельство поверхностной позиции 2 этой ИГ), либо содержат предлог *aan*, маркирующий поверхностные тройки в голландском. Предложениям последнего типа мы приписываем структуру типа (47) за вычетом четвертого слоя. Поскольку *Познающий* выступает как поверхностная тройка, подобные предложения подтверждают инверсионную трактовку.

ЛИТЕРАТУРА

Bell 1976 — *Bell S. J. Cebuano Subjects in two Frameworks. Unpublished doctoral dissertation, MIT, Cambridge (Mass.), 1976.*

Gary — Keenan 1977 — *Gary J. O., Keenan E. L. On Collapsing Grammatical Relations in Universal Grammar. In: "Syntax and Semantics", P. Cole, J. Sadock (eds.), Academic Press, New York, 1977,*

Harris 1976 — *Harris A. C. Grammatical Relational in Modern Georgian. Unpublished doctoral dissertation, Harvard University, 1976.*

Harris 1978a — *Harris A. C. Inversion as a Rule of Universal Grammar: Georgian Evidence. In: «Studies in Relational Grammar 2», D. M. Perlmutter (ed.), 1978.*

Harris 1978b — *Harris A. C. Case Marking, Verb Agreement, and Inversion in Udi. In: «Studies in Relational Grammar 2», D. M. Perlmutter (ed.), 1978,*

Johnson — Postal 1980 — Johnson D. E., Postal P. M. Arc Pair Grammar. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1980.

Kimenyi 1976 — Kimenyi A. A Relational Grammar of Kinyarwanda. Unpublished doctoral dissertation, UCLA, 1976.

Perlmutter 1978 — Perlmutter D. M. Evidence for Inversion in Italian. In: «Studies in Relational Grammar 2», D. M. Perlmutter (ed.), 1978.

Perlmutter — Postal 1977 — Perlmutter D. M., Postal P. M. Toward a Universal Characterization of Passivization. In: «Proceedings of the Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society», Berkeley, California, 1977.

Perlmutter — Postal 1981 — Perlmutter D. M., Postal P. M. Impersonal Passives and Some Relational Laws. In: «Passivization and Related Issues», D. M. Perlmutter (ed.), 1981.

ИЕРАРХИЯ ДОСТУПНОСТИ ИМЕННЫХ ГРУПП И УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

В разд. 1 мы предлагаем Иерархию доступности именных групп *, в терминах которой мы устанавливаем три универсальных ограничения на релятивизацию [образование относительных групп]. Кроме того, мы приводим факты в поддержку этих ограничений, а также обсуждаем ряд примеров, частично противоречащих этим ограничениям. В разд. 2 мы пытаемся хотя бы отчасти объяснить ограничения на Иерархию доступности, подкрепляя свои объяснения дополнительными данными, касающимися релятивизации. Наконец, в разд. 3 мы даем краткий обзор других работ, в которых предполагается, что распределение процессов продвижения (типа пассивизации) может быть описано в терминах Иерархии доступности; это значит, что предлагаемое объяснение Иерархии доступности нуждается в обобщении^{1**}.

1. ИЕРАРХИЯ ДОСТУПНОСТИ

1.1. Два предварительных методологических замечания

Мы пытаемся определить универсальные свойства относительных групп (*relative clauses*) путем сравнения их синтаксической формы в широком круге языков. Для этого

Edward L. Keenan, Bernard Comrie. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar.—In: «Linguistic Inquiry», v. 8, № 1, 1977, p. 63—98.

* Под доступностью (*accessibility*) именной группы понимается степень легкости, с которой именная группа подвергается релятивизации.— *Прим. ред.*

** Некоторые идеи настоящей работы пересмотрены авторами в недавней статье Comrie—Keenan 1979.— *Прим. перев.*

необходимо располагать некоторым, преимущественно несинтаксическим, способом отождествления относительных групп (ОГ) в произвольном языке.

Решение этой проблемы мы усматриваем в использовании определения ОГ главным образом на семантической основе. Мы считаем, что некоторый синтаксический объект является относительной группой, если он определяет некоторое (возможно, одноэлементное) множество объектов в два этапа: сначала определяется объемлющее множество, называемое областью релятивизации, а затем это множество сужается до некоторого своего подмножества, относительно которого истинно так называемое ограничивающее предложение². В поверхностной структуре область релятивизации выражается именной группой, являющейся вершиной всего выражения, — вершинной ИГ, а ограничивающее предложение представлено ограничивающим относительным оборотом, который в поверхностной структуре может быть в большей или меньшей степени близок к самостоятельному предложению (в зависимости от данного языка) *.

Например, в относительной группе *the girl (that) John likes* 'девушка, которую Джон любит' областью релятивизации является множество девушек, а вершинной именной группой — слово *girl*. Ограничивающее предложение — это предложение *John likes her* 'Джон любит ее', а ограничивающий оборот — это выражение *(that) John likes*. Очевидно, что, для того чтобы некоторый объект мог быть

* Из приведенного определения (и дальнейшего изложения) явствует, что под относительной группой (*relative clause*) авторы понимают именную группу, в которой существительное-вершина модифицируется посредством выражения, содержащего форму глагола, либо посредством определительного придаточного предложения (в случае личной формы глагола), либо посредством причастного оборота (в случае причастной формы). В русской лингвистической терминологии отсутствует общепринятый термин, подходящий для обозначения данного языкового объекта. В настоящем переводе используется рабочий термин — *относительная группа*. Следует отметить, что в своем изложении авторы не всегда проводят разграничение между относительными группами и входящими в них выражениями с глагольной формой, модифицирующими существительное-вершину, нередко называя последние тоже *relative clauses*.

В переводе данное смешение понятий устранено: модифицирующие выражения всегда называются *относительными оборотами* или (относительными) *ограничивающими оборотами*. — *Прим., перев.*

правильно обозначен посредством сочетания *the girl that John likes*, этот объект должен принадлежать области релятивизации и удовлетворять ограничивающему предложению. ИГ в ограничивающем предложении, кореферентную вершинной ИГ, мы будем называть релятивизируемой ИГ (ИГ_{rel}); в нашем примере это местоимение *her* — прямое дополнение при глаголе *likes*.

Отметим, что в настоящем исследовании мы рассматриваем только такие относительные группы, которые обозначают определенные конкретные объекты и содержат ограничительные (а не описательные) относительные обороты. Роль детерминанта со значением определенности (в английском языке — определенного артикля *the*) считается постоянной, и мы от нее отвлекаемся; сам термин «относительная группа» применяется к сочетанию вершинной ИГ и ограничивающего оборота.

Заметим далее, что наше семантически ориентированное понятие относительной группы оправдывает включение в класс ОГ ряда конструкций, которые традиционная грамматика не сочла бы таковыми. Так, в немецком языке наряду с традиционными ОГ, представленными в (1), мы учитываем также причастные конструкции в (2):

- (1) *Der Mann, der in seinem Büro arbeitet.*
'Этот человек, который в своем кабинете работает'.
(2) *Der in seinem Büro arbeitende Mann.*
'Этот в своем кабинете работающий человек'.

Как показывают данные немецкого языка, не только в разных языках существуют различные способы образования ОГ, но и в пределах одного языка нередки случаи двух и более типов ОГ. Способы образования ОГ мы будем называть стратегиями образования относительных групп, или стратегиями релятивизации. Разные стратегии отличаются друг от друга по тому, какие синтаксические позиции именных групп релятивизируются при той или иной стратегии. Так, причастная стратегия в примере (2) может релятивизировать только подлежащее (иными словами, вершинная ИГ может пониматься только как коррелят подлежащего при глагольной форме ограничивающего оборота), тогда как стратегия в примере (1) релятивизирует практически любую из основных синтаксических позиций именных групп в простом предложении. Следовательно, обобщения относительно релятивизируемости различных ИГ должны делаться применительно к исполь-

зуемой стратегии. Поэтому было бы рискованно опираться только на один критерий при решении вопроса о том, когда две различные ОГ образованы посредством разных стратегий.

Существует множество признаков, по которым ОГ различаются на поверхностном уровне; отсюда вытекает многочисленность критериев определения того, когда две стратегии различаются. Мы выбрали два критерия, которые, как нам кажется, наиболее непосредственно соотносятся с нашим восприятием того, как мы понимаем значение ОГ, т. е. с нашим восприятием нашего собственного понимания того, какими свойствами должен обладать объект, чтобы его можно было правильно обозначить посредством ОГ. Первый критерий касается того, как разграничиваются на поверхностном уровне вершинная ИГ и ограничивающий оборот, а второй — каким образом помечается та позиция, которая подвергается релятивизации.

В первом случае мы считаем, что две ОГ образованы разными стратегиями, если при данных стратегиях различается взаимное расположение вершинной ИГ и ограничивающего оборота. Существует три возможности: вершинная ИГ располагается слева от ограничивающего оборота, как в (1) (постноминимальная стратегия образования ОГ); вершинная ИГ располагается справа от ограничивающего оборота, как в (2) (преноминимальная стратегия), или же вершинная ИГ располагается внутри ограничивающего оборота (внутренняя стратегия), как в примерах (3) и (4), взятых из языков бамана (B i g d 1966) и диегеньо (G o r b e t 1972) соответственно:

(3) a) Ne ye so ye.

я *прош* лошадь видеть

‘Я видел лошадь’.

b) Ne ye so min ye.

я *прош* лошадь которую видеть

‘Лошадь, которую я видел’*.

c) Se ye ne ye so min ye

человек *прош* я *прош* лошадь которую видеть

сап.

купить

‘Человек купил лошадь, которую я видел’.

* Такую конструкцию можно было бы рассматривать как ОГ без вершинной именной группы,— *Прим. ред.*

- (4) a) Тэпау 'эва: + ∅ 'эви:w.
 вчера дом + DO я-видел
 'Я видел дом вчера'.
- b) 'эва: + ру + L' 'сіаwх.
 дом + *опред* + в я-буду-петь
 'Я буду петь в том доме'.
- c) [NP_S Тэпау'эва: + ∅ 'эви:w]] + ру + L'
 вчера дом + DO я-видел + *опред* + в
 'сіаwх.
 я-буду-петь
 'Я буду петь в доме, который я вчера видел'.

Второй критерий состоит в следующем: мы считаем, что две ОГ образованы посредством разных стратегий, если одна из них содержит, а другая не содержит такой именной элемент в составе ограничивающего оборота, который недвусмысленно указывает, какая синтаксическая позиция подвергается релятивизации, и поэтому нам точно известно, что сообщает ограничивающий оборот относительно вершинной ИГ (и, таким образом, по поверхностной структуре ОГ мы можем восстановить соответствующее ограничивающее предложение); эту стратегию мы назовем падежно-ориентированной стратегией (+ case RC strategy). Например, стратегия образования ОГ *the girl who John likes* 'девушка, которую Джон любит' не является падежно-ориентированной, поскольку местоимение *who*, единственная релевантная частица в ограничивающем обороте, может быть употреблено также и для выражения другой синтаксической роли — коррелята вершинной ИГ в ограничивающем обороте, например, *the girl who likes John* 'девушка, которая любит Джона' (падежно-неориентированная стратегия)*. С другой стороны, в соответствующих русских предложениях — (5a) и (5b) — форма относительного местоимения явным образом указывает синтаксическую роль коррелята вершинной ИГ, и, таким образом, эта стратегия в русском языке является падежно-ориентированной:

- (5) a) *Девушка, которую Джон любит.*
 b) *Девушка, которая любит Джона.*

Отметим, однако, что английские ОГ типа *the chest in*

* Этот пример сомнителен, так как порядок слов в ограничивающих оборотах *who John likes* и *who likes John* однозначно указывает на синтаксическую роль («падеж») местоимения *who*. — *Прим. ред.*

which John put the money 'ящик, в который Джон положил деньги' считаются падежно-ориентированными, так как в ограничивающем обороте имеется предлог in, указывающий роль коррелята вершинной ИГ.

Кроме относительных местоимений, синтаксическую роль ИГ могут указывать и другие средства, имеющиеся в рассматриваемых в нашем исследовании языках. Например, в релятивизируемой позиции может встречаться личное местоимение, как в иврите:

(6) На- ³ išša	še-Yōn	nātan	lā	'ēt
<i>опред-женщина</i>	такая + что-Джон	дал	ей	<i>DŌ</i>
<i>hā-šæfer.</i>				
<i>опред-книга</i>				
'Женщина, которой Джон дал книгу'.				

1.2. Иерархия доступности и ограничения на иерархию

1.2.1. Задание иерархии и формулировка ограничений

На основе данных примерно пятидесяти языков мы утверждаем, что языки различаются в отношении их способности релятивизировать те или иные синтаксические позиции ИГ и что это разнообразие имеет не случайный характер. Наоборот, релятивизируемость определенных позиций находится в зависимости от релятивизируемости других позиций; мы утверждаем, что подобные зависимости универсальны. Приводимая ниже Иерархия доступности выражает относительную подверженность релятивизации для разных позиций ИГ в простых предложениях.

Иерархия доступности (ИД):

SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP

Здесь знак > означает «более подвержен [релятивизации], чем», SU обозначает «подлежащее», DO — «прямое дополнение», IO — «непрямое дополнение», OBL — «косвенное дополнение» (мы здесь имеем в виду скорее ИГ, выражающие аргументы главного предиката, — типа группы the chest в примере John put the money in the chest 'Джон положил деньги в ящик', чем ИГ, в большей степени близкие к обстоятельствам, — типа Chicago в примере John lives in Chicago 'Джон живет в Чикаго' * или ИГ that day

* Слово Chicago выступает в этом примере не в обстоятельственной функции при глаголе live, а в роли аргумента данного глагола; здесь предложная группа in Chicago заполняет вторую валентность этого глагола со значением 'место', — *Прим. перев.*

в примере John left on that day 'Джон уехал в тот день'), GEN обозначает «генитивную» ИГ (или ИГ «обладателя»), например, ИГ the man в предложении John took the man's hat 'Джон взял шляпу этого мужчины'; наконец, ОСОМР обозначает «объект сравнения», например, ИГ the man в предложении John is taller than the man 'Джон выше этого мужчины'.

Синтаксические позиции в ИД следует понимать как способы выражения множества грамматических противопоставлений, допустимых в языке. Мы отнюдь не утверждаем, что любой язык непременно различает все эти категории — либо в процессе образования ОГ, либо в ходе других синтаксических процессов. В некоторых языках (например, в хинди) объект сравнения трактуется так же, как обычное предложное или послеложное дополнение. В подобных случаях мы относим соответствующие ИГ к косвенным дополнениям — OBL, а позиция ОСОМР в ИД остается нереализованной. Аналогичным образом в G a r y — K e e n a n 1977 утверждается, что в языке руанда (язык семьи банту) синтаксически неразличимы позиции DO и IO. Далее, в ряде языков можно допустить разграничение двух типов DO при образовании ОГ. Если бы это оказалось справедливым, мы должны были бы в соответствующем пункте расширить ИД, а относительно языков типа английского говорить, что они в этом пункте не проводят соответствующего разграничения. Однако на нынешней стадии исследования мы принимаем, что в ИД разграничиваются именно указанные выше грамматические противопоставления, поскольку материал рассмотренных нами языков не дает основания вводить более тонкие разграничения категорий.

В терминах ИД мы формулируем следующие ограничения на Иерархию (ОИ):

Ограничения на Иерархию:

1. *В языке должны быть средства релятивизации подлежащих.*

2. *Любая стратегия образования ОГ должна быть применима к некоторому непрерывному отрезку ИД.*

3. *Стратегии, применимые к некоторому рангу в ИД, могут в принципе быть неприменимыми к любому более низкому рангу в этой Иерархии*.*

* Ранг синтаксической позиции (=синтаксического отношения) — это характеристика данной позиции с точки зрения ее положения в Ие-

ОИ определяют те условия, которым должна удовлетворять любая грамматика естественного языка. ОИ₁ утверждает, что грамматика должна быть устроена таким образом, чтобы допускать релятивизацию группы подлежащего, занимающей высший ранг в Иерархии доступности. Так, например, ни в одном языке невозможна релятивизация только DO или только локативов, однако возможно, чтобы язык допускал только релятивизацию подлежащих (и эта возможность наблюдается в конкретных языках, см. примеры в 1.3.1). ОИ₂ утверждает, что при образовании относительных групп язык свободен в трактовке соседних рангов в ИД как идентичных, но он не может «игнорировать» те или иные ранги. Так, если какая-либо стратегия может применяться как к подлежащим, так и к локативам, она должна также быть применима к DO и к IO. Наконец, ОИ₃ утверждает, что любой ранг в ИД может быть потенциально предельным рангом для любой стратегии, применимой к более высокому рангу в иерархии. Это означает, что при конструировании грамматики для некоторого естественного языка, коль скоро мы ввели в нее стратегию, применимую к некоторому рангу в ИД, мы можем запретить ее применение к любому низшему рангу.

Отметим, что именно ОИ₂ мотивирует реальное расположение рангов в ИД. Далее, ОИ₃ допускает — в качестве конкретного случая — возможность применения определенной стратегии релятивизации только к одному рангу в ИД. Так, некоторые языки (например, яванский, см. табл. 1) прибегают к падежно-ориентированной стратегии относительно низших рангов Иерархии доступности (например, генитивов), а стратегия, применимая к более высоким рангам ИД, не является падежно-ориентированной. С другой стороны, ОИ₃ утверждает, что каждый ранг в ИД

рархии доступности. В оригинале здесь и ниже для обозначения синтаксической позиции с точки зрения ИД используются довольно расплывчатые, нечеткие слова *point*, *term*, а также слово *position*. Мы позволили себе ввести в перевод слово «ранг» для того, чтобы разграничить понятие синтаксической позиции а) как грамматического отношения, реализуемого именной группой в предложении, и б) как места в системе составляющих конкретного предложения, с одной стороны, и понятие синтаксической позиции в) как члена ИД — с другой; именно к последнему понятию применяется слово «ранг». В некоторых статьях, помещенных в настоящем сборнике, такие термины, как «ранг» (*rank*), «превосходить по рангу» [в некоторой иерархии] (*outrank*), используются эксплицитным образом. — *Прим. ред.*

значим. Таким образом, если бы ни в одном языке не было такой стратегии релятивизации, которая была бы применима к DO, но не к IO, то никакие данные не оправдали бы их различия в ИД. В разд. 1.3 мы дадим обоснование утверждения, что каждый ранг в ИД является действительно потенциально предельным рангом; мы покажем, что для каждого ранга в ИД некоторые языки располагают стратегией, действие которой прекращается именно на этом ранге.

1.2.2. Ограничения на первичную релятивизацию

В 1.2.1 мы заявили, что ИД универсально определяет степень доступности именных групп при релятивизации. Но, возможно, вовсе не очевидно, что ОИ действительно выявляют лингвистическую интуицию на этот счет. Однако приводимые ниже Ограничения на первичную релятивизацию (ОПР) в большей мере выявляют эту интуицию при том, что и они логически следуют из приведенных выше ОИ. Чтобы показать это, определим прежде всего некоторую стратегию релятивизации в некотором языке как первичную стратегию (в этом языке), если она может использоваться для релятивизации подлежащих. Термин «первичный» мотивируется здесь тем обстоятельством, что в соответствии с ОИ язык, безусловно, должен располагать первичной стратегией, но может обходиться без остальных. Таким образом, среди разнообразных стратегий релятивизации, которые могут встречаться в языке, необходимыми являются только первичные. Теперь мы можем сформулировать:

Ограничения на первичную релятивизацию (ОПР):

1. *Любой язык должен располагать первичной стратегией релятивизации.*
2. *Если первичная стратегия в данном языке может применяться к некоторому рангу иерархии, то она может применяться ко всем более высоким рангам.*
3. *Действие первичной стратегии может прекращаться на любом из рангов в ИД.*

Очевидно, что ОПР₁ — это не что иное, как переформулировка ОИ₁. ОПР₂ непосредственно вытекает из ОИ₂ и определения первичности, поскольку любая первичная стратегия, способная релятивизировать группу низкого

ранга в ИД, может также релятивизировать подлежащее (в силу своей первичности) и, стало быть, в силу ОИ₂, она может релятивизировать все промежуточные ранги в ИД между подлежащим и данной группой более низкого ранга. Наконец, ОПР₃ является просто частным случаем ОИ₃.

Таким образом, ОПР утверждают, что если мы сосредоточим наше внимание на первичных стратегиях релятивизации, то релятивизируемость некоторого ранга в ИД предполагает релятивизируемость всех более высоких рангов. Обратное же неверно. У нас есть возможность релятивизировать либо только подлежащие, либо подлежащие и прямые дополнения, либо подлежащие, прямые дополнения и не прямые дополнения и т. п. Таким образом, возможность релятивизации (посредством первичной стратегии) понижается по мере того, как мы спускаемся по ИД, и в этом смысле чем ниже мы спускаемся по ИД, тем более возрастает трудность релятивизации соответствующих рангов.

Заметим, что существует более явный и эффективный способ выразить интуитивное представление о том, что релятивизируемость понижается по мере движения вниз по ИД, а именно: *если в языке возможна релятивизация некоторого ранга в ИД, то в нем возможна также релятивизация всех более высоких рангов*. Это утверждение сводится к тому, что стратегии релятивизации всегда распределяются таким образом, что они покрывают некоторый высший отрезок ИД. Однако такого рода формулировка опровергается полученными нами данными.

Так, языку тоба-батак (малайско-полинезийская группа, о. Суматра) свойственна первичная стратегия, иллюстрируемая фразами (7), которые характеризуются постноминальностью и падежной неориентированностью:

(7) а) Manussi abit boru-boru i.
стирать (актив) белье женщина *опред*
'Женщина стирает белье'.

б) Boru-boru na manussi abit i.
женщина которая стирать белье *опред*
'Женщина, которая стирает белье'.

(Отметим, что основной порядок слов в этом языке — VOS. См. S i l i t o n g a 1973, где вопрос о порядке слов в тоба-батак рассматривается подробно.)

При этом прямые дополнения не могут быть релятиви-

зированы на основе этой или какой-либо иной стратегии в тоба-батак, как видно из (8a). Единственный способ выразить смысл предложения (8a) состоит в пассивном преобразовании исходного предложения (8b) и последующей релятивизации производного подлежащего, дающей (8c):

- (8) a) *Abit na mapussi bogu-bogu i.
 белье которое стирать женщина *опред*
 'Белье, которое женщина стирает'.
 b) Disussi ni bogu-bogu abit i.
 стирать (*пассив*) посредством женщина белье *опред*
 'Белье было выстирано женщиной'.
 c) Abit na nisussi ni bogu-bogu
 белье которое стиранное посредством женщина
 i.
опред
 'Белье, которое было выстирано женщиной'.

(Отметим, что префикс пассива *di-* превращается в *ni-* в составе придаточного оборота.)

Таким образом, в языке тоба-батак, как и во многих малайско-полинезийских языках (Кеепап 1972b), невозможна непосредственная релятивизация тех ИГ, которые могут быть повышены в позицию подлежащего. Для релятивизации такой ИГ в этом языке ее необходимо переместить в позицию подлежащего. Однако в противоположность филиппинским языкам, и в частности малагасийскому, язык тоба-батак располагает весьма ограниченной системой повышения ранга актантов («залоговой» системой). Именные группы, управляемые предлогами, включая не прямые дополнения, как правило, не могут перемещаться в позицию подлежащего. Для релятивизации таких ИГ можно прибегнуть к другой стратегии, на этот раз падежно-ориентированной. Здесь мы имеем еще один показатель релятивизации, а личное местоимение удерживается в релятивизированной позиции:

- (9) Dakdanak i, ima-na piraboa
 ребенок *опред* именно-такой + что рассказал
 ni si Rotua turi-turian-i tu ibana.
 посредством *Art* Rotua история-*опред* к ему
 'Ребенок, которому Rotua рассказал историю'.

Отсюда становится ясным, что в языке тоба-батак имеются «неполные» стратегии релятивизации. Одна стратегия

применима только к подлежащим, другая — к непрямым дополнениям, косвенным дополнениям и генитивам. ИГ, занимающая не охваченный этими стратегиями ранг, в данном случае стоящая в позиции прямого дополнения, должна быть повышена в позицию подлежащего для ее релятивизации. Все языки в нашей выборке, имеющие неполные стратегии (см. табл. 1), похожи в этом отношении на язык тоба-батак. Иными словами, нерелятивизируемые ИГ могут систематически повышаться в ранге в ИД, после чего они могут быть релятивизированы. То обстоятельство, что ИГ, находящиеся в зоне, не охваченной стратегией релятивизации, всегда могут повыситься до доступного ранга, как раз и обосновывает сильное ограничение следующего вида: если язык может релятивизировать некоторый ранг в ИД, то он может релятивизировать любой более высокий ранг либо непосредственно, либо с помощью повышения ИГ до ранга, который может быть непосредственно релятивизирован.

В разд. 1.3 мы рассмотрим свидетельства в пользу данных ограничений на иерархию. В частности, мы покажем, что любой ранг в ИД является потенциально предельным для некоторой первичной стратегии. Затем в разд. 1.4 мы рассмотрим некоторые сомнительные случаи и некоторые противоречащие примеры.

1.3. Обоснование ограничений на иерархию

1.3.1. Релятивизация исключительно подлежащих

Во многих западных малайско-полинезийских языках релятивизации могут подвергаться только подлежащие, как, например, в малагасийском языке с его базовым порядком слов VOXS и развитой системой повышения любой главной ИГ* в ранг подлежащего. В относительных группах этого языка вершинная ИГ помещается в самой левой позиции, после нее может следовать факультативный постоянный показатель релятивизации *izaʉ*, а затем следует ограничивающий оборот, не содержащий местоимения в позиции ИГ_{rel} (К е е п а н 1972 b):

* Под главной ИГ (major NP) понимается ИГ, находящаяся в одной из главных позиций, таких, как SU, DO, IO и т. д.— *Прим. ред.*

- (10) a) Nahita ny vehivavy ny mpianatra.
 видел *опред* женщина *опред* студент
 'Студент видел женщину'.
- b) Ny mpianatra izay nahita ny vehivavy.
опред студент такой-что видел *опред* женщина
 'Студент, который видел женщину'.
- c) *Ny vehivavy izay nahita ny mpianatra.
опред женщина такая-что видела *опред* студент
 'Женщина, которая видела студента'.
- d) Nohitan' ny mpianatra ny vehivavy.
 была + увидена *опред* студент *опред* женщина
 'Женщина была увидена студентом'.
- e) Ny vehivavy izay nohitan' ny
опред женщина такая-что была + увидена *опред*
 mpianatra.
 студент
 'Женщина, которая была увидена студентом'.

В числе других языков из нашей выборки, имеющих первичную стратегию, применимую исключительно к подлежащим, можно назвать яванский, ибан, минанг кабау и тоба-батак; сюда же следует отнести тагальский язык, если признать ИГ, стоящую в «фокусе», подлежащим (см. далее, 1.4.1.1). Наконец, многие европейские языки (например, немецкий, русский и польский) располагают стратегиями образования причастных оборотов, применимыми исключительно к подлежащим; ср. пример (2) выше.

1.3.2. Релятивизация подлежащих и прямых дополнений

В валлийском языке первичная стратегия применяется только к подлежащим и прямым дополнениям; она порождает постноминальные относительные обороты, вводимые частицей *a*, причем ИГ_{rel} опускается. Другие позиции релятивизируются посредством иной постноминальной стратегии, осуществляемой при помощи частицы *y* и личного местоимения в позиции ИГ_{rel}:

- (11) a) Y bachgen a oedd yn darllen.
опред мальчик который был в чтении
 'Мальчик, который читал'.
- b) Dyma 'r llyfr y darllenais
 здесь-есть *опред* книга такая + что я + читал
 y stori ynddo.
опред рассказ в + ней
 'Вот книга, в которой я читал этот рассказ'.

В качестве другого случая применения первичной стратегии только к подлежащим и прямым дополнениям можно указать одну из стратегий в финском языке. Эта стратегия помещает относительный оборот перед вершинной ИГ, не использует никаких показателей релятивизации и ставит зависимый глагол в неличную форму (конкретный вид которой определяется тем, как семантически относится ИГ_{rel} к зависимой глагольной форме — как подлежащее или как дополнение). Поскольку эта стратегия подробно обсуждена в Karlsson 1972, мы ограничимся здесь иллюстративными примерами:

- (12) a) Pöydällä tanssinut poika oli sairas.
 на + столе танцевавший мальчик был больной
 'Мальчик, который танцевал на столе, был болен'.
 b) Näkemanä poika tanssi pöydällä.
 виденный + мною мальчик танцевал на + столе.
 'Мальчик, которого я видел, танцевал на столе'.

Наконец, последний пример такого рода мы находим в малайском языке. Первичная стратегия использует постноминальные ограничивающие обороты, вводимые неизменяемой частицей *yang* при отсутствии какого-либо местоимения в релятивизируемой позиции³:

- (13) Ali bunoh ayam yang Aminah sedang
 Али убить цыпленок такой-что Амина *прогрессив*
 memakan.
 есть

'Али убил цыпленка, которого ест Амина'.

Однако эта стратегия применяется только к подлежащим и прямым дополнениям. Поэтому из (14a) мы не можем получить ни (14b), ни (14c), перемещая предлог в конечную, «зависающую» позицию или помещая его перед неизменяемой частицей *yang* (в обоих случаях получается грамматически неправильное выражение):

- (14) a) Ali beri ubi kentang itu kepada perempuan
 Али дал картофель *опред* к женщина
 itu.
опред
 'Али дал картофель женщине'.
 b) *Perempuan yang Ali beri ubi kentang itu
 женщина такая-что Али дал картофель *опред*
 kepada.
 к

- с) *Perempuan kepada yang Ali beri ubi kentang
женщина к такая-что Али дал картофель
itu.

опред

Единственный регулярно используемый способ представлен в (15):

- (15) Perempuan kepada siapa Ali beri ubi kentang
женщина к которой Али дал картофель
itu.

опред

‘Женщина, которой Али дал картофель’.

Здесь вопросительное местоимение *siapa*, следующее за предлогом, используется как элемент, вводящий относительный оборот. Очевидно, что использование вопросительного местоимения, способного употребляться с предлогом (обуславливающим падежно-ориентированную стратегию), — это стратегия, отличная от использования неизменяемой частицы *yang*. И в самом деле, такое употребление вопросительного местоимения было получено от информантов под сильным влиянием исследователя и ощущалось ими как книжное и неуклюжее. Более удачным вариантом является (16), в основе которого лежит предложение с новыми лексическими единицами, в котором релятивизируемая позиция — подлежащее:

- (16) Perempuan yang menerima ubi kentang itu
женщина такая-что получила картофель *опред*
daripada Ali.

от Али

‘Женщина, которая получила картофель от Али’.

1.3.3. Релятивизация последовательности рангов от подлежащего до непрямого дополнения

Ранг непрямого дополнения в ИД, по-видимому, наименее устойчив. В отношении образования относительных групп обнаруживается, что во многих языках не прямые дополнения объединяются с косвенными дополнениями (например, в английском и малайском) или с прямыми дополнениями (например, в языках шона и луганда). Однако в таком языке, как баскский, наблюдается разграничение не прямых дополнений и их непосредственных соседей слева и справа в ИД.

В баскском языке подлежащие, прямые и не прямые дополнения отражаются в глагольных формах посредством

специальных аффиксов. При релятивизации любой из перечисленных позиций обычно используются следующие средства: опущение релятивизируемой позиции, постановка ограничивающего оборота в преноминальную позицию, помещение неизменяемого показателя -п * на место стыка между ограничивающим оборотом и вершинной ИГ. Таким образом, из (17a) можно получить три относительные группы: (17b) — (17d):

- (17) a) Gizon-a-k етаките-a-ri libur-a
 мужчина-опред-SU женщина-опред-IO книга-опред
 eman dio.
 дать *перфект*
 'Мужчина дал книгу женщине'.
- b) Етаките-a-ri libur-a eman dio-n
 женщина-опред-IO книга-опред дать *перфект-Рел*
 gizon-a.
 мужчина-опред
 'Мужчина, который дал книгу женщине'.
- c) Gizon-a-k етаките-a-ri eman
 мужчина-опред-SU женщина-опред-IO дать
 dio-n libur-a.
перфект-Рел книга-опред
 'Книга, которую мужчина дал женщине'.
- d) Gizon-a-k libur-a eman dio-n
 мужчина-опред-SU книга-опред дать *перфект-Рел*
 етаките-a.
 женщина-опред
 'Женщина, которой мужчина дал книгу'.

Однако, как только мы попытаемся релятивизировать те позиции, которые эксплицитно не маркируются в составе глагольной формы, возникает ряд сложностей. Для тех носителей рассматриваемого языка, которые говорят на особом диалекте, выделяемом в работе de Rijk 1972, никакие другие типы релятивизации невозможны. Для других носителей баскского языка допустимо большее разнообразие при релятивизации позиций ИГ, однако при этом нередко используется другая стратегия. Например, местоимение может удерживаться в релятивизируемой позиции, а относительный оборот может стоять постноминально. Следовательно, для носителей особого диалекта, а

* Видимо, целесообразно считать этот показатель адъективизатором — показателем причастия.— *Прим. ред.*

также для некоторых других носителей баскского языка первичная стратегия затрагивает только три типа ИГ — подлежащее, прямое дополнение и не прямое дополнение.

Другим языком обсуждаемого типа является тамильский, один из дравидийских языков, распространенный на юге Индии и на острове Шри Ланка (Цейлон). В соответствии с одной из стратегий релятивизации ограничивающий оборот помещается преноминально, внутри оборота глагольная форма содержит причастное (неличное) окончание -а, а синтаксическая функция релятивизируемой ИГ в составе ограничивающего оборота никак не указывается. Эта стратегия применяется к подлежащим, прямым и непрямым дополнениям:

(18) а) Jāṇ rāṭu-kir-a reṇṇaṇi(y)-ai

Джон петъ-наст-прич женщина-DO

kaṇ-ṭ-āṇ.

видеть-прош-ед + 3л + муж

‘Джон видел женщину, которая поет’.

б) Anta maṇitaṇ aṭi-tt-a reṇṇaṇi(y)-ai Jāṇ

тот мужчина бить-прош-прич женщина-DO Джон

kaṇ-ṭ-āṇ.

видеть-прош-ед + 3л + муж

‘Джон видел женщину, которую тот мужчина бил’.

с) Jāṇ puttakatt-ai(k) koṭu-tt-a reṇṇaṇi(y)-ai

Джон книга-DO дать-прош-прич женщина-DO

pāṇ kaṇ-ṭ-ēṇ.

я видеть-прош-ед + 1л

‘Я видел женщину, которой Джон дал книгу’.

Эта стратегия неприменима к другим позициям, например к инструментальной. Для этой позиции требуется другая стратегия, сохраняющая ИГ_{rel} в составе ограничивающего оборота:

(19) Eṇṇa(k) katti(y)-ai kōṛi(y)-ai anta maṇitaṇ

какой нож-посредством цыпленок-DO тот мужчина

kollaippi-tt-āṇ Jāṇ anta katti(y)-ai

убить-прош-ед + 3л + муж Джон такой нож-DO

kaṇ-ṭ-āṇ.

видеть-прош-ед + 3л + муж

‘Джон видел нож, которым мужчина убил цыпленка’

(букв. ‘Посредством которого ножа цыпленка мужчина убил, Джон тот нож видел’).

Данные языка ровиана (один из меланезийских языков, на котором говорят в Новой Джорджии на Соломоновых

островах) также свидетельствуют в пользу выделения позиции непрямого дополнения. В простых предложениях этого языка не прямые дополнения трактуются точно так же, как косвенные, а именно: дополнения обоих указанных типов вводятся предлогами, тогда как прямые дополнения не имеют при себе предлогов:

(20) Ele ronja Jone koe Mere sa buka.
прош дать Джон к Мария *опред* книга
'Джон дал книгу Марии'.

(21) Vekoa Jone sa bereti pa tevelo.
положить Джон *опред* хлеб на стол
'Джон положил хлеб на стол'.

С другой стороны, в относительных оборотах не прямые дополнения релятивизируются точно так же, как прямые дополнения и подлежащие, то есть в соответствии с постноминимальной стратегией, при которой падеж релятивизируемой позиции не маркируется, поскольку показатель релятивизации *saru* морфологически неизменен, а местоимение в этой позиции не сохраняется. Напротив, в позиции косвенного дополнения синтаксическая функция ИГ кодируется либо посредством наречия, либо с помощью изменяющегося в зависимости от ее функции показателя релятивизации:

(22) а) Sa buka saru ele ronja Jone koe Mere.
эта книга такая + что *прош* дать Джон к Мария
'Книга, которую Джон дал Марии'.

б) Sa barikalege saru ele ronja buka Jone.
эта женщина такая + что *прош* дать книга Джон
'Женщина, которой Джон дал книгу'.

(23) Sa tevelo vasina vekonia Jone sa
этот стол куда положить (*пассив?*) Джон этот
bereti
хлеб
'Стол, куда Джон положил хлеб'.

1.3.4. Релятивизация последовательности рангов от подлежащего до косвенного дополнения

В корейском языке первичная стратегия (T a g a s h i r a 1972) помещает ограничивающий оборот слева от вершинной ИГ и отделяет его от последней суффиксом *-(i)n*, *-pin*. ИГ_{rel} попросту опускается для всех ИГ на отрезке ИД от подлежащего до косвенного дополнения:

(24) Hyənsik-i kʰ lā-lʰl ttāli-n maktäki.
Хенгсик-SU *опред* собака-DO бить-Рел палка
'Палка, которой Хенгсик бил собаку'.

Однако в тех случаях, когда релятивизируется генитив, замещающее его местоимение должно быть сохранено:

(25) Chaki-ʰj lā-ka chongmyəngħa-n
он-генитив (= которого) собака-SU умный-Рел
kʰ saram.
опред мужчина
'Мужчина, собака которого умна'.

И в самом деле, еще многие языки, аналогично корейскому, меняют стратегию релятивизации в позиции генитива таким образом, что в релятивизируемую позицию помещают местоименный элемент (см. табл. 2 в разд. 2.2).

Другим свидетельством в пользу выделения позиции генитива в ИД служит материал таких языков, как каталанский и северный фризский (ферингский диалект), в которых генитивы (а также объекты сравнения) вообще не подлежат релятивизации, хотя все ИГ, занимающие в ИД более высокие ранги, релятивизируемы; см., например, данные северного фризского:

(26) a) John kland det wuf's henk.
Джон украл этой женщины цыпленка
b) Det henk wat kland John.
этот цыпленок которого украл Джон
c) *Det wuf wat's henk John kland.
эта женщина которой цыпленка Джон украл

1.3.5. Релятивизация последовательности рангов от подлежащего до генитива

Многие хорошо изученные языки располагают первичной стратегией, допускающей релятивизацию всех рангов в ИД, за исключением ранга объекта сравнения. Так, во французском языке невозможна релятивизация ИГ *le jeune homme* в (27a):

(27) a) Marie est plus grande que le jeune homme.
'Мари выше, чем молодой человек'.
b) *Le jeune homme que Marie est plus grande.
'*Молодой человек, чем которого Мари выше'.

То же самое наблюдается в испанском, немецком и румынском (в каждом из этих языков используется непричастная стратегия образования ОГ).

1.3.6. Релятивизация последовательности рангов от подлежащего до объекта сравнения

Лишь в узком круге языков, отграничивающих объекты сравнения от прямых или косвенных дополнений, допускается релятивизация объектов сравнения. В английском мы имеем сочетания типа (28), хотя некоторые носители языка считают их не совсем приемлемыми:

(28) The man who Mary is taller than.

букв. 'Мужчина, которого Мария выше чем'.

А в языке урхобо с постноминальной первичной стратегией, в котором для всех рангов в ИД сохраняются местоимения, мы наблюдаем следующее:

(29) Oshale na l-i Mary rho n-o.

мужчина *опред* такой + что Мария высокий чем-он
'Мужчина, которого Мария выше'.

Это служит решающим доводом в пользу того, что стратегии релятивизации могут различать все ранги в ИД. Таким образом, окончательно подтверждаются Ограничения на первичную релятивизацию и можно сделать заключительный вывод, что Иерархия доступности действительно определяет степень легкости, с какой различные языки образуют относительные группы из простых предложений.

В табл. 1 (с. 131 и сл.) суммированы полученные нами данные, отражающие способность к релятивизации тех стратегий образования ОГ, которые были рассмотрены нами в языках нашей выборки. Разъяснения символов, помещенных в местах пересечения строк и колонок, даются ниже. Излишне говорить о том, что такого рода сводка не может в полном объеме представить все конкретно-языковые проблемы, которые определяют характер и природу стратегий релятивизации.

Значение символов: + означает, что стратегия в общем случае применима к данному рангу ИГ; — означает, что стратегия неприменима к соответствующему рангу; +? означает, что стратегия применима, но дает не вполне приемлемые предложения, вызывающие расхождения в оценках информантов; —? означает, что стратегия неприменима, но все же результат ее применения к соответствующему рангу не оценивается информантами как полностью аграмматичное предложение. Запись вида x/y * означает, что для одних ИГ этого

* Здесь x и y — переменные, принимающие значения +, —, *, +? — Прим. перев.

Таблица 1

Языки и стратегии релятивизации	Релятивизируемые позиции					
	Subj	DObj	IObj	Obj	Gen	OComp
Английский						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+	+
Аоба (северо-восточный)						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	+	+	+	+	+
Арабский (классический)						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	+	+	+	+	+
Баскский						
1. преном., пад.-неор.	+	+	+	-	-	-
Валлийский						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+	+
Генуэзский (Зенейзе)						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	+	+	+	+	+
Гильбертский						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	*
2. постном., пад.-ор.	-	+	+	+	+	*
Ибан						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	-	+/-	-	-
Иврит						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-/*
2. постном., пад.-ор.	-	+	+	+	+	+/*
Испанский						
1. постном., пад.-неор.	+	+	+	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	-	+	+	-
Итальянский						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-/*
2. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+	-/*
Йоруба						
1. постном., пад.-неор.	+	+	*	*	-	*
2. постном., пад.-ор.	-	-	*	*	+	*
Каталанский						
1. постном., пад.-неор.	+	+	+	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	-	+	-	-
Кера						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	*
2. постном., пад.-ор.	-	+	+	+	+	*
Китайский (разговорный пекинский диалект)						
1. преном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-
2. преном., пад.-ор.	-	+	+	+	+	+

Языки и стратегии релятивизации	Релятивизируемые позиции					
	Subj	DObj	IObj	Obj	Gen	OComp
Корейский						
1. преном., пад.-неор.	+	+	+	+	-	-
2. преном. пад.-ор.	-	-	-	-	+	-
Луганда						
1. постном., пад.-ор.	+	+	*	-	-	*
Малагасийский						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	-
Малайский						
1. постном., пад.-неор.	+	+/-	-	-	-	*
2. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+	*
Маори						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	-
Минанг кабау						
1. постном., пад.-неор	+	-	-	-	-	*
2. постном., пад.-ор.	-	-	-	+	+	*
Немецкий						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	-
2. преном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	-
Нидерландский						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+	-
Новогреческий						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+	+
Персидский						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	*
2. постном., пад.-ор.	-	+	+	+	+	*
Польский						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	*/-
Ровиана						
1. постном., пад.-неор.	+	+	+	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	-	+	+	-
Румынский						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	*
Русский						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	-/*
Сингальский						
1. преном., пад.-неор.	+	+/?	+?	+/-	-	-
Словенский						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	+
Тагальский						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	-
2. преном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	-
Тамильский						
1. преном., пад.-неор	+	+	+	-	-	*
2. внутр., пад.-ор.	+	+	+	+	+	+

Языки и стратегии релятивизации	Релятивизируемые позиции					
	Subj	DObj	iObj	Obj	Gen	OComp
Тоба-батак						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	
2. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+	
Тонга						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	
2. постном., пад.-ор.	+	-	+	+	+	
Турецкий						
1. преном., пад.-неор.	+	+	+	+	-	-
2. преном., пад.-ор.	-	-	-	-	+	+?
Урхобо						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	+
Финский						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	-/*
2. преном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-/*
Французский						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	-
Северный фризский (ферингский диалект)						
1. постном., пад.-неор.	+	+	+	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	-(?)	+	-	-
Фула (диалект гомбе)						
1. постном., пад.-неор.	+	+	*	-	-	
2. постном., пад.-ор.	-	-	*	+	+	
Хауса						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	
2. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+	
Хинди						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	*
2. внутр., пад.-ор.	+	+	+	+	+	*
Чешский (нелитературный)						
1. постном., пад.-ор.	+	+	+	+	+	+?
Шведский						
1. постном., пад.-ор.	-	-	+	+	+?	-?
2. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-
Швейцарско-немецкий						
1. постном., пад.-неор.	+	+	-	-	-	-
2. постном., пад.-ор.	-	-	+?	+	+	+??
Шона						
1. постном., пад.-неор.	+	+?	+?	-	-	*
2. постном., пад.-ор.	-	-	-	+	+	*
Яванский						
1. постном., пад.-неор.	+	-	-	-	-	
2. постном., пад.-ор.	-	-	-	-	+	
Японский						
1. преном., пад.-неор.	+	+	+	+/-	+/-	-?
2. преном., пад.-ор.	-	-	-	-	+/-	-?

ранга справедлива запись x , а для других ИГ — запись y . $x(?)$ означает, что наши сведения в связи с данной клеткой не являются вполне точными, но, с нашей точки зрения, наиболее подходит для нее запись x . *означает, что данный ранг ИГ вообще не существует в данном языке как таковой, но скорее трактуется так же, как некоторый другой ранг; например, объекты сравнения часто трактуются либо как прямые дополнения глаголов типа 'превышать', как в языке шона, либо как косвенные дополнения, управляемые предлогами или послелогами, как в иврите и хинди. Незаполненная клетка означает, что мы не располагаем на этот счет никакими данными.

1.4. Проблемы и возможные противоречащие примеры

Мы рассмотрим здесь трудности двух типов, связанные с предложенной нами концепцией релятивизации. Первая касается методологических проблем, состоящих в идентификации подлежащих и относительных групп. Вторая связана с некоторыми особыми примерами, противоречащими ограничениям на иерархию.

1.4.1. Методологические проблемы

1.4.1.1. Идентификация подлежащих. Мы используем широко принятое традиционное понятие подлежащего. Попытка выявить многочисленные специфические свойства, покрывающие это понятие, была предпринята в работе К е е п а п 1976 b, и мы не будем останавливаться на этом вопросе. Из исследования Кинэна становится очевидным, что те ИГ, которые мы называем подлежащими в одних языках, в большей степени похожи на подлежащие, чем ИГ других языков, также называемые подлежащими. Иными словами, ИГ первого типа обладают большим числом свойств, характерных для подлежащего как такового. Если в каком-либо языке обнаружится, что свойства подлежащего в нем систематически распределены между двумя или бóльшим числом типов ИГ, то о таком языке можно сказать, что он вообще не располагает единой категорией подлежащего. Для такого языка в ИД будет отсутствовать позиция подлежащего — точно так же, как в ИД многих языков может отсутствовать позиция ОСОМР (см. 1.2.1), и тогда предсказания, устанавливаемые ограничениями на иерархию, должны быть сужены, а для обоснования степени релятивизируемости ИГ нужно будет разработать новые принципы, уже не базирующиеся на ИД.

К счастью, во многих языках все же представлены ИГ, вполне удовлетворяющие традиционному понятию подлежащего. Тем не менее в литературе недавнего времени обсуждались три класса возможных бесподлежащих языков: тагальский и вообще филиппинские языки (S c h a c h t e r 1976 — см. наст. сб.), языки, ориентированные на «топик» ("topic" oriented languages), — типа языка лису и других сино-тибетских языков (L i — T h o m p s o n 1974, 1976 — см. наст. сб.), и эргативные языки (T c h e k h o f f 1973) (см. разд. 1.4.2, ниже).

Из этого круга явлений самым неприятным для нашей концепции является тот факт, что, по утверждению Шахтера, в тагальском языке ИГ, занимающая позицию «фокуса», не может трактоваться как подлежащее. Это значит, что вывод Шахтера противоречит включению тагальского в число языков, удовлетворяющих ОИ₁ и ОИ₂ (эти ограничения вместе задают язык, способный релятивизировать только подлежащие). Однако, как показано в работе К е е п а п 1976а, другие западные малайско-полинезийские языки (в частности, малагасийский) не дают оснований для утверждений, аналогичных утверждениям Шахтера о тагальском языке, и, следовательно, остается еще достаточно много данных, свидетельствующих в пользу ОИ.

Материал сино-тибетских языков, приводимый Ли и Томпсон, в меньшей степени подрывает нашу концепцию, так как те ИГ, которые более всего похожи на подлежащие, не вызывают никаких нарушений в ИД. Главная мысль Ли и Томпсон сводится к тому, что синтаксическая категория «подлежащее» несет в этих языках очень малую функциональную нагрузку: крайне ограниченное число синтаксических процессов (если вообще таковые есть) требует выделения ИГ, которую следовало бы считать подлежащим. Дальнейшие исследования по этим языкам, возможно, выявят, что для определения возможностей образования ОГ релевантны не только категории в ИД, но и другие категории, например «топик».

Если исключить из рассмотрения язык дирбал (и, возможно, эскимосский — W o o d b u r y 1975), см. ниже, разд. 1.4.2.1, то можно сказать, что утверждение об отсутствии в эргативных языках подлежащего опровергнуто в работе A n d e r s o n 1976, где показано, что по отношению ко многим существенным синтаксическим процес-

сам подлежащие при переходных глаголах (эргативные ИГ) и подлежащие при непереходных глаголах ведут себя одинаково, в противоположность прямым дополнениям; таким образом, устанавливается факт существования категории «подлежащее» в таких языках*.

1.4.1.2. Идентификация относительных групп. В качестве ОГ мы рассматриваем любую синтаксическую структуру, которая определенным образом обозначает некоторый объект (или множество объектов), а именно: сначала задает некоторую область объектов, а затем сужает ее до ограниченного подмножества (возможно, состоящего из одного элемента), относительно которого истинно некоторое предложение, называемое ограничивающим предложением. Однако во многих языках представлены такие типы выражений, которые, обозначая объект указанным образом, не содержат поверхностной составляющей, которой можно было бы приписать свойство обозначать этот объект. Примером такого типа служит конструкция с экстрапонированным относительным оборотом, как в (30a):

(30) a) The student finally arrived who we had been waiting all morning for.

букв. 'Студент наконец приехал, которого мы ждали все утро'.

b) The student who we had been waiting all morning for.

'Студент, которого мы ждали все утро'.

Очевидно, что для установления истинности/ложности (30a) необходимо выяснить, истинно ли главное предложение относительно того объекта, который, во-первых, является студентом и, во-вторых, обуславливает истинность предложения *we had been waiting all morning for him* в предположении, что референтом *him* является как раз этот объект. Иными словами, рассматриваемый объект как раз и является тем объектом, который обозначен относительной группой в (30b), и в этом смысле логическая структура предложения (30a) включает ОГ примера (30b). Но само (30a) на поверхностном уровне не содержит в себе составляющей, обладающей референциальными свойствами (30b), и поэтому не содержит ОГ.

* Однако это обобщение относительно эргативных языков продолжает оспариваться; см., например, К и б р и к А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках.— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1980, № 4.— *Прим. ред.*

В этом случае, однако, можно легко склониться к выводу, что на некотором промежуточном уровне, производном от исходной структуры, выражение (30b) все же содержится в синтаксической структуре (30a) и что некоторое особое правило экстрапозиции перемещает ограничивающий оборот в позицию справа от сказуемого. Таким образом, в синтаксической структуре (30a), понимаемой как последовательность НС-структур, задающая вывод этого предложения, все-таки содержится ОГ, а отсюда становится ясным, что наше определение ОГ не требует, чтобы на поверхностном уровне вершинная ИГ и ограничивающий оборот вместе образовывали составляющую.

Далее, совершенно очевидно, что самый обычный тип ОГ в английском языке выражается структурами (30b), а структуры (30a) гораздо более маркированы и отличаются ограниченной дистрибуцией. Однако для многих языков вполне обычна следующая ситуация: в предложениях этих языков, соответствующих английским или русским предложениям с относительными группами, вершинная ИГ и ограничивающий оборот не объединяются в составляющую. Этот тип предложений иллюстрируется примерами (31) из хинди и (32) из языка валбири (H a l e 1976):

(31) Main us aurat ko janta hoon jis-ko Ram
я ту женщину DO знаю которая-IO Рам
ne kitab diya.

эрг книга дал

'Я знаю ту женщину, которой Рам дал книгу'.

(32) patjulu-lu ø-ŋa uankiri pantu-ŋi kutja-lpa
я-эрг Аух эму пронзить-прош Comp-Аух*
пара ŋa-ŋi.

вода пить-прош

'Я пронзил эму, который пил воду/когда он пил воду'.

В этих случаях далеко не очевидно, что те части приведенных предложений, которые соотносятся с ограничивающим оборотом в их переводах, вообще образуют в исходной структуре единую составляющую вместе с вершинной ИГ. Правильность такого рода сомнений обосновывается в работах H a l e 1976 и A n d r e w s 1975.

* *Comp* = Complementizer (слово, вводящее придаточное предложение). — Прим. перев.

Однако в языках с подобными конструкциями довольно регулярно обнаруживается другой, родственный тип конструкций, в которых имеется составляющая, удовлетворяющая нашему семантическому условию на существование ОГ (relative clause-hood). В хинди и валбири для примеров (31) и (32) находятся тождественные по смыслу конструкции (33) и (34) соответственно:

(33) [Ram ne jis aurat ko kitab diya] [us
Рам эрг которой женщине IO книга дал ту
(aurat) ko mai janta hoon.]
женщину DO я знаю

‘Я знаю ту женщину, которой Рам дал книгу’; букв.
‘Рам которой женщине книгу дал, ту я знаю’.

(34) [Yankiri-!i kutja-lpa para pa-pu] [ula
эму-эрг Сопр-Аух вода пить-прош тот + самый
pantu-pu patjulu-!u.]
пронзить-прош я-эрг

‘Я пронзил эму, который пил воду’.

Вовсе не очевидно, что заключенные в кв. скобки первые составляющие следует трактовать как ИГ. В самом деле, они во всем характеризуются обычными свойствами синтаксиса полных предложений, кроме того обстоятельства, что они содержат показатели *jis* и *kutja*. Однако, каков бы ни был грамматический статус этих составляющих, представляется, что они удовлетворяют нашему определению ОГ: они задают область объектов, маркируемых показателями *jis* и *kutja*, и они содержат ограничивающий оборот, т. е. оборот, определяемый всей относительной группой, в которую они входят. Таким образом, подобно примеру (3) из языка бамана и примеру (4) из языка диегень, они иллюстрируют стратегию образования ОГ, в которой вершинная ИГ вторгается внутрь ограничивающего оборота*. Тогда получается, что наше определение ОГ не требует того, чтобы ОГ была именной группой, и

* Возможна и другая интерпретация примеров (33) — (34), при которой они соответствовали бы так называемому архаическому типу в терминологии Зализняка — Падучевой (см. З а л и з н я к А. А., П а д у ч е в а Е. В. К типологии относительного предложения. — «Семантика и информатика», вып. 6, М., 1975, с. 73). Ср. русск. просторечное *Которых ребят увидишь, тем передай привет*. При такой интерпретации вопрос о том, к какому типу составляющей принадлежит ОГ, не встает: относительной группой является именная группа *которых ребят увидишь, тем*, состоящая из вершинной ИГ *тем* и относительного оборота *которых ребят увидишь*. — Прим. ред.

оно не требует также, чтобы вершинная ИГ подчиняла в синтаксической структуре ограничивающий оборот (здесь термин «вершинная» (head) используется несколько необычно по сравнению с практикой в лингвистической литературе).

Со стратегиями релятивизации, иллюстрированными выше на материале языка валбири, вероятно, связано иногда повторяемое утверждение о том, что в австралийских языках вообще нет ОГ, что нарушает ОИ₁ (об универсальной релятивизируемости подлежащих). В языке валбири (по крайней мере в явной форме) не представлены вставленные ОГ, в которых вершинная ИГ подчиняла бы ограничивающий оборот и в которых обе указанные части предложения формировали бы ИГ. Однако в валбири, несомненно, обнаруживаются составляющие, которые удовлетворяют нашим семантически мотивированным критериям формирования ОГ, и, таким образом, ОИ₁ в этом языке не нарушается.

1.4.2. Некоторые противоречащие примеры

1.4.2.1. Возможные свидетельства против ОИ₁. Сначала мы обсудим наиболее прочно подтвержденные языковым материалом свидетельства против ОИ₁ (об обязательной релятивизируемости подлежащих). Одним из источников таких свидетельств служит австралийский язык дирбал (Dixon 1966, 1972). Дирбал оказывается эргативным языком в том обычном смысле, что полные группы подлежащего при непереходных глаголах и полные группы прямого дополнения при переходных глаголах маркируются в отношении падежа одним и тем же средством (в данном случае нулем), тогда как подлежащие переходных глаголов имеют специальный показатель эргатива. В предлагаемом ниже анализе мы объединяем подлежащие при непереходных глаголах и прямые дополнения при переходных глаголах под общим названием **абсолютивы**. Приводимые ниже примеры взяты из Dixon 1972, 100—101:

(35) Вауі уаҫа банаҫару.

Арт + абс мужчина + *абс* возвращается

‘Мужчина возвращается’.

(36) Вауі ууҫі бангул уаҫангу банан.

Арт + абс кенгуру + *абс* *Арт + эрг* мужчина + *эрг*
пронзил

‘Мужчина пронзил кенгуру’.

Диксон показывает возможность релятивизации абсолютивов из обоих типов предложений (с переходными и непереходными глаголами) и невозможность релятивизации эргативных ИГ. Для выражения смысла ‘Мужчина, который пронзил кенгуру’ необходимо применить трансформацию, повышающую эргативную ИГ в статус абсолютива; см. (37a), где эта ИГ уже может быть релятивизирована, и (37b):

(37) a) Bai yaḡa baḡaŋaru
Art + abs мужчина + abs пронзить + pass
baḡul yuḡigu.

Art + instr кенгуру + instr
‘Мужчина пронзил кенгуру’.

b) [NP Bai yaḡa baḡaŋa-ŋu
Art + abs мужчина + abs пронзить-pass-рел
baḡul yuḡigu] baḡaru.

Art + instr кенгуру + instr возвращается

‘Мужчина, который пронзил кенгуру, возвращается’.

На основе данных дирбала Джонсон (Johnson 1974) предположил, что высший отрезок ИД вообще неприменим к эргативным языкам и что Эргативная иерархия (ЭИ) вида ABS > ERG > IO > OBL и т. д. более адекватно описывает способность ИГ к релятивизации в языках такого типа. ЭИ существенно отличается от ИД только в том отношении, что она предсказывает возможность стратегий, релятивизирующих исключительно абсолютивы, как в языке дирбал. Однако прочной опоры для такого предсказания в эргативных языках нет. В большинстве известных нам эргативных языков допускается релятивизация как эргативных, так и абсолютивных ИГ. Мы уже проиллюстрировали релятивизацию эргативных ИГ на баскском материале (17b) и на материале валбири (34). Примеры (38) — (42) ниже иллюстрируют релятивизацию эргативных ИГ на материале других языков.

Хинди:

(38) Ram us laḡki ko pasand kartahe, jis-ne
Рам ту девушку DO любит которая-эрг
karre dhoye.

одежда стирала

‘Рам любит девушку, которая стирала одежду’.

Тонга (Anderson 1975):

- (39) Te mo fetaulaki mo e tangata 'oku
буд 2л+дв встретиться с арт мужчина наст
пе fua 'a e sioki vai.
3л+ед нести частица арт кувшин вода
'Вы встретитесь с женщиной, который несет кувшин
с водой'.

Гахуку (Deibler 1976):

- (40) Izegira get-a ve.
дитя родить-3л+ед человек
'Человек, который родил дитя'.

Якалтек (Craig 1974):

- (41) x-ø-w-il paj winaj
вид-он + абс-я + эрг-видеть мужчина
x-ø-watx'e-p hun t'i.
вид-он + абс-делать-рел нечто такое
'Я видел мужчину, который делал это'.

Язык гренландских эскимосов (Woodbury 1975):

- (42) Qimmi-ø-a tuquk-kiga palu
собака-абс + ед-нос + 3л+ед убить-транз неведающий
Nil-saNa.
отриц-изъяв + 3л+ед — 1л+ед
'Он знает обо мне, что я убил его собаку'.

Однако в работе Woodbury 1975 утверждается, что в гренландском языке абсолютивы в большей степени релятивизируемы, чем эргативы, на том основании, что, во-первых, ОГ, образованные посредством релятивизации эргативов, в большей мере дистрибутивно ограничены в составе матричного предложения (с. 21), чем ОГ, образованные посредством релятивизации абсолютивов, и, во-вторых, для определенных глагольных классов эргативы не могут быть релятивизированы при активных причастиях (с. 27). Для релятивизации такой ИГ при активном причастии необходимо прежде всего повысить ее в позицию абсолютива посредством трансформации «Антипассив». Тем не менее в общем случае можно констатировать, что эргативы релятивизируемы — пусть и не столь свободно, как абсолютивы. Таким образом, ИД все же выполняется и для рассматриваемого языка; при этом, разумеется, требуется дальнейшая работа по выявлению на основе наших

критериев различных стратегий релятивизации в гренландском языке.

Итак, общее утверждение о более высокой релятивизируемости абсолютивов по сравнению с эргативами в эргативных языках имеет под собой мало оснований. Это в свою очередь наводит на мысль, что данные дирбала должны интерпретироваться иначе. Одна из возможных интерпретаций, нацеленная на приведение данных дирбала в соответствие с ИД, должна состоять всего лишь в трактовке абсолютивных ИГ при переходных глаголах (равно как и при непереходных) как подлежащих. Такая интерпретация опять ставит вопрос о критериях, определяющих свойства подлежащего, и требует своего независимого обоснования. Однако именно дирбал предоставляет такое обоснование (что, быть может, несколько неожиданно). Ниже мы дадим сжатый обзор свидетельствующих в пользу этой интерпретации данных дирбала, указывая при этом соответствующие страницы книги Dixon 1972.

1. Абсолютивные ИГ в наибольшей мере необходимы в предложении. Так, неопределенный агент (выражаемый эргативом) может быть попросту не упомянут в предложении, так же как в английском языке неопределенный агент при пассивном глаголе. В то же время неопределенные абсолютивы в предложении опустить нельзя. Если мы намерены опустить неопределенный пациент, мы должны прежде всего «пассивизировать» предложение, превратив эргатив в поверхностный абсолютив, а исходный абсолютив — в косвенное дополнение, которое может быть опущено, если оно неопределенно (с. 70).

2. Абсолютивы являются единственно возможной мишенью * правил продвижения (advancement rules). Дирбал располагает несколькими правилами, напоминающими правило пассива в английском, которые повышают, например, эргативные и инструментальные группы исходного предложения с переходным глаголом в позицию абсолютива, как проиллюстрировано в (37a).

3. Абсолютивы обычно предшествуют эргативам в простых независимых предложениях (с. 291).

4. Только абсолютивы могут быть подвергнуты корферентному сокращению посредством операций типа Опу-

* О понятии «мишень» (target) см. статью Д. Джонсона в наст. сб. с. 53.— *Прим. перев.*

щения идентичной ИГ и Сочинительного сокращения (*Equi and Conjunction Reduction*) (с. 73, 76). Для того чтобы осуществить кореферентное опущение эргативной ИГ, ее нужно сначала продвинуть в позицию абсолютива.

5. Представляется, что некоторые демонстративы, всегда определенные и предполагающие референтную определенность (характерное свойство подлежащих), ограничены абсолютивными позициями (с. 218).

6. В тех немногих примерах, на которые мы можем опираться, абсолютивы, как кажется, контролируют рефлексивизацию. Обычно рефлексивизация осуществляется присоединением к глаголу определенных аффиксов, в результате чего производный глагол становится непереходным, а подлежащим оказывается на независимых основаниях абсолютив. Однако в нескольких примерах объект, являющийся неотчуждаемой частью тела, все же выражается в поверхностной структуре, несмотря на то что глагол содержит рефлексивный аффикс. Но и в этих случаях контролером рефлексивизации является абсолютив (с. 153):

(43) *Bayi* *yağa* *mala*
Art + abs мужчина + *abs* рука + *abs*
faḡḡajmaḡi ru.
есть + *рефл* + *наст/прош*
'Мужчина жевал свой палец'.

Если мы примем интерпретацию данных дирбала, при которой абсолютивы при переходном глаголе считаются подлежащими, тогда дирбал окажется типологически аномальным только в одном важном отношении: в наименее маркированном типе предложений с переходным глаголом ИГ, обладающая референциальными и топиковыми свойствами подлежащего (*referential and topic properties of subject*), не обозначает агенса. А поскольку преобладание топиковых свойств над агентивными свойствами в данном случае весьма значительно (эргативы упоминаются в очень немногих трансформациях, а абсолютивы — в большом числе трансформаций), то оказывается, что наиболее подлежащеподобная ИГ в базисных предложениях с переходным глаголом является абсолютивом и не обозначает агенса.

Эта интерпретация имеет по меньшей мере одно (метаязыковое) преимущество, концентрируя аномалию дирбала в одной точке — а именно: подлежащие при переходных глаголах в базисных предложениях не являются

агенсами. Напротив, эргативная интерпретация делает дирбал аномальным во многих отношениях: порядок слов — OSV; прямые дополнения делаются наиболее необходимыми составляющими в предложениях с переходным глаголом, а подлежащие в них свободно опускаются в случае их неопределенности и т. п. Более того, вполне возможно, что после детального изучения лексики большего числа языков обнаружится, что во многих языках имеются классы глаголов, при которых подлежащее имеет значение цели (goal) действия, а агент оформляется косвенными падежами. В работе Biggs 1974, например, утверждается, что в языке фиджи один большой класс глаголов требует подлежащего со значением цели, а не агенса, в то время как глаголы другого (для нас более обычного) класса требуют агентивного подлежащего. Возможно, в конечном счете окажется, что дирбал занимает на континуальной шкале место, близкое к тому концу, где большинство переходных глаголов требует неагентивного подлежащего.

1.4.2.2. Очевидные исключения из ОИ₂. Ко второму типу рассматриваемых нами противоречащих примеров относятся случаи очевидных исключений из ОИ₂, в соответствии с которым любая стратегия релятивизации должна быть применима к непрерывному отрезку ИД. Языки хауса (Abrahams 1959, Schachter 1973) и йоруба, как представляется, используют стратегии, применимые к разрывным отрезкам ИД.

Так, хауса использует, по-видимому, падежно-ориентированную стратегию для релятивизации подлежащих, поскольку в релятивизируемой позиции присутствует личное местоимение:

(44) Dokin da ya mutu.
лошадь такая-что она умерла
'Лошадь, которая умерла'.

Релятивизация прямых дополнений в хауса, однако, не допускает сохранения местоимения в релятивизируемой позиции, и, поскольку нет никакой другой именной частицы для обозначения падежа релятивизируемой ИГ (релятивизатор da неизменяем), образование ОГ с прямыми дополнениями, по-видимому, осуществляется посредством падежно-неориентированной стратегии:

(45) Mutimin da na gani (*shi).
человек такой-что я видел его
'Человек, которого я видел'.

Однако при релятивизации косвенных дополнений в хауса местоимение снова присутствует. (При релятивизации не-
прямых дополнений местоимение факультативно.)

(46) Yaron da suka gaya {wa/masa}.
ребенок такой-что они говорили к к-нему
'Ребенок, которому они говорили'.

(47) Wukad da ya kashe ta da ita.
нож такой-что он убил ее посредством его
'Нож, которым он ее убил'.

Таким образом, представляется, что постноминальная па-
дежно-ориентированная стратегия в хауса не применяется
к непрерывному сегменту ИД в нарушение ОИ₂.

Проводя дальнейшее исследование местоимения, фигу-
рирующего в ОГ при релятивизации подлежащего, мы
замечаем, что то же самое местоимение также требуется
в простых независимых предложениях при группах под-
лежащего:

(48) а) Yusuƒu ya zo.
Джозеф он пришел
'Джозеф пришел'.

б) *Yusuƒu zo.

В хауса полная группа подлежащего должна сопровож-
даться клитическими местоимениями. Это допускает другой
способ интерпретации таких местоимений. Вместо трак-
товки их как компонентов падежно-ориентированной стра-
тегии мы можем трактовать их как показатели глагольного
согласования. Известно, что во многих языках аффиксы
глагольного согласования развились из (клитических)
местоимений (Givón 1976), и строгое разграничение
местоимений-клитик и аффиксов согласования нередко
представляет значительную трудность. Поэтому мы и
предполагаем, что в тех случаях, когда наличие место-
имения обуславливается наличием полной ИГ, местоимение
должно трактоваться как показатель глагольного согла-
сования, но не как показатель падежного статуса ИГ.
В языке хауса такого рода «внутренние местоимения» (тер-
мин заимствован из Keenan 1972a, 447—450) сопровож-
дают только подлежащие; в случае прямых дополнений
мы имеем, например, (49a) и (49c), но не (49b) и (49d):

(49) а) Na gani mutumin.
'Я видел человека'.

б) *Na gani shi mutumin.

в) Ya kashe ta da wukad,

‘Он убил ее ножом’.

d) *Ya kashe ta da ita da wukad.

Однако другой похожий потенциальный контрпример из языка тонга (отмеченный в Anderson 1975) парировать значительно труднее. В этом языке местоимения могут, а в ряде случаев должны сохраняться при релятивизации подлежащих. Это проиллюстрировано уже в (39)—элемент *ne*. При релятивизации позиций IO, OBL и GEN также обязательно остается след в виде местоимения (тонганскими примерами мы обязаны работе Anderson 1975 и помощи С. Чунг):

(50) Ko e 'eiki eni na'e langa mo'ona
частица Art вождь это прощ строить для + Зл+ед
'a e fale lahi.
абс Art дом большой

‘Это вождь, для которого большой дом был построен’.

(51) Fakah mai kiata au 'a e
покажи в + сторону + говорящего к мне абс Art
tamasi'i na'e ngalo 'ene polosi fulunifo.
ребенок прощ исчезать его щетка зубная + щетка
‘Покажи мне ребенка, чья зубная щетка исчезла’.

Однако при релятивизации прямых дополнений сохранение местоимения невозможно:

(52) 'Oku 'ikai 'ilo 'e ha taha 'a
наст не знать эрг любой один абс
e tangata na'a ku taa'i (*ia).
Art человек прощ я ударить его

‘Никто не знает человека, которого я ударил’.

Более того, способ объяснения, использованный выше для хауса и йоруба, видимо, в общем случае не подходит. Местоимения-подлежащие, присутствующие при релятивизации подлежащих, в общем случае не функционируют как согласовательные частицы, несмотря на то что местоимение, входящее в ОГ, является клитикой и не является независимым словом. Дело в том, что в этом случае в тонга оно употребляется перед глаголом, тогда как независимые местоимения и полные ИГ, функционирующие как подлежащие, обычно стоят после глагола (тонга характеризуется порядком слов VSO):

(53) Na'e 'ave 'e Sione ho'o telefone.
прощ брат эрг Джон твой телефон
‘Джон взял твой телефон’.

(54) *Na'a ne 'ave 'e Sione ho'o telefone.

прош он брат эрг Джон твой телефон

Кроме того, местоимения-клитики могут присутствовать и тогда, когда подлежащее выражено самостоятельным местоимением, хотя смысл предложения в этом случае становится эмфатичным:

(55) Na'a ne taa'i 'e ia rē ia.

прош он ударил эрг он эмф его

'Он ударил себя'.

Такое использование клитики, как думается, может приводить к тому, что клитика будет сочетаться с полными ИГ в позиции подлежащего без привнесения эмфатического смысла. Такое развитие клитик было бы естественным способом возникновения согласования (см. G i v ó n 1976, где дается обоснование этого предположения). Но здесь мы вторгаемся уже в область предсказаний будущего развития языка тонга, а на них нельзя опираться при определении нынешнего его статуса, противоречащего ОИ₂.

По-видимому, наиболее вероятное объяснение, которое можно предложить для модели стратегий релятивизации в тонга, должно носить исторический характер. Как мы уже указывали, тонга является эргативным языком, в котором эргативный показатель 'e родствен показателю пассивного агенса в генетически близких полинезийских языках. В работе Н o h e r a 1969 содержатся свидетельства в пользу того, что эргативная парадигма, имеющаяся в тонга и близко родственном ему языке ниуэ, развилась из исходной номинативно-аккузативной парадигмы, в которой продуктивное различие между активными и пассивными глагольными формами было утрачено, а реликты пассивной морфологии остались в главных ИГ предложения. Таким образом, с исторической точки зрения эргативное подлежащее в тонга является агенсом при пассиве, а абсолютное прямое дополнение в тонга исторически развилось из подлежащего. Мы исходим здесь из того, что развитие агентивной ИГ в сторону приобретения статуса подлежащего в тонга еще не завершилось окончательно. Хотя в работе A n d e r s o n 1976 и показано, что такая ИГ обладает многими общими свойствами подлежащего, она все же может сохранять некоторые признаки своего исходного статуса косвенного дополнения. Например, в простых предложениях активного залога эргативная ИГ может

быть опущена в случае ее неопределенности, как это происходит в случае эргативной ИГ в языке дирбал или в случае агенса при пассиве в английском; это явление иллюстрируется ниже, в (56) и (57) (оба примера взяты из Churchward 1953):

(56) Na'e tāmate'i 'e Tevita 'a Koliate.

прош убить *эрг* Давид *абс* Голиаф
'Давид убил Голиафа'.

(57) Na'e tāmate'i 'a Koliate.

прош убить *абс* Голиаф
'Голиафа убили'.

Далее, поскольку в общем случае при релятивизации косвенного дополнения в тонга требуется сохранение местоимения-клитики (в одном случае может сохраняться и местоимение, не являющееся клитикой, но это случай исключительный), эргативная ИГ в тонга ведет себя в этом отношении подобно другим косвенным дополнениям. С другой стороны, прямое дополнение не допускает сохранения местоимения при релятивизации. Но, как будет показано в 2.2.2, это является характерным свойством подлежащих вообще. А именно, даже в таких языках, как иврит, в котором сохранение местоимений при релятивизации вполне нормально, местоимения-подлежащие обычно не сохраняются. Стало быть, прямое дополнение в тонга ведет себя в этом аспекте как подлежащее. Итак, возможно, что в этих периферийных случаях эргатив и абсолютив в тонга сохраняют след своих прежних статусов — агенса при пассивной конструкции и подлежащего.

2. К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЯСНЕНИИ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ИЕРАРХИЮ

2.1. ИД как психологически значимая сущность

Если исходить из того, что ИД делает правильные предсказания относительно релятивизации в широком круге языков, то естественно задаться вопросом, почему это так. Мы предлагаем следующее объяснение:

Иерархия доступности отражает степень психологической легкости восприятия высказывания.

Иными словами, чем ниже ранг именной группы в ИД, тем труднее восприятие ОГ, образованной посредством релятивизации соответствующей позиции.

Если ИД действительно отражает сравнительную способность именных групп подвергаться релятивизации,

то мы можем опереться на этот факт — а также на ряд других предположений — для объяснения ИД следующим образом. Прежде всего было бы естественным, чтобы способ релятивизации некоторой позиции мог быть неприменим к позиции, занимающей соседний нижний ранг (ОИ₃), на том общем основании, что синтаксические процессы служат средством кодирования смыслов; поэтому если какой-либо смысл по своей природе представляет собой бóльшую трудность для кодирования, чем другой смысл, то стратегия кодирования первого смысла и не обязана быть применимой ко второму. На том же основании стратегия, применимая к одному рангу, но не применимая к соседнему нижнему рангу, тем более не обязана быть применимой к еще более низкому рангу (ОИ₂). Дело в том, что если данная стратегия используется для кодирования просто организованного смысла, а другая стратегия достаточно «сильна» для кодирования весьма сложно организованного смысла, то, естественно, вторая стратегия оказывается достаточно сильной для кодирования смысла любой промежуточной степени трудности. Однако этим весьма неформальным способом рассуждения можно также в какой-то мере обосновать то, что в языке должны отсутствовать неполные стратегии релятивизации. Так, если говорящие могут в принципе кодировать тем или иным способом смысл определенной степени сложности, то они, конечно, должны обладать способностью кодировать более просто организованные смыслы (возможно, другим способом). В то же время мы уже видели, что в языке тобакак, например, релятивизация подлежащих осуществляется по одной стратегии, а релятивизация групп IO, OBL и GEN — по другой стратегии, но никакая стратегия не может обеспечить непосредственной релятивизации прямого дополнения. Как мы уже отмечали, в нашей выборке во всех случаях, когда в языке представлены неполные стратегии, ИГ, занимающие нерелятивизируемые ранги, всегда могут быть повышены до непосредственно релятивизируемого ранга посредством операций типа «Пассив». В этих случаях, однако, для нас были бы более желательны независимые свидетельства в пользу того, что в языках такого типа психологически более легким является, скажем, повышение группы DO до ранга подлежащего с последующей релятивизацией подлежащего, нежели непосредственная релятивизация этой группы в ее ста-

тусе DO. Мы не располагаем непосредственными психологическими данными такого рода. Следует заметить, однако, что в тех языках, которые повышают ИГ в более высокий ранг в ИД с целью ее релятивизации, система повышений (т. е. средства перемещения именных групп из низких рангов в ИД в более высокие), как правило, хорошо развита, активно используется и имеет широкую синтаксическую дистрибуцию — в противоположность, например, пассиву в английском языке, который менее распространен и более маркирован. И действительно, как сообщается в работе Н а w k i n s — К e e n a n 1974, в психологических экспериментах по повторению предложений англоязычные дети (в возрасте 10—12 лет) значительно хуже справляются с ОГ типа the boy who was seen by Mary (букв. ‘мальчик, который был виден Марией’), чем с ОГ типа the boy who Mary saw (‘мальчик, которого Мария видела’). Таким образом, повышение ИГ с целью ее релятивизации в универсальном плане не легче ее непосредственной релятивизации.

Наконец, заметим, что изложенная психологическая интерпретация ИД не может полностью объяснить ОИ₁, в соответствии с которым подлежащие обязаны быть в принципе релятивизируемыми. Она лишь обосновывает утверждение, что подлежащие легче поддаются релятивизации, чем любая другая позиция в ИД, но она не исключает возможности отсутствия в языке релятивизируемых позиций в ИД.

2.2. Свидетельства в поддержку психологической значимости Иерархии доступности

В ряде недавних экспериментальных исследований содержится некоторое обоснование утверждения, что ИД действительно отражает психологическую оценку доступности ИГ для релятивизации. Так, в работе L e g u m 1975 показано, что англоязычные дети в возрасте от 6 до 8 лет лучше воспринимают ОГ, полученные в результате релятивизации подлежащего, чем в результате релятивизации прямого дополнения. Аналогичные результаты были получены в работе В г о w n 1971 относительно детей в возрасте от 3 до 5 лет. В работе Н а t c h 1971 показано, что

дети младшего возраста быстрее реагируют на «подлежащие», чем на «прямообъектные» ОГ, а В. Кук (см. Соок 1975) показал, что и дети, и взрослые с меньшим числом ошибок распознают примеры вершинных ИГ, корреляты которых находятся в подлежащем отношении к зависимому глаголу в ОГ, по сравнению с примерами вершинных ИГ, корреляты которых находятся в объектном отношении к зависимому глаголу. А в работе V a l l i 1972, излагающей результаты эксперимента по порождению предложений, показано, что франкоязычные дети в возрасте около 12 лет порождают ОГ, образованные на основе релятивизированных подлежащих, гораздо быстрее, чем ОГ на основе дополнений, а ОГ, образованные на основе релятивизированной ИГ «обладателя», более редки и порождаются в большинстве случаев грамматически неправильно.

Следует заметить, что специальной целью этих исследований не было обоснование значимости ИД. В них было показано, что, кроме ранга релятивизируемой ИГ в ИД, имеются и другие существенные факторы (например, является ли ОГ вставленной в другую ОГ или нет, тождественна ли функция вершинной ИГ функции ИГ_{rel} в относительном обороте — Sheldon 1974; обсуждение такого рода факторов см. в работе Legum 1975).

С другой стороны, работа Hawkins — Keenan 1974 представляет собой исследование, специально направленное на проверку психологической значимости ИД. Эксперимент состоял в том, что детям в возрасте от 10 до 12 лет предлагались для повторения ОГ, образованные релятивизацией всех рангов в ИД. Правильность ответов в значительной мере (<0,05) коррелировала с ИД. В действительности иерархия реакций, установленная в рассматриваемом исследовании, имеет вид

SU > DO > IO > OBL, OCOMP > GEN.

Таким образом, повторение ОГ, образованных посредством релятивизации подлежащих, сопровождалось меньшим числом ошибок, чем повторение ОГ, образованных посредством релятивизации прямых дополнений; повторение этих последних было правильнее, чем повторение ОГ, содержащих релятивизированные IO; еще больше ошибок возникало при повторении ОГ с релятивизированными OBL или OCOMP, реакция же на них в свою очередь менее ошибочна, чем на ОГ, образованные посредством релятивизации

ИГ «обладателя». Таким образом, единственным необычным рангом в иерархии повторяемости является ранг группы ОСОМР, которая детьми воспринимается — с точки зрения подверженности релятивизации — так же, как группа OBL. Во всех ОГ с релятивизированной группой OBL предлог «зависает» в конечной позиции в ОГ, например *the boy who Johnny took the toy from* ‘мальчик, у которого Джонни взял игрушку’. Явным образом зависающий сравнительный союз (например, в предложении *the boy who Johnny is taller than* — букв. ‘мальчик, которого Джонни выше, чем’) интерпретируется как сходный по функции с зависающим предлогом.

Хотя было бы преждевременно на основе этих немногих исследований делать заключение о том, что ИД окончательно устанавливает иерархию психологической доступности ИГ для релятивизации, все же представляется очевидным, что на это указывают все имеющиеся данные. Если и последующие изыскания в этом направлении подтвердят психологическую интерпретацию ИД, то мы получим объяснение еще для двух фактов, вытекающих из наших собственных исследований. В свою очередь эти факты могут рассматриваться как дополнительное основание для психологической интерпретации ИД. Первый факт связан с обоснованием относительной доступности ОГ на основе материала языков, в которых большинство рангов в ИД грамматически релятивизируемы. Второй факт связан с дистрибуцией личных местоимений, сохраняемых в составе ОГ.

2.2.1. Внутряязыковые основания относительной доступности

Естественным способом расширения ограничений на иерархию именных групп была бы интерпретация их не только как средства межъязыкового упорядочения степени грамматической правильности, как это делалось выше, но и как средства упорядочения степени приемлемости высказываний в пределах одного языка. Так, можно ожидать, что в принципе в пределах данного языка ОГ, образованные посредством релятивизации высших рангов в ИД, будут оцениваться как более приемлемые, чем ОГ, образованные на основе низших рангов. В отношении крайних рангов ИД это положение представляется верным.

ОГ, образованные посредством релятивизации подлежащих, всегда входят в число наиболее приемлемых в любом языке, а ОГ, образованные на основе групп объектов сравнения, если они вообще и допустимы в языке, часто оцениваются только как маргинально приемлемые. Например, многие англоязычные информанты испытывают определенное неудобство при восприятии сочетаний типа *the man who Mary is taller than* (букв. 'мужчина, которого Мария выше чем'). Сходные оценки относительной приемлемости ОГ в иврите получены нами у наших информантов, владеющих этим языком. Таким образом, даже в языках, допускающих релятивизацию объектов сравнения, предпочитается построение ОГ из семантически эквивалентного предложения, в котором семантический объект сравнения представлен как подлежащее. Иными словами, более предпочтительным способом выражения смысла сочетания *the man who Mary is taller than* будет, вообще говоря, сочетание *the man who is shorter than Mary* ('мужчина, который ниже Марии').

Несколько менее явное предпочтение можно показать на примере генитивной позиции в ИД. Хотя большинство языков в нашей выборке располагают некоторыми средствами релятивизации генитивов, с нею связаны определенные неудобства, и нередко в конкретных случаях в языке существует другая альтернатива — релятивизация более высокого ранга в ИД. Например, сочетание (58) абсолютно грамматично во французском языке:

(58) *La femme dont le manteau a été volé.*

женщина, которой манто было украдено

Однако обычно в разговорной практике подобный смысл выражается другим способом:

(59) *La femme qui s'est fait*

Art женщина которая себя является каузирована
voler le manteau.

украсть *Art* манто

Пример (59) буквально означает 'Женщина, которая имела (получила) свое манто украденным', при этом не предполагается никаких сведений о том, удалось ли ей выяснить, кто вор; здесь осуществляется релятивизация подлежащего, а не генитива. Аналогичная альтернатива к релятивизации генитива существует и в английском языке [ср. пословный перевод (59): *the woman who herself is caused to steal the coat*]. Сходная ситуация имеет место в шведском языке,

см. (60) — (61), где альтернатива (b) в каждой паре предпочтительнее:

- (60) a) *Kvinnaп, vars kappa blev stulen.*
женщина чье пальто было украдено.
b) *Kvinnaп, som fick sin kappa stulen.*
женщина которая имела ее пальто украденным.
- (61) a) *Kvinnaп, vars man är på sjukhuset.*
женщина чей муж есть в больнице
b) *Kvinnaп, som har sin man på sjukhuset.*
женщина которая имеет ее мужа в больнице

В языке йоруба неотчуждаемые посессивы/генитивы часто могут быть перефразированы другими конструкциями, причем такие перифразы предпочитают даже в простых предложениях:

- (62) a) *John lu eṣe oḱunrin naa.*
Джон ударить нога мужчина *Art*
'Джон ударил ногу мужчины'.
b) *John lu oḱunrin naa l' eṣe.*
Джон ударить мужчина *Art* по нога
'Джон ударил мужчину по ноге'.

В случае релятивизации указанное предпочтение становится еще сильнее, и наш информант весьма сомневался в правильности предложения (63a):

- (63) a) **Mo gi oḱunrin ti John lu*
я видеть мужчина такой + что Джон ударить
eṣe ge.
нога его
'Я видел мужчину, чью ногу Джон ударил'.
b) *Mo gi oḱunrin ti John lu*
я видеть мужчина такой + что Джон ударить
l' eṣe.
по нога
'Я видел мужчину, которого Джон ударил по ноге'.

В работе *Вамгбосе 1966, 158—159* утверждается, что (63a) и (63b) связаны трансформационным отношением.

2.2.2. Сохранение местоимения

Менее ясные структуры, частично определяемые Ограничениями на иерархию, связаны с дистрибуцией личных местоимений в релятивизируемых позициях. (Мы не рас-

сма триваем местоимения, играющие роль показателей глагольного согласования, см. разд. 1.4.2.2.) Мы уже отмечали, что такими местоимениями характеризуются семитские языки, см. пример из иврита:

(64) Hā-'išša še-David pāṭan lā 'eṭ
опред-женщина такая + что-Давид дал ей DO
hā-šāfer.

опред-книга

'Женщина, которой Давид дал книгу'.

В работах К е е п а п 1972а, 1975а утверждается, что такого рода стратегии релятивизации задают в поверхностной структуре большее количество информации о логической структуре ОГ, чем стратегии в языках типа английского, которые не сохраняют подобных местоимений. Причина этого, коротко говоря, состоит в том, что при сохраняющих местоимение стратегиях ограничивающий оборот в поверхностной структуре представляет собой самостоятельное предложение, причем такое, которое точно выражает логическую структуру ограничивающего предложения. Иными словами, это именно то предложение, которое должно быть истинно относительно референта ОГ. Так, возможным референтом в примере (64) должна быть женщина, относительно которой истинно предложение 'Давид дал ей книгу'. Перевод же этого предложения на иврит David pāṭan lā 'eṭ hā-šāfer в точности совпадает с ограничивающим оборотом. Заметим, что соответствующий оборот в английском — whom David gave the book to или to whom David gave the book — не является самостоятельным предложением в поверхностной структуре и, следовательно, не воспринимается непосредственно как такая лингвистическая сущность, которая может быть истинна или ложна относительно тех или иных объектов.

В других работах (см. К е е п а п 1972 и особенно К е е п а п 1975а) было показано, что стратегии релятивизации, сохраняющие местоимения, применимы к более широкому кругу сложных контекстов (например, в языках с такими стратегиями часто — но не всегда — допустима релятивизация внутри сочинительных ИГ, других относительных групп, косвенных вопросов и даже предложений, являющихся дополнениями к ИГ). Причина этого состоит в том, что логически более эксплицитные стратегии явным образом выражают базисный смысл ОГ в контекстах, в которых смысл по разным причинам сложен для восприя-

тия. Соответственно мы можем ожидать, что по мере движения вниз по ИД языки будут обнаруживать большую тенденцию к использованию стратегий релятивизации, сохраняющих местоимения. Таблица 2 (ниже) служит впечатляющим свидетельством в пользу этого предсказа-

Таблица 2

Типы сохранения местоимений в относительных группах

Язык	Subj	DObj	IObj	Obj	Gen	OComp
Аоба (северо-восточный)	(+)	+	+	+	+	+
Арабский	-	+	+	+	+	+
Валлийский	-	-	+	+	+	+
Генуэзский	-	(+)	+	+	+	+
Гильбертский	-	+	+	+	+	+
Иврит	-	+	+	+	+	+
Йоруба	-	-	*	*	+	*
Кера	-	+	+	+	+	*
Китайский (пекинский диалект)	-	+/-	+	+	+	+
Корейский	-	-	-	-	+	0
Малайский	-	-	-	-	+	*
Минангкабау	-	-	-	-/+	+	*
Новогреческий	-	-	+(?)	+(?)	+	+
Персидский	-	(+)	+	+	+	+
Ровиана	-	-	-	-	+	0
Словенский	-	+	+	+	+	+
Тоба-батак	-	0	+	+	+	+
Турецкий	-	-	-	-	+	+
Урхобо	+	+	+	+	+	+
Фула (гомбе)	-	-	*	+	+	+
Хауса	-	-	(+)	+	+	+
Чешский (разговорный)	-	+/-	+	+	+	+
Швейцарско-немецкий	-	-	+	+	+	+
Шона	-	-	-	(+)	+(?)	*
Яванский	-	-	-	-	+	+
Японский	-	-	-	-	+/-	+

Значение символов: + означает, что личное местоимение обычно присутствует в соответствующей позиции, когда эта позиция релятивизируется по той стратегии, которая допускает сохранение местоимения. (+) означает факультативное сохранение местоимения. +/- означает, что в одних случаях местоимение сохраняется, а в других нет. - означает, что местоимение обычно не сохраняется. * означает, что данная позиция ИГ не существует в языке. 0 означает, что данная позиция не релятивизируема, а отсутствие символа означает, что мы не располагаем соответствующими сведениями. Символ х (?) означает, что наши сведения недостоверны, но наиболее вероятно в данном случае символ х.

ния. Языки, которые обычно не сохраняют местоимения в какой-либо позиции, не включены в эту таблицу; в ней также не учтено употребление местоимений в качестве показателей глагольного согласования (см. 1.4.2.2).

Из табл. 2 должно быть ясно не только возрастание тенденции сохранения местоимений в релятивизируемых позициях по мере спуска по ИД, но и тот факт, что, коль скоро язык начинает с некоторого ранга в ИД сохранять местоимения, он должен придерживаться этого для всех тех рангов, для которых вообще возможна релятивизация. Это естественное следствие гипотезы о том, что наличие/отсутствие местоименного следа в языке зависит от сложности релятивизируемой позиции, при том что критическая точка сложности варьируется от языка к языку.

2.2.3. Объяснение психологической значимости ИД

В какой-то мере объяснение ограничений на иерархию путем интерпретации ИД как психологической иерархии отодвигает решение проблемы на одну ступень. Нам хотелось бы знать, почему психологически более легкой является релятивизация подлежащих, чем релятивизация дополнений, и т. п. По этому поводу мы можем высказать два соображения.

2.2.3.1. **Стратегия опознания.** Нестрого говоря, начальные члены ИД, как кажется, отражают степень обязательности ИГ в простых предложениях. Так, сказуемые почти всегда предполагают наличие подлежащего. Многие сказуемые требуют группы DO, некоторые сказуемые требуют IO, меньшее число сказуемых (например, put 'класть') требует OBL. Далее, несколько глаголов (как устно указали нам Р. Стокуэлл и П. Шахтер), такие, как gnash (one's teeth) 'скрежетать (зубами)', blink (one's eyes) 'мигать (глазами)' и water 'слезиться' (His eyes watered 'Его глаза слезились'), как представляется, требуют, чтобы их актантами были названия частей тела; то же самое справедливо относительно идиоматических сочетаний типа lose one's nerve 'оробеть' 'смешаться'; blow one's cool 'успокоиться' и т. п. Наконец, в английском языке нет сказуемых, которые требуют в качестве актантов сравнительных конструкций.

Возможно, существует некая универсальная стратегия

опознания именных групп, формулируемая приблизительно следующим образом: «Если ИГ выполняет некоторую роль в каком-либо придаточном предложении, помимо главного, ее следует интерпретировать как подлежащее, если нет никаких указаний на противное, если же таковые имеются, следует испытать позицию ДО, и т. д.». Излишне говорить, что такая общая стратегия потребует гораздо более точных формулировок, обоснования и большой экспериментальной работы, прежде чем она сможет составить основу для серьезного объяснения ИД.

2.2.3.2. Независимая референтность. Другое частное рассуждение, объясняющее большую доступность подлежащих для релятивизации по сравнению с другими позициями именных групп, было предложено в К е е п а п 1974. В этой работе утверждалось, что вершинные ИГ относительных групп разделяют некоторое логическое свойство с подлежащими самостоятельных предложений, а ИГ, не являющиеся подлежащими, не обладают этим свойством. Так, в случае релятивизации подлежащего в значении исходного простого предложения содержится больше информации, необходимой нам, чтобы понять значение относительной группы, чем в случае релятивизации именных групп другого типа. Говоря «трансформационными» терминами, при образовании ОГ посредством релятивизации подлежащих смысл исходного предложения искажается в меньшей степени, чем при образовании ОГ посредством релятивизации дополнений.

Упомянутое выше логическое свойство, общее для вершинных ИГ относительных групп и подлежащих, — это свойство **н е з а в и с и м о г о** **в ы б о р а** **р е ф е р е н т а**. Так, в простых независимых предложениях в общем случае мы не можем ставить выбор референта группы подлежащего в зависимость от выбора референта какой-либо другой ИГ в этом предложении. Например, если подлежащее и дополнение кореферентны, то именно дополнение должно быть маркировано как кореферентное подлежащему — например, с помощью возвратного местоимения, — а не наоборот (если показатель кореферентности вообще имеется). Таким образом, выбор референта группы дополнения может быть поставлен в зависимость от выбора референта группы подлежащего, но не наоборот. Группам подлежащего внутренне присуще свойство независимой референтности. (Ослабленная формулировка этого принципа для более

сложных случаев, не отвергающая сам принцип, дается в К e e n a n 1974.)

Аналогичным образом для понимания значения такой ОГ, как the girl that John likes 'девушка, которую Джон любит', нам следует уяснить, какое множество обозначается вершинной ИГ независимо от референции ИГ в ограничивающем обороте. Например, вершинная ИГ не может подвергаться прономинализации на основании ее кореферентности какой-либо ИГ в ограничивающем обороте *, даже если, как это случается во многих языках, ограничивающий оборот предшествует вершинной ИГ. Однако несомненно, что в ограничивающем обороте ИГ могут быть заданы как референциально тождественные вершинной ИГ; см. ниже, (65) — повторение немецкого примера (1):

(65) Der in seinem Büro arbeitende Mann.

Art в его кабинете работающий мужчина

'Мужчина, который работает в своем кабинете'.

Следовательно, при релятивизации позиции, отличной от подлежащего, результирующая структура должна содержать два выражения, которые необходимым образом независимо друг от друга определяют свои референты, а именно: вершинную ИГ данного ОГ и подлежащее ограничивающего оборота. Это служит объяснением, например, того, почему личное местоимение в сочетании the man who he hit 'человек, которого он ударил' не может быть понято как обязательно кореферентное вершинной ИГ *. Если же мы релятивизируем подлежащее, то мы имеем дело только с одним выражением, обладающим свойством независимой референтности. В этом смысле подлежащие ОГ психологически легче воспринимаются, чем неподлежащие ОГ.

3. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящей работе мы в основном ограничились рассмотрением конкретной совокупности языковых фактов, которые и привели нас к Иерархии доступности, а именно к ограничениям на образование относительных групп.

* Этому утверждению противоречит так называемый архаический тип ОГ, см. сноску на с. 138.— *Прим. ред.*

Мы хотели бы бегло указать две другие области, в которых, как показали недавние исследования, также применима Иерархия доступности.

В работе *Comrie 1974* показана полезность ИД для синтаксического описания каузативных конструкций (в частности, синтетических каузативных образований) в целом ряде языков разного типа. Суммируя аргументацию, приводимую в данной работе, можно сказать, что синтаксическая позиция, используемая для кодирования объекта каузации в каузативной конструкции (т. е. индивида, каузируемого к совершению некоторого действия), должна иметь высший ранг в ИД из тех, которые остаются не использованными в данной конструкции. Приводимые ниже французские примеры иллюстрируют общий характер соответствующего языкового материала:

(66) *J'ai fait courir Henriette.*

‘Я заставил Генриетту бежать’.

В (66) объект каузации выражен группой *DO* (*Henriette*); заметим, что в этой конструкции подлежащее (*je*) уже имеется.

(67) *J'ai fait manger les gâteaux à Henriette.*

‘Я заставил Генриетту есть пирожные’.

Здесь каузатор выражен группой *IO* (*à Henriette*), так как в этой конструкции уже имеются подлежащее (*je*) и группа *DO* (*les gâteaux*).

(68) *J'ai fait écrire une lettre au directeur par Henriette.*

‘Я заставил Генриетту написать письмо директору’.

В (68) каузатор выражен группой *OBL* (*par Henriette*), так как подлежащее (*je*), группа *DO* (*une lettre*) и группа *IO* (*au directeur*) в этой конструкции уже есть.

Другое применение ИД относится к области определения межъязыковых ограничений на процессы продвижения (*advancement processes*) (*Keenan — Comrie 1972*, *Perlmutter — Postal 1974*, *Johnson 1977*, *Keenan 1975b*, *Trithart 1975*). Под процессом продвижения мы будем понимать продуктивный синтаксический процесс, преобразующий предложение с ИГ, занимающей низкий ранг в ИД, в более или менее синонимичное предложение, содержащее эту ИГ, но с более высоким рангом в ИД. В качестве очевидного примера можно привести пассивную трансформацию, которая во многих языках служит для продвижения прямых дополнений в позицию подлежащего. Указанные выше работы

приводят нас к формулировке следующих Условий продвижения (УП):

(УП1) Условие на мишень*. Чем более высокий ранг занимает ИГ в ИД, тем, вообще говоря, она более доступна в качестве мишени продвижения.

(УП 2) Условие на расстояние. Чем дальше отстоит ранг группы X от фиксированного более высокого ранга Y, тем, вообще говоря, труднее продвинуть X в позицию Y.

(Оговорка «вообще говоря» требуется здесь потому, что многие подобные процессы продвижения, хотя и являются продуктивными, подчиняются идиосинкратичным свойствам, присущим индивидуальным лексическим единицам.) Условие на мишень, например, утверждает, что если язык располагает правилом, перемещающим группы, отличные от прямого дополнения, в позицию DO, то он должен также располагать правилом, перемещающим подлежащие группы в позицию подлежащего, иными словами, поскольку мишенью таких процессов является DO, то должны существовать также процессы, имеющие в качестве мишени позицию подлежащего. Индонезийский язык, по данным Ch u n g 1976, является примером языка с продвижением групп IO в позицию DO; в соответствии с УП 1 в этом языке имеется также продвижение групп DO в позицию подлежащего. Условие на расстояние, например, утверждает, что если язык располагает правилом, продвигающим группы OBL в позицию подлежащего, то он должен располагать также правилом, продвигающим DO в позицию SU; иными словами, поскольку группа OBL отстоит дальше от подлежащего в ИД, чем DO, то OBL является менее вероятным кандидатом на продвижение, чем DO. Малагасийский язык (K e e n a n 1972b) располагает правилом, продвигающим группы OBL (а также IO) в позицию подлежащего, а также располагает правилом, продвигающим группы DO в позицию подлежащего, что опять же предсказывается условиями продвижения. Другие примеры и более подробное обоснование рассмотренных условий можно найти в упомянутых выше работах.

* Разъяснения понятий «мишень» (target) и «кандидат» (candidate; ср. последний абзац настоящей статьи) даются в статье Д. Джонсона, помещенной в настоящем сборнике (см, с. 53).— Прим. перев.

В заключение отметим, что авторы настоящей работы поставили перед собой цель продемонстрировать, что Иерархия доступности правильно отражает относительную способность различных синтаксических позиций подвергаться релятивизации; справедливо, по-видимому, и то, что Иерархия доступности играет более общую роль при определении способности именных групп становиться кандидатами и мишенями синтаксических процессов. Разумеется, строгое ограничение области применения Иерархии доступности остается задачей будущих исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая статья представляет собой усовершенствованный вариант работы K e e p a n — S o m g i e 1972. В новом варианте мы пытаемся учесть некоторые возражения, высказанные по поводу наших прежних формулировок.

² Более формальное задание этого семантического понятия, в котором логическая структура ОГ представлена как пара «нарицательная именная группа, открытая формула», см. в K e e p a n 1972a.

³ Мы работали с двумя информантами из Малайи. Макдональд и Сэнджоно (см. M a k D o n a l d — S o e p j o n o 1967) описывают несколько более ограниченную стратегию такого рода в индонезийском языке.

⁴ Аналогичные факты обнаруживаются в языках, в которых придаточное предложение предшествует вершинной ИГ. Так, например, в японском и баскском языках в выражениях, передающих смысл '(которого) он ударил человек' (= 'человек, которого он ударил'), местоимение-подлежащее в ограничивающем обороте не может быть понято как кореферентное вершинной ИГ. Примеры см. в K e e p a n 1974. Таким образом, Принцип пересечения (the Crossover Principle), формулируемый в P o s t a l 1971, не дает правильного объяснения для этих случаев.

ЛИТЕРАТУРА

A b r a h a m s 1959 — A b r a h a m s R. C. The Language of the Hausa People. University of London Press, London, 1959.

A n d e r s o n 1975 — A n d e r s o n S. R. Tongan, unpublished manuscript, 1975.

A n d e r s o n 1976 — A n d e r s o n S. R. On the Notion of Subject in Ergative Languages. In: L i 1976, 1—23.

A n d r e w s 1975 — A n d r e w s A. Studies in the Syntax of Relative and Comparative Clauses. Unpublished Doctoral dissertation, MIT, Cambridge (Mass.), 1975.

B a m g b o s e 1966 — B a m g b o s e A. A Grammar of Yoruba. Cambridge (Mass.), 1966.

B i g g s 1974 — B i g g s B. Some Problems of Polynesian Grammar. In: «Journal of the Polynesian Society», 1974, 83, 401—426.

Bird 1966 — Bird C. Relative Clauses in Bambara. In: «Journal of West African Languages», 1966, 5, 35—47.

Brown 1971 — Brown H. D. Children's Comprehension of Relativized English Sentences. In: «Child Development», 1971, 42, 1923—1926.

Chung 1976 — Chung S. An Object-Creating Rule in Indonesian. In: «Linguistic Inquiry», 1976, 7, 41—87.

Churchward 1953 — Churchward C. Tongan Grammar. Oxford University Press, London, 1953.

Cole — Sadock 1977 — Cole P., Sadock J. (eds.). Syntax and Semantics. vol. 8: Grammatical Relations. Academic Press, New York, 1977.

Comrie 1974 — Comrie B. Causatives and Universal Grammar. In: «Transactions of the Philological Society», London, 1974.

Comrie — Keenan 1979 — Comrie B., Keenan E. L. Noun phrase accessibility revisited. In: «Lingua», Baltimore, 15, 1979, 3, 649—664.

Cook 1975 — Cook V. J. Strategies in the Comprehension of Relative Clauses. In: «Language and Speech», 18, 1975, 3, 204—212.

Craig 1974 — Craig C. G. A Wrong Cyclical Rule in Jacaltec? In: La Galy 1974, 103—116.

Deibler 1976 — Deibler E. W. Semantic Relationships of Gahuku Verbs. Summer Institute of Linguistics, Norman, Oklahoma, 1976.

de Rijk 1972 — de Rijk R. P. G. Relative Clauses in Basque: a Guided Tour. In: Peranteau 1972, 115—135.

Dixon 1969 — Dixon R. M. W. Relative Clauses and Possessive Phrases in Two Australian Languages. In: «Language», 1969, 45, 35—44.

Dixon 1972 — Dixon R. M. W. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge University Press, Cambridge, 1972.

Gary — Keenan 1977 — Gary J. O., Keenan E. L. On Collapsing Grammatical Relations in Universal Grammar. In: Cole — Sadock 1977, 83—120.

Givón 1972 — Givón T. Complex NPs in Word Order and Resumptive Pronouns in Hebrew. In: «You Take the High Node and I'll Take the Low Node», Chicago Linguistic Society, Chicago, 1972.

Gorbet 1972 — Gorbet L. How to Tell a Head When You See One: Disambiguation in Diegeño Relative Clauses, unpublished manuscript, 1972.

Grossman 1975 — Grossman R. E., San L. J., Vance T. J. (eds.). Papers from the Eleventh Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. University of Chicago, Chicago, 1975.

Hale 1976 — Hale K. The Adjoined Relative in Australia. In: «Grammatical Categories in Australian Languages», R. Dixon (ed.), Australian Institute of Aboriginal Studies, Canberra, 1976.

Hatch 1971 — Hatch E. The Young Child's Comprehension of Relative Clauses. In: «Technical Note», 2—71—16, Southwest Regional Laboratory, Los Alamitos, California, 1971.

Hawkins — Keenan 1974 — Hawkins S., Keenan F. L., The Psychological Validity of the Accessibility Hierarchy. In: «Summer Meeting», LSA, 1974.

Hohepa 1969 — Hohepa P. The Accusative to Ergative Drift

in Polynesian Languages. In: «Journal of the Polynesian Society», 1969 78, 259—329.

Johnson 1974 — Johnson D. E. On the Role of Grammatical Relations in Linguistic Theory. In: La Gal y 1974, 269—283.

Johnson 1977 — Johnson D. E. On Relational constraints on Grammars (см. наст. сб., с. 37—75).

Karlsson 1972 — Karlsson F. Relative Clauses in Finnish. In: Peranteau 1972, 106—114.

Keenan 1972a — Keenan E. L. On Semantically Based Grammar. In: «Linguistic Inquiry», 1972, 3, 413—461.

Keenan 1972b — Keenan E. L. Relative Clause Formation in Malagasy.— In: Peranteau 1972, 169—189.

Keenan 1974 — Keenan E. L. The Functional Principle: Generalizing the Nation of Subject-of. In: La Gal y 1974, 298—309.

Keenan 1975a — Keenan E. L. Logical Expressive Power and Syntactic Variation in Natural Language. In: «Formal Semantics of Natural Language», E. L. Keenan (ed.), Cambridge, 1975.

Keenan 1975b — Keenan E. L. Some Universals of Passive in Relational Grammar. In: Grossman 1975, 340—352.

Keenan 1976a — Keenan E. L. Remarkable Subjects in Malagasy. In: Li 1976.

Keenan 1976b — Keenan E. L. Towards a Universal Definition of "Subject" (см. наст. сб., с. 236—276),

Keenan — Comrie 1972 — Keenan E. L., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar.— In: «Winter Meeting», LSA, 1972.

Lafitte 1962 — Lafitte P. Grammaire Basque. Éditions des "Amis du Musée Basque" et "Ikas", Bayonne, 1962.

La Gal y 1974 — La Gal y M. W., Fox R., Bruck A. (eds.). Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. University of Chicago, Chicago, 1974.

Legum 1975 — Legum S. Strategies in the Acquisition of Relative Clauses. In: «Technical Notes», 2—75—10, Southwest Regional Laboratory, Los Alamitos, California, 1975.

Li 1976 — Li Ch. (ed.). Subject and Topic. Academic Press, New York, 1976.

Li — Thompson 1974 — Li Ch., Thompson S. Subject and Topic. A New Typology of Language (см. наст. сб., с. 193—235).

Li — Thompson 1976 — Li Ch., Thompson S. Evidence Against Topicalization in Topic Prominent Languages. In: Li 1976.

MacDonald — Soenjono 1967 — MacDonald R., Soenjono D. Indonesian Reference Grammar. Georgetown University Press, Washington, 1967.

Peranteau 1972 — Peranteau P. M., Levi J. N., Phares G. C. (eds.). The Chicago Which Hunt. Chicago Linguistic Society Chicago, 1972.

Perlmutter — Postal 1974 — Perlmutter D. M. Postal P. M., Linguistic Institute Lectures. Unpublished manuscript 1974.

Postal 1971 — Postal P. M. Crossover Phenomena. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1971.

Schachter 1973 — Schachter P. Focus and Relativization. In: «Language», 1973, 49, 19—46.

Schachter 1976 — Schachter P. The Subject in Philippine Languages: Topic, Actor Actor-Topic or None of the Above. In: Li 1976.

Sheldon 1974 — Sheldon A. The Role of Parallel Function in the Acquisition of Relative Clauses in English. In: «Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior», 1974, 13, 272, 281.

Silitonga 1973 — Silitonga M. Some Rules Reordering Constituents and their Constraints in Batak. Unpublished Doctoral dissertation, University of Illinois, Urbana, 1973.

Tagashira 1972 — Tagashira Y. Relative Clauses in Korean. In: Peranteau 1972.

Tchekhoff 1973 — Tchekhoff C. Some Verbal Patterns in Tongan. In: «Journal of the Polynesian Society», 1973, 82, 281—292.

Trithart 1975 — Trithart L. Relational Grammar and Chicewa Subjectivization Rules. In: Grossman 1975, 615—624.

Valli 1972 — Valli H., Hernandez N., Archard-Baule M., Beretti M. F. Compte-rendu d'une expérience réalisée dans une classe de 6e 2, dont le but était d'étudier les mécanismes de la production des relatives chez l'enfant. Institute de Didactique et Pédagogie. Université de Provence, 1972.

Woodbury 1975 — Woodbury A. Ergativity of Grammatical Processes: A Study of Greenlandic Eskimo, M. A. Essay, University of Chicago, Chicago, 1975.

КОСВЕННО-ОБЪЕКТНЫЕ КОНТРОЛЕРЫ РЕФЛЕКСИВИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I. ВВЕДЕНИЕ

Обычно считается, что контролировать рефлексивизацию в русском языке могут только подлежащие. Возможные исключения из этого правила составляют примеры, в которых контроль принадлежит косвенным дополнениям (*obliques*). Этот термин употребляется здесь в общепринятом смысле, относясь к именованным группам (далее — ИГ), не являющимся ни подлежащими, ни прямыми дополнениями. Косвенные дополнения не контролируют рефлексивизацию при так называемых активных (в значении 'не-стативных') предикатах, но могут выступать контролерами при многих стативах. Так, дативы * не могут осуществлять контроль, если они являются непрямыми дополнениями (*indirect objects*) при активных предикатах (см. примеры (1) — (2)), но они способны быть контролерами при различных стативах, таких, как модальные (3) — (4), экспериенциальные (5) — (6) и квантифицирующие (7) — (8) предикаты. Для удобства описания все три названных семантических типа предикатов, имеющих косвенно-объектный контролер в дательном падеже, можно охарактеризовать как инвертирующие (*inversion*) **.

(1) На него каждые сутки в конденсированном виде сваливается такое количество испытаний, которые дру-

Alan Timberlake. *Oblique Control of Russian Reflexivization*.— In: "Morphosyntax in Slavic", C. Chvany, R. Brecht (eds.), Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1980.

* К дативам (*datives*) относятся ИГ в позиции непрямого дополнения со значением адресата действия.— *Прим. перев.*

** В концепции Перлмуттера инвертирующими называются такие предикаты, которые в процессе деривации меняют исходное отношение I (подлежащее) на 3 (непрямое дополнение). См. о понятии инверсии статью Перлмуттера и Постала в наст. сборнике.— *Прим. ред.*

гому человеку не выпадут за всю его/*свою жизнь (К. Симонов) [*его*].

- (2) Перед уходом задаю ему несколько вопросов о нем самом/*самом себе (К. Симонов) [*нем самом*].
- (3) Баба на кошку похожа, ей *ее/свой дом нужен (П. Проскурин) [*свой*].
- (4) А ведь для +нее/себя ей ничего не нужно (П. Проскурин) [*себя*].
- (5) Они уже были большие, и ей неловко было перед ними за +ее/свою слабость и нечистую болезнь (П. Проскурин) [*свою*].
- (6) До слез жалко стало мне и *меня самого/себя самого и Филимона (М. Исаковский) [*себя самого*].
- (7) *Его/Своих запасов горючего до Тихой ему не хватит (М. Водопьянов) [*своих*].
- (8) Мне не хватает времени для *меня/себя.

Аналогичным образом предложная группа *y*+генитив не является контролером рефлексивизации, выступая в качестве локатива в активных предложениях (9) — (10), но она может им стать, будучи посессором в экзистенциальных предложениях (11) — (12) (см. С h v a n у 1975):

- (9) Я уже через полчаса сидел у Москаленко на его/*своём наблюдательном пункте (К. Симонов) [*его*].
- (10) У Москаленко я обсуждал с ним/*собой последние действия.
- (11) У семьи Горянских был в Зарубинках *их /свой дом (М. Исаковский) [*свой*].
- (12) — Слушай, Тарасыч, битых-то вон сколько, а у них всякий запас с *ними/собой (П. Проскурин) [*собой*].

При описании контроля в таких и подобных им случаях на ум приходят две стратегии. Если исходить из посылки, что только подлежащее может контролировать рефлексивизацию, то следует предположить, что косвенно-объектный контролер на каком-то уровне деривации является подлежащим. Это утверждение может быть названо г и п о т е з о й п о д л е ж а щ н о г о к о н т р о л я (Subject Control Hypothesis, далее — ГПК). С другой стороны, если мы откажемся от ограничения контроля только подлежащим, то можно предположить, что при определенных условиях контроль принадлежит косвенным дополнениям и что этим свойством они обязаны чему-то явно отличному от грамматических отношений. Такое объяснение может быть названо гипотезой косвенно-объектного контроля (Oblique

Control Hypothesis, далее — ГКК). Так в самом общем виде выглядят две возможные альтернативы. Ниже я буду рассматривать каждую из них более подробно.

Эта статья подходит к проблеме косвенно-объектного контроля русской рефлексивизации с точки зрения указанных двух стратегий анализа. Главной задачей ее, кроме описания фактов, является представление ряда аргументов против ГПК. Вторая задача статьи — предложить предварительный набросок одного возможного варианта ГКК. С точки зрения описания это исследование является продолжением таких работ на темы русской рефлексивизации, как K l e n i n 1974, C h v a n y 1975, Y o k o y a m a — K l e n i n 1974, V e y g e n s 1978 и др. Взгляды на проблему контроля в данном исследовании совпадают со взглядами, изложенными в работах N i c h o l s 1979 и в особенности R a p p a r t 1979.

Некоторые предварительные замечания

Примеры, приводимые ниже, взяты непосредственно из текстов или построены на их основе с привлечением достаточно обширного контекста, позволяющего правильно установить отношения кореферентности. Носителям русского языка предлагалось произвести в этих примерах выбор между возвратной и невозвратной формами местоимений. При этом задачей носителя языка, взятого в качестве информанта, являлся процесс кодирования, аналогичный соответствующему процессу, который он осуществляет, когда выступает как автор некоторого текста, поэтому результаты, получаемые из этих двух источников *, могут быть сопоставлены. Мои впечатления таковы, что подобные метаязыковые ответы носителя в основном соответствуют употреблению в тексте, так что приводимая ниже градация степеней приемлемости может рассматриваться одновременно как отражение мнений носителей и как отражение частоты встречаемости в тексте¹.

(13) (без пометы) — приемлемо, предпочтительно, встречается наиболее часто;

(+) — приемлемо, не предпочтительно; встречается часто;

(?) — едва ли приемлемо, встречается нечасто;

(*) — неприемлемо, редко, не встречается вообще.

* Спонтанная речь и эксперимент. — *Прим. перев.*

Методология

Описание и обсуждение материала производится в терминах грамматических отношений (grammatical relations) с опорой на теорию реляционной грамматики Перлмуттера и Постала (см., например, Perlmutter — Postal 1978, Perlmutter 1978a). Однако понятия и термины этой теории используются очень избирательно. Так, главные грамматические отношения называются их традиционными именами: «подлежащее», «дополнение», «датель», а не номерами 1, 2, 3, как принято в реляционной грамматике*. Как уже указывалось, термин «косвенный объект» употребляется здесь, представляя класс отношений, включающих как дативы, так и собственно косвенные дополнения реляционной грамматики (бенефактивы, локативы и т. д.). К косвенным объектам не относятся подлежащее и прямообъектные отношения, а также отношение шомёра (chômeur relation). Согласно реляционной грамматике подразумевается, что отношения могут иметь место на различных уровнях (для удобства под уровнем подразумевается уровень деривации). В соответствии с этим они называются либо исходными (initial), либо промежуточными (intermediate), либо поверхностными (final). Последовательной (consistent) ИГ называется такая ИГ, которая сохраняет данное отношение на всех этапах деривации; если речь идет о каком-либо (anytime) отношении, то это значит, что нам безразлично, на каком именно уровне выступает данное отношение.

Структура статьи

В разделе 2 более подробно рассматриваются две альтернативные гипотезы: гипотеза подлежащего контроля и гипотеза косвенно-объектного контроля (ГПК и ГКК). В разделах 3 и 4 обсуждается, можно ли описывать с помощью единого правила рефлексивизацию, происходящую в инвертирующих предложениях с дативным контролем, и в экзистенциальных предложениях с посессорным контролем. В разделах 5 и 6 представлен ряд аргументов

* См. статьи Перлмуттера и Постала в наст. сб. — *Прим. перев.*

против ГПК. В разделе 7 рассматривается альтернативная версия для экзистенциальных предложений, где контроль осуществляет посессор. В разделе 8 обсуждается вариант ГКК, предлагаемый в данной работе.

2. ГПК и ГКК

Проблема косвенно-объектных контролеров в русской рефлексивизации имеет две отчетливо выраженные стороны: во-первых, это вопрос о том, осуществляют ли косвенные объекты контроль потому, что находятся в подлежащем отношении, или потому, что находятся в некотором другом отношении; и во-вторых, это вопрос о взаимосвязи между косвенно-объектным контролем и предикатами, при которых он имеет место. Как показывают примеры, приведенные выше, косвенно-объектные контролеры обычно возможны при экзистенциальных и инвертирующих (модальных, экспериенциальных и квантифицирующих) предикатах. Эти два класса предикатов рассматриваются далее вместе, хотя между ними есть некоторые различия, и, возможно, что каждый из классов требует особого отношения. Удобно обсуждать ГПК сначала на материале инвертирующих предикатов, пользуясь эксплицитно выраженным предложением Перлмуттера (см. *Perlmutter 1978a*) *.

ГПК, по определению, подразумевает, что контролером рефлексивизации может быть только подлежащее. В пассивных предложениях и поверхностное подлежащее (=исходное прямое дополнение), и поверхностный агенс, или шомёр (=исходное подлежащее), могут в принципе контролировать рефлексивизацию (*Klein 1974*). Соответственно условия контроля по ГПК должны быть сформулированы в терминах «какого-либо» подлежащего, а не в терминах подлежащего, являющегося таковым лишь на каком-то определенном уровне. Это условие позволяет сделать предположение, что исходные подлежащие могут

* По-видимому, речь идет о термине, предложенном в этой статье, — «инвертирующие предикаты». Об инверсии здесь уместно говорить в том смысле, что соответствие между семантическими ролями и их поверхностной реализацией в таких предикатах обратно, инвертировано по отношению к соответствующему соотношению в активных предикатах. — *Прим. перев.*

контролировать рефлексивизацию не только в пассивных конструкциях. По ГПК датив, являющийся контролером в инвертирующих конструкциях, должен быть в них на некотором уровне подлежащим. А при том, что падежная кодировка и глагольное согласование определяются поверхностными грамматическими отношениями, эти ИГ суть явные поверхностные дативы и никак не могут считаться поверхностными подлежащими (Perlmutter 1978a); тогда можно предположить, что они являются подлежащими на каком-то предшествующем, скорее всего исходном уровне. Если же они — исходные подлежащие и в то же время поверхностные дативы, это значит, что они должны были быть «понижены» до позиции датива в результате правила, применимого при определенных условиях. Это правило может быть названо и н в е р с и е й (inversion) (Perlmutter 1978a). Предикаты, обуславливающие правило инверсии, мы называем инвертирующими. К ним относятся такие предикаты, при которых косвенно-объектным контролером является датив, т. е. модальные, экспериенциальные и квантифицирующие предикаты.

Подобную же гипотезу можно построить для посессоров в экзистенциальных предложениях. Если ГПК верна, то контролер-посессор должен быть на некотором уровне подлежащим. На поверхностном уровне посессор (его не следует смешивать с применными притяжательными группами, выражаемыми родительным падежом), почти несомненно, является косвенным дополнением в узком смысле термина, поскольку его падеж не совпадает с падежной кодировкой подлежащего, прямого дополнения или датива. Если же он контролирует рефлексивизацию, не являясь при этом поверхностным подлежащим, то он должен быть им на каком-то предшествующем, предположительно исходном уровне; для объяснения его статуса поверхностного косвенного дополнения можно выдвинуть правило п о н и ж е н и я посессора (possessor demotion), аналогичное правилу инверсии.

Правда, правило понижения посессора плохо согласуется с требованиями теории реляционной грамматики Перлмуттера и Постала. Согласно этой теории, дативы относятся к классу термов, а косвенные объекты — нет. И если понижение подлежащего до позиции датива — другого термина — возможно, то понижение его до позиции косвенного дополнения не разрешается, так что правило

понижения посессора в данной теории невозможно. В то же время хотелось бы иметь одинаковое описание для дативного контроля в инвертирующих предложениях и для посессорного — в экзистенциальных. Более того, если контролирование рефлексивизации посессорами не является свидетельством того, что они бывшие подлежащие, тогда не следует считать аналогичный факт доводом в пользу того, что и дативы суть бывшие подлежащие. В этом месте мне представляется необходимым предположить, что ГПК включает правило понижения как для дативов, так и для посессоров; ниже, в разд. 7, я рассмотрю другой вариант описания, в частности для посессорных групп.

Что касается ГКК, то она в отличие от ГПК не предполагает, что рефлексивизацию контролируют только подлежащие. Для ГКК, во-первых, необходимо утверждение о том, что класс контролеров включает не только подлежащие, но и, как минимум, косвенные дополнения (по меньшей мере при некоторых предикатах). Косвенные дополнения тогда являются последовательными (см. выше) косвенными дополнениями, не меняющими свой грамматический статус при деривации. Во-вторых, необходимо обосновать, почему некоторые (но не все) косвенные дополнения могут быть контролерами при данных предикатах. Есть несколько способов сделать это, один из которых я здесь намечу.

При этом подходе представление структуры предложения не ограничивается грамматическими отношениями, но включает и другие типы представлений; различные типы представлений могут быть названы осями. На каждой оси именному аргументу свойственны особые отношения. Всеми признается, например, необходимость включения в представление предложения информационной (или подобной ей) оси, на которой аргументы находились бы в отношениях типа «быть топиком» (topic) и «быть комментарием» (comment).

Можно предположить, что на каждой оси отношения иерархизированы в соответствии с единой категорией выделенности (prominence) (см. K l e p i n 1978, R a p p a r t 1979). На оси грамматических отношений (или грамматической оси) выделенным (prominent) отношением является подлежащее отношение; на информационной оси таковым служит топиковое отношение. Легко предположить далее, что контролирование различных процессов

связано с выделенностью ИГ. Так можно показать, что, по крайней мере в некоторых контекстах, топиковое отношение влияет на контроль деепричастий (Yokoyama 1980, *Report* 1979) и имен-копредикативов (*predicate nominals*) (Nichols 1979).

По ГКК контролирование рефлексивизации не ограничивается подлежащим отношением, но, по-видимому, может включать отношения, выделенные на других осях, во всяком случае при некоторых условиях. Тот факт, что косвенные дополнения выступают контролерами рефлексивизации, можно тогда объяснить, предположив, что они являются выделенной ИГ на некоторой оси, отличной от оси грамматических отношений. Разумно, например, считать, что датив, употребляясь с модальными предикатами, является ИГ, выделенной на оси модальности; он указывает на тот «штандарт» (*standart*), относительно которого определяется модальность (необходимость, возможность, долженствование и т. п.). Выше, в предложении (3), датив является «штандартом» в том смысле, что именно он обозначает участника, которому нужен дом. Аналогичным образом посессор в экзистенциальных предложениях задает область определения для того участника, существование которого утверждается; в (11), например, на существование дома указывает его принадлежность некоторой семье. Согласно традиции логической семантики экзистенция считается типом квантификации. Если изобразить квантификацию в виде отдельной оси, то посессор можно принять за «штандарт» на оси квантификации.

Вслед за этим естественно предположить, что выделенность на тех или иных осях дает косвенному дополнению право быть контролером рефлексивизации даже в тех случаях, когда оно не является ИГ, выделенной на оси грамматических отношений. Однако очевидно, что выделенность на грамматической оси перевешивает выделенность на других осях. Поэтому, например, влияние топика на рефлексивизацию слабое, и этот «штандарт» становится контролером лишь при определенных условиях.

Таким образом, видно, что ГПК и ГКК различаются в двух отношениях. С одной стороны, если использовать термин *слой* (*stratum*) (Perlmutter — Postal 1978) для обозначения уровня деривации, то ГПК предполагает многослойный процесс, в то время как ГКК (для того же класса конструкций) — однослойный. С другой

стороны, в терминах типов представления, или осей, ГПК является одноосной, а ГКК — многоосной. Такое разграничение дает ключ к пониманию возможных различий в описательной силе каждой из этих гипотез. Два из этих различий окажутся существенными далее; они отражают два главных аспекта в проблеме косвенно-объектных контролеров, которые были сформулированы в начале данного раздела.

Во-первых, ГПК вводит в рассмотрение более ограниченный класс косвенно-объектных контролеров для каждого взятого предиката. В теории реляционной грамматики, используемой нами, именной аргумент на каждом уровне может иметь только одно грамматическое отношение (P e r l i m u t t e r — P o s t a l 1978). Для объяснения того факта, что косвенные дополнения могут выступать в роли контролеров, ГПК утверждает, что они являются исходными подлежащими. (По-видимому, есть и другие логически возможные способы деривации, при которых поверхностные косвенные дополнения происходят из промежуточных подлежащих, но эти деривации либо исключаются по законам реляционной грамматики, либо не имеют места для русского языка.) Поскольку косвенно-объектный контролер на исходном уровне может быть только подлежащим, его конкретный вид на поверхностном уровне (датель в инвертированных, посессор в экзистенциальных предложениях) не задается исходным представлением, но должен определяться правилами инверсии для дательных и понижения посессора для посессоров. Поэтому ГПК предсказывает, что для каждого предиката, допускающего косвенное дополнение в качестве контролера, таковым может служить только одна, определенная его разновидность. В этом и состоит чрезмерная конкретность предсказаний ГПК в отличие от ГКК.

Во-вторых, ГПК и ГКК задают разные классы предикатов, допускающих косвенно-объектный контроль рефлексивизации. По ГПК контролером может быть только один аргумент, находящийся в определенном грамматическом отношении на данном уровне. В случае, когда контролером является косвенное дополнение, ГПК предсказывает, что такая ситуация невозможна, если косвенное дополнение не является исходным подлежащим. Например, ГПК исключает косвенно-объектный контроль в активных предложениях с последовательными подлежащими.

Таковы два конкретных предсказания, с помощью которых можно было бы оценить правильность ГПК и ГКК применительно к русской рефлексивизации.

3. КОНТРАСТИВНАЯ РЕФЕРЕНТНОСТЬ И КОСВЕННО-ОБЪЕКТНЫЙ КОНТРОЛЬ

Аргументы, приводимые ниже, серьезным образом опираются на предположение о том, что все рассматриваемые случаи появления возвратных местоимений суть результат действия одного и того же правила рефлексивизации. Однако, на первый взгляд посессорный контроль в экзистенциальных и дативный контроль в инвертирующих предложениях кажутся различными явлениями. Поэтому необходимо решить вопрос о том, одно ли и то же правило рефлексивизации имеет место в обоих типах предложений. Я рассмотрю два возможных различия между этими типами предложений. Первое различие связано с семантикой, а второе — с грамматическими отношениями, в которые входит мишень (target) рефлексивизации*.

В экзистенциальных предложениях с посессорным контролем мишень рефлексивизации (=притяжательное прилагательное + главное имя) обладает семантическим признаком, который может быть назван контрастивной референцией (set reference) (см. Timberlake 1980). При положительно-контрастивной референции участник понимается как элемент из множества потенциально сопоставимых участников, каждый из которых (как и действительная мишень рефлексивизации) связан с посессором; при отрицательно-контрастивной референции мишень рефлексивизации не есть элемент из множества возможных участников, а является референциально уникальной (см. аналогичное понятие в Klepina 1980). В экзистенциальных предложениях с посессорным контролем мишени рефлексивизации обычно характеризуются положительно-контрастивной референцией. Ее наличие очевидно в предложениях с эксплицитно выраженным квантором, как в (14); в примере (15) она устанавливается благодаря наличию противопоставления в контексте.

* Здесь термин «мишень» (ИГ, которая — или элемент которой — подвергается рефлексивизации) употребляется, видимо, иначе, чем в реляционной грамматике, где для соответствующего объекта используется термин «жертва» (victim). — Прим. ред.

(14) Наверно, у каждого из воевавших от начала и до конца войны был на ней *его/свой самый трудный час (К. Симонов) [*свой*].

(15) — Мне понравится. Вы только напишите. Вот вам блокнот и карандашик.

— У меня ?мой/свой карандаш есть.

— Да нет уж, вы моим (К. Симонов) [*свой*].

Носители описывают употребление возвратных местоимений в таких контекстах как «подчеркивающее принадлежность»; эти местоимения создают значение «принадлежности такому участнику, который противопоставлен другим возможным участникам». В относительно нечастых текстовых примерах с отрицательно-контрастивной референцией употребляется невозвратное местоимение, которое также предпочитается и информантами. В (16), например, *папка* была определена еще в предыдущем контексте, и поэтому в самом предложении не подразумевается множество различных папок, которые можно было бы поставить в один ряд с данной. Поэтому мишень рефлексивизации характеризуется отрицательно-контрастивной референцией. Аналогично устроено и предложение (17).

(16) И вдруг я не столько вспомнил, сколько инстинктивно почувствовал, что у меня в руках нет моей/?своей папки (М. Исаковский) [*моей*].

(17) У меня лишь один из моих/?своих фельетонов (М. Исаковский) [*моих*].

Очевидно, что употребление *свой* в экзистенциальных предложениях с посессорным контролем в высокой степени зависит от семантического признака контрастивной референции. Наоборот, в инвертирующих предложениях употребление *свой* представляется независимым от контрастивной референции; так, в (5) мишень рефлексивизации характеризуется отрицательно-контрастивной референцией (контекст не предполагает, что болезнь бабушки противопоставлена чьим-либо другим болезням), однако предпочитается возвратное местоимение. Если это различие между экзистенциальными и инвертирующими предложениями верно, то можно утверждать, что *свой* в экзистенциальных предложениях с посессорным контролем не является вовсе случаем рефлексивизации, но адъективом о лексическим значением 'единственный, не чужой' (см. K l e p i n 1974, 21—23; P e r l m u t t e r 1978a; сноска 6) ².

Это различие оказывается, однако, иллюзорным, что

можно продемонстрировать с помощью двух примеров: один касается местоимения *свой*, а другой — местоимения *себя*. Я начну с рассмотрения местоимения *свой*. С одной стороны, рефлексивизация посредством притяжательного местоимения *свой* (=притяжательная рефлексивизация) может применяться в экзистенциальных предложениях с посессорным контролем и отрицательно-контрастивной референцией. В (18) не предполагается сравнение сил посессора и других людей, так что референция является отрицательно-контрастивной, но тем не менее в (18) употреблена возвратная форма:

(18) У него по-прежнему оставалось чувство +его/своей силы (П. Проскурин) [*своей*].

С другой стороны, притяжательная рефлексивизация в инвертирующих предложениях также чувствительна к контрастивной референции и применяется с большей легкостью при положительной, нежели при отрицательной — контрастивной референции. В примерах (19) — (20) это иллюстрируется для квантифицирующих предикатов, в (21) — (22) — для экспериенциального *надоест* и в (23) — (24) — для двух безличных экспериенциальных предикатов:

(19) Мне вполне достаточно моей/?своей квартиры над мясной (Э. Кестнер) [*моей*].

(20) Мне достаточно ?моих/своих друзей, мне не нужны другие люди.

(21) Ты думаешь, мне моя/своя голова надоела? (Д. Гусаров) [*своя*].

(22) Тебе самому надоест твое/*свое хождение в народ (П. Проскурин) [*твое*].

(23) Ему страшно стало ?его/своего долга и ?его/своей ответственности (А. Платонов) [*своего, своей*].

(24) Пращуру тепло было в его/+своей природной шкуре (Л. Леонов) [*его*].

Наконец, нужно отметить, что контрастивная референция оказывает влияние на притяжательную рефлексивизацию даже в тех случаях, когда контролером является поверхностное подлежащее (как показано в Timberlake 1980). Таким образом, контрастивная референция одинаково влияет на притяжательную рефлексивизацию во всех типах предложений, хотя различия в степени влияния, конечно, могут существовать: положительно-контрастивная референция благоприятствует употреблению возвратного местоимения, отрицательная — препятствует это-

му. Характерно, что в этом аспекте между экзистенциальными и инвертирующими предложениями особой разницы не наблюдается.

Обратимся теперь к рефлексивизации с помощью возвратного местоимения *себя* (= актантной рефлексивизации). Принято считать, что *себя* является истинным возвратным местоимением, для которого важно понятие контроля, а не именем с соответствующим лексическим значением. Поэтому любое свойство местоимения *себя*, которое относится также и к местоимению *свой*, можно считать свойством рефлексивизации как таковой, а не лексической характеристикой.

Актантная рефлексивизация тоже зависит от признака контрастивной референции, и это имеет место даже в контексте инвертирующих предложений. Предложение (4), взятое в более широком контексте — см. (25), — создает эксплицитно выраженное противопоставление женщины ее мужу как потенциальных бенефактивов. Поэтому бенефактив находится в контексте положительно-контрастивной референции, вследствие чего предпочитается возвратная форма.

(25) А ведь для ?нее/себя ей ничего не нужно, она желала большего лишь для него (П. Проскурин) [*себя*].

(26) Для нее/себя ей ничего не нужно.

Если это предложение вынуть из контрастивного контекста, как в (26), то и невозвратная форма становится вполне приемлемой. То есть актантная рефлексивизация также зависит от признака контрастивной референции. Следовательно, можно предположить, что контрастивная референтность является общим условием рефлексивизации, так что нет ничего удивительного в том, что она оказывает влияние на притяжательную рефлексивизацию в экзистенциальных предложениях с посессорным контролем. Из этого я делаю вывод, что случаи употребления *свой* в экзистенциальных предложениях должны интерпретироваться как результат притяжательной рефлексивизации, контролируемой посессором.

4. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МИШЕНЕЙ РЕФЛЕКСИВИЗАЦИИ И КОСВЕННО-ОБЪЕКТНЫЙ КОНТРОЛЬ

Создается впечатление, что притяжательная рефлексивизация при косвенно-объектном контроле допускает в экзистенциальных предложениях очень ограниченный набор

мишеней рефлексивизации; действительно, все примеры из текстов ограничиваются мишенями рефлексивизации, являющимися поверхностными подлежащими, или же находятся в производных (derivative) синтаксических отношениях. (К последним относятся: родительный падеж бывшего подлежащего при отрицании, приименное определение подлежащего, оформленное родительным падежом, имена-ко-предикативы.) В противоположность этому кажется, что инвертирующие предикаты допускают довольно широкий набор синтаксических отношений мишеней рефлексивизации. Если это так, то это противопоставление могло бы служить аргументом в пользу разграничения рефлексивизации в экзистенциальных и инвертирующих предложениях. Не все факты в этой связи представляются совершенно ясными, однако имеется достаточно оснований предполагать, что между двумя интересующими нас типами косвенно-объектного контроля в этом аспекте различий не существует, как в случае актантной, так и в случае притяжательной рефлексивизации.

С одной стороны, в экзистенциальных предложениях все-таки возможна притяжательная рефлексивизация мишеней, обладающих иными отношениями, нежели подлежащее (или производные), если только удовлетворяется условие положительно-контрастивной референции. В (27) имеет место эксплицитно выраженный контраст между личным и неличным, так что даже при локативной мишени рефлексивизации можно употребить возвратную форму. В (28) контраста нет, и возвратное местоимение менее желательно:

(27) У него одно в голове: чтобы в ?его/своём хозяйстве всегда порядок был, а на остальное ему наплевать (В. Шукшин) [своём].

(28) Как у него идут дела в этом году в его/?своём хозяйстве? [его].

С другой стороны, если есть различия в способности мишеней подвергаться рефлексивизации, то это верно и для инвертирующих предикатов. Так, объектное отношение при экспериенциальном глаголе в (5) поддается рефлексивизации с большей легкостью, чем обстоятельственное отношение в (24). То есть между экзистенциальными и инвертирующими предикатами в принципе нет разницы, когда речь идет о синтаксических отношениях мишеней рефлексивизации. Также очевидно, что в экзистенциальных пред-

ложениях актантная рефлексивизация может контролироваться посессорами, как это видно в (12). Если даже отбросить предложение (12) как идиому, то можно найти другие неидиоматичные примеры, в которых посессор контролирует актантную рефлексивизацию:

(29) У него все только для *него/себя — и горе, и радость, и потери (П. Проскурин) [себя].

Если считать свойства актантной рефлексивизации свойствами рефлексивизации вообще, то этот пример показывает, что неподлежащие также могут быть мишенями рефлексивизации в экзистенциальных предложениях с посессорным контролем.

Тем самым я делаю вывод, что между экзистенциальными и инвертирующими предложениями нет принципиальной разницы в том, что касается синтаксических отношений мишеней рефлексивизации. Вместе с результатами, полученными в предыдущем разделе, этот факт означает, что и в экзистенциальных предложениях с контролером-посессором, и в инвертирующих предложениях с контролером-дативом имеет место одно и то же правило рефлексивизации. Теперь мы можем перейти к проверке предложенных гипотез: ГПК и ГКК.

6. КЛАССЫ ВОЗМОЖНЫХ КОНТРОЛЕРОВ

Как было показано выше, ГПК предсказывает, что для любого предиката, допускающего косвенно-объектный контроль, имеется только один контролер. Это, конечно, не исключает из числа контролеров рефлексивизации поверхностное подлежащее. По ГПК ИГ может контролировать рефлексивизацию только в том случае, если она была подлежащим на некотором, неважно каком, уровне. Поскольку косвенные дополнения, выступая в качестве контролеров, не являются поверхностными подлежащими, они должны быть подлежащими на каком-то предшествующем уровне; наиболее естественно считать их исходными подлежащими. На исходном уровне отсутствует информация о конечном грамматическом отношении косвенно-объектного контролера. Эта информация порождается правилом, понижающим исходное подлежащее. Если считать, что с одним предикатом связывается только одно правило понижения, то каждый предикат может «позволить» себе только один вид косвенно-объектного контролера.

Однако и экзистенциальные, и инвертирующие предикаты хотя и в разной степени, но допускают более одного типа косвенно-объектных контролеров. В экзистенциальных предложениях с глаголом *быть* и другими глаголами контролером может служить один из нескольких видов локативов (30) — (32), бенефактив (33) — (35) или датив (36):

- (30) Во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих должна быть *его/своя собственная рабочая газета (В. И. Ленин) [*своя*].
- (31) Между ними установились *их/свои особые отношения (П. Проскурин) [*свой*].
- (32) Невольно для *него/себя, в нем все время шло выверение его/своего собственного внутреннего состояния (П. Проскурин) [*себя, своего*].
- (33) И меня крайне удивило, что, оказывается, для каждого человека есть своя, особая песня (М. Исаковский).
- (34) Для него не было ничего серьезнее его/своей работы (П. Проскурин) [*своей*].
- (35) Но война все больше сосредоточивалась для Пекарева в кругу его/своих дел и обязанностей (П. Проскурин) [*своих*].
- (36) Да и на войне лошадь тоже находится при деле, ей тоже есть тут *её/своя обязанность (А. Платонов) [*своя*].

В большинстве этих примеров притяжательная рефлексивизация имеет место в составе подлежащей ИГ при соблюдении условия положительно-контрастивной референции. Однако (32) и (35) показывают, что рефлексивизация не ограничивается мишенями, пребывающими в подлежащем отношении; из (34) следует, что условие положительно-контрастивной референции не обязательно должно быть удовлетворено; (32) демонстрирует тот факт, что не только при притяжательной, но и при актантной рефлексивизации в качестве контролеров возможны, кроме посессоров, и другие виды косвенных объектов. Полная парадигма различных контролеров для возвратного местоимения *себя* дается в предложениях с экзистенциальным глаголом *остаться*:

- (37) У него не осталось времени на *него/себя (П. Проскурин) [*себя*].
- (38) Ему не оставалось времени на *него/себя.
- (39) Для него не оставалось времени на него/себя.
- (40) В них почти ничего не оставалось от них самих/+самих себя (А. де Сент-Экзюпери) [*них самих*].

Эта парадигма одновременно выявляет различия в степени строгости контроля: бенефактив оказывается слабее, чем датив или посессор, а локатив — слабее всех остальных*.

В инвертирующих предложениях тот же класс контролеров возможен для квантифицирующих предикатов. Так, косвенно-объектные контролеры могут быть посессорами (41), бенефактивами (42), дативами (43), и, возможно, локативами (44):

(41) — Буду я там из-за каких-то стульев ездить! Мало у меня ?моих/своих болячек? (А. С. Макаренко) [своих].

(42) А когда для них *их/своих детей было мало, усыновляли сирот.

(44) В редакции мало *их/своих работников.

С двумя другими типами предикатов возможности более органичены, поскольку они обычно (вне зависимости от кореферентных отношений) не позволяют естественным образом иметь аргумент-посессор. Однако экспериенциальные предикаты допускают бенефактивный контроль (45), а модальные — бенефактивный (46) и, возможно, локативный (47):

(45) Для него все окончательно стало ясно в +нем/себе.

(46) Для каждого солдата нужен *его/свой автомат.

(47) В таких делах нужны +их/свои методы.

Если считать, что различные падежные формы представляют различные грамматические отношения, то неизбежно следует вывод, что конкретный предикат не предопределяет единственность вида косвенно-объектного контролера.

И на самом деле, есть ряд соображений в пользу того, что эти падежные формы действительно соответствуют разным грамматическим отношениям. Во-первых, коль скоро падежная кодировка отражает поверхностные грамматические отношения, различные падежи этих контролеров есть свидетельство того, что они находятся в разных отношениях. Вспомним, например, что дательный падеж косвенно-объектного контролера в инвертирующих конструкциях рассматривается в работе Perlmutter 1978a как доказательство того, что эта ИГ есть поверхностный датив.

Во-вторых, различные падежные формы обладают различной способностью становиться контролерами рефлекс-

* В примерах (40) и (45) знак +представляется сомнительным,—
Прим. перев.

сивизации. Сравнение (37) — (39) с (40) выявляет, что локативы — это самые слабые контролеры. Из сравнения (38) с (39) следует, что дативы сильнее, чем бенефактивы; тот факт, что дативы регулярно могут контролировать рефлексивизацию при отрицательно-контрастивной референции, отличает их от посессоров, которые обычно требуют положительно-контрастивной референции. Различия между дативами и другими отношениями подтверждаются тем, что первые могут контролировать употребление обстоятельственных имен-копредикативов. Как отмечено в Nichols 1979, обстоятельственная ИГ в творительном падеже контролируется инвертированным дативом (48), но едва ли допускаются аналогичные предложения с контролером-посессором (49); то же самое, по-видимому, верно для других косвенных объектов:

(48) Мне здесь весело жилось ребенком.

(49) ? У меня ребенком была интересная жизнь.

Взятые вместе, эти факты (плюс неформальные соображения) дают следующую иерархию степени силы контроля (ей, правда, недостает более солидного обоснования разграничения посессоров и бенефактивов; см. также Nichols 1979):

(50) датив \geq посессор \geq бенефактив \geq локатив.

В-третьих, различные падежные формы обладают различной способностью выступать в качестве мишеней рефлексивизации, в частности рефлексивизация датива сталкивается с бóльшим количеством трудностей, чем бенефактива. В Klepін 1974 отмечается, что датив не может быть мишенью актантной рефлексивизации, контролируемой агентом в пассивных предложениях, в то время, как бенефактив может. Аналогично дативы хуже поддаются рефлексивизации, когда они заполняют валентности приименных прилагательных:

(51) Андреев назвал имена нужных ему/?себе людей (Б. Гулин) [ему].

(52) Там было все точно сказано — проектировщики могли почерпнуть из нее ценные для *них/себя сведения (Б. Гулин) [себя] .

Если принять, что способность к рефлексифизации зависит от типа грамматических отношений, в которых находится мишень рефлексивизации, то это говорит в пользу отграничения датива по меньшей мере от бенефактива и соответственно от всех других косвенных дополнений.

Собранные вместе, эти факты говорят о том, что различные виды косвенно-объектных контролеров представляют на самом деле различные грамматические отношения. Если это так, то налицо противоречие в ГПК, которая утверждает, что каждый предикат предопределяет некий один вид косвенно-объектного контролера.

6. КЛАССЫ ВОЗМОЖНЫХ ПРЕДИКАТОВ

ГПК также делает предсказание о классах предикатов, которые могут допускать косвенно-объектные контролеры. Поскольку косвенное дополнение должно быть исходным подлежащим для того, чтобы функционировать как контролер рефлексивизации, то наличие в предложении косвенно-объектного контролера исключает возможность нахождения в нем любого другого исходного подлежащего. Из этого следует, что, если в предложении с косвенно-объектным контролером имеется поверхностное подлежащее, оно должно было стать таковым в процессе деривации, для русского языка — предположительно путем продвижения (advancement) из позиции дополнения. ГПК запрещает появление «последовательного» (то есть и поверхностного, и исходного одновременно) подлежащего в предложении с косвенно-объектным контролером.

Имеются три класса предикатов, которые, согласно ГПК, могут допускать косвенные дополнения в качестве контролеров:

а) безличные глаголы: у них отсутствует поверхностное подлежащее и маловероятно наличие исходного; б) возвратные глаголы: некоторое количество глаголов имеет такие переходные невозвратные и непереходные возвратные формы, что поверхностное подлежащее непереходных соответствует исходному прямому дополнению переходных. Если связь между этими формами признается скорее синтаксической, чем лексической, то тогда непереходные возвратные глаголы имеют поверхностное подлежащее, являющееся исходным прямым дополнением (B a b b y 1975), и, следовательно, могут допускать в качестве контролеров косвенные объекты; в) экзистенциальные глаголы: ряд непереходных глаголов со значением существования (т. е. сообщающих об экзистенциальном статусе подлежащего) обладают тем свойством, что их подлежащее при наличии отрицания может

выражаться родительным падежом (не контролируя в этом случае глагольное согласование); приобретение подлежащим родительного падежа в отрицательных конструкциях зависит от множества условий, не все из которых полностью ясны (см. В а b b у 1980, где предлагается общее условие этого правила). Поскольку правило появления родительного падежа при отрицании в других случаях применяется только к прямым дополнениям, его использование в экзистенциальных предложениях можно считать свидетельством того, что подлежащие в этих предложениях суть исходные прямые дополнения. Такой анализ повлек бы за собой введение правила продвижения, которое повышало бы исходные прямые дополнения экзистенциальных глаголов до позиции подлежащих, по крайней мере в случае не-отрицательной формы глагола (для нас несущественно, получает ли исходное дополнение в отрицательных предложениях родительный падеж до или после того, как оно было продвинуто). Подобный анализ, с некоторыми различиями в деталях и в теоретическом обосновании, предлагается, среди прочих работ, и в С h v a n у 1975, и в P e r l m u t t e r 1978b.

Таковы три класса глаголов, которые разумно анализировать как не имеющие исходных подлежащих (если только им не окажется косвенное дополнение). Этот анализ может вызвать много возражений, например связь между переходными и соответствующими возвратными глаголами, возможно, не синтаксическая, а лексическая; или правило появления родительного падежа при отрицании должно применяться и к прямым дополнениям, и к подлежащим экзистенциальных глаголов. Но даже если принять, в целях аргументации, этот анализ, то им задается максимально возможное число классов глаголов, в которых, согласно ГПК, можно рассчитывать найти косвенно-объектный контролер.

В соответствии с этим предсказанием до сих пор все примеры с косвенно-объектными контролерами были ограничены либо безличными, либо возвратными, либо экзистенциальными предикатами (среди последних — те, которые при отрицании допускают появление родительного падежа). Так, в (5) мы имеем безличный глагол, и все квантифицирующие предикаты также безличны. В (35) бенефактив является контролером при возвратном глаголе. Экзистенциальное *быть* регулярно допускает при отрицании

подлежащее в генитиве и регулярно допускает косвенные дополнения в качестве контролеров. (32) демонстрирует локативный контроль как притяжательной, так и актантной рефлексивизации при глаголе *идти*, который, по крайней мере в ограниченных контекстах, допускает правило генитива при отрицании.

Есть, однако, и другие примеры, которые противоречат данному предсказанию и которые можно разделить по крайней мере на три различных типа. Во-первых, косвенно-объектные контролеры могут выступать также с глаголами, которые не являются ни экзистенциальными, ни возвратными и никогда не допускают правило генитива при отрицании. В примере (53) представлен посессор в качестве контролера, при глаголе *подрасти* родительный падеж подлежащего при отрицании для этого глагола невозможен (см. пример (54), правда, с другой приставкой). Аналогичный случай представлен в (55) непереходным глаголом *заговорить*, который также при отрицании не допускает подлежащего в родительном падеже:

(53) — Подумать, и мы были когда-то безусые, а теперь (у меня) моя/своя гвардия подросла, Ивану-то моему, старшему, двенадцать скоро (П. Проскурин) [*своя*].

(54) *Детей не вырастает без шишек.

(55) Думаю, (в нем) заговорит его/своя кровь (П. Проскурин) [*своя*].

(56) *Никого не заговорит.

Оба эти примера взяты из текстов, хотя там контролер эксплицитно не выражен.

Отдельный класс контрпримеров представляют обычные связочные предложения с существительным или прилагательным в составе сказуемого. Хотя эти предложения с семантической точки зрения стативны, они не имеют экзистенциального значения; подлежащее связочного предложения никогда не выступает при отрицании в родительном падеже. Поскольку допустимость для некоторой ИГ генитивной трансформации при отрицании является единственным положительным свидетельством того, что эта ИГ есть исходное прямое дополнение, то ясно, что поверхностное подлежащее связочных предложений является исходным подлежащим, а не исходным прямым дополнением. Тем не менее в связочных предложениях возможны косвенно-объектные контролеры: посессор в (57), бенефактив в (58) и датив в (59):

- (57) План ее/своей дальнейшей жизни был у Мани готов (П. Проскурин) [своей].
- (58) Он понимал, что я не смогу и не буду спрашивать с него слишком строго и требовательно, потому что ведь я для него свой одноклассник (М. Исаковский).
- (59) Своя-то вонь каждому мила (Л. Леонов).

Наконец, еще более сильный контраргумент представляют пассивные предложения. В пассиве исходное подлежащее понижается до статуса шомёра, в то время как статус исходного дополнения повышается; никакое косвенное дополнение исходным подлежащим быть не может. Однако и в пассивных предложениях косвенные объекты появляются в качестве контролеров: посессор — в (60), датив (в качестве непрямого дополнения) — в (61) и бенефактив — в (62). В текстах эти примеры выступают без агентивных дополнений, но они могут быть легко добавлены.

- (60) У них был в саду устроен (отцом) свой тайник (П. Проскурин).
- (61) Каждому на этом свете своя мера положена (судьбой), не переступишь (П. Проскурин).
- (62) Для каждого на этом свете своя мера положена (судьбой), не переступишь.

Эти примеры являются убедительным свидетельством того, что ГПК неверна, поскольку видно, что уровня деривации, на котором бы косвенные дополнения могли быть подлежащими, нет.

Следует только заметить, что дистрибуция возвратных местоимений в таких предложениях строго ограничена: они могут выступать только в именной группе подлежащего, приименной генитивной группе, определяющей подлежащее (57), или в составе именного сказуемого (58). Информация об этом распределении понадобится нам позднее.

7. ВОЗМОЖНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Ниже приводится еще ряд соображений по поводу посессорного контроля рефлексивизации.

а) Анализ с использованием Восхождения (Ascension analysis). Предположим, что посессоры — это исходные приименные составляющие. В результате действия некоторого правила они совершают восхождение из ИГ-хозяина и приобретают некоторое грамматическое отношение, становясь

аргументом предиката. Внутри ИГ-хозяина это правило будет оставлять копию посессора, которая впоследствии явится мишенью рефлексивизации. И если бы посессор подвергшись Восхождению, становился бы подлежащим, то это предсказывало бы посессорный контроль рефлексивизации. В связи с таким анализом возникает несколько возражений. Во-первых, у нас нет оснований считать посессоры поверхностными подлежащими, так как падежная кодировка и глагольное согласование противоречат этому. Во-вторых, обычно при Восхождении аргумент получает синтаксическое отношение своего бывшего хозяина, то есть той ИГ, из которой он совершил Восхождение (P e r l i n t t e r — P o s t a l 1974), поэтому Восхождение в состоянии объяснить только те случаи, когда можно предположить, что посессор совершил Восхождение из группы подлежащего, а это значит, что мишенью рефлексивизации будет (бывшее) подлежащее. Но, как показано в разд. 4, мишени рефлексивизации, контролируемой косвенными объектами, не ограничиваются (бывшими) подлежащими. В-третьих, непонятно, как можно использовать Восхождение при анализе случаев, которые ведут к актантной рефлексивизации. В-четвертых, для того чтобы данная гипотеза анализа была максимально правдоподобна, необходимо постулировать другие правила Восхождения: для бенефактивов, локативов и дативов (даже в экзистенциальных предложениях). Такое изобилие правил Восхождения подозрительно.

б) Двучленный (biclausal) анализ. Можно предположить, что всякий косвенно-объектный контролер выступает сразу в двух предложениях (clauses): в верхнем (higher) он — подлежащее, в нижнем (lower) — косвенное дополнение. В процессе сокращения структуры (clause reduction) все поверхностно выраженные признаки подлежащего верхнего предложения утрачиваются, кроме его способности контролировать рефлексивизацию в результирующем едином предложении. С чисто синтаксической точки зрения эта гипотеза совершенно невозможна. Инвертирующие и экзистенциальные предложения не дают никаких оснований считать их состоящими из двух предложений, кроме факта контроля рефлексивизации — то есть того факта, который должен быть через это объяснен. Верхнее предложение не обладает никакими признаками нормального предложения так что в любом случае речь идет о представлении некоторого другого вида, но не о представлении грамматических от-

ношений в реальном, поверхностно выраженном предложении 1.

в) Анализ в терминах структур составляющих (Configurational analysis). Грамматические отношения могут быть определены в терминах структур составляющих, а контроль рефлексивизации — ограничен поверхностными подлежащими в системе составляющих (Chv а п у 1975). Тогда в экзистенциальных и инвертирующих предложениях косвенное дополнение (с признаком падежа) занимает позицию «пустого» (dummy) подлежащего и тем самым становится контролером. Этот анализ вызывает следующие возражения: в таких предложениях часто встречается имя в номинативе, которое контролирует глагольное согласование; этот номинатив вынужден занимать тогда позицию прямого дополнения, поскольку позиция подлежащего занята сначала «пустым» подлежащим, а потом косвенным дополнением, что очень усложняет правило дистрибуции именительного падежа и контроль глагольного согласования, которые во всех прочих случаях ограничиваются подлежащими в системе составляющих. И что более важно, эти «прямые дополнения» могут контролировать рефлексивизацию в прямом противоречии с главным положением о контроле. Наконец, косвенно-объектный контроль может иметь место не только в предложениях с исходными «пустыми» подлежащими.

Таким образом, эти альтернативы не имеют преимуществ перед гипотезой о понижении посессора, рассмотренной выше.

8. ВЫВОДЫ

Если подытожить все сказанное, то становится очевидным, что ГПК неверно предсказывает существование единственного косвенно-объектного контролера для каждого предиката, а также невозможность появления косвенно-объектных контролеров в предложениях, где они не соответствуют исходным подлежащим. Тем самым необходимо принять некоторую версию ГКК, согласно которой косвенно-объектный контроль рефлексивизации определяется некоторыми свойствами, отличными от грамматических отношений. Выше я предположил, что для описания косвенно-объектного контроля необходимо ввести одну или несколь-

ко осей с упорядоченными отношениями такого типа, чтобы выделенность на второстепенной оси как-то восполняла ее отсутствие на оси грамматических отношений и делала возможным функционирование косвенного дополнения в качестве контролера.

Чтобы придать вес этой посылке, необходимо ответить на два вопроса, сформулированных еще в разд. 2: 1) каков класс возможных косвенно-объектных контролеров? и 2) какова связь между косвенно-объектным контролем и классами предикатов? Ответы на эти вопросы требуют семантического описания экзистенциальных и инвертирующих предикатов, что выходит за рамки данной работы. Мы вынуждены ограничиться лишь двумя небольшими замечаниями по этому поводу.

Во-первых, если косвенное дополнение с семантической точки зрения является «штандартом» на оси квантификации или модальности, то оно может выступать как контролер рефлексивизации. Далее, вполне естественно ожидать, что чем сильнее косвенное дополнение с точки зрения своей семантики как «штандарт», тем более сильным контролером оно выступает. Интуитивно кажется разумным предположить, что бенефактивы могут служить «штандартами» на оси модальности; они в этом отношении аналогичны дативам, только слабее. С этим интуитивным предположением согласуется тот факт, что бенефактивы суть более слабые контролеры, чем дативы. Например, в (4) датив контролирует рефлексивизацию бенефактивной группы. Обратный контроль невозможен:

(63) *Для нее себе не нужно ничего.

Аналогичным образом локатив является более слабым «штандартом» квантификации, чем процессор, и поэтому более слабым контролером.

Во-вторых, хотя косвенно-объектные контролеры выступают не только с экзистенциальными и инвертирующими предикатами, очевидно, что это для них наиболее естественный контекст: при этих предикатах рефлексивизации может подвергнуться мишень с любым грамматическим отношением и до некоторой степени при отрицательно-контрастивной референции; при предикатах же, имеющих «последовательное» подлежащее, мишенью рефлексивизации может служить только ИГ с подлежащим отношением (или с такими производными отношениями, как имя-копредикатив и приименной определитель подлежащего), и

в этих случаях — только при условии положительно-контрастивной референции. Значение этой интересной дистрибуции не совсем ясно, но я предлагаю следующее объяснение. По определению, модальные предикаты — это те, при которых выделен «штандарт» модальности; экзистенциальные — те, которые выделяют «штандарт» квантификации. Тогда представляется разумным, чтобы косвенные дополнения, занимающие выделенные позиции в качестве подобных «штандартов», были более сильными контролерами при предикатах, которые подчеркивают данный «штандарт», нежели при предикатах (таких, как активные глаголы в «последовательными» подлежащими), которые этого не делают.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю благодарность Эмилю Драйцеру и Надежде Матисон за их помощь в качестве информантов. Я обнаружил, что суждения об употребительности возвратных~невозвратных форм в предложениях с косвенно-объектными контролерами значительно сильнее, чем в других областях русской рефлексивизации. Во всяком случае, для нас главным является то, что возвратные формы вообще могут употребляться при условиях, обсуждаемых в разд. 5 и 6.

² Я не рассматриваю случаи, когда возвратная форма вообще не имеет явного контролера в составе предложения, как в (i):

(i) Свои ведь и русский язык знают отлично, с ними и переписываться можно по-русски (М. Исаковский).

Хотя такие предложения часто используются в качестве примера того, что *свой* является прилагательным со своим лексическим значением (К л е н и н 1974, P e r l m u t t e r 1978a, сн. 6), можно заметить, что не имеющие контролеров возвратные местоимения такого типа разделяют часть семантических и дистрибутивных свойств с возвратными местоимениями, контролируемыми косвенными дополнениями, и в меньшей степени с контролируемыми возвратными местоимениями вообще. Такие предложения могут тогда использоваться для подтверждения необходимости помещения контролера на ось, отличную от оси грамматических, отношений. Это положение я надеюсь рассмотреть в другой работе.

Примеры были подобраны автором из следующих литературных источников:

В о д о п ъ я н о в М. Мечта пилота. «Молодая гвардия», М., 1936.

Д е С е н т - Э к з ю п е р и А. Военный летчик. «Художественная литература», М., 1977.

Г у л и н Б. В грозу и бурю. «Художественная литература», М., 1976.

Г у с а р о в Д. Цена человеку. «Современник», М., 1972.

И с а к о в с к и й М. На Ельнинской земле. «Молодая гвардия», М., 1973.

К е с т н е р Э. Когда я был маленьким. «Детская литература», М., 1976.

Л е н и н В. И. Что делать? Политиздат, М., 1965.

- Леонов Л. Соть. «Современник», М., 1977.
 Макаренко А. Педагогическая поэма. «Молодая гвардия», М., 1977.
 Платонов А. Смерти нет! «Советский писатель», М., 1970.
 Проскурин П. Камень сердолик. «Молодая гвардия» М., 1968.
 Проскурин П. Судьба. «Советский писатель», М., 1977.
 Симонов К. Разные дни войны, т. 1, 2. «Молодая гвардия», М., 1977.
 Шукшин В. Рассказы. «Художественная литература», М., 1975.

ЛИТЕРАТУРА

- B a b b y 1975 — B a b b y L. A Transformational Analysis of Transitive — *sja* Verb in Russian. In: «Lingua», 35, 297—332.
 B a b b y 1980 — B a b b y L. Existential Sentences and Negation in Russian. Karoma Publishers, Ann Arbor, Michigan, 1980.
 C h v a n y 1975 — C h v a n y C. On the Syntax of *be*-sentences in Russian. Cambridge, M. A. Slavica, 1975.
 K l e n i n 1974 — K l e n i n E. Russian Reflexive Pronouns and the Semantic Roles of Noun Phrases in Sentences. Unpublished doctoral dissertation. Princeton University, 1974.
 K l e n i n 1980 — K l e n i n E. Individuation. An Historical Case Study. In: «Morphosyntax in Slavic», C. V. Chvany and R. D. Brecht (eds.), Slavica Publishers, Columbus Ohio, 1980.
 N i c h o l s 1979 — N i c h o l s J. Predicate Nominals: a Partial Surface Syntax of Russian. Unpublished manuscript, Berkeley, California, 1979.
 P e r l m u t t e r 1978a — P e r l m u t t e r D. Evidence for Inversion in Russian, Japanese and Kannada. In: «Studies in Relational Grammar», 1 (to appear).
 P e r l m u t t e r 1978b — P e r l m u t t e r D. Impersonal Passives and the Unaccusative Hypothesis. BLS 4, 1978.
 P e r l m u t t e r — P o s t a l 1974 — P e r l m u t t e r D., P o s t a l P. Lectures on Relational Grammar. LSA Summer Institute, University of Massachusetts, Amherst, 1974.
 P e r l m u t t e r — P o s t a l 1978 — P e r l m u t t e r D., P o s t a l P. Some Proposed Laws of Basic Clause Structure. In: «Studies in Relational Grammar» 1 (to appear).
 R a p p a p o r t 1979 — R a p p a p o r t G. Detachment and Adverbial Participle Clauses in Russian. Unpublished doctoral dissertation, University of California, Los Angeles, 1979.
 T i m b e r l a k e 1980 — T i m b e r l a k e A. Reference Conditions on Russian Reflexivisation. In: «Language» (in press).
 V e y r e n c 1978 — V e y r e n c J. Coréférence, emphase et réflexivité. In: «Slavica», H. Birnbaum et al. (eds.), Lisse, The Peter de Ridder Press, 1978.
 Y o k o y a m a — K l e n i n 1977 — Y o k o y a m a O., K l e n i n E. The Semantics of 'Optional' Rules: Russian Personal and Reflexive Possessives. In: "Sound, Sign and Meaning", Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle, L. Matejka (ed.), 1977, 249—270.
 Y o k o y a m a 1980 — Y o k o y a m a O. T. The History of Gerund Subject Deletion in Russian. In: «Morphosyntax in Slavic», C. V. Chvany and R. D. Brecht (eds.), Slavica Publishers, Columbus Ohio, 1980,

ПОДЛЕЖАЩЕЕ И ТОПИК: НОВАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ *

ВВЕДЕНИЕ

Со времени возникновения дескриптивной лингвистики лингвисты никак не могли достичь между собой согласия в вопросе о том, насколько велики те различия между языками, которые лингвисты могут от них ожидать. Настоящая статья представляет собой попытку заложить основы типологии, опирающейся на грамматические отношения «подлежащее — сказуемое» и «топик — комментарий». Понятие подлежащего с давних пор считалось базисным грамматическим отношением в структуре предложений всякого языка **. Однако факты, собранные нами в ряде языков, позволяют предполагать, что в базисных конструкциях этих языков представлено не столько отношение «подлежащее — сказуемое», сколько отношение «топик — комментарий». Эти факты доказывают не только то, что понятие топика в грамматическом описании может быть в такой же степени базисным, как и понятие подлежащего, но также и то, что языки могут различаться своими стратегиями по-

Charles N. Li, Sandra A. Thompson. Subject and Topic: a New Typology of Language.—In: «Subject and Topic», Ch. N. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976, p. 457—489.

* При переводе данной статьи термины «топик» и «комментарий» использовались в качестве эквивалентов английских терминов *topic* и *comment*. В этих терминах в английском языке чаще всего описывается основное противопоставление, составляющее актуальное членение предложения, в то время как в русском языке для обозначения аналогичного противопоставления чаще всего используются термины «тема» и «рема». Однако в данной статье пришлось пойти практически по пути транслитерации английских терминов, поскольку авторы вкладывают в них особое содержание и специально оговаривают отсутствие полного совпадения значений этих терминов и терминов «тема» — «рема» (*theme—rheme*; см. примечание 3 на с. 234).— *Прим. перев.*

** О трактовке понятия подлежащего как отношения см. вступительную статью к наст. сборнику.— *Прим. перев.*

строения предложения в зависимости от того, что выдвигается на первый план — топик или подлежащее. В соответствии с результатами нашего исследования имеется четыре базисных типа языков: i) языки с выдвижением подлежащего (subject — prominent; этот термин введен Э. Л. Кинэнном); ii) языки с выдвижением топика; iii) языки с выдвижением как подлежащего, так и топика; iv) языки, в которых нет ни выдвижения подлежащего, ни выдвижения топика. В языках с выдвижением подлежащего (вП) структура предложения такова, что для нее целесообразно предпочесть описание, в котором главную роль играет грамматическое отношение «подлежащее — сказуемое»; в языках с выдвижением топика (вТ) для базисной структуры предложения предпочтительнее описание, в котором главную роль играет грамматическое отношение «топик — комментарий». В языках типа (iii) имеются две одинаково важные и отличные друг от друга конструкции предложений: конструкция «подлежащее — сказуемое» и конструкция «топик — комментарий»; в языках типа (iv) и подлежащее, и топик представляют собой расплывчатые понятия и не выделяются ни в каких типах предложений. Объяснить, что такое конструкция «подлежащее — сказуемое» и конструкция «топик — комментарий», можно на примере двух типов английских предложений:

(1) John hit Mary.

‘Джон ударил Марию’.

*подлежащее сказуемое**

(2) As for education, John prefers Bertrand Russell's ideas.

‘Что касается образования,

топик

Джон предпочитает идеи Бертрана Рассела’.

комментарий

В языках типа вП базисная структура предложения близка к (1), тогда как в языках типа вТ структура базисных предложений близка к (2). Это не означает, однако, что в языках типа вТ нельзя идентифицировать подлежащее или что в языках типа вП нет топиков. В действительности все иссле-

* Английский термин predicate, переводимый здесь как «сказуемое», может обозначать не одно сказуемое, а сказуемое с зависящими от него дополнениями и обстоятельствами. — Прим. перев.

дованные нами языки имеют конструкцию «топик — комментарий», и, хотя сама конструкция «подлежащее — сказуемое» есть не во всех языках, тем не менее в большинстве языков типа вТ, оказывается, есть способы идентифицировать подлежащее. Наше типологическое утверждение состоит в том, что можно получить более точное описание одних языков, если принять в качестве базисного понятие топика, тогда как другие языки могут быть более точно описаны, если для них принять в качестве базисного понятие подлежащего. Это связано с тем, что многие структурные явления в том или ином языке могут быть объяснены на основе того, анализируется ли базисная структура предложений этого языка в терминах «подлежащее — сказуемое» или «топик — комментарий».

Опираясь на ряд критериев, которые будут подробнее описаны ниже, и на ту небольшую выборку языков, которые мы исследовали, можно построить следующую типологическую таблицу:

Языки с выдвиганием подлежащего (вП):

индоевропейские
нигер-конго
финно-угорские
семитские
дирбал (Австралия)
индонезийский
малагасийский

Языки с выдвиганием как подлежащего, так и топика:

японский
корейский

Языки с выдвиганием топика (вТ):

китайский
лаху (лоло-бирманская группа)
лису (лоло-бирманская группа)

Языки, в которых нет ни выдвигания подлежащего, ни выдвигания топика:

тагальский
иллокано

Ясно, что в приведенной выше таблице затронуто только очень небольшое число языков мира. Отчасти это связано с тем, что, для того чтобы установить наличие выдвигания топика в некотором языке, требуется тщательное исследование синтаксических структур этого языка. В то же время, поскольку подлежащее в соответствии с традицией выделяется в лингвистических работах в качестве базисного, универсального грамматического отношения, составители грамматик имеют тенденцию предполагать, что предложения рассматриваемого ими языка естественным образом устроены в терминах подлежащего, дополнения и глагола-сказу-

емого. Как правило, идея о том, что базисная структура предложения может быть описана в терминах топики и комментария, даже не рассматривается¹. Правда, имеются и исключения. Так, например, Шахтер и Отанес (Schacter — Otanes 1972) установили, что базисную структуру предложения в тагальском языке не следует описывать, используя понятие подлежащего. Другим примером может служить исследование Э. Хоупа (Hoare 1974), в котором описывается примечательный во многих отношениях язык типа вТ — язык лису из лоло-бирманской группы. Однако, как правило, бывает трудно дать типологическую характеристику языка в терминах выдвижения подлежащего или выдвижения топики на основе тех данных, которые приводятся в описательных грамматиках, поскольку многие из них заранее ориентированы на интерпретацию в терминах подлежащего и сказуемого. Никакого прогресса именно в этой области не обнаруживает и современная порождающая лингвистика. В ней сохраняется исходное положение о том, что универсальное описание базисной структуры предложения следует строить в терминах подлежащего, дополнения и глагола-сказуемого. Вот почему мы ставим перед собой в этой статье довольно скромную цель: показать ценность и пригодность типологии, основанной на понятиях выдвижения подлежащего и выдвижения топики. Наше изложение организовано следующим образом. Сначала мы наметим различие между подлежащими и топиками в терминах некоторого числа свойств, которые для этих единиц не являются общими; затем мы обсудим некоторые из характеристик языков типа вТ. Далее мы покажем, что структура «топик — комментарий» в языках типа вТ действительно представляет собой базисный тип предложения, и, наконец, объясним, какие следствия для разработки универсальной грамматики вытекают из этой типологии.

II. ПОДЛЕЖАЩЕЕ VS. ТОПИК

(а) **Грамматическая определенность.** По формулировке Чейфа (см. наст. сб.), именная группа со значением определенности — это такая именная группа, для которой «вы уже знаете и можете отождествить тот референт, который я имею в виду». Тогда в качестве одного из свойств топики, имеющего первостепенную важность, можно указать,

что топики должны быть определенными³. (Дополнительные замечания об определенности см. в указанной статье Чейфа.)

В соответствии с приведенной выше характеристикой определенности именные группы, образуемые именем собственным или именем-названием родового понятия (*generic*), тоже понимаются как определенные. Условия правильного употребления имен собственных, касающиеся оценки говорящим знаний слушающего, — те же самые, что и условия употребления определенных именных групп, образуемых именем нарицательным. Именная группа, образуемая родовым именем, является определенной потому, что ее референт представляет собой класс сущностей, называемых этой именной группой, который можно предполагать известным слушающему при условии, что ему вообще известно значение этой именной группы³.

Напротив, от подлежащего не требуется, чтобы оно было определенным. Например, подлежащие предложений (3) и (4) неопределенны:

(3) A couple of people have arrived.

‘Приехала пара человек’.

(4) A piece of pie is on the table.

‘На столе лежит кусок пирога’.

(b) **Сочетаемость отношения***. Важным свойством топика является то, что он не должен обязательно входить в сочетаемость отношения с каким-либо глаголом в предложении, иначе говоря, он не должен обязательно быть аргументом предикатной составляющей. Это свойство топика особенно заметно в языках с выдвижением топика в связи с тем, что в таких языках конструкция «топик — комментарий», как будет показано ниже, представляет базисный тип предложения. Рассмотрим предложения (5), (6), (7) и (8), каждое из которых представляет обычный тип предложения в соответствующем языке. В каждом предложении составляющая, играющая роль топика, подчеркнута: Язык лаху:

(5) he chi tê pê? ʒ dà? já.

поле это одно *классификатор* рис очень хороший
 ‘Это поле (*топик*), рис очень хороший’

* Понятие сочетаемого отношения синонимично понятию синтаксической валентности, принятому в отечественной лингвистике.—
 Прим. ред.

(6) hə ʒ na-ŋhō y† ve
 слон *показатель* нос длинный *частица*
топика

уò.

показатель

повествовательности

‘Слоны (*топик*), носы длинные

Китайский язык*:

(7) Nèi-cháng huǒ xìngkuì
 тот *классификатор* пожар счастливый
 xiāofang-duì lái de kuài.
 пожарная-бригада приехала *наречная* быстрый
частица

‘Тот пожар (*топик*), к счастью, пожарная бригада приехала быстро’.

(8) Nèi-xie shùmu shù-shēn dà.

то дерево дерева-ствол большой

‘Те деревья (*топик*), стволы большие’.

В этих предложениях топики — ‘это поле’ в (5), ‘слоны’ в (6), ‘тот пожар’ в (7), ‘те деревья’ в (8) — не связаны никакими сочетаемостными отношениями с глаголами. Аналогичным образом топик в японском, помечаемый частицей wa, и топик в корейском, помечаемый частицей (n)†n, не должны входить ни в какое сочетаемостное отношение с глаголом, как показывают предложения (9) и (10):

Корейский язык:

(9) siban-†n hakkjo-ga manso.
 сейчас *показатель* школа *показатель* много
топика *подлежащего*

‘Настоящее время (*топик*), школ много’.

Японский язык:

(10) Gakkoo-wa boku-ga isogasi-kat-ta.
 школа *показатель* я *показатель* занят прош
топика *подлежащего*

‘Школа (*топик*), я был занят’.

Подлежащее же, напротив, всегда входит в то или иное сочетаемостное отношение с каким-либо предикатом пред-

* Так мы переводим здесь и далее английский термин «Mandarin», обозначающий пекинский диалект китайского языка, лежащий в основе китайского литературного языка,— Прим, перев.

ложения. Правда, поверхностное подлежащее некоторых предложений может не входить в сочетаемостные отношения с тем глаголом, который является главным сказуемым данного предложения на поверхностном уровне. Так, при классическом трансформационном анализе (см., например, Chomsky 1965; Rosenbaum 1967; Postal 1971; Postal — Ross 1971) в следующих предложениях для поверхностного подлежащего John не усматривается никаких сочетаемостных отношений с главными сказуемыми *be easy* и *appear* *:

(11) John is easy to please.

букв. 'Джон есть легкий угодить'.

'Джону легко угодить'.

(12) John appears to be angry.

букв. 'Джон кажется быть сердитый'.

'Джон кажется сердитым'.

Тем не менее этот факт не противоречит нашему утверждению о том, что подлежащее предложения всегда находится в сочетаемостном отношении с *каким-нибудь* предикатом в этом предложении. В поверхностной структуре подлежащее может не быть смежной составляющей с тем предикатом, с которым оно входит в сочетаемостное отношение, и может даже вступить в новое грамматическое отношение с тем глаголом, с которым его не связывают сочетаемостные отношения. Однако остается непреложным тот факт, что между подлежащим предложения и каким-либо глаголом в этом предложении должно существовать то или иное сочетаемостное отношение ⁴, в то время как для топика и глагола это не обязательно ⁵.

(с) Глагол предопределяет Подлежащее, но не Топик. Коррелятом к факту, что подлежащее связано сочетаемостными отношениями с глаголом, является тот факт, что, сде-

* Здесь имеется в виду такая трактовка предложений (11) и (12), при которой в их глубинной структуре предикаты *be easy* и *appear* считаются одноместными и имеющими в качестве своего единственного актанта целые предикации; таким образом, глубинные структуры этих предложений выглядят как (i) и (ii) соответственно:

(i) [[That somebody pleases John] is easy].

букв. 'Чтобы некто угодил Джону, есть легко'.

(ii) [[That John is angry] appears].

букв. 'Что Джон сердит, кажется'.

Из этих глубинных структур предложения (11) и (12) получаются в результате применения так называемой трансформации подъема, превращающий актант зависимого предложения в подлежащее главного.—
Прим. перев.

лав некоторые оговорки, практически всегда можно предсказать, что будет подлежащим при любом данном глаголе⁶. Так, в английском языке, если глагол употребляется с агенсом и при этом также с другими именными группами, подлежащим станет этот агенс — при условии, что мы не будем прибегать к «специальной» конструкции типа пассива (см. Fillmore 1968, 37). Если глагол непереходный, то подлежащим будет либо пациент, либо актор — в зависимости от того, является ли данный глагол стивным глаголом или глаголом действия. Если глагол каузативный, то подлежащим будет каузатор. Эти факты представляют собой некоторые не зависящие от конкретного языка обобщения относительно того, каким образом подлежащее определяется глаголом. Несомненно, что на основе таких не зависящих от языка правил, характеризующих выбор подлежащего при глаголе, могут быть расклассифицированы не все глаголы некоторого конкретного языка. Например, в английском при глаголе *enjoy* 'наслаждаться, получать удовольствие' в качестве подлежащего будет выступать экспериенцер, а не аккузативная именная группа*, в то время как глагол *please* 'доставлять удовольствие' будет иметь в качестве подлежащего как раз аккузативную именную группу, а не экспериенцер. Тем не менее факт остается фактом: если нам дан глагол, то можно предсказать его подлежащее.

Напротив, топик не определяется глаголом, выбор топика производится независимо от глагола. Определенную роль здесь может играть контекст, однако в рамках ограничений, накладываемых контекстом, говорящий все же имеет достаточную свободу в выборе топиковой именной группы независимо от того, каков глагол. Это свойство топика наглядно демонстрируется приводившимися выше примерами (5) — (8), имеющими структуру «топик — комментарий».

* Здесь авторы пользуются смешанной терминологией, восходящей к понятиям *семантических* «падежных» ролей Ч. Филлмора: экспериенцером (другие термины — «датель», «пациент») называется именная группа, обозначающая сущность (лицо или организацию), с которой нечто случилось или которая испытывает эффект некоторого действия, а аккузативная именная группа (или, иначе, «объект») обозначает сущность (предмет), которая передвигается, изменяется, находится где-либо или имеется где-либо/у кого-либо; в языках, имеющих аккузатив как одно из значений *грамматической* категории падежа, объект обычно выражается аккузативом. — *Прим. перев.*

(d) Функциональная роль. Функциональная роль топика во всех предложениях постоянна; по этому поводу Чейф предполагает следующее (Chafe 1976, см. наст. сб., с. 309): «Роль топиков, таким образом, состоит в том, чтобы ограничить применение главной предикации некоторой определенной областью... Топик устанавливает пространственные, временные или личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация».

Очевидно, что эта функция уточнения области, применительно к которой верна предикация, соотносится со структурой текста, в котором находится данное предложение. Топик — это «центр внимания», с его помощью указывается тема текста. Именно поэтому топик должен быть грамматически определенным (см. выше, разд. II (a)) Функциональная роль топика, состоящая в том, что он устанавливает границы, в пределах которых верна предикация, исключает возможность неопределенного топика. Насколько странно выглядит такой топик, можно убедиться, осознав невозможность интерпретации следующего английского предложения:

(13) *A dog, I gave some food to $\left. \begin{matrix} \emptyset \\ \text{it} \\ \text{one} \end{matrix} \right\}$ yesterday.

букв. Какая-то собака, я дал еды $\left. \begin{matrix} \emptyset \\ \text{ей} \\ \text{одной} \end{matrix} \right\}$ вчера

‘Что касается какой-то собаки, то вчера я дал $\left. \begin{matrix} \emptyset \\ \text{ей} \\ \text{одной такой собаке} \end{matrix} \right\}$ еды’.

В то же время, если обратиться к функциональной роли подлежащего, то обнаруживаются два факта. Во-первых, некоторые именные группы, однозначно понимаемые как подлежащие, не играют вообще никакой семантической роли в предложении, то есть во многих языках с выдвинутым подлежащим встречаются предложения с «пустым» (empty), или «фиктивным» (dummy), подлежащим (см. ниже, разд. III (c)). Во-вторых, в случае если подлежащее не пустое, его семантическая роль может быть установлена в пределах отдельного предложения, без обращения к тексту. Как заметил Майкл Нунэн (N o o p a n, личное сообщение *),

* См. также его статью в наст. сборнике.— *Прим. ред.*

подлежащее характеризуется тем, что оно задает определенную ориентацию или точку зрения на данное действие, чувство, состояние и т. п., обозначенное глаголом. Этим различием в функциональной роли подлежащего и топика объясняется и тот факт, что подлежащее всегда является аргументом глагола-сказуемого, а от топика этого не требуется (см. выше, разд. II (b)). Объяснение состоит в следующем: если мы хотим рассматривать действие, чувство, состояние и т. п., обозначенное глаголом, с точки зрения какой-либо сущности (или ориентировать описание на эту сущность), эта сущность должна быть включена в описываемое действие, чувство, состояние и т. п., и, следовательно, она должна быть аргументом соответствующего глагола. Таким образом, мы видим, что разные функции топика и подлежащего могут, оказывается, объяснить существующие между ними различия в наличии или отсутствии грамматической определенности и сочетаемостных отношений.

(e) **Согласование глагола-сказуемого.** Хорошо известно, что во многих языках глагол-сказуемое имеет обязательное согласование с подлежащим предложения. В то же время согласование между сказуемым и топиком — вещь чрезвычайно редкая, и нам неизвестно ни одного языка, в котором такое согласование было бы широко распространенным или обязательным. Причина этого крайне простая: как мы уже видели, топика значительно более независимы от своих комментариев, чем подлежащие от своих глаголов-сказуемых. Свидетельство такой независимости можно усматривать в том факте (рассмотренном в разд. II (a) и II (c)), что топик не должен быть связан никаким сочетаемостным отношением ни с каким глаголом в предложении и не предопределяется глаголом-сказуемым предложения. При такой независимости естественно ожидать, что никакая составляющая, входящая в комментарий, в норме не будет маркирована так, чтобы в ней выражалось согласование с топиком по какому-либо грамматическому свойству. Тогда морфологическое согласование, при котором посредством глагольных аффиксов отражаются те или иные свойства, внутренне присущие имени-подлежащему, оказывается обычным видом поверхностного кодирования для подлежащих (см. К е е п а н 1976а, наст. сб. с. 236—276)⁷.

(f) **Начальная позиция в предложении.** Хотя поверхностное кодирование топика может, вообще говоря, использовать как определенную позицию в предложении, так и морфо-

логические показатели, стоит отметить, что именно начальная позиция в предложении всегда входила в поверхностное кодирование топики во всех обследованных нами языках. В языке лису, в японском и корейском языках топик обязательно кодируется специальной морфемой. В языке лаху кодировка топики специальной морфемой факультативна. Однако, несмотря на наличие отдельных морфем-показателей топики, топик в этих языках всегда должен оставаться в начале предложения. Подлежащее, напротив, не связано жестко с начальной позицией в предложении. В малагасийском языке и языке чумаш *, например, подлежащее занимает конечную позицию в предложении, между тем как арабский язык и язык якалтек являются примерами языков с порядком слов VSO («сказуемое — подлежащее — дополнение»). Причина, по которой топик, а не подлежащее должен помещаться в начальную позицию в предложении, может быть понята с точки зрения стратегии построения текста. Поскольку в потоке речи неизбежно происходит эшелонирование (serialization) сообщаемой информации, есть все основания считать, что топик, представляющий тему данного текста, вводится в рассмотрение первым. Подлежащее же, как понятие, в большей степени ориентированное на предложение, не должно иметь никакого превосходства в этом процессе эшелонирования информации.

(g) **Грамматические процессы.** В таких процессах, как введение возвратных местоимений (рефлексивизация), образование пассивных конструкций (пассивизация), опущение идентичных именных групп (Экви), построение глагольных цепочек (verb serialization) и перевод предложений в повелительное наклонение, подлежащее играет особо важную роль, в то время как для топики это неверно (см. К е е п а п 1976а, наст. сб. с. 236—276). Так, возвратное местоимение обычно указывает на наличие отношения кореферентности с подлежащим предложения; пассивизация, хотя бы частично, может рассматриваться как процесс, приводящий к повышению пациенса до статуса подлежащего; в случае опущения кореферентной именной группы опускается, как правило, та именная группа, которая является

* Язык чумаш (запад штата Калифорния, США) относится к семье хока-сиу, а язык якалтек (северо-запад Гватемалы) — к группе майя семьи макро-пенути.— *Прим. перев.*

подлежащим в зависимой предикации-дополнении *; образование глагольных цепочек, наблюдаемое в языках группы нигер-конго и в сино-тибетских языках, предполагает конкатенацию целой серии глагольных групп [глаголов с их зависимыми.— *Прим. перев.*] с одним и тем же подлежащим; наконец, морфема второго лица, опускаемая в повелительном предложении, всегда представляет собой подлежащее. Причина, по которой топик не вовлекается в такие процессы, состоит отчасти в том, что топик, как было показано ранее, синтаксически независим от остальной части предложения. Рефлексивизация, пассивизация, опущение кореферентных именных групп, построение глагольных цепочек и т. п. тесно связаны с внутренней синтаксической структурой предложений. Поскольку топик в предложении синтаксически независим, то неудивительно, что он не играет никакой роли в формулировке этих процессов.

Подводя итог сказанному в этом разделе о различиях между подлежащим и топиком, отметим, что было установлено семь критериев. Эти критерии не были задуманы как средство построить определения для обоих понятий, а разрабатывались скорее для того, чтобы получить общие принципы, которые позволяли бы отличать топик от подлежащего. Мы можем вычленить три основных фактора, на которых основываются эти критерии: стратегия развития текста, отношения между именем и глаголом и грамматические процессы. Подлежащее в противоположность топикю имеет в тексте минимальную функцию. В силу этого топик (и необязательно подлежащее) является зависимым от контекста, служит центром внимания в предложении и должен быть определенным. Что же касается отношений «имя — глагол» и грамматических процессов, то тут уже главную роль играет не столько топик, сколько подлежащее. Так, в норме подлежащее предопределяется глаголом-сказуемым, оно же связано с глаголом сочетаемостными отношениями и часто в обязательном порядке контролирует ** согласо-

* Имеется в виду трансформация, приводящая к образованию инфинитивных дополнений.— *Прим. перев.*

** Контролем называется функция важнейшего элемента контекстной части трансформационного правила по отношению к собственно преобразованию, описываемому данным правилом. Так, контроль над согласованием принадлежит элементу, вызывающему согласование; контролером прономинализации является antecedent местоимения; опущение одной из повторяющихся составляющих контролируется той составляющей, которая не опускается, и т. п.— *Прим. перев.*

вание глагола. Эти свойства подлежащего не являются у него общими с топиком. В конечном итоге топик — это понятие текстовое, в то время как подлежащее — в значительной степени понятие внутрисентенциальное. Первое может быть лучше всего понято с точки зрения связного текста и внесентенциальных соображений, а последнее — с точки зрения его функций внутри структуры предложения.

III. ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВ С ВЫДВИЖЕНИЕМ ТОПИКА

После того как мы рассмотрели ряд свойств, имеющих у топиков в противоположность подлежащим, вернемся к обсуждению грамматических последствий, связанных с выдвиганием топика и подлежащего.

(а) Поверхностное кодирование. В языках типа VT должно иметься поверхностное кодирование для топика, но обязательно должно быть таковое для подлежащего. Так, например, в китайском языке топик всегда занимает начальную позицию в предложении; в языках лису и лаху топик кодируется морфологическим показателем. Ни в одном из этих языков нет никакого поверхностного кодирования для подлежащего, хотя, как мы отмечали, понятие подлежащего может быть определено как сущность, играющая ту или иную роль в некоторых грамматических процессах. В японском и корейском языках, которые оба относятся к типу «ВП и VT», имеется как морфема, которой маркируется топик (wa и (n)ip соответственно), так и морфема, которой кодируется подлежащее (ga и ka соответственно).

(б) Пассивная конструкция. Пассивная конструкция обычна в языках типа ВП. В языках типа VT, напротив, пассивизация либо вообще не встречается (например, в языках лаху и лису), либо обнаруживается как маргинальная конструкция, редко употребляемая в речи (например, в китайском языке), либо несет добавочное значение (например, так называемый адверсативный пассив в японском языке)⁸. Относительно незначительная роль пассива в языках типа VT может быть объяснена следующим образом: в языках типа ВП понятие подлежащего является столь базисным, что если подлежащим становится не то имя, которому предписано быть подлежащим при данном глаголе, то глагол должен быть маркирован так, чтобы было видно,

что здесь произошел «ненормальный» выбор подлежащего. Филлмор формулирует это требование для глагола give 'давать' в английском языке следующим образом: «При "нормальном" выборе подлежащего в предложениях, содержащих А(Агенса), им оказывается А. Глагол give допускает также в качестве подлежащего либо О(Объект), либо D(Датив), но при том условии, чтобы этот "ненормальный" выбор был "зарегистрирован" в глаголе. Такая "регистрация" "ненормального" подлежащего осуществляется посредством приписывания глаголу признака... (+пассивный)» (Fillmore 1968, 37). В языке типа вТ более значительную роль в построении предложения играет не подлежащее, а топик. Любая именная группа может стать топиком предложения без всякой регистрации этого в глаголе. Следовательно, вполне естественно, что в языках типа вТ пассивная конструкция не распространена так широко, как в языках типа вП.

(с) «Фиктивные» подлежащие. «Фиктивные», или «пустые», подлежащие, такие, как английские it и there, немецкое es, французские il и ce, можно встретить в языке типа вП, но не в языке типа вТ. Это происходит из-за того, что в языке типа вП может требоваться наличие подлежащего независимо от того, играет ли оно какую-нибудь семантическую роль или нет. Примеры из английского языка включают такие предложения, как:

(14) It is raining.

'Идет дождь'.

(15) It is hot in here.

'Здесь внутри жарко'.

(16) It is possible that the war will end.

'Возможно, что эта война закончится'.

(17) There is a cat in the garden.

'В саду (есть) кошка'.

В языке типа вТ, где, как мы подчеркивали, понятие подлежащего не играет главной роли, нет нужды в «фиктивных» подлежащих. В тех случаях, когда нет естественного претендента на позицию подлежащего, в предложении языка типа вТ вообще можно обойтись без него. Так, например, в китайском языке предложениям (15) — (17) соответствуют предложения (18) — (20):

Китайский язык:

(18) Zhèr hèn rè.

'Здесь очень жарко'.

(19) Kěnéng zhè-cháng zhànzhēn jiù-yào
возможно эта классификатор война скоро будет
jiēsu le.
кончатся вид

‘Возможно, что эта война скоро кончится’.

(20) Yǒu yì-tiāo māo zài
существует одна классификатор кошка находящаяся
huāyuán-lǐ.
сад-в

‘В саду есть кошка’.

(d) «Двойное подлежащее». Языки типа вТ известны одной распространенной в них конструкцией—так называемой конструкцией «с двойным подлежащим». В нашем изложении уже встречался целый ряд таких примеров. Приведем еще четыре примера из разных языков:

Японский язык:

(21) Sakana wa tai ga oisii.
рыба топик окунь *подлеж.* вкусный
‘Рыба’ (топик), окунь очень вкусен’.

Корейский язык:

(22) Pihengki-nin 747-ka khi -ta.
самолет-топик 747-подлеж. большой-статив
‘Самолеты (топик), 747-й большой’.

Китайский язык:

(23) Nèikē shù yèzi dà.
то дерево листья большие
‘То дерево (топик), листья большие’.

Язык лаху:

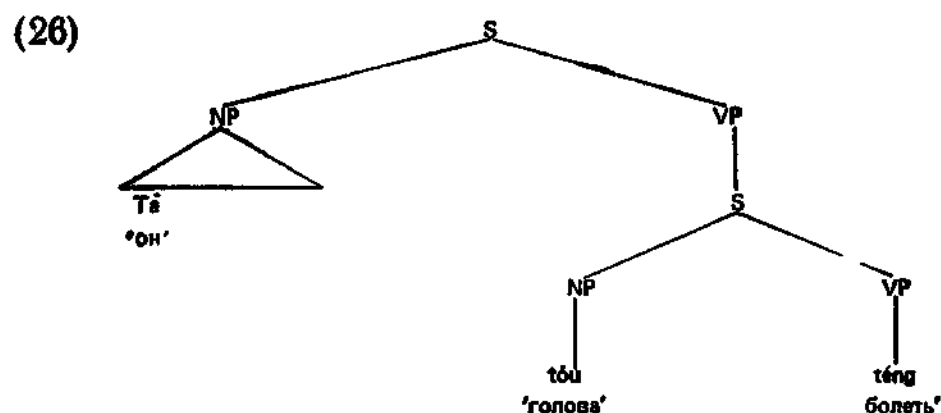
(24) hō ǝ na—qhǝ yǝ ve yó
слон топик нос длинный частица показ. повест.
‘Слоны (топик), нос длинный’.

Такие предложения представляют собой, конечно, чистейшие случаи структур «топик — комментарий». Во-первых, в них есть и топик, и подлежащее, которые таким образом могут быть легко различены. Во-вторых, топик не состоит в сочетаемостных отношениях с глаголом. В-третьих, невозможно привести здесь в качестве аргумента то, что эти предложения получены из предложений какого-либо другого типа путем трансформационного правила «передвижения». В-четвертых, во всех языках типа вТ есть предложения такого типа, между тем как ни в одном «чистом» языке типа вП, насколько нам известно, их нет.

Для китайского (Teng 1974) и для корейского (Park 1973) языков предлагалось считать, что эти предложения имеют «сентенциальное сказуемое»*. Это означает, что такое китайское предложение, как

(25) Tā tóu téng.
 он голова болеть
 'У него болит голова'.

в соответствии с анализом в работе Teng 1974 (с. 461, рис. 2) получает следующую структуру:

Будучи согласны с принципом этого подхода, мы тем не менее полагаем, что данный анализ лишь тогда имеет смысл, когда языки, имеющие конструкции с «двойным подлежащим», рассматриваются как языки типа VT. Это необходимо, поскольку в языках типа VP в качестве сказуемого не может быть предложение. Если бы оно представляло собой предложение, то подлежащее фактически «зависло бы», оставшись без всего такого, при чем оно могло бы быть подлежащим. Если же рассматривать такие предложения как состоящие из топика и комментария, то никакой аномалии не возникает, поскольку сентенциальный комментарий — вещь вполне естественная при той грамматической независимости от остальной части предложения, которой обладает топик⁹.

Таким образом, распространенность конструкций с «двойным подлежащим» является существенной чертой языков типа VT¹⁰. В разд. IV (d) мы рассмотрим подробнее «базисность» предложений с «двойным подлежащим».

(е) Контроль над кореферентностью. В языке типа VT, как правило, топик, а не подлежащее является той единицей,

* То есть сказуемое, которое представляет собой целое предложение. — Прим. перев.

которая контролирует опущение кореферентной с ней составляющей¹¹. Приведем некоторые примеры из китайского языка:

(27) Nèikē shù yèzi dà, suǒyǐ wǒ bù
то дерево листья большие, поэтому я не
xǐhuān _____
люблю _____.

‘То дерево (*топик*), листья большие, поэтому мне оно не нравится’.

Во втором простом предложении опущенное дополнение можно понять как соотносящееся только с топиком ‘то дерево’, но не с подлежащим ‘листья’.

(28) Nèi kuài tián dàozi zhǎngde hěn dà,
тот кусок поле рис растет очень большой
suǒyǐ _____ hěn zhìquán.
поэтому _____ очень ценный

‘Тот участок земли (*топик*), рис растет очень большой, поэтому он (т. е. участок) очень ценный’.

Опущенная составляющая в (28) также соотносится с топиком ‘тот участок земли’, а не с подлежащим ‘рис’.

Пример (29) иллюстрирует случай, когда подлежащее ‘пожарная бригада’ не может контролировать опущение во втором простом предложении, а топик ‘тот пожар’ по смыслу несовместим с этим вторым предложением, в результате чего оно оказывается бессмысленным:

(29) Nèi cháng huǒ xiǎofàngduì
Тот классификатор пожар пожарная бригада
láide zǎo *suǒyǐ _____ hěn
приехала рано поэтому _____ очень
lèi
устал/устала

Здесь мы хотим отметить следующий важный момент: в языке типа вТ скорее топик, чем подлежащее, контролирует кореферентность¹².

(f) Языки с глаголом-сказуемым в конечной позиции. Языки типа вТ имеют тенденцию быть языками, в которых глагол-сказуемое помещается в конце предложения (Hsiéh Hsiép-I и W. P. Lehmann, личное сообщение). В языках японском, корейском, лису, лаху постанровка глагола в конечную позицию уже имеет бесспорный статус вполне установившегося правила, а в китайском, как мы показывали в других статьях (см. Li-Thompson 1974a, 1974b), это правило находится в процессе становления.

(g) Ограничения на тип составляющей-топика. В некоторых языках типа вП для предложений типа «топик — комментарий» имеются довольно значительные ограничения на то, какая составляющая может выступать в роли топика. Так, в индонезийском языке в качестве топика допускается только составляющая, которая представляет собой поверхностное подлежащее или генитивное определение из состава поверхностного подлежащего¹⁸. Рассмотрим предложение (30) — простую конструкцию «подлежащее — сказуемое»:

Индонезийский язык:
(30) Ibu anak itu membeli sepatu.

мать ребенок тот купила ботинки
'Мать того ребенка купила ботинки',

где подлежащим служит ibu anak itu 'мать того ребенка'.

Все это подлежащее может стать топиком:

(31) Ibu anak itu, dia membeli sepatu.

мать ребенок тот, она купила ботинки
'Мать того ребенка, она купила ботинки'.

Генитив * из этого подлежащего, anak itu 'тот ребенок', также может быть топиком:

(32) Anak itu, ibu nja membeli sepatu.

ребенок тот мать *притяж.* купила ботинки
суффикс

'Тот ребенок, его мать купила ботинки'.

Однако, если в качестве топика берется именная группа, выполняющая в предложении (30) функцию дополнения, предложение становится грамматически неправильным:

(33) *Sepatu itu, ibu anak itu membeli.

ботинки те мать ребенок тот купила

Напротив, в языках с выдвиганием топика нет никаких ограничений на то, что может быть топиком.

(h) Базисность предложений со структурой «топик — комментарий». Пожалуй, самое впечатляющее различие между языком типа вТ и языками других типов заключается в том, сколь велика доля предложений со структурой «топик — комментарий» в репертуаре базисных предложений в языке типа вТ и сколь она мала в прочих языках. В следующем разделе мы приведем факты, свидетельствующие о

* Здесь «генитив» употребляется в обобщенном смысле, означая именную группу в роли определения к другой именной группе.—
Прим. перев.

том, что предложения со структурой «топик — комментарий» следует считать базисными в языках типа вТ.

Резюмируя сказанное в этом разделе, отметим, что мы показали ряд отличительных свойств языков типа вТ. В этих языках топики специально кодируются в поверхностной структуре и имеют тенденцию контролировать кореферентность. Ориентированная на топик конструкция с «двойным подлежащим» представляет собой базисный тип предложений в этих языках, в то время как такие ориентированные на подлежащее конструкции, как пассивные предложения и предложения с фиктивным подлежащим, встречаются редко или вообще отсутствуют.

IV. О БАЗИСНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СТРУКТУРОЙ «ТОПИК—КОММЕНТАРИЙ» В ЯЗЫКАХ ТИПА ВТ

Задача этого раздела — показать, что структуру «топик — комментарий» в языке типа вТ нельзя рассматривать как производную от какого-либо другого типа предложений.

Мы не выдвигаем аргументов против какой-либо конкретной формулировки, согласно которой может быть установлено такое отношение производности, скорее, мы выступаем против того, чтобы в принципе считать желательным рассматривать предложения со структурой «топик — комментарий» как производные, маргинальные, маркированные или в каком-либо другом отношении необычные в этих языках. Иначе говоря, мы не утверждаем, что нельзя вообразить себе какой-нибудь порождающий механизм, способный «справиться» с теми случаями, которые мы собираемся привести. Наше утверждение состоит в том, что данные, представленные в языках типа вТ, наиболее естественно поддаются описанию и объяснению, если считать предложения со структурой «топик — комментарий» базисными, а не производными.

(а) О понятии базисного предложения. Э. Л. Кинэн (см. К е е п а н 1976а; наст. сб. с. 236—276), обсуждая определение понятия «подлежащее», представил определение «базисного» предложения, которое сформулировано примерно так:

1) предложение А является более базисным, чем предложение В, если и только если синтаксическая форма и значение предложения В понимаются как функция от фор-

мы и значения предложения *A* (то есть форма предложения *B* представляет собой ту или иную модификацию [возможно, какое-то дополнение] формы *y A*, а значение *y B* представляет собой ту или иную модификацию значения *y A*);

ii) предложение называется базисным предложением в языке *L*, если и только если никакое другое предложение языка *L* не является более базисным.

В соответствии с этими двумя критериями предложения со структурой «топик — комментарий» в языках типа *VT* являются базисными. Для них не существует таких более базисных предложений, на основе которых можно было бы описывать их значение или форму.

(b) Язык лису. Наиболее яркие свидетельства в пользу сформулированного выше утверждения можно найти в лису, языке типа *VT*, описанном в работе Норе 1974. Наши данные почерпнуты из этой работы и из ответов ее автора на заданные нами вопросы относительно ряда конструкций языка лису; этот дополнительный материал был добыт во время его полевой работы в Таиланде. В лису, как мы стараемся показать, не могут быть идентифицированы даже такие грамматические отношения, как агенс и пациенс. Следовательно, невозможно идентифицировать и понятие подлежащего. Таким образом, ясно, что в лису просто не существует такой формы предложений с отношением «подлежащее — сказуемое», из которой можно было бы считать выводимыми предложения со структурой «топик — комментарий».

1) Грамматические отношения. Порядок слов в языке лису таков, что глагол-сказуемое ставится в конце предложения. Если глаголу предшествует более чем одна именная группа, то предложение, как правило, неоднозначно с точки зрения того, какая из именных групп представляет собой агенс или актор, а какая — пациенс. Структура простого повествовательного предложения с переходным глаголом показывает только, какая именная группа является топиком, но не показывает, какая именная группа является агенсом. Типичными примерами простых повествовательных предложений в языке лису служат предложения (34) и (35):

(34) Làthyu	nyà	ánpà	khù-	a.
люди	показатель	собака	кусать	показатель
	топика			повествоват.

‘Люди (*топик*), { они кусают собак’.
 { собаки кусают их’.
 (35) Ànà n làthyu khù a.
 собака *показатель* люди кусать *показатель*
 топика *повествоват.*

‘Собаки (*топик*) { они кусают людей’.
 { люди кусают их’.

Предложения (34) и (35) в равной степени неоднозначны с точки зрения того, что в них является агенсом. Оба предложения могут обозначать либо ‘люди кусают собак’, либо ‘собаки кусают людей’. Различие между этими двумя предложениями заключается только в топике. В предложении (34) топиком служит *làthyu* ‘люди’, а в предложении (35) — *ánà* ‘собака’. Встает вопрос, не возникают ли в таком языке, как лису, где полностью отсутствует кодификация агенсов или подлежащих, сложности с коммуникацией. Конечно, в лису имеются действительно неоднозначные предложения, такие, как (36):

(36) Làma пуа ànà куи- а.
 тигр *показатель* собака кусать *показатель*
 топика *повествоват.*

‘Тигры (*топик*), { они кусают собак’.
 { собаки кусают их’.

Однако в действительности такое полное невнимание в структуре языка к тому, является ли именная группа агенсом или подлежащим, вопреки ожиданиям не особенно мешает языку выполнять свою коммуникативную функцию. Прежде всего множество ключей к правильному пониманию обнаруживается в контексте — либо лингвистическом, либо экстралингвистическом. Затем такие семантические признаки, как «человек», «одушевленное», играют значительную роль в разрешении неоднозначности тех предложений, в которых отсутствуют указания на то, что является в них агенсом или подлежащим. С точки зрения прагматики можно с уверенностью предполагать, что если было произнесено предложение (34) или (35), то имелось в виду значение ‘собаки кусают людей’, поскольку люди обычно не кусают

других существ. Таким образом, хотя предложения (34) и (35) теоретически неоднозначны, во многих обстоятельствах они не будут создавать при коммуникации никаких проблем. Кроме того, структура всей системы глаголов в языке лису также служит цели минимизации потенциальных неоднозначностей. Сопоставим, например, глагол языка лису *thuyu* 'жечь, сжигать' с русским *сжигать*. Хотя в значении этих глаголов много общего, между ними есть существенные семантические различия. Для глагола *thuyu* предполагается, что то, что сжигается, должно быть неодушевленным. Русский глагол *сжигать* такого сочетаемого ограничения не имеет. Поэтому в языке лису предложение (37), перевод которого на русский вполне приемлем, является грамматически неправильным:

(37) *Láthuyu gu пуа апа́ thuyu-
 человек тот *показатель* собака сжечь-
топика

а.

показатель
повествовательности

'Тот человек сжег собаку'.

Чтобы выразить это утверждение, вместо предложения (37) должна быть употреблена соответствующая каузативная конструкция.

Рассмотрим другой глагол языка лису — *syé* 'убить'. Хотя основная часть значения этого глагола совпадает со значением русского глагола *убить*, его сочетаемостные свойства оказываются резко отличными. В языке лису с глаголом *syé* обязательно употребляется существительное *yí-rě* 'конец', но вовсе не обязательно при этом указание существительного-пациенса, который необходим при русском глаголе *убить* в соответствии с его сочетаемостными требованиями. Употребление глагола *syé* 'убить' в языке лису иллюстрируется предложением (38):

(38) Ása пуа yí-rě syé- а.
 Аса *показатель* коне | *убить*- *показатель*
топика *повествовательности*
 'Аса убил, и конец наступил'.

Чтобы еще лучше показать, что в грамматике языка лису систематически не различаются агент и пациент, следовательно, в лису невозможно выделить в предложении

подлежащее, нам бы хотелось привести некоторые дополнительные факты:

(39) Làthyu пуа áуà ami khwa-
люди *показатель* буйвол поле взрыхлять-
топика

а ми- а.
показатель видеть- *показатель*
повествовательности *повествовательности*

‘Люди (*топик*), { они видели, как буйволы взрыхляли поле’.
буйволы видели, как они взрыхляли поле’.

(40) Áуà пуа làthyu ami khwa-
буйвол *показатель* люди поле взрыхлять-
топика

а ми- а.
показатель видеть- *показатель*
повествовательности *повествовательности*

‘Буйволы (*топик*), { они видели, как люди взрыхляли поле’.
люди видели, как они взрыхляли поле’.

(41) Ami пуа áуà làthyu khwa-
поле *показатель* буйвол люди взрыхлять-
топика

а ми- а.
показатель видеть- *показатель*
повествовательности *повествовательности*

‘Поле (*топик*), { буйволы видели, как люди его взрыхляли’.
люди видели, как буйволы его взрыхляли’.

(42) Áпà пуа làma dzà hí-
собака *показатель* тигр есть трудно-
топика

а.
показатель
повествовательности

‘Собаки (*топик*), { тиграм трудно их есть’.
им трудно есть тигров’.

- (43) Làma puá ápà dzà hí- а.
 тигр *показатель* собака есть трудно- *показатель*
топика *повествуют.*
 'Тигры (*топик*), { собакам трудно их есть'.
 им трудно есть собак'.
- (44) Ápà puá làma dzà p̄syì- а.
 собака *показатель* тигр есть хотеть- *показатель*
топика *повествуют.*
 'Собаки (*топик*), { тигры хотят их съесть'.
 они хотят съесть тигров'.
- (45) Làma puá ápà dzà p̄syì- а.
 тигр *показатель* собака есть хотеть *показатель*
топика *повествуют.*
 'Тигры (*топик*), { собаки хотят их съесть'.
 они хотят съесть собак'.

Эти предложения ясно показывают, что в языке лису ни порядок слов, ни морфология не позволяют провести грамматическое различие между существительными, находящимися в разных отношениях к глаголу, и вследствие этого в структуре предложений этого языка невозможно установить подлежащее.

2) *Возвратность*. В тайландском диалекте языка лису возвратность представлена конструкцией одной из следующих двух форм: либо кореферентная ИГ (именная группа) просто повторяется в составе сочетания, буквально означающего 'тело X-а', либо употребляется сочетание, содержащее местоимение и означающее 'его тело':

- (46) Láma puá làma kudwè khù- а.
 тигр *показатель* тигр тело кусать- *показатель*
топика *повествуют.*
 'Тигр (*топик*), он укусил свое тело'.
- (47) Làma puá ýì kudwè khù- а.
 тигр *показатель* он тело кусать *показатель*
топика *повествуют.*
 'Тигр (*топик*), он укусил свое тело (т. е. себя)'.
- (48) Làma kudwè пуá làma khù- а.
 тигр тело *показатель* тигр кусать- *показатель*
топика *повествуют.*
 'Свое тело (*топик*), тигр его укусил'.

значения под буквой (a) относятся к такой поверхностной структуре, в которой l`athu 'люди' и l`ama 'тигр' — это однородные топики, а показатель однородности *se* является заместителем показателя топика *nu* при втором из этих топиков, l`ama 'тигр'. С другой стороны, значения под буквой (b) имеют такую поверхностную структуру, в которой топиком является только именная группа l`athu 'люди', а показатель однородности *se* соединяет две другие именные группы, l`ama 'тигр' и `ana 'собака', не являющиеся топиками. Эти примеры показывают, что в языке лису понятие подлежащего не играет никакой роли в структуре предложений с сочинением.

Приведенные выше примеры из языка лису доказывают то, что синтаксические отношения именных групп к глаголу-сказуемому в предложении неопределенны, а также то, что понятие подлежащего совершенно незначимо для описания предложений этого языка. Единственное значимое понятие в синтаксической структуре предложений в лису — это топик, который всегда помечается морфемой *nu* и занимает начальную позицию в предложении.

Можно было бы предположить, что лису на самом деле в большей степени является языком с выдвинутым подлежащим, чем мы это представили. Напомним, что, как отмечалось в примечании 2, показатель *nu* может выступать в предложениях, не содержащих никаких именных групп, со значением определенности, как, например:

- (52) Swi nu `ath`a d`a- a.
 один *показатель* ковать нож- *показатель*
 топика *повествовательности*
'Кто-то кует нож'.

Напомним также, что правило, обуславливающее появление показателя *nu* в таких предложениях, гласит, что этот показатель приписывается агенсу, если таковой имеется, дативу — при отсутствии агенса, объекту — при отсутствии датива и инструменталю — при отсутствии объекта. В этой связи мы могли бы сказать, что здесь *nu* выступает в функции показателя подлежащего, поскольку некоторая именная группа выделяется здесь не прямо в соответствии со своей падежной ролью, а в соответствии с иерархией, обращение к которой типично для языков с выдвинутым подлежащим.

В поддержку нашего утверждения о том, что язык лису по существу своему является языком с выдвиганием топики, мы все же хотим указать, что этот механизм маркировки посредством показателя *пуа*, кажущийся ориентированным на подлежащее, ограничен в своем применении предложениями, не содержащими именных групп со значением определенности, а эти предложения исключительно редки при реальном использовании языка. Даже поверхностное рассмотрение текста показывает, что, как правило, в коммуникацию вовлекаются такие существительные, относительно референтов которых говорящий предполагает, что они известны слушающему. Поскольку указанная функция маркировки подлежащего у показателя *пуа* встречается только в таком относительно редком типе предложений и поскольку понятие подлежащего, как кажется, не играет никакой другой роли в грамматике языка лису, то можно утверждать, что базисной структурой предложения здесь является структура «топик — комментарий» и в этом языке нет никаких других предложений, способных претендовать на роль источника, из которого могла бы выводиться эта структура.

(с) Китайский язык. Мы вовсе не первыми высказываем идею, что китайский язык является языком типа вТ. Эта мысль упоминается в работах H o n g 1956, H o u s e h o l d e r — C h e n g 1967, T a i 1973, H u a n g 1973, A l l e t o n 1973, а в работе C h a o 1968, 67—104, концепция «топики — комментария» рассматривается довольно подробно. Важно заметить, что, хотя последний автор на протяжении всей работы пользуется терминами «подлежащее» и «сказуемое», мы считаем возможным интерпретировать их как топик и комментарий. То, что такая интерпретация не противоречит намерениям автора, можно видеть из следующего его замечания: «Грамматическими значениями подлежащего и сказуемого в китайском предложении являются скорее топик и комментарий, а не деятель и действие» (с. 69).

Больше всего нас, конечно, интересуют различия между топиком и подлежащим и те следствия из них, которые существенны для построения языковой типологии.

В отличие от языка лису в китайском языке нет таких структур, которые можно было бы назвать предложениями с подлежащим и сказуемым. Например:

(53) Wǒde dìdì xǐhuān chī píngguǒ.
мой брат любить есть яблоко
'Мой брат любит есть яблоки'.

В этом примере порядок слов в китайском параллелен порядку слов в русском (и английском) переводе. Из примеров такого типа можно было бы заключить, что китайский аналогично английскому является языком типа ВП с подлежащим в начальной позиции. Следует отметить, что, хотя мы и описываем китайский как язык типа ВТ (что отмечалось выше), понятие подлежащего в нем, очевидно, все же играет определенную роль в некоторых структурах предложений. Например, цепочечную глагольную конструкцию (serial verb construction) нужно описывать как последовательность сказуемых с одним и тем же подлежащим:

(54) Zhāng-sān mǎi le piào jìnqù.

Джанг-сан покупать *вид* билет *вид* входит

'Джанг-сан купил билет { и вошел',
, чтобы войти'.

Предложения с глагольными цепочками (см. наше описание этих предложений в работе Li — Thompson 1973) могут интерпретироваться, вообще говоря, как обозначающие либо цель, либо последовательные, одновременные или чередующиеся действия. Мы можем показать, что при описании этой конструкции понятие подлежащего необходимо, приведя в качестве примера такое предложение, в котором имя существительное, связанное одновременно с двумя сказуемыми, является агенсом для одного из них и экспериенцером для другого. Это значит, что предложения с глагольными цепочками не могут быть описаны, если при этом просто ссылаться на общность агенса при двух сказуемых:

(55) Wǒ huā le qián xiǎngshòu.

я тратить *вид* деньги наслаждаться

'Я потратил деньги { и получил удовольствие',
, чтобы получить удовольствие'.

Более того, примеры (56) — (59) показывают, что подлежащим может контролироваться употребление возвратных местоимений.

(56) John xǐhuān tā ziji.

Джон любит он- себя

'Джон любит себя'.

(57) John dǎ tā- ziji.

Джон ударил он- себя
'Джон ударил себя'.

(58) John shì tā-ziji de péngyǒu.

Джон есть он-себя *генитив* друг
'Джон — друг самого себя'.

(59) *John, wǒ xǐhuān tā- ziji.

Джон я любить он- себя

*'Джон (*топик*), я люблю его самого' *.

Пример (59) показывает, что, когда в предложении есть топик, который не совпадает с тем, что хотелось бы назвать подлежащим, этот топик не может контролировать рефлексивизацию. Таким образом, в грамматике китайского языка необходима ссылка на подлежащее для описания процесса рефлексивизации (см. К е е п а н 1976а, наст. сб. с. 236—276). Тем не менее даже для китайского языка имеются очень сильные аргументы против того, чтобы считать предложения вида «топик — комментарий» производными от предложений вида «подлежащее — сказуемое». Так, для многих вполне нормальных предложений вида «топик — комментарий», в которых топик не связан сочетаемостными отношениями с глаголом-сказуемым в составе комментария, нельзя указать никаких предложений вида «подлежащее — сказуемое», от которых они были бы производны. Ниже приводится несколько примеров такого типа:

(60) Huáng-sè de tǔ-dì dǎfèn zuì

Желтый-цвет *показатель* почва удобрение наиболее
определения

héshì.

пригодный

'Желтая почва (*топик*), [ее] удобрение наиболее целесообразно'.

* Русский перевод не вполне передает неправильность, содержащуюся в китайской фразе: местоимение, переведенное как 'его самого', представляет собой *возвратное* местоимение, относящееся к 3-му лицу, т. е. Джону. — *Прим. перев.*

- (61) Nèi- zuò fángzi xìngkuí qù-
 тот- классификатор дом счастливый прошлый
 nián mēi xià xuě.
 год не шел снег
 'Тот дом (топик), к счастью, в прошлом году не было
 снега'.
- (62) Dòngwu wǒ zūzhang bǎo-shǒu zhèngcè.
 животное я выступаю- за охрана политика
 'Животные (топик), я выступаю за политику [их]
 охраны'.
- (63) Zhèi- jiàn shìqing nǐ bù néng guāng
 этот- классификатор дело ты не мочь только
 máfan yí-ge rén.
 беспокоить один человек
 'Это дело (топик), ты не можешь просто побеспокоить
 одного человека'.

Распространенность предложений этого типа явно свидетельствует против того, чтобы включать в грамматику процесс вывода предложений, содержащих топик.

Помимо этого, в поверхностной структуре китайских предложений отсутствует систематическая кодировка подлежащих. В китайском предложении просто нет такой именной группы, которая обладала бы тем, что Э. Л. Кинэн назвал «с в о й с т в а м и п о д л е ж а щ е г о» (см. К е е п а п 1976а). Это означает, что невозможно выделить такую именную группу, о которой кто-нибудь, может быть, и хотел бы говорить, что она представляет собой подлежащее. В качестве одного из таких случаев рассмотрим в общих чертах некоторую конструкцию, которая, как мы полагаем, служит наглядной иллюстрацией различий, имеющих между языками типа вП и типа вТ. Эту конструкцию мы можем назвать «псевдопассивной». Вот два примера:

- (64) Zhèi- jiàn xīnwēn quǎngbō le.
 этот- классификатор новости передавать вид
 (по радио)
 'Эти новости (топик), их передавали'.
- (65) Nèi- běn shū yǐjīng chūbǎn le.
 тот- классификатор книга уже издавать вид
 'Эта книга (топик), она уже издана'.

Поскольку первое существительное в этих предложениях находится в объектном падежном отношении с глаголом

(см. Fillmore 1968), можно попытаться объявить, что такие предложения на самом деле пассивны.

Внешне похожий тип предложений, как следует из описания в работе Chin g 1976, существует в индонезийском языке. Автор этой работы показала, что предложение, которое на поверхности выглядит как результат топиализации прямого дополнения, на самом деле является пассивным предложением, поскольку можно показать, что исходное прямое дополнение, поставленное в начале предложения, ведет себя как подлежащее. Однако свидетельств такого рода нельзя привести для аналогичной интерпретации (64) и (65) в китайском языке, потому что в нем, за исключением некоторых указанных выше частных случаев, как кажется, нет таких грамматических процессов, которые описывались бы со ссылкой на подлежащее, и нет таких поверхностных ключей, с помощью которых можно было бы опознать подлежащее ¹⁴.

(d) Конструкция с «двойным подлежащим». Как мы предполагали (см. выше, разд. III (d)), предложения с «двойным подлежащим» являются прототипическими предложениями структуры «топик — комментарий». Они широко распространены в китайском, японском, корейском языках, а также в языках лису и лаху. Если мы сможем показать, что такие предложения не являются производными, то это будет важным подтверждением правильности нашей точки зрения. Аргументы против того, чтобы считать предложения с «двойным подлежащим» производными от предложений какого-нибудь другого типа оказываются одними и теми же для всех языков типа VT, которые мы обследовали.

Единственный, насколько нам известно, источник, из которого вообще предлагалось выводить предложения с «двойным подлежащим», — это такой тип предложений со структурой «подлежащее — сказуемое», в котором между первой и второй именной группой (ИГ₁ и ИГ₂) имеется выраженное генитивное отношение. Так, для корейского языка можно было бы сказать, что (66) соотносится с (67):

(66) John- ìp mǎli- ka aphì- ta.

Джон *топик* голова *подлежащее* болеть *статив*
'У Джона болит голова'.

(67) John- ìi mǎli- ka aphì- ta.

Джон *генитив* голова *подлежащее* болеть *статив*
'Голова Джона болит'.

Или же в случае китайского языка мы могли бы сказать, что (68) должно бы выводиться из (69):

(68) Xiàng bizi cháng.
слон нос длинный
'У слонов нос длинный'.

(69) Xiàng de bizi cháng.
слон *генитив* нос длинный
'Слоновьи носы длинные'.

Однако, как отмечается в работах Yang 1972 и Teng 1974, имеется много и таких предложений с «двойным подлежащим», в которых между двумя первыми именными группами отсутствует какое бы то ни было генитивное или партитивное отношение. К примеру:

Корейский язык:

(70) TV-ɨn Zenith-ka tɨntɨn-ha-ta.
телевизор *топик* "Зенит" сильный *статив*
'Телевизоры (*топик*), "Зенит" [самый] надежный'.

Китайский язык:

(71) Tamen shéi dōu bù lái.
они кто-либо все не приходиться
'Они (*топик*), никто из них не пришел'.

Итак, генитивное отношение наблюдается лишь в части предложений с «двойным подлежащим». Поэтому мы ничего не выигрываем, если будем считать, что такие предложения являются производными от предложений вида «подлежащее — сказуемое» с генитивной группой в качестве подлежащего.

Даже в тех случаях, когда можно утверждать наличие генитивного отношения между двумя именными группами, постулирование выводимости предложений с «двойным подлежащим» из предложений с генитивным подлежащим все-таки не сулит никаких преимуществ. Это обусловлено тем, что для объяснения некоторых фактов китайского языка в таком случае придется считать, что в предложении имела место своего рода «переинтерпретация»; дело в том, что, по крайней мере в китайском языке, эти два типа предложений ведут себя по-разному с точки зрения контроля опущения кореферентных именных групп. Сравним (72) и (73).

(72) Nèikē shù de yèzi tài dà
 то дерево *генитив* листья слишком большие
 suǒyì wǒ bù xǐhuān _____.
 поэтому я не любить _____
 'Листья того дерева слишком большие, поэтому я
 не люблю их'.

(73) Nèikē shù yèzi tài dà suǒyì
 то дерево листья слишком большие, поэтому
 wǒ bù xǐhuān _____.
 я не любить _____
 'То дерево (*топик*), листья слишком большие, поэ-
 тому я не люблю его'.

В (72) контролером интерпретации опущенной составляющей во втором простом предложении является подлежащее 'листья того дерева', в то время как в (73) контролером является топик 'то дерево'. Таким образом, оказывается, что это соотношение не свидетельствует о необходимости выводить (73) из (72). В работе Teng 1974 приводится и ряд других аргументов против такой деривации.

(е) **Дистрибуция.** Мы надеемся, что нам удалось показать, что в языках типа ВТ нет оснований считать предложения со структурой «топик — комментарий» «маркированными» или каким-либо другим образом выделенными среди прочих предложений. Однако в качестве еще одного аргумента против нашей концепции выдвигалось предположение о том, что, возможно, такие предложения более ограничены в своей дистрибуции, чем другие типы предложений; в частности, они не могут столь же свободно встречаться в составе ограничительных оборотов или тех придаточных дополнительных, которые не входят в ассертивную часть смысла предложения¹⁵ *. Однако в действительности это не так.

* Здесь имеются в виду такие придаточные дополнительные, значение которых относится к пресуппозиции всего сложного предложения; если смысл придаточного предложения относится к пресуппозиции, то его истинность должна необходимым образом подразумеваться для того, чтобы все сложное предложение было осмысленным и можно было говорить о его истинности или ложности (ср. пример (78) ниже). Если смысл придаточного относится не к пресуппозиции, а к собственно утверждению (ассертивной части смысла), то его истинность не подразумевается, а является содержанием утверждения (например, *Я сообщил, что никто из них не приходил*).— Прим. перев.

В следующих приводимых нами примерах из китайского языка видно, что простые предложения, в которых следует усматривать структуру «топик — комментарий», могут входить в состав сложных предложений как ограничительные обороты и как не-ассертивные придаточные дополнительные. Приведем сначала пример структуры с ограничительным оборотом:

(74) Wǒ bù xǐhuān nèi zhong yì jīn sānshí
я не любить тот сорт один китайский* 30
фунт

kuài-qián de dòuzi.
юань показатель бобы

относительного оборота

‘Я не люблю тот сорт бобов, который продается по 30 юаней за фунт’.

Подчеркнутый относительный оборот получен из следующего предложения:

(75) Nèi zhǒng dòuzi yì jīn sānshí kuài-qián.
тот сорт бобы один фунт 30 юань

‘Тот сорт бобов (*топик*), один фунт по 30 юаней’.

Этот оборот, очевидно, нельзя анализировать как конструкцию типа «подлежащее — сказуемое». Вот еще один пример относительного оборота:

(76) Nèi- kē yèzi hěn dà
тот- классификатор листья очень большие
de shù feīchang gāo.
показатель дерево необычайно высокое

*относительного
оборота*

‘То дерево с большими листьями необычайно высокое’.

Предложение, которое в исходной структуре лежит в основе подчеркнутого относительного оборота, здесь также не могло бы считаться конструкцией «подлежащее — сказуемое»:

(77) Nèi- kē shù yèzi hěn dà.
то- классификатор дерево листья очень большие

‘То дерево (*топик*), листья очень большие’.

Мы можем легко показать также, что предложения вида «топик — комментарий» могут вводиться в сложное предло-

* Китайский фунт (jīn) — мера веса, равная 0,597 кг.— *Прим. перев.*

жение в качестве придаточных дополнительных, значение которых относится к пресуппозиции. Вот один такой пример:

(78) Wǒ fǎnduì tāmen shéi dōu bù lái.

я противиться они кто-либо все не приходиться
'Я отрицаю тот факт, что никто из них не приходил'.

Подчеркнутое дополнение опять-таки может быть только предложением со структурой «топик — комментарий».

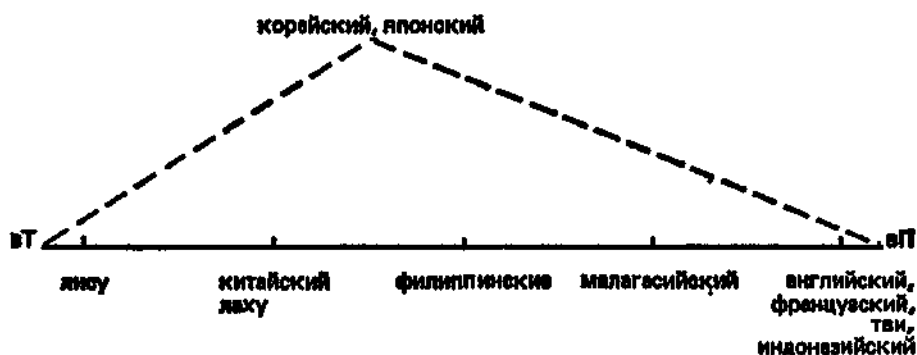
Таким образом, примеры (74)—(78) показывают прежде всего неправильность мнения, будто в языке типа ВТ предложения со структурой «топик — комментарий» обязательно ограничены в своем употреблении и могут выступать только в качестве таких придаточных, которые входят в ассертивную часть смысла предложения. Таким образом, можно видеть, что аргумент о большей «маркированности» подобных предложений в силу их более ограниченной дистрибуции не имеет под собой никакой эмпирической основы.

В этом разделе мы пытались в первую очередь обосновать ту точку зрения, что функция топика в языках типа ВП в высшей степени маркирована и отделена от остальной части предложения, а в языках типа ВТ органически включена в базисный синтаксис предложения. Если стремиться к адекватному грамматическому описанию таких языков, то необходимо считаться с понятием топика, а предложения со структурой «топик — комментарий» должны включаться в число базисных типов предложений, предусматриваемых системой такого языка.

У. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ ДИАХРОНИИ

Мы представили ряд фактов, свидетельствующих в пользу типологического различия между языками, в которых главную роль играет понятие топика, и языками, в которых главную роль играет понятие подлежащего. Как и в случае всех прочих типологических различий, ясно, конечно, что речь идет о континууме значений признака. Так, язык лису, как мы видели, в большей степени относится к языкам типа ВТ, чем китайский. По-видимому, филиппинские языки, как показывает работа Шахтера (см. Schachter

1976), не относятся в значительной степени ни к типу вП, ни к типу вТ, в то время как японский и корейский языки можно было бы описывать как языки типа вП и типа вТ одновременно. Малагасийский язык, как следует из описания Кинэна (см. К е е п а п 1976b), по-видимому, в меньшей степени относится к типу вП, чем английский. Эти факты можно изобразить в виде следующей схемы:

На основе рассмотрения явлений как синхронии, так и диахронии представляется очевидным, что между понятиями подлежащего и топика имеется некоторая связь. В сущности, подлежащие — это грамматикализованные топика; в процессе постепенного включения в падежную рамку глагола (после чего мы назовем их подлежащими) топика становятся несколько «нечистыми» и некоторые их топиковые свойства оказываются ослабленными, однако их «топиковость» все еще можно распознать¹⁶. Вот почему в ряде языков подлежащее совмещает в себе также многие свойства топиков. Так, например, в некоторых языках типа вП недопустимы грамматически неопределенные подлежащие.

Мы предполагаем, что универсальное понятие топика может по-разному выражаться в разных языках. В одних языках, таких, как лису или китайский, свойства топика кодируются в отдельной топиковой составляющей, а предложения со структурой «топик — комментарий» фигурируют в числе базисных предложений этих языков. В других языках, таких, как малагасийский (см. К е е п а п 1976b), носителем некоторых свойств топика служит подлежащее, то есть та составляющая, которая грамматически тесно связана с глаголом и играет важнейшую роль в описании ряда грамматических процессов. Для того чтобы однозначно выразить в таких языках топик как тему текста, нужно употребить отдельную пропозицию, единственной функцией

которой является фиксация топика. По-английски, например, мы могли бы сделать это следующим образом:

(79) {Remember
You know} Tom? Well, he fell off his bike yesterday.

{‘Помнишь’
‘Знаешь’} Тома? Так вот, он упал вчера с велосипеда’.

Любопытно, что использование такой стратегии вполне обычно у англоязычных детей (см. Keenan — Schiefelin 1976) и носителей американского языка глухонемых (см. Friedman 1976). В языках с выдвижением топика, наоборот, фиксация топика встроена в синтаксическую структуру предложения. Эти различия между двумя типами языков, как мы попытались показать, могут иметь для структуры языка далеко идущие последствия.

На основе представленных нами данных из разных языков мы предлагаем следующую диахроническую схему:

Возвращаясь к поднятому ранее вопросу о том, почему языки типа вТ в подавляющем большинстве являются языками с расположением глагола в конце предложения, мы предлагаем следующую гипотезу: при продвижении языка из стадии С в стадию D и затем через нее в стадию А главную роль играет прежде всего тип предложений с

³ Аналогичным образом Куно в работе (Куно 1972, 270), пользуясь термином «тема» для того понятия, которое мы называем «топик», подчеркивает: «Тема должна быть либо анафорической (т. е. ранее упоминавшейся), либо названием родового понятия...» Между прочим, если у Куно термин «тема» используется примерно там же, где у нас, используется термин «топик» то уже у лингвистов Пражской школы термин «тема» используется иначе. Так, например, Фирбас, написавший о понятиях «тема» и «рема», вероятно, больше, чем кто бы то ни было другой, полагает, что темой является элемент, который может быть выведен из контекста и при этом менее всех других элементов предложения содействует развитию акта коммуникации (F i r b a s 1966). Принципиальное значение для разрабатываемого им таким образом понятия имеет тот факт, что о всяком предложении можно сказать, что у него есть тема. Однако отнюдь не у всякого предложения есть топик.

⁴ Так называемые «фиктивные подлежащие» (*dummy subjects*) являются только кажущимися исключениями из этого правила, поскольку у них нет семантического содержания и они не могут поэтому быть включены в обобщения, касающиеся семантических отношений между существительными и глаголами.

⁵ Разумеется, мы не утверждаем, что топик никак не связан с комментарием. Мы не предполагаем, что может обнаружиться язык, в котором встречается следующий тип предложений:

(i) **My mother, Harry can't stand chocolate mousse.*

‘Моя мать (*топик*), Гарри не выносит шоколадный мусс’.

Тем не менее мы считаем странность предложений типа (i) не грамматической проблемой, а, скорее, проблемой прагматической. Важным моментом, на который мы будем обращать внимание на протяжении всей статьи, является то, что отношение между подлежащим и связанным с ним глаголом-сказуемым грамматически гораздо сильнее ограничено, чем отношение между топиком и комментарием. Объяснение такого различия в терминах функциональных ролей топика и подлежащего предлагается ниже, в разделе II(d).

⁶ Мы благодарны П. Шахтеру, привлечшему наше внимание к этому факту. См. также статью Э. Л. Кинэна «К универсальному определению подлежащего» (К е п а п 1976а, наст. сб., с. 236—276).

⁷ Другой точки зрения придерживается Т. Гивон (см. G i v ó n 1976). По его мнению, всякое согласование — это согласование с топиком, причем «согласование» выражается анафорическим местоимением, поставленным в позицию подлежащего, как в следующем примере: (i) *My mother she just came in.*

‘Моя мать она как раз вошла’.

Хотя нам и представляется убедительным поддерживающий позицию Гивона факт, что диахронически согласование происходит из анафорических местоимений, мы считаем по меньшей мере спорным тот взгляд, согласно которому согласовательные морфемы и подлежащие-местоимения в синхронном плане неразличимы. Мы не знаем никаких фактов, свидетельствующих против гипотезы о том, что к тому времени, когда местоимение становится связанной согласовательной морфемой, имя существительное, с которым это местоимение согласуется, уже не является просто топиком, а оказывается включенным в единую грамматическую систему предложения в качестве подлежащего. Впрочем, такие факты трудно найти, поскольку ни в одном из тех языков с выдвинутым топиком, которые мы исследовали, нет хорошо развитой системы анафорических местоимений.

⁸ Мы благодарны И. Хауарду, обратившему наше внимание на корреляцию между выдвиганием топика и специальными пассивами. Обсуждение некоторых сторон этой проблемы можно найти в работах Н о w a r d 1969 и К и п о 1973. Впрочем, имеются некоторые факты, свидетельствующие о том, что и китайский, и японский языки все более удаляются от того состояния, при котором в них были пассивы, обозначающие только неблагоприятные воздействия. Может быть, это объясняется влиянием переводов с английского (В e d e l l, личное сообщение; см. также Н о w a r d 1969).

⁹ К некоторым деталям анализа в работе Т e n g 1974 имеются и более серьезные возражения. Так, например, сентенциальное сказуемое в этой работе обозначено как VP (т. е. глагольная группа). Однако, как было замечено Ч. Тангом и Мари-Клод Пари, «сентенциальное сказуемое» только в том случае дает положительный результат в тесте на то, чтобы считаться VP (этот тест основывается на способности модальных слов и некоторых наречий выступать в позиции перед VP), когда оно представляет собой некоторую лексикализованную единицу. Так, «сентенциальное сказуемое» *tóu téng* 'голова болит' в (25) ведет себя как VP, между тем как для группы *yèzi dà* 'листья большие' в (23) это неверно:

(i) *Tā yòu tóu téng le.*
он опять голова болеть вид
'У него опять болит голова'.

(ii) **Nèi-kē shù yòu yèzi dà le*
тот классификатор дерево опять листья большой вид
'На том дереве листья опять большие'.

Дальнейшее обсуждение предложений с «двойным подлежащим» — в нашей работе, которая готовится к печати.

¹⁰ Нам известно, что в японском и корейском языках в конструкции с двойным подлежащим показатели подлежащего (*ga* и *ka* соответственно) иногда стоят при топике. Тогда оказывается, что в некоторых речевых ситуациях показатели подлежащего могут появляться и при топиках, однако пока мы не понимаем это явление настолько хорошо, чтобы можно было говорить о нем точнее.

¹¹ Исключением может служить опущение местоимения первого лица в случае его тождества с нетопиковым местоимением первого лица в предыдущем простом предложении. Так, некоторые носители китайского языка признают приемлемым следующее предложение, в котором опущенная составляющая понимается так, как если бы она относилась к подлежащему 'я', а не к топикю 'этот персонаж'.

(i) *Zhèige zì wǒ bú rěnsì, suǒyì ——— bú kàn zhèiběn xiǎoshuō.*
этот персонаж я не одобряю, поэтому ——— не читаю этот роман
'Этот персонаж я не одобряю, поэтому(я) не хочу читать этот роман'.

¹² Здесь уместно будет отметить, что нет никакого противоречия между 1) использованием несовместимости топика и сказуемого для доказательства того, что топик контролирует опущение, и 2) высказанным ранее утверждением о независимости топика от основной предикации (см. разд. II(b) и II(c)). Топик может быть независим от основной предикации в смысле его неучастия в грамматических процессах и невхождения в сочетаемостные отношения, если, помимо топика, в предложении есть еще и подлежащее, однако в простом предложении, в котором нет своего подлежащего, отличного от топика, как это имеет место во вторых простых предложениях при-

меров (27) — (29), свойства подлежащего и топика, разумеется, не могут быть разграничены. Важно лишь, что та именная группа, которая понимается как заполняющая пропуски в предложениях (27) — (29), является т о п и к о м первого простого предложения, а не его подлежащим.

¹³ В соответствии с анализом индонезийского языка, предложенным в работе S o e t a g t o 1970, мы считаем, что структура «топик — комментарий» — это такая структура, в которой имеется «левое смещение» (left dislocation) некоторой составляющей. Между тем предложения, которые имеют в начале именную группу, маркированную послелогом *jang*, мы интерпретируем как имеющие структуру «фокус — presupпозиция», а не структуру «топик — комментарий». Например, предложение

Anak itu *jang* membeli sepatu.

ребенок артикль купил ботинки

‘Кто купил ботинки, так это ребенок’

имеет фокус *anak itu*, маркированный показателем *jang*, и presupпозицию ‘кто-то купил ботинки’.

¹⁴ Конечно, можно попытаться предположить, что такие предложения, как (64) и (65), выводятся из предложений с прямым дополнением в конечной позиции посредством правила вынесения прямого дополнения вперед (object preposing). Важно заметить, однако, что вынесение прямого дополнения вперед обычно не ведет к опущению агенса, который нам пришлось бы постулировать для описания таких предложений, как (64) и (65). Вдобавок это правило совсем не подходит для описания таких примеров, как (60) — (63), которые ничем не отличаются от «псевдопассивов», за исключением того, что в «псевдопассиве» топик связан некоторым сочетаемым отношением с глаголом-сказуемым.

¹⁵ По поводу обсуждения таких дополнений см. Н о о р е г — Т h o m p s o n 1973.

¹⁶ Эта формулировка была предложена нам в частной беседе У. Чей-фом. Падежные рамки рассматриваются в работе F i l l m o r e 1968.

ЛИТЕРАТУРА

Alleton 1973 — Alleton, Viviane. Grammaire du Chinois. Presses Universitaires de France, Paris, 1973.

Chafe 1976 — Chafe, Wallace L. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View (см. наст. сборник, с. 227—316).

Chao 1968 — Chao Y. R. A Grammar of Modern Spoken Chinese. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1968.

Chomsky 1965 — Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1965 (русский перевод: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Изд-во МГУ, М., 1972).

Chung 1976 — Chung S. On the Subject of Two Passives in Indonesian. In: Li 1976, 57—98.

Dixon 1972 — Dixon R. M. W. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge University Press, Cambridge, 1972.

Fillmore 1968 — Fillmore Ch. The Case for Case. In: «Universals in Linguistic Theory», E. Bach and R. Harms (eds.), Holt,

Rinehart and Winston, New York, 1968, 1—90 (русский перевод см. в сб. «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X, «Прогресс», М., 1981).

Firbas 1966 — Firbas Jan. On Defining the Theme in Functional Sentence Analysis. In: «Travaux Linguistiques de Prague», 1966, 1, 267—280.

Friedman 1976 — Friedman L. A. The Manifestation of Subject, Object and Topic in American Sign Language. In: Li 1976 125—149.

Givón, 1976 — Givón T. Topic, Pronoun and Grammatical Agreement. In: Li 1976, 149—188.

Hong 1956 — Hong, Xin-heng. Hànyǔ yǐfā wèntí yánjiū (Studies of the Problems of Chinese Syntax). XIn Zhi-shi chūbǎnshì, Shanghai, China, 1956.

Hooper — Thompson 1973 — Hooper J. and Thompson S. A. On the Applicability of Root Transformations. In: «Linguistic Inquiry», 1973, 465—497.

Hope 1974 — Hope E. The Deep Syntax of Lisu Sentences. Doctoral dissertation. Australian National University. In: «Pacific Linguistics», 1974, Series B, № 34.

Householder — Cheng 1967 — Householder F. W. and Cheng R. L. Universe-Scope Relations in Chinese and Japanese. Unpublished manuscript, University of York, 1967.

Howard 1969 — Howard I. A Semantic-Syntactic Analysis of the Japanese Passive. In: «The Journal Newsletter of the Association of Teachers of Japanese», 1969, 6, 40—46.

Huang 1973 — Huang S. F. Movement in Mandarin Syntax. In: «Bulletin of the College of Liberal Arts», National Taiwan University, 1973, № 22.

Keenan 1976a — Keenan E. L. Towards a Universal Definition of «Subject» (см. наст. сб. с. 236—276).

Keenan 1976b — Keenan E. L. Remarkable Subjects in Malagasy. In: Li 1976, 247—301.

Keenan — Schieffelin 1976 — Keenan E. and Schieffelin B. Topic as Discourse Notion: a Study of Topic in the Conversation of Children and Adults. In: Li 1976, 335—384.

Kuno 1972 — Kuno S. Functional Sentence Perspective: a Case Study from Japanese and English. In: «Linguistic Inquiry», 1972, 3, 269—320.

Kuno 1973 — Kuno S. The Structure of the Japanese Language. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1973.

Li 1976 — Li Ch. (ed.). Subject and Topic. Academic Press, New York, 1976.

Li — Thompson 1973 — Li Ch. N. and Thompson S. A. Serial Verb Constructions in Mandarin Chinese: Subordination or Coordination? In: «You Take the High Node and I'll Take the Low Node», Chicago Linguistic Society, Chicago, 1973.

Li — Thompson 1974a — Li Ch. N. and Thompson S. A. Historical Change of Word Order: a Case Study in Chinese and Its Implications. In: «Historical Linguistics», J. M. Anderson and C. Jones (eds.), North Holland Publishing Company, Amsterdam, 1974, 199—217.

Li — Thompson 1974b — Li Ch. N. and Thompson S. A.

An Explanation of Word Order Change SVO — SOV. In: «Foundations of Language», 1974, 201—214.

Li — Thompson (in preparation)— Li Ch. N. and Thompson S. A. On «Double Subject» Constructions.

Park 1973 — Park Byung-Soo. Multiple Subject Constructions in Korean. In: «Linguistics», 1973, 63—76.

Postal 1971 — Postal P. Cross-Over Phenomena. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1971.

Postal — Ross 1971 — Postal P. and Ross J. R. Tough Movement Si, Tough Deletion Nol In: «Linguistic Inquiry», 1971, 2, 544—546.

Rosenbaum 1967 — Rosenbaum P. The Grammar of English Predicate Complement Construction (manuscript).

Schachter 1974 — Schachter P. Constraints on Coordination. Indiana University Linguistics Club, 1974 (см. также: «Language», 1977, 86—103.)

Schachter 1976 — Schachter P. The Subject in Philippine Languages: Topic, Actor, Actor-Topic, or None of the Above. In: Li 1976, 491—518.

Schachter — Otanes 1972 — Schachter P. and Otanes F. A Tagalog Reference Grammar. University of California Press, Los Angeles/Berkeley, 1972.

Soemarmo 1970 — Soemarmo. Subject-Predicate, Focus-Presupposition, and Topic-Comment in Bahasa Indonesia and Javanese. Unpublished doctoral dissertation. University of California at Los Angeles, 1970.

Tai 1973 — Tai J. H—Y. A Note on the ba-Construction. Paper presented at the 6th International Conference on Sino-Tibetan Language and Linguistics, San Diego, California, 1973.

Teng 1974 — Teng Shou-hsin. Double Nominatives in Chinese. In: «Language», 1974, 3, 455—473.

Yang 1972 — Yang In-seok. Korean Syntax. Paek Hap Sa, Seoul, 1972.

К УНИВЕРСАЛЬНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОДЛЕЖАЩЕГО

I. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В настоящей работе я попытаюсь дать определение понятия «подлежащее», которое позволит нам отождествлять группу подлежащего, если таковая имеется, в любом предложении всякого языка.

Такая дефиниция необходима в универсальной грамматике для того, чтобы многие универсальные обобщения, которые используют это понятие, получили ясную интерпретацию. К ним, например, относятся:

- (1) Иерархия доступности (Keenan—Comrie 1972)*: именные группы в верхней части иерархии доступности, которая приведена ниже, легче подвергаются релятивизации, чем именные группы в нижней части. Так, в одних языках существуют правила образования относительных оборотов, применимые лишь к подлежащим, в других — правила, применимые лишь к подлежащим и прямым дополнениям, в третьих — правила, применимые лишь к трем верхним рангам в иерархии доступности, и т. д.

Подл. > Прям. Доп. > Непрямое Доп. > Косв. Доп. > Ген. > Объект сравнения

- (2) Принцип функционального наследования (Perlmutter—Postal 1974): если какая-либо именная группа поднимается (raised) из состава другой, тогда она принимает ту грамматическую роль (подлежащее, прямое дополнение и т. д.), которая принадлежала ранее этой другой именной группе.

Edward L. Keenan. Towards a Universal Definition of "Subject".—In: "Subject and Topic", Ch. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976, p. 303—333.

* См. статью Кинэна и Комри в наст. сб.— *Прим. ред.*

(3) **Принцип непрерывности продвижения** (Johnson 1974; Trithart 1975; Кеенап 1976): если некоторый язык может продвигать (например, посредством операций типа Пассивизации) именные группы, находящиеся низко в иерархии доступности, в позицию подлежащего, тогда он может продвигать в позицию подлежащего все именные группы, занимающие промежуточные ранги. Так, если язык имеет локативный залог (например, *the school was seen Mary at by John* 'эта школа была увидена Мария-в Джоном'*), то она обязательно имеет и залог прямого дополнения (= Пассив).

Ясно, что обобщения типа (1)—(3) задают ограничения на форму и субстанцию возможных человеческих языков. Но, чтобы удостовериться в их универсальности, необходимо иметь возможность отождествлять подлежащие, прямые дополнения и т. д. общим для разных языков способом. Если мы используем разные критерии для отождествления подлежащих в разных языках, тогда подлежащее просто не является универсальной категорией, а кажущиеся универсальными обобщения, формулируемые с помощью этого понятия, вовсе не являются обобщениями. Вдобавок отсутствие критериев отождествления подлежащего, прямого дополнения и т. д. затрудняет проверку предполагаемых универсалий типа 1—3, ибо контрпримеры могут отвергаться просто на основании заявления, что именная группа, которая не соответствует универсалиям, «в действительности» не есть подлежащее, прямое дополнение и т. д. Утверждение же, что мы обладаем исходными интуитивными представлениями о том, какие именные группы являются подлежащими, оказывается в конечном счете, подобно всем аргументам из области интуиции, несостоятельным, когда интуитивные представления разных индивидуумов не совпадают. Например, обнаруживается, что авторы работ, George 1974 и Кеенап — Сонгье 1977, имеют разные интуитивные представления относительно того, какие именные группы в языке дирбал являются подлежащими простых предложений с переходным глаголом (Dixon 1972).

* Имеется в виду, что исходное предложение имело форму *John saw Mary at the school* 'Джон видел Марию в этой школе', — *Прим. перев.*

II. О. КАК ОПРЕДЕЛЯТЬ ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Мы не свободны определять такое понятие, как «подлежащее», произвольным, удовлетворяющим нашим целям способом. С этим понятием связано большое число лингвистических представлений, и всякая дефиниция должна, по крайней мере в общих чертах, согласовываться с традиционным, в определенной степени дотеоретическим использованием этого термина. Поэтому наш подход будет состоять в том, чтобы сначала скомпоновать обширную и разнообразную выборку примеров из разных языков, для которой наши дотеоретические суждения о подлежащем не вызывают сомнений. Затем на основе этой выборки мы попытаемся выделить множество свойств, характеризующих подлежащие именные группы, и определить, какие комбинации этих характерных свойств необходимы и достаточны для отождествления подлежащего произвольного языка таким способом, который в ясных случаях согласуется с нашими дотеоретическими интуитивными суждениями.

Однако даже беглый анализ характеристик подлежащего в разных языках обнаруживает, что именные группы часто обладают признаками, которые не являются универсально значимыми, а свойственны лишь тому или иному конкретному языку. Например, в латыни подлежащие именные группы несут характерные падежные показатели номинатива. Но эти конкретные окончания, вероятно, не используются как показатели номинатива ни в каком другом языке: универсальных показателей номинатива не существует. В малагасийском языке (малайско-полинезийская группа, Мадагаскар) подлежащее, как правило, выступает в конце предложения, тогда как в большинстве языков подлежащие именные группы предшествуют прочим главным (major) именным группам. Таким образом, мы намерены утверждать, что для латыни свидетельством *prima facie* о том, что именная группа есть подлежащее некоторого предложения, будет наличие номинативного окончания, а для малагасийского языка таким свидетельством является — конечная позиция в предложении. Наша задача — сформулировать универсальное определение подлежащего исходя из того, что разные языки могут использовать специфические языковые средства для маркировки подлежащих групп. Мы осуществим это следующим образом.

Во-первых, будут заданы универсальные средства выде-

ления во всяком языке некоторого привилегированного подмножества предложений. Эти предложения будут называться семантически базисными предложениями (далее б-предложения), а их подлежащие будут называться базисными подлежащими (далее б-подлежащие). Мы попытаемся выдвинуть, далее, универсально значимые критерии для отождествления подлежащих б-предложений в любом языке. После того как б-подлежащие для данного языка отождествлены, можно установить полное множество характерных свойств б-подлежащих в этом языке. При этом может оказаться, что в одном языке б-подлежащие имеют некоторый падежный показатель, в другом — определенную позицию; они могут весьма специфично вести себя при тех или иных трансформациях или даже иметь семантически специфические свойства. Наконец, когда для данного языка установлен полный комплект свойств б-подлежащего, могут быть определены подлежащие небазисных предложений. Ими считаются те именные группы, которые обнаруживают явное преобладание свойств, характерных для б-подлежащих. Таким образом, в некотором языке подлежащие небазисных предложений могут обнаруживать лишь незначительную часть из набора универсальных свойств подлежащих, однако в этом языке они будут однозначно отождествляться как подлежащие, поскольку обладают многими свойствами б-подлежащих, специфическими именно для данного языка.

Отметим далее, что при таком способе определения подлежащие некоторых предложений или — при более широкой трактовке — некоторых типов предложений будут более подлежащеподобными, чем подлежащие других типов предложений. Причина этого состоит в том, что они обладают большим числом из того комплекса свойств, которые характеризуют б-подлежащие в целом. Таким образом, «подлежащность» (subjecthood) некоторой именной группы в некотором предложении есть величина относительная.

Вдобавок, как мне представляется, подлежащие в одних языках будут более подлежащеподобными, чем в других, в том смысле, что в целом они будут обнаруживать более полный комплект свойств, которые универсально характеризуют б-подлежащие. Весьма вероятно, например, что европейские языки более отчетливо ориентируются на выражение подлежащего, чем те сино-тибетские языки, которые рассматриваются Ли и Томпсон (см. их статью в наст. сборнике).

II. 1. Определение базисного предложения в языке

(4) Для всякого языка:

а) синтаксическая структура x является семантически более базисной, чем синтаксическая структура y , если и только если значение y зависит от значения x , то есть для понимания значения структуры y нам необходимо понять значение структуры x .

б) предложение какого-либо языка есть его базисное предложение, если и только если никакое (другое) полное предложение того же языка не является более базисным.

Рассмотрим сначала (4а). Прямого способа определить, является ли некоторое предложение более базисным, чем другое, не существует, так как такое определение требует, чтобы мы понимали значение этих двух предложений. Хотя здесь, безусловно, могут встретиться сложные случаи, большинство предложений поддаются совершенно ясной трактовке. Например, предложение *John is a linguist* 'Джон — лингвист' явно более базисно семантически, чем предложение *Fred thinks that John is a linguist* 'Фред думает, что Джон — лингвист', поскольку мы не можем понять значение второго предложения без понимания первого. Если бы мы не знали, что значит *John is a linguist*, мы не узнали бы, что думает Фред. Ниже приведены структуры, из которых каждая предыдущая является семантически более базисной, чем все последующие: *John sang*; *John sang off-key*; *John didn't sing off-key*; *the fact that John didn't sing off-key*; *some newspaper reported the fact that John didn't sing off-key*; *some newspaper which reported the fact that John didn't sing off-key* 'Джон пел; Джон пел фальшиво; Джон не пел фальшиво; тот факт, что Джон не пел фальшиво; некая газета сообщила о том факте, что Джон не пел фальшиво; некая газета, которая сообщила о том факте, что Джон не пел фальшиво' и т. д.

Отношение *более базисное, чем* (ББЧ) транзитивно, то есть если x ББЧ y и y ББЧ z , то x ББЧ z . Это следует из того, что, если нам нужно понимать значение x , чтобы понять значение y , а знание значения y требуется для понимания значения z , то мы, очевидно, не можем понять значения z без понимания значения x . Отметим, однако, что значения двух разных структур могут быть просто независимыми,

так что ни одно из них не должно быть базиснее другого¹. Например, значения выражений John's leaving surprised everyone 'Отъезд Джона удивил всех' и If anyone screams Mary will faint 'Если кто-нибудь завизжит, Мария потеряет сознание' никак не зависят одно от другого.

Согласно (4б), б-предложения в любом языке — это максимально базисные структуры, имеющие категориальный маркер «предложение»; однако не максимально базисное предложение должно быть отнесено к множеству б-предложений в том случае, когда все более базисные предложения слишком контекстно зависимы (т. е. не выражают «полной мысли»). Смысл последнего условия заключается в устранении случаев, при которых единственными именными группами в б-предложении являются местоимения. Так, во многих языках (но не в английском) имеется спорный случай (Keenan 1972), когда местоименные предложения типа he hit him 'он ударил его' более базисны, чем предложения типа John hit Bill 'Джон ударил Билла'. Сравните, например, выражения (5а) и (5б) из суахили:

(5) а) A- li- m- riga.
Зл ед прош Зл ед ударить
человек человек
подл доп
'Он ударил его'.

б) Juma a- li- m- riga Faru.
Джума он прош его ударить Фару
'Джума ударил Фару'

Предложение (5б) по значению отличается от предложения (5а) лишь тем, что задает более конкретную референцию местоименных элементов. Чтобы определить, например, истинность предложения (5б), мы должны сначала отождествить Джума и Фару как референтов местоименных элементов, а затем определить, что (5а) истинно. Таким образом, мы не можем в действительности понять значение предложе-

¹ Мы можем заметить, однако, что, как правило, значение небазисной структуры будет зависеть от значения конечного (хотя, может быть, и большого) числа других структур. Мы можем принять это число в качестве показателя степени базисности структуры. Тогда всякие две структуры могут сравниваться по базисности на основе нормального отношения «больше или равно». Так, базисность структуры x будет больше или равна базисности структуры y , если и только если степень базисности x больше или равна степени базисности y . Таким способом отношение *более базисное, чем* может быть расширено для применения ко всем структурам в некотором языке. — Прим. автора.

ния (5b), если мы не в состоянии понять значение (5a). Таким образом, предложение (5a), вероятно, базиснее, чем предложение (5b). Тем не менее (5a) «неполно», ибо оно, в сущности, ничего не говорит нам, о ком идет речь. Тогда, по-видимому, никакое полное предложение в суахили не является более базисным, чем (5b) или (5a), так что оба они принадлежат к б-предложениям суахили (хотя вопрос о базисности показателя времени в этом примере требует дальнейшего рассмотрения).

II. 2. Некоторые общие свойства базисных предложений

Хотя механического способа определения множества б-предложений в произвольном языке не существует, это множество, как правило, имеет несколько характерных свойств, благодаря которым мы без особого труда сможем выделить довольно обширный класс относительно базисных предложений.

Так, в общем случае, если значение одной структуры зависит от значения другой, то и форма этой структуры также зависит от формы этой другой. Тогда в общем случае мы ожидаем, что в б-предложениях в максимальной степени обнаружится морфологический и синтаксический потенциал предложений в данном языке. Так, б-предложения будут представлять максимальный диапазон различий времен, наклонений, видов, способов действия и залогов. Они будут наиболее употребительными в различных синтаксических условиях; они будут принимать самый широкий спектр глагольных и сентенциальных модификаторов; они легче поддаются вставлению, присоединению к другим предложениям, номинализации и внутренним изменениям линейного порядка, релятивизации, переводу в вопросительную форму и топикализации, прономинализации и опущению составляющих их компонентов и т. д. В общем и целом б-предложения — это синтаксически «самые простые» предложения. В примере (6) предложение (6a) явно более базисно, чем (6b):

(6) a) Mary doesn't like John anymore.

‘Мария больше не любит Джона’.

b) As for John, Mary doesn't like him anymore.

‘Что касается Джона, то Мария его больше не любит’.

Разумеется, для понимания (6b) нам необходимо знать, что значит Mary doesn't like him anymore, где местоимение

him интерпретируется как относящееся к John. Но это именно то, что нам нужно знать для понимания (6a). Синтаксический критерий принадлежности к б-предложениям предсказывает, что (6a) имеет больший трансформационный потенциал, чем (6b), и это, несомненно, правильно. Так, предложение (6a) поддается номинализации: *Mary's not liking John anymore* 'Нелюбовь Марии к Джону более', а (6b) нет; мы можем расщепить (cleft) составляющую *Mary* в (6a) — *It is Mary who doesn't like John anymore* 'Именно Мария более не любит Джона', но не в (6b) и т. д.

И с семантической точки зрения можно ожидать, что б-предложения будут иметь некоторые характерные свойства. Так, они будут, как правило, структурно однозначны. Причина этого в том, что обычно те операции, которые формируют менее базисные структуры из более базисных, влияют лишь на часть значения менее базисной структуры. А поскольку б-предложения в общем имеют меньше «частей», чем не-базисные, то они предоставляют меньше возможностей смысловой интерпретации, связанной с решением о том, какие части подвергались данной операции.

Рассмотрим, например, английские пассивы. Хотя этот случай не столь очевиден, как проанализированные ранее, мы все же считаем, что пассивы, как правило, менее базисны, чем соответствующие активы. То, что мы должны понять об отношениях между действием и его участниками в пассивном предложении, в своей основе совпадает с тем, что мы должны понять об активном предложении. Но, кроме того, в пассиве мы требуем, чтобы референт дополнения мог отождествляться независимо от агенса (подробнее см. ниже, с. 248—250), т. е. нестрого говоря, пациенс в большей степени является топиком в пассивном, чем в активном предложении. Приняв, что активные предложения более базисны, чем пассивные, мы должны ожидать в соответствии с ранее сделанными утверждениями, что по крайней мере некоторые способы формирования сложных структур из более простых применительно к пассивам породят больше неоднозначностей, чем в случае применения к активам. И это, по-видимому, имеет место. Рассмотрим, например, добавление наречий типа *willingly* 'охотно, добровольно' в (7) (см. обсуждение этого вопроса в *L a s p i k — F i e n g o* 1974).

(7) a) *The police arrested John willingly.*

'Полиция охотно арестовала Джона'.

b) John was arrested by the police willingly.

‘Джон был арестован полицией охотно / добровольно’.

В (7a) нет никакого намека на то, что Джон был добровольным участником происшедшего события. В то же время из (7b) неясно, кто действовал охотно/добровольно — Джон или полиция. Еще один пример, в некоторых отношениях более спорный, касается пар типа:

(8) a) Every boy kissed a girl.

‘Каждый мальчик целовал некоторую девочку’.

b) A girl was kissed by every boy.

‘Некоторая девочка целовалась каждым мальчиком’.

Смысловая неопределенность предложения (8b) представляется мне более очевидной: неясно, обязательно ли это одна и та же девочка или нет. В то же время (8a), как мне кажется, имеет единственное прочтение, при котором не обязательно (хотя и возможно), чтобы это была та же самая девочка. Не всякий, однако, согласится с этими суждениями, а при (удивительном) отсутствии отчетливой предтеоретической интуиции относительно того, что означает утверждение о неоднозначности некоторой структуры, предложенную интерпретацию трудно отстаивать.

Помимо характерного в общем случае отсутствия структурной неоднозначности б-предложения, видимо, имеют другие семантические свойства, более непосредственно отражающие тот факт, что они являются семантически простейшими предложениями. Так, они, как правило, будут повествовательными и утвердительными. Кроме того, во многих случаях не-базисные предложения оказываются семантически более богатыми, чем те базисные предложения, от значения которых они зависят. Заманчива идея, высказанная Т. Гивоном в личной беседе, что б-предложения являются наименее информативными предложениями в естественных языках. Однако я полагаю, что это не всегда верно. Так, имеется некоторый класс операторов, формирующих не-базисные предложения, семантическое действие которых состоит как раз в некотором ослаблении более конкретного значения более базисного предложения. На мой взгляд, предложение John left ‘Джон ушел’ более базисно, чем предложения John didn’t leave ‘Джон не ушел’, John might have left ‘Джон, вероятно, ушел’ и It is possible that John left ‘Возможно, что Джон ушел’. Но последние предложения в некотором интуитивном смысле говорят нам

меньше о том, какова реальность, чем более базисное предложение John left.

Другое проявление семантической «простоты» б-предложений — это их относительная свобода от пресуппозиций. Так, многие из ясных примеров структур с пресуппозициями (см., например, Keenan 1970) — это предложения со вставлением (например, относительных оборотов, дополнений при глаголах типа realize 'понимать', surprise 'удивляться' и т. п.). И вообще, если некоторое предложение содержит вставленное предложение, тогда его значение зависит от значения этого вставленного и, следовательно, это предложение не есть базисное. К несчастью, однако, б-предложения не совсем свободны от пресуппозиций. Использование собственных имен и указательных именных групп в б-предложениях обычно свидетельствует о пресуппозиции, что данная именная группа имеет референт. Однако возможно, что, если исключить специфически лексические пресуппозиции базисных предикатов, пресуппозиции б-предложений могут быть ограничены экзистенциальными утверждениями.

И наконец, еще одна характеристика б-предложений. Не обязательно, чтобы некоторое б-предложение одного языка переводилось как б-предложение другого языка. Базисные предикаты разных языков кодируют несколько разные понятия. Так, например, предложение The president resigned 'Президент ушел в отставку' не даст б-предложения в качестве переводного эквивалента в тех языках, на которых говорят народности, не имеющие политических институтов, обозначаемых терминами president и resign. Вероятно, еще более интересен вопрос, являются ли одинаковыми в разных языках синтаксические типы б-предложений. Это эмпирический вопрос, и ответ на него неясен. Например, в то время как в английском языке пассивные предложения, вероятно, не являются базисными, они по меньшей мере значительно более базисны (см. сноску на с. 241, содержащую объяснение этого более обобщенного использования термина «базисный») во многих малайско-полинезийских языках, таких, как маори, тагальский, малагасийский. В частности, с точки зрения их использования пассивы в этих языках занимают значительно более привилегированное положение, чем в английском.

Далее, синтаксические свойства, которые обязательны в одних языках, могут быть факультативны в других. Это

значит, что они, вероятно, могут не присутствовать в б-предложениях этих языков. Например, в английском языке все предложения, а следовательно, и б-предложения, маркированы по времени/виду. В то же время в индонезийском языке указание на время/вид факультативно. Предложения, в которых такое указание отсутствует, часто выступают в тексте (а также в изолированном употреблении при переводе). Очевидно, б-предложения в индонезийском языке выражают «голые пропозиции», значение которых уточняется при образовании не-базисных предложений путем добавления наречий времени/вида.

II. 3. Характерные свойства базисных подлежащих

Ниже мы предлагаем перечень из 30 свойств, наличие которых характерно для подлежащих (если наличие их вообще характерно для какой-либо именной группы в данном языке). Среди этих свойств имеются прагматические, семантические и синтаксические. Среди синтаксических свойств одни касаются внутреннего устройства отдельного предложения, другие — отношения между б-предложением и некоторой его модификацией. Эти свойства организованы в группы и подгруппы в соответствии с их взаимоотношениями. Внутри подгруппы свойства, по-видимому, зачастую связаны друг с другом (хотя они могут проверяться независимо), но в данный момент мы не можем этого доказать для всех случаев.

Более того, мы оказались не способны выделить какую-либо комбинацию свойств б-подлежащих, которая была бы необходима и достаточна для определения именной группы подлежащего во всяком предложении всякого языка. Разумеется, ни одно из этих свойств не может быть одновременно необходимым и достаточным, и ниже мы продемонстрируем эту их особенность на примерах свойств, которые могут показаться совершенно универсальными.

Таким образом, мы вынуждены прибегнуть к менее надежному способу формулирования определения. Мы будем считать, что именная группа некоторого б-предложения (в некотором языке) является подлежащим этого предложения *в той степени, в какой* она обладает свойствами, содержащимися в приводимом ниже перечне свойств. Если именная группа предложения обнаруживает явное преоб-

ладание свойств подлежащего, она будет называться подлежащим этого предложения. При таком типе определения подлежащие одних б-предложений могут быть более подлежащеподобными, чем подлежащие других, в том смысле, что они обнаруживают более полный комплект свойств подлежащего.

Отметим далее, что при таком способе определения подлежащее не отражает собой единичное измерение лингвистической реальности. Это скорее комплексное понятие или, как мы будем говорить, *многофакторное* понятие. Многие базисные понятия в социальных науках являются многофакторными. Так, интеллект личности есть комбинация следующих способностей (Thurstone 1956): понимания речи, быстроты реакции, манипуляции числами, визуализации плоских объектов в трехмерном пространстве, дедуктивного мышления. Таким образом, интеллект индивидуума характеризуется в различных отношениях и разными градациями. Мы утверждаем, что признак «быть подлежащим» гораздо больше похож на признак «обладать интеллектом», чем на признак «быть простым числом». Факторы, образующие понятие подлежащего, вероятно, совпадают с нашей классификацией свойств, хотя приходится предусмотреть и самый худший вариант, когда каждое из 30 свойств может представлять собой независимый фактор.

II. 3.1. Перечень свойств подлежащего

Ниже мы представим четыре основных класса свойств б-подлежащего. Первый наиболее многочисленный класс свойств охватывает свойства Автономности.

А. Свойства Автономности

1. Независимое существование. Внеязыковой объект, являющийся референтом б-подлежащего, существует независимо от действия или признака, выражаемого предикатом. Такая характеристика в меньшей степени справедлива для референтов не-подлежащих. Так, в выражении *a student wrote a poem* 'студент написал стихотворение' существование стихотворения не является независимым от акта сочинения, тогда как существование студента таковым яв-

ляется. Другие примеры: someone committed a booboо, defined a term, proved a theorem 'кто-то совершил непростительную ошибку, определил термин, доказал теорему' и т. д.

2. Обязательность. Не-подлежащее может быть часто просто опущено из предложения, причем получающееся предложение продолжает оставаться полным. В то же время с б-подлежащим такая операция, как правило, невозможна. Примеры: John hunts lions (for a living), John hunts (for a living), *hunts lions (for a living) 'Джон охотится на львов (чтобы заработать на жизнь), Джон охотится (чтобы заработать на жизнь), *охотится на львов (чтобы заработать на жизнь)'

Оказывается, однако, что в некоторых эргативных языках опущение неидентифицированного подлежащего допустимо*. Таковы языки тонга, эскимосский и тибетский.

Язык тонга (Churchward 1953):

(9) a) Na'e tamate'i 'e Tevita 'a Koliate
убил подл Давид доп Голиаф

'Давид убил Голиафа'.

b) Na'e tamate'i 'a Koliate.

убил доп Голиаф

'Голиафа убили'.

(NB : 'a является показателем как дополнения переходного глагола, так и подлежащего непереходного).

3. Автономность референции. Референт б-подлежащего должен быть определен для слушающего в момент произнесения. Его отождествление не может зависеть от того, какой референт будет у последующей именной группы. Поэтому, если две именные группы в б-предложении связаны общностью референции, именно не-подлежащее становится маркированной (возможно, опущенной) или крайне правой именной группой. Так, в английском мы никогда не скажем He-self₁ admires John₁** 'Он-сам₁ восхищается Джоном₁' вместо John₁ admires himself₁ 'Джон₁ восхищается собой₁', поскольку в первом предложении референт подлежащего не может быть установлен независимо от референта последующей именной группы, а в этом случае подлежащее

* Это утверждение исходит из допущения, что подлежащее в эргативных языках уже определено соответствующим образом.— Прим. ред.

** Помета *i* указывает на тождество референтов соответствующих именных групп.— Прим. перев.

не удовлетворяло бы свойству автономной референции. Отметим, однако, что в языках, где б-подлежащие могут следовать за другими именными группами, иногда (но не всегда) крайне левая именная группа управляет референцией подлежащего. Референт такого подлежащего по-прежнему определим в момент произнесения, поскольку он связан кореферентностью с именной группой, референт которой уже был установлен.

Тагальский язык:

(10) a) *Sinampal ng lalake ang babae.*
 + *pass* ударить *агенси* мужчина *подл* женщина
 'Женщину ударил мужчина'.

b) *Sinampal ng lalake ang kawiyang sarili.*
 + *pass* ударить *агенси* мужчина *подл* оный

сам

'Мужчина ударил себя'.

В тагальском языке подлежащие именные группы, т. е. словосочетания с *ang* (о некоторых проблемах, связанных с понятием «подлежащее» в филиппинских языках, см. Schachter 1976 *), могут свободно предшествовать дополнениям или следовать за ними, когда и те и другие стоят после глагола. Но, если дополнение является определенным (это, в частности, имеет место, когда оно кореферентно подлежащему, а подлежащие в тагальском языке всегда являются определенными), оно должно быть представлено как поверхностное подлежащее. И в этом случае в отличие от обычной схемы подлежащее должно следовать за агентивной составляющей. Таким образом, его референт определим в момент произнесения.

Язык самоа (примеры из Chapin 1970):

(11) a) *Sa sogi e ioane ia lava.*
прош резать *агенси* Джон он *эмф*
 'Джон порезался'**.

b) *Sa sogi ioane ie ia lava.*
прош резать Джон *агенси* он *эмф*
 'Джон порезал себя'.

Также и здесь именная группа, референция которой зависит от референции другой именной группы, стоит на втором ме-

* См. также статью П. Шахтера в наст. сборнике.— *Прим. ред.*

** Перевод примеров (11) не отражает структуры предложений.— *Прим. ред.*

сте. В (11a) эта группа (ia lava), вероятно, является подлежащим, если это предложение стоит в пассиве. Если же в этом случае имеет место эргативная конструкция, тогда ioape является подлежащим, а замене на местоимение подвергается дополнение. Но тогда в (11b) зависимой оказывается именно референция эргативного подлежащего ie ia lava. Однако при любой интерпретации референция б-подлежащего всегда определима в момент произнесения. Фактически нам неизвестен какой-либо ясный контрпример, опровергающий эту закономерность. Итак, *автономность референции* является, вероятно, универсальным обязательным условием б-подлежащности.

Однако такая формулировка этого свойства, как кажется, несколько сужает факты. Во многих языках, в которых подлежащие могут следовать за дополнениями, например в малагасийском, гильбертском, целтале (см. К е е п а п 1974), референция подлежащего не может быть поставлена в зависимость от референции дополнения, несмотря на то что дополнение предшествует подлежащему и свойство автономности референции не было бы этим нарушено.

Малагасийский язык:

- 12) а) Manaja tena Rabe.
уважать себя Рабе
'Рабе уважает себя'.
б) *Manaja an-dRabe tena/ny tena-ny
уважать *акк*-Рабе сам *опр.* сам-оний
арт
'Он-сам уважает Рабе'.

Имеется несколько других свойств подлежащего, которые, очевидно, связаны — более или менее тесно — со свойством автономности референции.

3.1. Б-подлежащие всегда присутствуют (в общем случае не обязательно в каждом предложении) среди возможных контролеров обусловленной кореферентности, как позитивной, так и негативной (см. К е е п а п 1976). В частности:

3.1.1. Б-подлежащие, как правило, могут контролировать возвратные местоимения. А в некоторых языках контроль возвратных местоимений внутри простых предложений осуществляется по большей части лишь подлежащими, например в малагасийском, японском, немецком языках.

3.1.2. Б-подлежащие входят в число возможных контролеров кореферентных опущений и прономинализации. Ср.: (13) a) John_i talked to Bill_j for a while and then he_{i, j} left.

‘Джон_i немного поговорил с Биллом_j, а потом он_{i, j} ушел’.

b) John_i talked to Bill_j for a while and then $\emptyset_{i, j}$ left.

‘Джон_i немного поговорил с Биллом_j, а потом $\emptyset_{i, j}$ ушел’.

3.1.3. Возможные контролеры прономинализации и опущения в тех случаях, когда контроль осуществляется справа налево, включают б-подлежащие. Например,

(14) a) When he_{i, j} got home, John_i talked to Bill_j.

‘Когда он_{i, j} пришел домой, Джон_i поговорил с Биллом_j’.

b) On $\emptyset_{i, j}$ arriving home, John_i talked with Bill_j.

‘ $\emptyset_{i, j}$ придя домой, Джон_i поговорил с Биллом_j’.

3.2. Именные группы, которые управляют индикаторами «переключения референции», включают б-подлежащие. Так, в языках Восточного плоскогорья Новой Гвинеи, равно как и среди многих групп языков американских индейцев, глаголы придаточных предложений будут иметь при себе один из двух аффиксов в зависимости от того, является ли их подлежащее кореферентным или некореферентным с *подлежащим* главного предложения. Мунро в личной беседе предложила следующий пример:

Язык хопи:

(15) Pam pavoti:ta pam mo:titani $\left\{ \begin{array}{l} -q \\ -qa?e \end{array} \right.$
он думает он победить $\left\{ \begin{array}{l} -\text{другое подл.}, \\ -\text{то же самое подл.} \end{array} \right.$
‘Он думает, что он победит’.

Если в глаголе придаточного предложения присутствует суффикс -q, тогда лицо, о победе которого думают, обязательно отлично от лица, которое думает, а если присутствует суффикс -qa?e, тогда это одно и то же лицо (подробнее см. Keenan 1976, Jacobsen 1967, Munro 1974b). Здесь мы хотим лишь указать, что функция контроля переключения референции по большей части ограничивается подлежащими. Отметим, однако, что в языке ангаатага (Новая Гвинея) обнаружены показатели переключения референции, которые зависят не от подлежащего, а от локативной группы (Huisman 1973).

3.3. Если имеются именные группы, которые контролируют глагольное согласование, то в их число входят б-подлежащие (см. утверждение о том, что глагольное согласование есть — по крайней мере исторически — прономинализация, в работе G i v ó p 1976). Отметим далее, что согласование глагола придаточного предложения с именными группами главного ограничивается, по-видимому, подлежащими. Впрочем, это, насколько нам известно, зафиксировано лишь в языках Восточного плоскогорья Новой Гвинеи (примеры см. в K e e n a n 1976).

Поскольку глагольное согласование рассматривается многими как решающее свойство при определении подлежащего, стоит отметить, что это свойство не является необходимым условием б-подлежащности: в очень многих языках глаголы не согласуются ни с какой именной группой. Это, в частности, характерно для языков шведского, сингальского, африкаанс, тай, вьетнамского, китайского, японского, маори, малагасийского и др. Глагольное согласование аналогичным образом не может считаться и достаточным условием б-подлежащности, поскольку во многих языках глаголы согласуются не только с подлежащими, но и с другими именными группами. К таким языкам относятся баскский, чинук, ароси (Меланезия), якалтек (группа майя), капампанган (Филиппины), венгерский, грузинский, блэкфут, мачигуэнга (группа аравак, Перу) и т. д. Отметим далее, что в очень редких случаях глаголы могут согласовываться с дополнениями, но не с подлежащими. Например, в аварском языке, в языке мабуяг (Австралия) и — в очень ограниченной степени — в хинди.

3.4. Б-подлежащие скорее, чем любые другие именные группы, могут вступать в отношения кореферентности через границу главного и придаточного предложений.

3.4.1. Если возвратные (т. е., по существу, анафорические) местоимения в придаточных дополнительных при глаголах мышления могут быть соотнесены с именными группами в главном предложении, то эти местоимения всегда могут выступать в позиции подлежащего в таких дополнительных предложениях.

Язык йоруба:

(16) Ojo₁ go po on₁/ò₁ mi sasa.
 Ojo₁ думает что он₁/он₁ есть умный
 'Ойо думает, что он умный'.

3.4.2. Именные группы, которые могут быть кореферентно опущены в придаточных дополнительных ввиду кореферентности с именными группами главных предложений, всегда включают подлежащие.

Малагасийский язык:

- (17) Nihevitra Rabe₁ fa notadiavin-. dRasoа σ /izy₁.
подумал Рабе₁ что был иском Расоа σ ₁/он₁
'Рабе подумал, что (его) искал Расоа'.

Б-подлежащие входят также в число групп, которые наиболее легко подвергаются кореферентному опущению по правилу «Экви» (Equi-NP-Deletion)*:

- (18) а) John₁ wants σ ₁ to help Fred.
'Джон хочет помочь Фреду'.
б) *John₁ wants Fred₁ to help σ ₁.

'Джон хочет, чтобы Фред₁ помог σ ₁'.

3.4.3. В сложносочиненных предложениях именные группы, которые могут быть кореферентно опущены во втором предложении, включают б-подлежащие:

- (19) а) John₁ went up to Fred₁ and σ ₁ insulted him₁.
'Джон₁ поднялся к Фреду₁ и σ ₁ оскорбил его₁'.
б) *John₁ went up to Fred₁ and he₁ insulted σ ₁.
'Джон₁ поднялся к Фреду₁, и он₁ оскорбил σ ₁'.
в) *John₁ went up to Fred₁ and he₁ insulted σ ₁.
'Джон₁ поднялся к Фреду₁, и он₁ оскорбил σ ₁'.

3.4.4. Именные группы, которые могут быть кореферентно опущены при построении цепочечной глагольной конструкции, как правило, включают б-подлежащие.

Язык акан (пример из Schachter 1974):

- (20) Kofi de aberew₁ σ ₁ gu psum.
'Кофи воздействует-на зерно сыплется воду-в'
'Кофи высыпает зерно в воду'.

3.5. Абсолютная референтность. В подавляющем большинстве случаев истинность б-предложения означает, что имеется некоторая сущность (конкретная или абстрактная), которая соотнесена с б-подлежащим или имеет выражаемое им свойство. Так, предложение John worships the Sun Goddess 'Джон поклоняется богине Солнца', если оно истинно, требует существования некоего лица, обозначенного как

* Правило трансформационной грамматики, осуществляющее опущение подлежащего вставленного инфинитивного оборота, кореферентного ИГ матричного предложения.— *Прим. ред.*

John, но не требует существования Sun Goddess 'богини Солнца' в отличие от предложения The Sun Goddess worships John 'Богиня Солнца поклоняется Джону', где Sun Goddess является подлежащим. Вот другие примеры такого рода: John bought a present for the prime minister, cursed Santa Claus, is talking about the perfect woman 'Джон купил подарок для премьер-министра, обругал Санта Клауса, говорит об идеальной женщине' и т. д.

Даже если подлежащее базисного (или по меньшей мере близкого к базисному) предложения «неопределенно», мы все же обычно предполагаем, что должен существовать некий объект с тем или иным свойством, чего часто нельзя сказать о неопределенных дополнениях. Так, предложение A student owes John a report 'Студент должен дать Джону отчет', если оно истинно, предполагает существование некоего студента, но не отчета. Приведем другие примеры дополнений, не обязательно имеющих референцию: John ordered a beer, painted a pony, resembles an elephant, imitates alchemists... 'Джон заказал пиво, нарисовал пони, похож на слона, подражает алхимикам...'

Однако если высказывания о состоянии погоды являются базисными, что, по-видимому, верно, тогда абсолютная референтность не есть обязательное условие б-подлежаще-подобности, поскольку эти высказывания могут иметь «фиктивные» (т. е. не имеющие референции) подлежащие. Например, it is raining 'идет дождь' и т. д. В большинстве б-предложений проводится различие между объектом, о котором говорится, и некоторым свойством, которым он обладает, или некоторой активностью, к которой он причастен. Но в простых утверждениях о погоде различие между активностью (дождение) и объектом (дождь) представляется незначительным. Поэтому, как правило, если предложение о погоде имеет форму «подлежащее — сказуемое» (оно может состоять и из одного лишь глагола), то либо подлежащее, либо сказуемое будет семантически вырожденным (например, русское *идет дождь*).

3.6. Презумпция референтности. Некоторые операции типа перевода в отрицательную, вопросительную или условную форму (см. ниже) приводят к устранению референтности у именных групп, которые нормально ее имеют. При этом, однако, референтность б-подлежащего в наименьшей степени поддается устранению этими операциями. Так (см. Donnellan 1966), предложение De Gaulle was the king

of France 'Де Голль был королем Франции' предполагает существование короля, тогда как фраза *De Gaulle wasn't the king of France* 'Де Голль не был королем Франции' не имеет такой импликации и может быть использована просто для отрицания того, что у де Голля был такой титул. С другой стороны, *The king of France wasn't de Gaulle* 'Король Франции не был де Голлем', где *the king of France* есть подлежащее, также предполагает существование короля. Аналогичные утверждения имеют силу для пар *Was de Gaulle the king of France?* 'Был ли де Голль королем Франции?' и *Was the king of France de Gaulle?* 'Был ли король Франции де Голлем?'. Перевод в условную форму (L. Н о г п, личное сообщение), по-видимому, оказывает сходное влияние. Так, фраза *If the coup had succeeded de Gaulle would have been the king of France* 'Если бы заговор удался, де Голль был бы королем Франции' не предполагает существование короля Франции, тогда как фраза *If the coup had succeeded the king of France would have been de Gaulle* 'Если бы заговор удался, король Франции был бы де Голлем' это предполагает, и различие между этими двумя предложениями состоит просто в том, что в одном предложении *the king of France* является подлежащим, а в другом — нет.

Отметим, что если б-предложение имеет неопределенное подлежащее, например *A student attacked John* 'Некий студент напал на Джона', тогда при наиболее естественной форме отрицания — *No student attacked John* 'Никакой студент не напал на Джона' — допущение о существовании подлежащего, конечно, не сохраняется. В данный момент для меня не ясно, стоит ли рассматривать такие английские предложения как базисные или нет (см. 3.8). Понимание таких предложений, по-видимому, требует, чтобы мы знали, что значит *there exists a student* 'существует некий студент' или даже *students exist* 'существуют некие студенты', а в этом случае предложения с неопределенными подлежащими, вероятно, не являются базисными.

3.7. Метафорические идиомы. Они часто устраняют референтность или импликацию существования именной группы. И снова из главных групп б-подлежащие в наименьшей степени подвержены утрате референтности. Так, во фразах *The man took the bull by the horns, let the cat out of the bag, has an ace up his sleeve, is looking for a needle in a haystack* 'Этот человек взял быка за рога, проговорился (букв.

“Выпустил кота из сумки”), имеет козырь про запас, ищет иголку в стоге сена’ лишь тап имеет в собственном смысле слова референта. Как правило, если референтность б-подлежащего в идиоме устраняется, то устраняется также референтность других главных именных групп. Например, *the fat’s in the fire, the early bird gets the worm* ‘подлить масла в огонь, ранняя пташка получит червячка’ и т. д.

3.8. Топик. Б-подлежащие обычно являются топиком б-предложения, т. е. они указывают объект, о котором сообщает говорящий. Объект, с которым соотнесено подлежащее, обычно известен как говорящему, так и слушающему и в этом смысле является старой информацией. Если язык имеет специальные показатели топика или старой информации (например, японский, корейский), они наиболее естественно используются при подлежащих.

3.9. «Высоко референтные» именные группы, например личные местоимения, имена собственные и указательные местоимения, всегда могут выступать в качестве подлежащих. В некоторых языках, например в малагасийском, тагальском, руанда, в филиппинских языках и, по-видимому, во многих языках банту, подлежащие б-предложений должны быть определенными. Кроме того, в тагальском языке прямые дополнения должны быть неопределенными. Поэтому невозможность заполнения какой-либо позиции определенными именами свидетельствует о том, что это не есть позиция подлежащего, а невозможность заполнения ее неопределенными именами указывает на то, что она является позицией подлежащего.

3.10. Подлежащее служит наиболее естественной мишенью при трансформациях «продвижения» (*Perlmutter — Postal 1974*). Грубо говоря, если некоторый язык может приписать одной из именных групп предложения позицию, падежное оформление и глагольное согласование, свойственные другой именной группе этого предложения, тогда он может приписать не-подлежащим позицию, падежное оформление и глагольное согласование, свойственное подлежащим группам (и в этом случае мы говорим, что данная именная группа подверглась продвижению в статус подлежащего). Например, пассив в английском языке продвигает прямое дополнение в статус подлежащего. Многие языки, и в частности языки банту (см. *Keenan 1976*), могут продвигать именные группы в статус дополнения. Все языки этого типа могут также продвигать

именные группы в статус подлежащего, тогда как обратное невозможно. Следовательно, подлежащее есть наиболее доступная мишень процессов продвижения (обсуждение этого вопроса см. в статье Д. Джонсона в наст. сборнике).

3.11. Базисные или относительно базисные подлежащие имеют, логически говоря, более широкую область определения, чем не-подлежащие (см. К е е п а н, 1974, где обосновывается связь этого свойства со свойством автономности референции подлежащих). Пусть дано предложение, содержащее глагол *kiss* 'целовать' и две именные группы с кванторами: *every man* 'каждый мужчина' и *a woman* 'некоторая женщина', например, *Every man kissed a woman*. Естественное истолкование этого предложения предполагает, что мы сначала определяем мужчину, к которому приложима ИГ *every man*, и только потом можем определить женщину. Это свидетельствует о том, что *every man* выступает здесь как подлежащее. Но если, напротив, отождествление женщины производится независимо от отождествления мужчины, как это имеет место в предложении *A woman was kissed by every man* 'Некоторая женщина целовалась каждым мужчиной', то это говорит о том, что *a woman* есть подлежащее.

3.12. Б-подлежащие обычно выступают как крайние левые именные группы в б-предложениях. Отметим, однако, что в редких случаях языки имеют жестко фиксированный порядок слов, при котором подлежащее следует за одним или более дополнениями. Таковы языки: малагасийский, целтал (группа майя), мескитал отоми (группа ото-манге, Н е s s 1968), гильбертский (микронезийская группа). Укажем также языки типа валбири (Н а l e 1967), в которых базисный порядок слов, по-видимому, совершенно свободный, и языки типа тагальского, в котором именные группы в б-предложениях выступают в любом порядке, если они все расположены после глагола.

3.13. Именные группы, которые могут подвергнуться релятивизации, замещению вопросительным словом и расщеплению (*cleft*), включают б-подлежащие. В некоторых языках, например в малагасийском, только подлежащие подвергаются релятивизации.

3.14. Именные группы, содержащие посессивную группу, способную подвергаться релятивизации, замещению вопросительным словом и расщеплению, включают б-подлежащие. Например, в тагальском языке, как кажется,

посессивные группы при дополнениях не могут замещаться вопросительными словами, а при подлежащих могут.

3.15. Личное местоимение редко представлено в релятивизируемой позиции, если эта позиция есть позиция б-подлежащего. Поэтому даже если некоторый язык (типа арабского, фиджи или валлийского) обычно использует при релятивизации такие местоимения, как, например, в предложении *The girl that John gave the book to her* букв. 'Девушка, которой Джон дал книгу ей', в нем не будут естественны выражения типа *The girl that she gave the book to John* 'Девушка, которая она дала книгу Джону', вместо которых употребляются предложения вида *The girl that gave the book to John* 'Девушка, которая она дала книгу Джону'.

3.16. Б-подлежащие всегда входят в число тех именных групп языка, которые могут подвергаться трансформации подъема. Например:

(21) а) *John believed Fred to have struck the gatekeeper.*

'Джон считал, что Фред ударил привратника'.

(букв. 'Джон считал Фреда ударить привратника'.)

б) **John believed the gatekeeper Fred to have struck.*

3.17. Подлежащие всегда могут быть выражены морфологически независимыми (возможно, эмфатическими) местоимениями. Эти местоимения могут входить в сочинительные конструкции наравне с полными именными группами.

3.18. Именные группы, которые «отпускают от себя» «свободно» перемещающиеся кванторы (например, *all the boys left* 'все мальчики ушли'/*the boys all left* 'мальчики все ушли'), включают подлежащие (Perlmutter — Postal 1974).

Б. Признаки надежной маркировки

1. Если какие-либо именные группы в данном языке выражаются немаркированным падежом, то в их число обычно входят б-подлежащие непереходных предложений (Greepberg 1966). Исключение: в языке моту (малайско-полинезийская группа, Новая Гвинея — Caroll 1969) маркированы (разными показателями) как переходные, так и непереходные подлежащие, в то же время пере-

ходные дополнения не маркированы. Сходным образом, в некоторых языках группы юман (например, в языке мойве—*Mungo* 1974a) прямые дополнения не маркированы, а переходные и непереходные подлежащие маркированы (определенным показателем).

2. В число именных групп, которые меняют свою маркировку по падежу при каузативизации, входят б-подлежащие.

Малагасийский язык:

(22) а) *Manasa lamba Rasoa.*

стирать одежда + акк Расоа + ном
'Расоа стирает одежду'.

б) *Manpa-nasa lamba an-dRasia Rabe.*

кауз-стирать одежда + акк Расоа + акк Рабе + ном
'Рабе заставляет Расоа стирать одежду'.

3. В число именных групп, которые меняют свою маркировку по падежу при номинализации действия, входят б-подлежащие. Обычно б-подлежащее ставится в посесивный падеж или в неподлежащий агентивный падеж, например:

(23) а) *John swept the floor.*

'Джон подмел пол'.

б) *John's sweeping (of) the floor.*

'Джоново подметание пола'.

в) *The sweeping (of) the floor by John.*

'Подметание пола Джоном'.

В. Семантическая роль

1. Семантическую роль (агенса, экспериенцера и т. д.) референта б-подлежащего можно предсказать по форме главного глагола *. Информация о некоторых семантических категориях, например, одушевленности, обычно также предсказуема, но семантические ограничения на дополнения обычно более специфичны, чем ограничения на подлежащие (*Mogavscik*, личное сообщение).

2.1. Б-подлежащие обычно выражают роль агенса действия, если таковой имеется. Заметим, что это свойство не может быть использовано для идентификации подлежащих тех предложений, в которых агент отсутствует, а

* См. статью Ч. Ли и С. Томпсон в наст. сборнике.— *Прим. ред.*

предложения этого типа образуют многочисленную группу б-предложений языка. Например, John is tall, is in Chicago, is a plumber etc. 'Джон высокий, находится в Чикаго, является водопроводчиком и т. д.' Отметим далее, что в языке дирбал (Австралия) (D i x o n 1972) та именная группа в б-предложениях, которая имеет большую часть референциальных свойств, описанных выше, не выражает агенса (см. работу Кинэна и Комри в наст. сборнике, где этому явлению дается обоснование). Итак, свойство выражать агентивное значение, если таковое имеется, отнюдь не кажется достаточным условием б-подлежащности.

2.2. Подлежащие обычно выражают адресатную составляющую императивов. Отметим, однако, что во многих малайско-полинезийских языках, в частности в маори и малагасийском, императивы часто имеют форму неактивного залога, и адресатная группа, если она присутствует, представлена как агентивное дополнение при пассиве (или ином типе неактивного залога). Например, язык маори (см. H a l e 1968):

(24) Tua-ina te raakau raa (ke te toki).
упасть-пасс то дерево вон-там (этим топором)
'Будь срублено (тобой) это дерево там (этим топором)' ≈
≈ 'Сруби это дерево там (этим топором)'.

2.3. Б-подлежащие обычно имеют ту же позицию, падежное оформление и глагольное согласование, что и именные группы со значением каузатора в наиболее базисном типе каузативного предложения. Однако и здесь следует отметить, что в языках маори и малагасийском каузативы очень легко пассивизируются, так что агенс в них уже не выступает как поверхностное подлежащее.

Малагасийский язык:

(25) a) Mampianatra anglisi an-dRabe aho.
кауз-изучать английский акк-Рабе я
'Я учу Рабе английскому'.
b) Ampiana-ga-ko anglisi Rabe.
кауз-изучать-мной английский Рабе
'Рабе обучается английскому мною'.

Г. Непосредственная доминация

Над б-подлежащим непосредственно доминирует корневой узел S. Определение такого типа дается в «Аспектах»

пример, в языках валбири (Австралия) и тагальском (Филиппины).

3. Во многих языках, относящихся к типу SOV, мало свидетельств в пользу существования глагольной группы (составляющей VP). Например, в турецком, хинди и персидском вопросительные местоимения обычно помещаются в позицию дополнения, даже если выражаемый ими вопрос относится к подлежащей именной группе. В тибетском языке такое размещение, по-видимому, обязательно. Аргументы в пользу того, что в японском языке составляющая VP отсутствует, содержатся в работе H i n d s 1974. Аргументы в пользу того, что наличие составляющей VP ограничено языками типа SVO, приводятся в работе S c h w a r t z 1972.

III. О. ПОЛЕЗНОСТЬ МНОГОФАКТОРНОГО ПОНЯТИЯ «ПОДЛЕЖАЩЕЕ»

Мы полагаем, что, используя перечень свойств подлежащего, можно отождествить б-подлежащее в любом языке. После этого может быть определено полное множество свойств, характеризующих б-подлежащие в данном языке, а тогда можно отождествить подлежащие именные группы небазисных предложений. Хотя этот способ отождествления подлежащих и сложен, он все же позволяет нам проверять универсальные обобщения, сформулированные с использованием понятия подлежащего в начале данной работы.

Многофакторное понятие подлежащего полезно также и в другом аспекте: оно позволяет производить поиск межъязыковых обобщений на основе отношений между свойствами нашего перечня. В частности, значимым представляется следующее обобщение: небазисные подлежащие никогда не могут быть более подлежащеподобными, чем базисные подлежащие. Другими словами, во всяком языке подлежащие небазисных предложений часто не имеют столь же полного комплекта свойств подлежащего, как подлежащие базисных предложений. Одной из причин этого является то, что синтаксически производные подлежащие оказываются, согласно нашим тестам, менее подлежащеподобными, чем б-подлежащие. Так, рассматривая пассивные предложения в английском языке, мы замечаем, что подлежащее в них не выражает агенса, не обязательно имеет

свойство независимого существования (например, предложение *A beer was ordered by John* 'Пиво было заказано Джоном' не предполагает обязательного наличия пива), и управляет возвратными местоимениями с меньшей легкостью, чем это делают б-подлежащие (*? *John was insulted by himself* 'Джон был оскорблен собой'). Отсюда следует, что операции, которые создают производные подлежащие, могут достигать своей цели лишь в большей или меньшей степени.

Таким образом, исходные не-подлежащие одни свойства подлежащих, по-видимому, приобретают труднее, чем другие, и наоборот, некоторые свойства подлежащих с большим трудом теряются теми именными группами, которые утратили свой подлежащий статус. Если бы свойства подлежащего можно было упорядочить с точки зрения трудности их передачи другим именным группам, то мы получили бы еще одно универсальное обобщение, а именно: если некоторая операция, которая выводит сложное предложение из более простого, передает одно из свойств подлежащего некоторой именной группе в произвольном предложении, тогда она обязательно передаст ей и все прочие свойства, которые имеют более высокий ранг в иерархии свойств. Далее, если некоторые трансформации действительно определены как создающие подлежащее (например, в работе *Perlmutter — Postal 1974* авторы стремятся определить пассив как операцию, которая превращает дополнения в подлежащие), тогда каждая такая трансформация могла бы просто помечаться в соответствии с тем, какую часть иерархии свойств подлежащего она может захватить при передаче свойств подлежащего некоторой именной группе. Следовательно, некоторые операции были бы более подлежаще-производящими, чем другие.

Попытка найти эмпирическое подтверждение какому-либо способу упорядочения тридцати с лишним свойств подлежащего выходит, однако, за рамки данной работы. Поэтому мы здесь предложим лишь некую гипотезу относительно частичного упорядочения свойств, а затем представим ряд доказательств в поддержку нашей гипотезы, признавая одновременно, что, поскольку она нуждается в дальнейшей проверке, еще рано говорить об окончательных выводах.

III.1. Иерархия свойств при повышении (promotion) в статус подлежащего (тактика повышения)

Свойства кодирования	>	Свойства поведения и контроля	>	Семантические свойства
позиция > падежная маркировка > глагольное согласование		опущение, передвижение, свойства, связанные с изменением падежа, свойства контроля над связанной референцией и т. д.		агентивность, независимое существование, сочетаемостные ограничения и т. д.

Утверждение, которое можно сделать на основе данной тактики повышения, состоит в следующем: если некоторой именной группе в производном предложении приписывается какой-либо из трех классов подлежащих свойств, тогда ей приписываются свойства и более высоких классов. Что касается самого класса свойств кодирования, можно сказать следующее: если именная группа начинает согласовываться с глаголом так, как это характерно для подлежащего, то она также должна получить падежное оформление и позицию подлежащего, а если она приобретает падежную маркировку подлежащего, то она должна занять его позицию. Следовательно, характерная позиция подлежащих есть свойство, которое легче всего передается производному подлежащему.

Далее, модель тактики повышения дает основания утверждать, что свойства, приписываемые производному подлежащему, могут представлять собой любую начальную цепочку свойств в тактике повышений. Следовательно, производное подлежащее может, например, обнаруживать свойства кодирования и поведение б-подлежащих, но не их семантические свойства. (Именно так часто и обстоит дело. Мы не знаем каких-либо явных случаев, когда производные подлежащие становились бы, например, агенсами. Однако в этом плане прямые и обратные тематические показатели в алгонкинских языках нуждаются в дальнейшем исследовании. См. обсуждение этого вопроса в работе Frantz 1971.) Производное подлежащее может также обнаружи-

вать лишь кодирующие свойства б-подлежащих. Следовательно, производные подлежащие по своему поведению могут быть внешне подобны подлежащим, но если они ведут себя как подлежащие, тогда и внешне они выглядят как подлежащие.

Здесь следует подчеркнуть, что постулируемое нами соотношение между кодирующими и поведенческими свойствами представляет собой лишь гипотезу. Она утверждает, что возможно положение, при котором производное подлежащее имеет позицию и морфологические характеристики б-подлежащего, не обладая при этом характерными для б-подлежащих способами подъема, опущения, релятивизации, контроля над кореферентностью и т. д. Например, языку маори свойственна трансформация, смещающая некоторые типы посессивных слов, то есть притяжательные местоимения, в позицию перед глаголом. Но она применима лишь к активным подлежащим, но не к подлежащим пассивных предложений. В языке якалтек (Craig 1975) некоторые типы трансформации Экви применяются лишь к активным (т. е. базисным) подлежащим и не применяются к подлежащим пассивных предложений. И так далее. Однако приводимые нами свидетельства в пользу этой гипотезы имеют иллюстративный, а не систематический характер (см. Timberlake 1976, где дается более систематическое изложение этой гипотезы на материале северорусских диалектов).

В то же время мы располагаем более весомыми аргументами в пользу предложенного выше упорядочения кодирующих свойств, которое мы, далее, будем называть Иерархией Кодирования.

III.2. Иерархия Кодирования (ИК)

Первое предсказание, которое можно сделать на основе ИК, состоит в том, что некоторые производные «подлежащие» в некоторых языках будут принимать характерную позицию б-подлежащих, но не приобретут характерного падежного оформления и не будут вызывать глагольного согласования.

Одно из подтверждений этого предположения мы находим в древнееврейском языке Библии, где для подлежащего характерны позиция после глагола и немаркированность

падежа и где глагольное согласование происходит по подлежащему. Пассивные предложения, однако, имеют две основные схемы (Steiner, личное сообщение): производное подлежащее имеет либо полный набор кодирующих свойств подлежащего, как в (27a), либо только его позицию при сохранении прежнего падежного оформления, причем глагол ставится в форме 3-го л. ед. ч. м. р., которая ни с чем не согласуется, как показано в (27b).

(27) a) *lɔ-'elle tɛhɔleq*
 среди-этих должна-быть-разделена + ж + 3л + ед +
hɔ-'ɔreʃ. пасс

земля ж + 3л + ед

‘Сим в удел должно разделить землю’ (*Числа, гл. 26, ст. 53*).

b) *bɛ-jɔrɔl yeɬɔleq*
 жребием должен-быть-разделен + м + 3л + ед + пасс
'eθ hɔ-'ɔreʃ.

акк земля + ж + 3л + ед

‘По жребию должно разделить им уделы их’ (*Числа, гл. 26, ст. 56*).

Еще одно подтверждение дает нам язык кимбунду (группа банту, Ангола. По данным Т. Гивона. См. также Chatelain 1888). Базисный порядок слов в кимбунду — SVO. Подлежащие и дополнения не имеют падежной маркировки, и глаголы согласуются только с подлежащими. В пассиве производное подлежащее передвигается в подлежащую позицию, однако глагол с ним вопреки ожиданию не согласуется. Позиция согласователя заполняется морфемой 3 л. мн. ч., класс «человека» (независимо от лица и числа производного подлежащего). Глагол, однако, принимает местоименный показатель прямого дополнения, который согласуется с производным подлежащим. Здесь напрашивается очевидное заключение, что этот тип пассива развился из «безличного» актива типа *they saw John* ‘Джона видели’ через стадию топикализации дополнения, которая дала *John, they saw him* ‘Что касается Джона, то его видели’, и, наконец, введения агенса *John they saw him by me* ‘Что касается Джона, то он был виден мной’. В предложениях (28a) и (28b) представлены соответствующие данные.

Язык кимбунду:

(28) a) *Nga- mopo Nzua.*
 ‘Я видел Джона’.

b) Nga -ти -топо.

Я его видел'

c) Peter na Dick a-топо Nzua.

Петр и Дик они-видели Джона

'Петр и Дик видели Джона'.

d) Nzua a-ти-топо kwa mene

Джон они-его-видели мной

'Джон был увиден мной'.

Этот тип пассива, который, вероятно, характерен для группы западных языков банту (он обнаруживается также в языке лувал, см. Н o r t o n 1949), отличается от суффиксального пассива, характерного для суахили, шона, луганда и других языков.

Третье, и очень интересное свидетельство в пользу нашего предсказания дает язык масаи (нило-сахарские языки; все данные взяты из T u s k e g — M p a a y e i 1955), где базисным порядком слов является VSO, а в пассивах исходное дополнение выступает в позиции непосредственно после глагола, как и следовало ожидать.

Язык масаи:

(29) E-nyer Tinkoi nkishu.

Зл+любит Тинкой скот

'Тинкой любит скот'.

(30) E-rik-i nkishu aainei Imurran.

Зл+вести+пасс скот (посредством) юноши

'Скот ведется юношами'.

Далее, падежным маркером полных именных групп является тон.

(31) a) E-dol embártá.

Зл+видеть лошадь+акк

'Он видит лошадь'.

b) E-dol embartá.

Зл+видеть лошадь+ном

'Лошадь видит его'.

И в пассивных предложениях производное подлежащее сохраняет тон аккумулятива (мы отмечаем тон только там, где он релевантен для изложения).

(32) E-isis-i Sirónkà.

Зл+хвалить+пасс Сиронка+акк

'Сиронка восхваляется'.

Сравните:

(33) A-dol Sirónkà.

Ил+ед+видеть Сиронка

‘Я вижу Сиронку’.

Отметим при этом, что глаголы пассивных предложений в языке масаи являются непереходными и что никакая другая именная группа, кроме производного подлежащего, не обязательна для полноты предложения.

Что касается согласования, то глаголы обычно согласуются лишь с подлежащими. (Отметим, что префиксальное *e-* указывает на согласование либо по 3-му л. ед. ч., либо по 3-му л. мн. ч.) Однако, когда прямое дополнение представлено 1-м или 2-м л. ед. ч., согласующий префикс меняется. Сравните:

- (34) a) *Áa-dol* (nánú).
3л+ед+подл+видеть акк+1л+ед
1л+ед+дон
‘Он видит меня’.
- b) *Á-dol* (nánú).
1л+ед+подл+видеть 1л+ед+ном
‘Я вижу его’.

Таким образом, по глагольным показателям мы можем судить, функционирует ли 1-е или 2-е л. как подлежащее или как дополнение. В пассиве же производное подлежащее, выраженное 1-м или 2-м л. ед. ч., требует глагольного префикса, характерного для 3-го л. подлежащего и 1-го или 2-го л. ед. ч. дополнения.

- (35) *Áa-rik-i*.
3л+ед+подл—1л+ед+дон тошнить+пасс
‘Я испытываю тошноту’.

Следовательно, пассивный глагол в языке масаи, по-видимому, всегда имеет согласовательный показатель 3-го лица подлежащего, напоминая в этом отношении пассив в языке кимбунду, а в тех случаях, когда пассивный глагол согласуется с производным подлежащим (а именно: когда оно выражено 1-м или 2-м л. ед. ч.), он согласуется с ним так, как если бы оно было дополнением. Таким образом, производное подлежащее сохраняет падежную маркировку и согласование дополнения, принимая лишь позицию подлежащего.

Последнее и в некоторых отношениях менее убедительное подтверждение нашей гипотезы мы находим в языках типа латыни и немецкого. Здесь, когда пассив продвигает прямые дополнения в подлежащие, они приобретают полный набор кодирующих свойств. Однако при некоторых глаголах в обоих языках прямое дополнение имеет форму

дativa. И в этих случаях можно было бы утверждать, что, когда глаголы переходят в пассив, дативные группы занимают подлежащую позицию, но сохраняют свой дативный показатель, не влияя на глагольное согласование, — глаголы переводятся в форму 3-го л. ед. ч. (пример из G i l d e r s l e e v e — L o d g e 1913).

(36) *Mihi invidetur (ab aliquo).*

1л + ед + дат завидовать + пасс (кем-то)

‘Мне завидуют’.

Как в личной беседе заметил П. Постал, при анализе этих данных возникает вопрос о том, правомерно ли утверждение, что исходное дополнение занимает позицию подлежащего (ведь оно очевидным образом не принимает ни падежа, ни глагольного согласования подлежащего). Возможно, такого рода предложение лучше анализировать как безличный пассив, в котором прежнее подлежащее понижается в ранге до косвенного падежа, а глагол приобретает пассивную форму, но ничто не продвигается в позицию подлежащего — другие именные группы просто сохраняют свои прежние роли (см. K e e n a n 1975, где обсуждаются безличные пассивы).

Модель тактики повышения можно было бы проинтерпретировать в том смысле, что следует предполагать существование таких языков, в которых подлежащие, понижаемые в иерархии в результате операций типа пассивизации, теряют лишь свою характерную позицию, но не падежную маркировку или глагольное согласование. То есть свойства подлежащего — это свойства, которые труднее всего приобретаются и труднее всего теряются. В данный момент мы имеем сравнительно мало свидетельств в пользу этого утверждения, но есть основание считать, что дальнейший анализ данных из языка масаи мог бы его поддержать. Показательным является следующий пример из языка луисеньо (M u n g o 1974b):

(37) *ʔivi по-паави-ки по-уо ро-лоʔха.*

это мое-платье-нос моя-мать ею-сделано

‘Это платье изготовлено моей матерью’.

В языке луисеньо доминирует порядок SOV с обычно маркированным падежом дополнения. Подлежащее обуславливает такое согласование, которое может реализоваться путем присоединения показателя после первого слова предложения или — в более сложных типах предложений — выступать в виде посессивнообразного аффикса при глаго-

де. Как показывает вышеприведенный пример с пассивом, смещенное подлежащее теряет свою начальную позицию в предложении, но сохраняет форму номинатива и, как оказывается, вызывает некоторого рода посессивное согласование в глаголе. С исторической точки зрения это естественно, поскольку представляется, что пассивы в луйсеньо, по крайней мере пассивы рассматриваемого типа, сходны с пассивами в чемеви (M u n g o 1974b). Здесь рассмотренный пример имеет вид «это платье есть что моя мать изготовила», причем следует ожидать, что «мать» сохраняет форму номинатива и определяет глагольное согласование.

III.3. Второе предсказание, которое можно сделать на основе Иерархии Кодирования, состоит в том, что производные подлежащие в некоторых языках принимают позицию и падеж б-подлежащих, но не имеют глагольного согласования, характерного для б-подлежащих. Хотя в пользу этой гипотезы имеется меньше данных, тем не менее они существуют и являются показательными.

Так, в валлийском языке активные (= базисные) предложения обнаруживают порядок слов VSO. Глаголы согласуются с подлежащими лишь по лицу (с местоименным подлежащим они согласуются также по числу). Полные именные группы как подлежащего, так и дополнения выражаются немаркированным падежом, однако местоименные конструкции для подлежащих и дополнений различаются. В пассивах прежнее дополнение, как и следовало ожидать, выступает в позиции подлежащего и использует номинативную местоименную конструкцию, то есть приобретает падеж б-подлежащих. Но глагол не согласуется с производным подлежащим, а становится морфологически неизменяемым:

(38) a) Gwelir fi.

есть-виден я

‘Я виден’.

b) Gwelir di.

есть-виден ты

‘Ты виден’.

c) Dysgir Cymraeg gap yr athro.

есть-обучаем валлийский агент. don этот учитель

‘Валлийскому обучает учитель’.

Приведем еще один пример в пользу рассматриваемого аспекта ИК. Он касается случаев, когда прежнее подлежащее теряет свою позицию и падежную маркировку, но не

теряет своей способности предопределять глагольное согласование. Характерным в этом отношении является язык капампанган (Филиппины; все данные из Mirikitani 1972). В этом языке при базисном порядке слов глагол занимает начальную позицию, а порядок следования полных именных групп после глаголов, по-видимому, допускает определенную степень свободы, хотя об этом нельзя судить с уверенностью на основании данных Мириkitани (указ. соч.). Поверхностные подлежащие сопровождаются предлогом *ing*, а другие именные группы имеют другие предлоги. Глаголы согласуются с подлежащими в б-предложениях.

(39) *Sumulat ya ng poesia ing lalaki.*
 писать он *доп* стихотворение *подл* мальчик
 'Мальчик напишет стихотворение'.

В пассивных предложениях прежнее дополнение приобретает предлог подлежащего и, как представляется, занимает его позицию (хотя позиция, вероятно, в действительности не является критерием определения подлежащего), а также приобретает способность определять глагольное согласование. Прежнее подлежащее, теряя свою позицию и, что важнее всего, свой предлог, тем не менее сохраняет возможность влиять на глагольное согласование. Следовательно, глагол производного предложения теперь согласуется с двумя именными группами — производным и прежним подлежащим.

(40) *Isulat na ya (-ne) ning lalaki ing poesia.*
 быть-написанным оно он *агнс* мальчик *подл* стихотворение
 'Стихотворение было написано мальчиком'.

Примером другого языка, в котором глагол продолжает согласовываться с прежним подлежащим, является ачехский (L a w l e r 1975).

III.4. Некоторые возможные контрпримеры

Интересный класс примеров, свидетельствующих против предположений Иерархии Кодирования, обнаруживается в связи с возможностью повышения в позицию подлежащего разного типа локативов в языках банту. Рассмотрим примеры (41a) и (41b) из языка чичева (см. Trithart 1975):

(41) a) John a-nathamang-ir-a ku sukulu.

Джон он- побежал + *прям.дон* + *индик* в школу
'Джон побежал в школу'.

b) Ku sukulu ku-nathamang- idw-ir-a- ko
в школу *лок* + побежал + *пасс* + *прям.дон* + *индик* + *лок*
ndi John. *агент.дон* Джон *

Как видно из (41b), производное подлежащее требует глагольного согласования и занимает позицию подлежащего, но сохраняет форму локативного падежа. Если это так, то в данном случае явно нарушается утверждение Иерархии Кодирования. Заметим, однако, что в случае согласования с таким производным подлежащим используется не один из нормальных показателей именных классов, как это имеет место в случае б-подлежащего, а сам локативный показатель. Отсюда следует, что исходная локативная составляющая *ku sukulu* 'в школу' была переинтерпретирована как простая именная группа, причем прежний локативный маркер *ku* теперь интерпретируется как показатель именного класса. Это значит, что глагольное согласование регулярно и подлежащее не имеет более показателя косвенного падежа. Иерархия Кодирования не нарушается. Чтобы определить, имеет ли предложенная интерпретация независимую мотивацию, необходимо дальнейшее исследование.

Второй контрпример дает древнееврейский язык Библии (Steiner, личное сообщение). В то время как схема пассива, представленная выше, в разд. III.2, в общем случае верна (производное подлежащее либо принимает позицию, падеж и согласование б-подлежащего, либо оно принимает лишь одну позицию, сохраняя свой падеж, причем глагол ставится в 3-м л. мн. ч.), имеется незначительное число случаев, когда производное подлежащее остается в аккумулятиве, но требует, однако, глагольного согласования.

(42) We-'eθ hɔ-'ɔh ləfɔpɔw
и + *акк* эта- жаровня + *ж* + *3л* + *ед* перед- ним
məvo'ɔgeθ.

была- зажжена + *ж* + *3л* + *ед* + *пасс*

По-видимому, это свидетельствует о том, что древнееврейский язык на этой стадии анализировал подлежащие пас-

* В русском языке невозможно правильное предложение, которое отражало бы грамматические особенности таких конструкций. В качестве условного перевода можно предложить: 'Школа была побежена-в Джоном'. — *Прим. перев.*

сивных предложений как реальные дополнения. Иногда все поверхностные, то есть кодирующие, свойства приписаны подлежащим, а иногда нет. В подавляющем большинстве случаев (когда не все кодирующие свойства приписаны производным подлежащим) те свойства, которые им приписаны, соответствуют Иерархии Кодирования, но в небольшом числе случаев это не так. (Заметим попутно, что аккузативная именная группа, с которой согласуется глагол в (42), выступает также в начале предложения, а эта позиция, видимо, не была позицией подлежащего в древнееврейском языке Библии.)

Историческим сдвигом описанного типа можно объяснить последний контрпример против Иерархии Кодирования (*В u t l e g*, личное сообщение). Он касается эволюции безличных конструкций в древне- и среднеанглийском языках. Такие конструкции имели главную именную группу в форме датива/аккузатива, и глагол, выступавший в форме 3-го л. ед. ч., с ней не согласовывался. Такие конструкции существовали и несколько позже, в застывших выражениях типа *me-thinks, if you please* и т. п. Один из путей, ведущих к утрате безличных конструкций в современном языке, состоял в переинтерпретации поверхностного датива/аккузатива как подлежащего, замене его номинативом и согласовании с ним глагола. Батлер указывает, однако, что в ходе этой переинтерпретации «конструкции типа приведенной ниже иногда выступали с *think, seem* и *ail*, например: *Me-seem my head doth swim* («Дамон и Пифия» (1571) строка 79)...». Отсюда следует, что в ходе исторической переинтерпретации группы подлежащего могут появиться именные группы, имеющие подлежащую позицию и глагольное согласование, но не имеющие падежной маркировки подлежащего. Однако по тому, что Батлер использует слово «иногда», мы можем заключить, что, как и в древнееврейском языке, это нарушение Иерархии Кодирования не было нормой, но просто отражало нестабильность поверхностной схемы. Тем не менее эта нестабильность ведет к окказиональным нарушениям Иерархии Кодирования и поэтому не может игнорироваться.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались дать определение понятия «подлежащее», которое было бы универсально значимо в том смысле, что оно позволяло бы нам отождествлять подлежащие в

любом предложении всякого языка. Предложенное нами определение хотя и громоздко, тем не менее позволяет подвергать верификации многие универсальные обобщения, сформулированные в терминах этого понятия. Кроме того, оно влечет за собой дальнейшие обобщения, касающиеся универсальных свойств трансформаций субъективизации (перевода в подлежащее).

ЛИТЕРАТУРА

Capell 1969 — Capell A. A Survey of New Guinea Languages. Sydney University Press, Sydney, 1969.

Charin 1970 — Charin P. Samoan Pronominalization. In: «Language», 1970, 46, 346—378.

Chatelain 1888 — Chatelain H. Grammatica Elementar do Kimbundu. Ridgewood, New York, Gregg Press, 1964 (1888).

Chomsky 1965 — Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1965 (русский перевод: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Изд-во МГУ, М., 1972).

Churchward 1953 — Churchward M. Tongan Grammar. Oxford University Press, London, 1953.

Craig 1975 — Craig C. Jacalteco Syntax: a Study of Complex Sentences. Unpublished doctoral dissertation. Harvard University, 1975.

Dixon 1972 — Dixon R. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge University Press, Cambridge, 1972.

Donnellan 1966 — Donnellan K. Reference and Definite Descriptions. In: «Philosophic Review», LXXV, 1966, 3, 281—304.

Frantz 1971 — Frantz D. Toward a Generative Grammar of Blackfoot. Publication of the Summer Institute of Linguistics, 1971.

George 1974 — George L. Ergativity and Relational Grammar. In: «Papers from the 5th Meeting of the New England Linguistic Society», 1974.

Gildersleeve — Lodge 1913 — Gildersleeve B., Lodge G. Latin Grammar. 3rd ed. MacMillan and Co., London, 1913.

Givón 1976 — Givón T. Topic, Pronoun, and Grammatical Agreement. In: «Subject and Topic», Ch. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976.

Greenberg 1966 — Greenberg J. Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements. In: «Universals of Language», J. Greenberg (ed.), MIT Press, Cambridge (Mass.), 1966, 73—113 (русский перевод см. в сб. «Новое в лингвистике», вып. V, «Прогресс», М., 1970, с. 114—162).

Hale 1967 — Hale K. Preliminary Remarks on Walbiry Grammar. Manuscript, MIT Linguistics Department, 1967.

Hess 1968 — Hess H. The Syntactic Structure of Mesquital-Otomi. Mouton, The Hague-Paris, 1968.

Hinds 1974 — Hinds Y. On the Status of the VP node in Japanese. Indiana University Linguistics Club. Bloomington, Indiana, 1974.

Horton 1949 — Horton A. A Grammar of Luvale. Witwatersrand University Press, Johannesburg, 1949.

Huismán 1973 — Huismán R. Angaataha Verb Morphology. In: «Linguistics», 1973, 110, 43—54.

Hyde 1971 — Hyde V. An Introduction to the Luiseño Language. Malki Museum Press, 1971.

Jacobsen 1967 — Jacobsen W. Switch-reference in Hokan-Coahuiltecan. In: «Studies in Southwestern ethnolinguistics», D. Hymes (ed.), Mouton, The Hague-Paris, 1967.

Johnson 1974 — Johnson D. Prepaper on Relational Constraints on Grammar. Unpublished manuscript. Mathematical Sciences Department. T. Y. Watson Research Center, IBM, Yorktown Heights, New York, 1974.

Keenan 1970 — Keenan E. Two Kinds of Presupposition in Natural Language. In: «Studies in Linguistic semantics», Ch. Fillmore, D. Langendoen (eds.), Holt, Rinehart and Winston, 1970.

Keenan 1972 — Keenan E. On Semantically Based Grammar. In: «Linguistic Inquiry», III, 1972, 4, 413—461.

Keenan 1974 — Keenan E. The Functional Principles. In: «Papers from the 10th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society», Chicago, 1974.

Keenan 1975 — Keenan E. Some Universals of Passive in Relational Grammar. In: «Papers from the 11th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society», Chicago, 1975.

Keenan 1976 — Keenan E. The Logical Diversity of Natural Languages. Annals of the New York Academy of Sciences, vol. 280, 1976.

Keenan—Comrie 1972 — Keenan E., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar. In: «Paper Presented at the 47th Annual Meeting of the LSA», Atlanta, 1972, dec. 27—29.

Keenan—Comrie 1977—Keenan E., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar (см. наст. сб., с. 111—165).

Lasnik—Fiengo 1974 — Lasnik M., Fiengo R. Complement Object Deletion. In: «Linguistic Inquiry», 1974, 4, 535—573.

Lawler 1975 — Lawler J. On Coming to Terms in Achenese: the Function of Verbal Disagreement. In: «Functionalism», Chicago Linguistic Society Publication, 1975.

Mirikitani 1972 — Mirikitani L. Kapampangan Syntax. In: «Oceanic linguistics publication», 1972, 10.

Munro 1974a — Munro P. Topics in Mojave Syntax. Doctoral dissertation, University of California, San Diego, 1974.

Munro 1974b — Munro P. Imperatives, Passives and Perfectives in Chemhueri. In: «Paper presented at the American Anthropological Association Meeting», Mexico City, Mexico, 1974.

Perlmutter—Postal 1974 — Perlmutter D., Postal P. Linguistic Institute Lectures. University of Massachusetts, 1974.

Schachter 1974 — Schachter P. A Non-transformational Account of Serial Verbs. In: «Studies in African Linguistics», Supplement 5, 1974.

Schachter 1976 — Schachter P. The Subject in Philippine Languages: Topic, Actor, Actor-Topic, or None of the Above. In: «Subject and Topic», Ch. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976.

Schwartz 1972 — Schwartz A. The VP-constituent of SVO Languages. In: «Syntax and Semantics», vol. 1, J. Kimball (ed.), Academic Press, New York, 1972, 213—235.

Thurstone 1956 — Thurstone T. G. The Test of Memory Mental Abilities. In: «Personnel and Guidance Journal», 1956, 35.

Timberlake 1976 — Timberlake A. Subject Properties in the North Russian Passive. In: «Subject and Topic» Ch. Li. (ed.), Academic Press, New York, 1976.

Trithart 1975 — Trithart L. Relational Grammar and Chichewa Subjectivization Rules. In: «Papers from the 11th Chicago Linguistic Society Meeting», University of Chicago, Chicago, 1975.

Tucker—Mpaayei 1955—Tucker A. N., Mpaayei J. A Maasai Grammar. In: «Publications of the African Institute of Leydon», № 11, Longmans Green and Co, London, 1955.

**ДАННОЕ, КОНТРАСТИВНОСТЬ, ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ,
ПОДЛЕЖАЩЕЕ, ТОПИКИ И ТОЧКА ЗРЕНИЯ**

Имя в предложении играет или потенциально может играть много ролей. Например, в соответствии с традиционной классификацией ролей такого рода имя Бетти в предложении *Betty peeled the onions* 'Бетти почистила луковицы' может быть охарактеризовано как выполняющее одновременно функции грамматического (или поверхностного) субъекта, логического субъекта и психологического субъекта (напр., *Н о r n b у* 1972). Чтобы продемонстрировать независимость этих трех ролей друг от друга, обычно указывают, что в предложении *The onions were peeled by Betty* 'Луковицы были почищены Бетти' *Betty* остается логическим субъектом, тогда как остальные две роли выполняет слово *the onions*. Наконец, в предложении *The onions, Betty peeled* 'Луковицы, Бетти их почистила' психологический субъект выражается словом *the onions*, а логический и грамматический переходят к слову *Betty*.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что в этой классификации, как и в большинстве традиционных классификаций, имеется ряд недостатков или по меньшей мере некоторые важные факторы оказываются в ней неучтенными. Кроме того, ряд терминов используется для обозначения близких или частично сходных явлений. К ним относятся термины «тема», «эмфаза», «фокус» и т. п., а также те, что перечислены в заглавии данной статьи. В статье делается попытка упорядочить некоторые из факторов, в особенности содержательных, имеющих отношение к упомянутым явлениям. Моя цель состоит не в том, чтобы

Wallace L. *C h a f e*. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View.— In: «Subject and Topic», Ch. N. LI (ed.), Academic Press, New York, 1976, pp. 27—55.

дать окончательные ответы на все вопросы, а скорее в том, чтобы хоть немного прояснить все усиливающуюся путаницу, а также указать возможные перспективные направления исследований как в области языка, так и в области психологии.

Речь будет идти о различных статусах, которые может иметь имя. Одним из таких статусов может быть, например, его функциональная роль в глагольной рамке; то, что после работы Филлмора (Fillmore 1968) принято называть глубинной падежной ролью. Этот статус нас интересовать не будет, хотя он, видимо, вступает в многообразные связи со статусами, рассматриваемыми далее. Например, употребление наряду с термином «агенса» термина «логический субъект» свидетельствует о том, что связи между подлежащим и агентивным статусами каким-то образом осознаются. Однако падежные статусы связаны в первую очередь с содержанием того, о чем говорится, — с «мыслительной функцией» языка, как ее называет Хэллидей (Halliday 1970). Что же касается статусов, которые будут рассматриваться здесь, то они относятся скорее к способу передачи содержания, чем к самому содержанию. В частности, все они связаны с тем, как говорящий оценивает способность слушающего понять то, что говорится, на основании определенного контекста. Человеческое сознание хранит огромный запас знаний, и в каждый данный момент оно находится в определенном состоянии относительно этих знаний. Например, человек может «думать» о некоторой небольшой их части. Язык эффективно функционирует лишь тогда, когда говорящий учитывает наличие в сознании слушающего состояний такого рода. Только тогда, когда говорящий приспособливает то, что он говорит, к тому, о чем, по его мнению, слушающий в данный момент думает, сообщение будет понято без помех. Эта статья, таким образом, будет посвящена некоторым способам, с помощью которых говорящий приспособливает свою речь к текущему состоянию сознания слушающего, а не к его энциклопедическим знаниям. Несмотря на это, обсуждаемые здесь явления в значительной мере зависят и от представлений, касающихся энциклопедических знаний, поэтому одна из задач состоит в том, чтобы установить, какого рода связи при этом возникают. По отношению к обсуждаемым здесь явлениям я использую термин упаковка, имея в виду, что эти явления в первую очередь

связаны со способом передачи сообщения и лишь потом с сообщением как таковым, так же, например, как упаковка зубной пасты может оказывать воздействие на ее сбыт отчасти независимо от качества самой пасты.

Итак, мы исходим из того, что к «упаковочным» явлениям, релевантным для имен, относятся следующие: (а) имя может быть данным или новым, (б) оно может быть фокусом контраста, (в) оно может быть определенным или неопределенным, (г) оно может быть подлежащим предложения, (д) оно может быть топиком предложения и (е) оно может представлять индивидуума, чью точку зрения говорящий разделяет или чью сторону он принимает. Я не предлагаю считать этот перечень полным. Однако я не включил в него такие статусы, как родовое и неспецифическое (с последним связана, например, неоднозначность такого предложения, как *I want to buy a book* 'Я хочу купить книгу'), поскольку, хотя эти статусы и связаны каким-то образом с определенностью, они скорее относятся к содержанию, чем к упаковке. Я также не включил сюда термины *тема* и *эмфаза*, так как нахожу их излишними; в лучшем случае они представляют собой лишь другие наименования для рассматриваемых явлений. С другой стороны, то, что мы ограничиваемся рассмотрением именных статусов,— простая условность. Некоторые из этих статусов, в первую очередь данное и контрастивность, могут быть с успехом применены и при анализе глаголов. Я ограничиваюсь именами в чисто иллюстративных целях; кроме того, этот принцип объединяет все статьи данного сборника*.

Строго говоря, речь здесь будет идти не о статусах имен, а о статусах их референтов. Не вдаваясь в философские тонкости, я буду считать, что референтом является то представление, для выражения которого используется имя. В число объектов, присутствующих в нашем сознании в момент речи, входят представления о конкретных сущностях и событиях. Для выражения этих представлений выбираются определенные слова. Например, имея в виду некоторого человека, можно выразить свое представление о нем в одном случае назвав его *Боб*, в другом — *парень, у которого*

* Речь идет о сборнике «Subject and Topic», из которого взята данная статья (см. ссылку на с. 277 наст. сборника).— *Прим. ред.*

я купил лодку, в третьем — *он* или еще как-то. Именно к этому постоянному представлению о сущности, а не к словам-переменным могут относиться один или несколько из перечисленных выше статусов. Если я, не уточняя, буду говорить, что некоторое имя имеет статус *данного*, то в действительности я буду иметь в виду, что этот статус имеется у представления, выраженного соответствующим именем.

При определении именного статуса или статусов учитываются факторы, относящиеся к двум обширным классам явлений. В соответствии с современной модой эти факторы следовало бы назвать синтаксическими и содержательными. Так, статус подлежащего иногда может быть установлен на основе поверхностных падежных окончаний (например, имя выступает в форме именительного падежа) и/или на основе того факта, что с этим именем согласуется глагол (например, в лице, числе и/или роде). Подобные факторы можно назвать синтаксическими. Но можно также считать, что подлежащее выполняет некоторую содержательную функцию. Последняя точка зрения, пожалуй, самая распространенная в современной лингвистике. Ясно только одно: синтаксические аргументы или по крайней мере некоторые из них легче поддаются классификации и вызывают меньше споров. Содержательные аргументы заводят нас в трясину неопределенности, из которой психологические эксперименты пока еще не указали удачного выхода.

Здесь я сосредоточу свое внимание в основном на содержательных факторах, полагая при этом, что необходимой предпосылкой для окончательного решения обсуждаемых проблем является подход, при котором функционирование языка описывалось бы как результат взаимодействия лингвистических и психологических факторов. Далее, я попытаюсь сделать первые шаги в этом направлении, выдвигая различные гипотезы, часть которых имеет эмпирическое обоснование, другие — почти целиком умозрительны, а также намечая те аспекты, которые желательно было бы представлять отчетливее для того, чтобы дать более завершённый анализ рассматриваемых явлений. Если иногда мои утверждения покажутся читателю более категоричными, чем следовало бы, то причина этого — мое желание способствовать развитию дальнейших исследований в данной области.

Я рассмотрю по очереди каждый из шести статусов, перечисленных в заглавии. Насколько это окажется возможным, изложение будет строиться по следующему плану. Прежде всего рассматривается содержательная функция статуса. На мой взгляд, эта часть во всех случаях самая существенная; именно по поводу высказываемых в ней соображений я хотел бы встретить согласие или возражения. Затем будут кратко изложены способы выражения статуса в английском, а также, возможно, в некоторых других языках. Я не предполагаю давать исчерпывающий анализ явлений конкретных языков, и эта часть будет несколько схематичной и неровной; возможно, слишком большое внимание будет уделено тем немногим языкам, с которыми я знаком непосредственно. Затем, поскольку большинство статусов учитывают предположения говорящего о текущем состоянии сознания слушающего, некоторое внимание уделяется тому, каким образом возникают эти предположения. В некоторых случаях (см., например, *Определенность*) рассматривается ряд интересных и разнообразных факторов; в других самое большее, что удастся сделать, — это указать на необходимость дальнейших исследований. Затем в большинстве случаев я касаюсь вопроса о том, как долго сохраняется статус в связном тексте. Как правило, приходится признать, что об этом известно очень мало. Наконец, для некоторых статусов приводится один или несколько ярких примеров из лингвистической или психологической литературы, где этот статус смешивается с одним или даже несколькими другими статусами.

ДАННОЕ

Что это такое? Ключом для понимания этого статуса служит понятие сознания (S h a f e 1974). Данная (или старая) информация — это то знание, которое, по предположению говорящего, находится в сознании слушающего в момент произнесения высказывания. Так называемая новая информация — это то, что, по предположению говорящего, он вносит своим высказыванием в сознание слушающего. Эта терминология вводила и продолжает вводить в заблуждение использующих ее лингвистов и психологов. Называя нечто «старой информацией», мы как бы даем понять, что это «то, о чем слушающий, по-видимому, уже знает», а «новая

информация» — «то, чего слушающий, по-видимому, еще не знает», нечто, что впервые вводится в фонд знаний слушающего (см. *N a v i l a n d — C l a r k 1974*). Но человек, произносящий *I saw your father yesterday* 'Вчера я видел вашего отца', вряд ли предполагает, что слушающий не располагает информацией о своем отце, хотя в соответствии с общепринятыми критериями *your father* будет считаться новой информацией. Все дело здесь в том, что говорящий не предполагает, что слушающий думает о своем отце в момент речи. Более точно передали бы это различие термины вроде «ранее введенный» и «только что введенный», однако они неудобны; нам, видимо, придется удовольствоваться терминами «данное» (или «старое») и «новое».

Предложенная выше характеристика почти целиком основана на данных интроспекции, которая, как я полагаю, должна играть ведущую роль в изучении таких объектов, как сознание. Но, безусловно, совершенно необходимо искать и экспериментально подтверждаемые связи между статусом данного и сознанием. Психология до сих пор занималась в основном патологическими состояниями сознания, а не теми основополагающими проявлениями, которые рассматриваются здесь.

Как выражается данное? Главное проявление категории данного/нового в английском, а возможно, и во всех других языках, состоит в том, что данное сообщается в более слабой и смягченной форме, чем новое. Это ослабление выражается, видимо, в двух основных формах: данное произносится более низким тоном и с более слабым ударением, чем новое, и, кроме того, может подвергаться прономинализации. В английском языке данное, по-видимому, во всех случаях произносится низким тоном и со слабым ударением, если только оно не имеет контрастивного значения (см. ниже). С другой стороны, новая информация не всегда произносится высоким тоном и с сильным ударением. В целом в английском языке сильное произношение более характерно для имен, сообщающих новую информацию, чем для глаголов, но правила распределения «нового» тона и ударения достаточно сложны (о предварительной попытке разрешить эту проблему см. *Ch a f e 1974, 114—116*). Что касается прономинализации, то она применима лишь к единицам, сообщающим данную информацию, однако существует тенденция не применять ее, когда говорящий осознает, что в результате прономинализации может воз-

никнуть неоднозначность, т. е. в том случае, когда имеются две или более единиц, в равной степени способных выступать в качестве антецедента местоимения. Таким образом, говорящему приходится организовывать свою речь не только в соответствии с тем, как он представляет себе состояние сознания слушающего, но и в соответствии с возможностями слушающего правильно интерпретировать референты местоимений. Говорящие часто нарушают оба эти принципа. Для выражения противопоставления данного/нового некоторые языки используют также частицы. Наиболее известный пример — японские частицы *wa* (данное) и *ga* (новое) (см., например, К и п о 1972).

Каким образом устанавливается статус данного? Говорящий может предполагать, что нечто присутствует в сознании слушающего благодаря экстралингвистическому или лингвистическому контексту. На основе экстралингвистического контекста говорящий может считать, что и он сам, и слушающий одинаково воспринимают и тем самым одинаково осознают некий объект окружающей действительности. Если, например, говорящий видит, что слушающий разглядывает картину, висящую у него на стене, он может без всякого вступления заявить: *I bought it last week* 'Я купил ее на прошлой неделе', где понятие картины считается данным и поэтому произношение характеризуется низким тоном и слабым ударением, само же понятие выражается местоимением *it* 'ее'. Тот факт, что и говорящий, и слушающий обычно рассматриваются как данное и заменяются соответственно местоимениями *I* и *you*, основан на аналогичных соображениях: говорящий осознает присутствие слушающего, а слушающий — присутствие говорящего. Предположение говорящего, что некий референт имеется в сознании слушающего, основывается, как правило, на том, что этот референт был ранее упомянут: *I'd like to show you a painting (new). I bought it (given) last week* 'Я бы хотел показать вам картину (новое). Я купил ее (данное) на прошлой неделе'. Данным может быть не только тот же самый, но и любой другой референт, который принадлежит к той же категории: *There was a small earthquake (new) last night. I felt one (given) last year at about the same time* 'Прошлой ночью произошло небольшое землетрясение (новое). В прошлом году приблизительно в это же время я тоже чувствовал землетрясение (данное)'. Полагаю, это происходит потому, что одна из функций

категоризации некоего явления (в данном случае категоризации определенного опыта как землетрясения или небольшого землетрясения) состоит в том, чтобы интерпретировать это явление как эквивалентное другим явлениям, относящимся к той же категории. Следовательно, как только одно из таких явлений становится данным, данными становятся и все остальные. Интересно отметить, что выражения с родовым значением также могут обозначать данное: I bought a painting (*new*) last week. I really like paintings (*generic and given*) 'На прошлой неделе я купил картину (*новое*). Я очень люблю живопись (*родовое наименование и данное*)' (более подробно см. об этом Chafe 1974, 122—127).

Как долго сохраняется статус данного? Одно из бесспорных свойств сознания состоит в том, что его объем крайне ограничен. Как только в сознании появляются новые представления, старые вытесняются. Следовательно, говорящий должен перестать обращаться с понятием как с данным, когда он сочтет, что этого понятия в сознании слушающего больше нет. Принять такое решение бывает довольно сложно, и как раз в этом отношении говорящие особенно склонны ошибаться, употребляя, например, местоимение *he* 'он', когда слушающий уже больше не думает о соответствующем референте. Возможно, именно здесь подойдет введенное Хэллидеем (Halliday 1967) понятие «восстановимость» (*recoverability*), а именно: даже если слушающий и перестал думать о референте местоимения *he* 'он', этот референт тем не менее может быть легко найден в памяти и восстановлен в сознании слушающего. В этом случае никаких серьезных затруднений в процессе коммуникации не возникает. Тем не менее важно помнить, что данное — это статус, устанавливаемый говорящим, и что существенно предположение говорящего о наличии соответствующего представления в сознании слушающего, а не о возможности его восстановления. Если оказалось необходимым восстановление, значит, в процессе коммуникации произошел хотя бы небольшой сбой.

Систематического изучения заслуживает вопрос о том, что заставляет говорящего считать, что понятие не входит больше в сознание слушающего (Chafe 1974, 127—132). Было бы нетрудно проанализировать с этой точки зрения магнитофонную запись естественной речи и посмотреть, к примеру, в какой момент нечто, принимавшееся ранее

за данное, начинает затем рассматриваться как новое. Один несомненный фактор — это количество промежуточных предложений, в которых рассматриваемое понятие не упоминалось; однако более важным может оказаться влияние таких границ внутри текста, как переход к новой ситуации, в результате чего в сознание слушающего вводится целый набор новых понятий, которые, видимо, вытесняют при этом старые. Можно было бы исследовать, как влияют подобные границы на мнение говорящего о состоянии сознания слушающего и, следовательно, на то, считает ли слушающий некоторые референты данными или новыми.

Случаи смешений. Статус данного/нового часто смешивался с другими именованными статусами. Некоторые примеры будут приведены ниже при обсуждении других статусов. Здесь я упомяну только о понятии коммуникативного динамизма (КД), исследование которого связано с трудами чехословацких лингвистов. Согласно определению Фирбаса (F i r b a s 1966, 270), «под степенью КД, который присущ элементу предложения, мы понимаем тот вклад, который этот элемент вносит в развитие коммуникации, ту степень, в которой он, так сказать, продвигает коммуникацию вперед». Хотя эта характеристика несколько неопределенна, из примеров, приводимых чешскими лингвистами, становится ясно, что КД имеет больше общего со статусом данного/нового, чем с каким-либо другим из обсуждаемых ниже статусов. При этом интересно, что КД определяется как степень, а не как бинарное противопоставление. Если отождествить низкую степень КД с данным, а высокую с новым, то возникает вопрос, имеются ли промежуточные степени данного и нового. Отсюда следует, что говорящий должен считать нечто находящимся в сознании слушающего в большей или меньшей степени. Если бы такой факт действительно был установлен, это имело бы важное значение для психологии. Однако в настоящий момент следует отметить, что примеры, которые приводятся чешскими лингвистами в защиту ступенчатого характера данного противопоставления, неубедительны и что лингвистические данные не дают оснований считать противопоставление данного/нового не дискретным бинарным противопоставлением, а каким-либо иным.

КОНТРАСТИВНОСТЬ

Что это такое? Возьмем в качестве примера контрастного предложения следующее: *Rónald made the hamburgers* 'Сэндвичи приготовил Рональд', где знак ударения отмечает, что самый высокий тон и самое сильное ударение падают на ударный слог слова *Rónald* (при этом остальная часть предложения произносится низким тоном). Такое предложение передает имеющуюся у говорящего информацию о том, что именно Рональд, а не кто-то другой из возможных кандидатов, которых слушающий, быть может, имел в виду, выполнил соответствующее действие. Здесь существенны три фактора. Первый фактор — это осведомленность говорящего, которую, как он полагает, разделяет с ним слушающий, о том, что сэндвичи кем-то приготовлены. Я буду называть это фоновым знанием. Означает ли «осведомленность» присутствие в сознании? Другими словами, должно ли фоновое знание быть данным? Безусловно, можно представить себе ситуацию, когда используется контрастное предложение и при этом нет никаких причин полагать, что в момент произнесения этого предложения слушающий думает о соответствующем факте. Например, Шерлок Холмс, возможно, провел в размышлениях целый вечер, прежде чем воскликнуть *The bútler did it* 'Это сделал дворецкий', что должно было немало удивить Уотсона, который был целиком поглощен своей книгой. Они оба знали, что это (чем бы это ни было) кто-то сделал, но Холмс не имел никаких оснований считать, что эта информация присутствует в сознании Уотсона в данный момент. Тем не менее Холмс, безусловно, повел себя так, как будто эта информация являлась данным, как будто Уотсон думал на эту тему, хотя в действительности он об этом не думал. Таким образом, фоновое знание может быть либо данным, либо «квазиданным»; в последнем случае говорящий лишь делает вид, что нечто является данным.

Вторым фактором, имеющим значение для контрастных предложений, является набор возможных кандидатов. Говоря *Rónald made the hamburgers* 'Сэндвичи приготовил Рональд', говорящий явно предполагает, что слушающий по крайней мере учитывает и другую возможность, а быть может, действительно считает одного или нескольких других кандидатов подходящими для этой роли. Во многих случаях, произнося контрастное предложение, го-

ворящий на самом деле вступает в противоречие с имеющимся у слушающего представлением (например, возможно, слушающий считает, что сэндвичи приготовила Салли), но это не имеет значения. Релевантно, по-видимому, лишь предположение говорящего о том, что в сознании слушающего имеется ограниченное число кандидатов (причем неважно, может ли на самом деле слушающий всех их перечислить). Число кандидатов может быть равно одному, может быть и большим, но когда оно неограниченно, предложение перестает быть контрастивным. Болинджер как-то заметил (B o l i n g e r 1961, 87), что «в широком смысле каждый семантический пик контрастивен. Конечно, в отдельном предложении Let's have a picnic 'Давайте устроим пикник' не содержится специального противопоставления пикника званому обеду, однако здесь имеется противопоставление пикника какому-то другому возможному занятию данной компании. Когда круг альтернатив сужается, мы приближаемся к тому, что мы считаем контрастивным акцентом». Это замечание сводится к тому, что число альтернатив может колебаться от одной до бесконечности и что мы скорее склонны считать предложение контрастивным, когда число альтернатив уменьшается. Я, напротив, отдаю предпочтение точке зрения, что контрастивные предложения качественно отличаются от тех, которые просто сообщают новую информацию, выбранную из неограниченного числа возможностей.

Третьим, существенным для контрастивности фактором является утверждение о том, какой из кандидатов должен быть выбран, и в этом, безусловно, заключается основная функция контрастивного предложения. Приведенное выше в качестве примера предложение, по существу, означает: 'Я полагаю, что ты полагаешь, что некто приготовил сэндвичи, что ты имеешь в виду ограниченный набор кандидатов на эту роль (возможно, одного), и я говорю, что этот некто — Рональд, а не кто-либо другой'. Эту модель *mutatis mutandis* имеют все контрастивные предложения. Назовем утверждаемую альтернативу (в данном случае это Рональд) фокусом контраста. В качестве эмпирического правила определения контрастивности предложения можно применить следующий тест: проверить, допустимо ли добавить после фокуса выражения *rather than (instead of, not)...* 'скорее чем (а не, не)'. Возникает вопрос, сообщает ли фокус новую информацию. Мне бы

хотелось показать, что фокус не сообщает или, во всяком случае, не обязательно должен сообщать новую информацию в том смысле, в каком мы охарактеризовали это понятие выше. Говорящий вполне может считать, что слушающий уже думает о Рональде или как о возможном кандидате на данную роль, или в какой-либо другой связи. Поэтому, в частности, фокусом контраста могут быть местоимения: *Hé did it* 'Это сделал он', *I did it* 'Это сделал я'. Очевидно, что единицы, обозначающие данное (включая и прономинализованные элементы), могут стать интонационным центром предложения лишь тогда, когда они являются фокусом контраста. Далее в связи с множественными фокусами будет приведено еще одно соображение в пользу разграничения контрастивного фокуса и новой информации. Противопоставление данного/нового, применимое к неконтрастивным предложениям, в контрастивных предложениях роли почти не играет: фоновое знание (кто-то приготовил сэндвичи), видимо, должно быть по меньшей мере квазиданным, набор возможных кандидатов может включать как данные, так и новые понятия, да и сам фокус контраста может быть как данным, так и новым. Контрастивное предложение выражает лишь то, что некоторая находящаяся в фокусе единица является более подходящей, чем какая-либо другая, однако это нельзя считать новой информацией в том смысле, что какой-то референт только что введен в сознание слушающего.

Предложение может иметь более одного фокуса контраста: *Rónald made the hámburgers* 'Рональд приготовил сэндвичи'. В данном случае утверждается одновременно выбор пары кандидатов на соответствующие роли. То есть если в данной конкретной ситуации мы будем рассматривать возможные сочетания агентов и пациенсов при глаголе *make* 'приготовить', то одно из подходящих сочетаний (как утверждает говорящий) будет Рональд и сэндвичи. Возможно, *Sálli made the sálad, but Rónald made the hámburgers* 'Салли приготовила салат, а Рональд приготовил сэндвичи'. Предложения с таким двойным контрастом достаточно распространены, но можно, хотя и с некоторым усилием, вообразить ситуацию, в которой будет уместен даже тройной контраст: *Sáally pícked the lét-tuce, but Rónald bóught the méat* 'Салли сорвала салат, а Рональд купил мясо'.

Как выражается контрастивность? Основное средство

выражения фокуса контраста — более высокий тон и более сильное ударение. Поэтому часто бывает трудно или даже невозможно на основании одних лишь фонетических данных отличить контраст от новой информации. Тем не менее на предложениях с множественным фокусом можно продемонстрировать, что контрастивная интонация иногда фонетически отличается от интонации новой информации, что противоречит следующему утверждению Болинджера (B o l i n g e r 1961, 87): «Насколько мы можем судить по поведению тона, особых средств для выражения контрастивности нет» (ср. C h a f e 1974, 118—119). Представьте себе такую последовательность предложений (вопрос и ответ):

(1) What happened at the meeting?

‘Что произошло на собрании?’

(2) They elected Alice président.

‘Алису избрали президентом’.

Во втором предложении новую информацию передает, видимо, вся предикатная группа, в результате чего все входящие в состав этой группы имена (но не глагол) произносятся высоким тоном. Однако ясно, что высокий тон на слове Alice в данном случае фонетически отличается (или может отличаться) от тона на этом же слове в предложении:

(3) They elected Henry treasurer and they elected Alice président.

‘Генри избрали казначеем, а Алису избрали президентом’.

В последнем случае Alice и president являются фокусами двойного контраста. Henry и treasurer могут быть, а могут и не быть контрастивными, вполне возможно, что они передают здесь просто новую информацию. Когда слово Alice просто передает новую информацию (как в примере (2)), оно обычно произносится с легким понижением тона на втором слоге. Но когда Alice обозначает фокус контраста (как в примере (3)), тон должен резко падать. Разница между интонацией нового и контрастивной интонацией проявляется, по-видимому, только тогда, когда за одним контрастивным фокусом непосредственно следует другой (как в примере (3)). Когда в предложении только один фокус контраста, интонация в любом случае понижается, нейтрализуя различие. Вот почему предложение Ronald made the hamburgers ‘Рональд приготовил сэндвичи’ не-

однозначно и может пониматься как в контрастивном значении, так и в неконтрастивном (как сообщение новой информации). С другой стороны, верно также и то, что высокий тон на контрастивном фокусе часто бывает выше (а ударение сильнее), чем тогда, когда слово просто выражает новую информацию. Возможно, это усиление, характерное для контрастивного фокуса, является результатом повышенной эмоциональности произнесения, которая, по-видимому, сопровождает контрастивность.

Следует отметить, что контрастивные предложения, как правило, внешне неотличимы от ответов на частно-вопросительные предложения (так называемые WH-вопросы) в тех случаях, когда эти ответы выступают в форме полных предложений. Так, предложение *Ronald made the hamburgers* 'Рональд приготовил сэндвичи' не обязательно должно быть контрастивным, оно вполне может служить ответом на вопрос *Who made the hamburgers?* 'Кто приготовил сэндвичи?'. Однако у контрастивного предложения другой контекст и другая цель, и совпадение его поверхностной формы с формой ответа на WH-вопрос не может считаться показателем тождества этих двух функций. В этом случае может также иметься интонационное различие между предложением-ответом на два склеенных WH-вопроса и предложением с двумя фокусами контраста. При ответе на вопрос *Who did they elect what?* 'Кого кем избрали?' (в предположении, что обсуждалась только одна должность), ответ *They elected Alice president* 'Алису избрали президентом' не обязательно имеет одинаковую понижающуюся интонацию на обоих словах, тогда как в предложении с двойным контрастом *They elected Alice president* 'Алису избрали президентом' это, как указывалось выше, обязательно.

В качестве дополнительного способа выражения контрастивности используются так называемые расщепленные предложения, как в примере *It was Ronald who made the hamburgers* 'Сэндвичи приготовил именно Рональд'. Этот термин употреблял Есперсен, который писал (J e s p e r s e n 1961, 147—148): «Расщепление предложений с помощью слов *it is*, за которыми часто следует относительное местоимение или союз, служит для выделения из предложения определенного элемента и очень часто, привлекая внимание к этому элементу и помещая его, так сказать, в фокус, позволяет маркировать контраст». Псевдорасщепленные

предложения, такие, как *The one who made the hamburgers was Ronald* 'Тот, кто приготовил сэндвичи,— Рональд', выполняют явно ту же роль. Таким образом, английский язык располагает тремя способами построения контрастивных предложений, в которых Рональд будет фокусом контраста (включая сюда и предложения типа *Ronald made the hamburgers* 'Сэндвичи приготовил Рональд'). (Далее при обсуждении топиков будет указан еще и четвертый способ.) Мы пока не располагаем удовлетворительным ответом на вопрос, почему говорящий избирает тот, а не иной из перечисленных трех способов. Я предлагаю следующие соображения на этот счет. Предложение *Ronald made the hamburgers* 'Сэндвичи приготовил Рональд' наиболее приемлемо в тех случаях, когда оно повторяет синтаксическую структуру предшествующего предложения, произнесенного другим собеседником, например *Sally made the hamburgers* 'Салли приготовила сэндвичи'. Когда такое повторение представляется не слишком важным, употребляются расщепленные предложения, которые предоставляют возможность переместить фокус вправо, так что он перестанет быть начальным элементом предложения. Таким образом, возможно, существует тенденция помещать не только новую информацию, но и фокус контраста ближе к концу предложения. Псевдорасщепленные предложения, безусловно, реализуют эту тенденцию в полной мере.

Итак, мы видели, что контрастивность выражается интонацией, ударением и в какой-то степени порядком слов. В некоторых языках, где роль данного передается главным образом через глагольное согласование, функция независимых местоимений сводится в основном к передаче фокуса контраста. Например, в языке сенека и вообще в ирокезских языках референт первого лица выражается обычно только префиксом глагола. Однако в сенека существует и отдельное местоимение *i'* 'я', которое регулярно выступает в предложениях типа

(4) *i' opopb'tá' kyéthwas.*

я картофель я-посадил

'Я посадил карто́фель'.

Контекст здесь мог бы быть таким: "Другие могут сажать что-нибудь другое, а..." Это, несомненно, контрастивная функция. Таким же образом употребляются, как правило, и независимые местоимения других лиц и родов.

Употребление японских частиц *wa* и *ga*, очевидно, является примером того, как одно и то же средство иногда несколько запутанно передает и противопоставление данного/нового, и контрастивность. Помимо использования для обозначения данного, *wa* выступает в значении фокуса контраста, как в примере *Ame wa hutte imasu ga, yuki wa hutte imasen* 'Дождь идет, а снег — нёт' (К и п о 1972, 271). С другой стороны, согласно Куно, *ga* тоже может выражать контрастивность в тех случаях, когда фокус контраста представляет собой «исчерпывающее перечисление»: *John ga baka desu* '(Из всех обсуждаемых лиц) Джон, и только Джон, глуп/глуп именно Джон'. Такое использование *ga* для обозначения «исчерпывающего фокуса контраста» является, возможно, специфической особенностью японского языка, не имеющей соответствия в английском.

Как устанавливается статус контрастивности и как долго он сохраняется? Неясно, важны ли эти вопросы для контрастивности в такой же степени, как для данного и других рассматриваемых далее статусов. Тем не менее контексты, в которых используются контрастивные предложения, безусловно, заслуживают дальнейшего изучения. Моя главная цель здесь состояла в том, чтобы указать на отличие контрастивности от других статусов и специально подчеркнуть, что статус *фокуса контраста* не совпадает со статусом *нового*.

Смещение статуса контрастивности со статусом данного/нового. Существует неудачная традиция как среди лингвистов, так и среди психологов приводить в качестве примеров с новой информацией примеры с фокусами контраста. Так, Хэллидей (Halliday 1970, 163) рассматривает предложение с двойным контрастом как типичный пример предложения с новой информацией: *This gazebo can't have been built by Wren* 'Этот бельведер Рен не мог построить'. *This* и *can't* в этом предложении, конечно, являются фокусами контраста. В данном случае неизвестно, да и не имеет значения, несут ли они новую информацию в том же смысле, в каком *Harry* в предложении *I just saw Harry* 'Я только что видел Гарри', произнося которое, я не предполагаю, что вы думаете о Гарри в данный момент. Кларк и Хэвиленд (Clark — Haviland (in press)) также начинают обсуждение противопоставления данного/нового с примера *It was Percival who piqued the professor*

‘Раздражение профессора вызвал именно Пёрсивал’. На примере этого предложения они обсуждают главным образом контрастивность, но настойчиво используют при этом термины *данное* и *новое*. И это не отдельные примеры, случаи такого смешения очень распространены.

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Что это такое? Чтобы понять роль в языке так называемой определенности, необходимо осознать, что большинство представлений об отдельных объектах передается с помощью процесса категоризации (см., например, *В г о w п* 1958). Так, например, имея в виду определенное существо, я, быть может, буду склонен отнести его к такой категории, что это заставит меня назвать его *a dog* ‘собака’ (*неопр.*) или *the dog* ‘собака’ (*опр.*). Существует, вероятно, неограниченное множество объектов, которые я мог бы отнести к той же категории. Поэтому для ситуации общения представляет интерес, думаю ли я, что вы уже знаете и можете отождествить тот референт, который я имею в виду. Если я думаю, что вы сумеете это сделать, то сообщу соответствующей единице статус определенного. Предположение в этом случае состоит не только в том, что «я полагаю, что вам известен данный референт», но и в том, что «я полагаю, что из всех референтов, которые могут быть отнесены к данной категории, вы можете выбрать тот, который я имею в виду». Таким образом, *отождествимое* было бы более удачным термином, чем определенное, но здесь мы опять связаны традиционной терминологией.

Как выражается определенность? В английском и, разумеется, в ряде других языков определенный статус выражается на поверхностном уровне в явном виде — в виде определенного артикля. Другие языки придают данному статусу меньшее значение в поверхностной структуре, не выражая его вовсе или выражая в сочетании с некоторыми другими признаками, как, например, в указательных местоимениях китайского или латинского языков. Статус определенности входит в значение таких слов, как *this* ‘этот’ и *that* ‘тот’, но эти слова обозначают также и причину, в силу которой говорящий считает слушающего способным отождествить референт; эта причина — близость к говорящему или к данной точке текста, удален-

ность от того или другого и т. п. С другой стороны, в некоторых языках (в новогреческом, в ряде немецких диалектов) определенный артикль употребляется не только с именами нарицательными, но и с именами собственными (подобно английскому определенному артиклю в географических названиях типа the Azores 'Азорские острова'). Собственные имена в некотором смысле определены по определению, поскольку они являются непосредственными наименованиями конкретных референтов. В тагальском языке определенность выражается в поверхностной структуре другим способом — посредством глагольного согласования (S c h a c h t e r 1976).

Как устанавливается определенность? Существует ряд факторов, которые могут привести говорящего к предположению, что слушающий способен отождествить референт, о котором идет речь (ср., например, K a r t t u p e n 1968, S h a f e 1972). Перечислю кратко известные мне факторы. Для некоторых категорий существует либо уникальный референт, либо референт, уникальный в данной ситуации, как, например, Земля, Луна, небо и т. п. Хотя у других планет тоже имеются «луны», в большинстве контекстов говорящий может считать, что слушающий вполне разберется, какая луна имеется в виду. На Юпитере вопрос Which moon? 'Какая луна?', вероятно, был бы более осмыслен. Хотя уникального представителя всей категории в целом и не существует, для данного контекста зачастую все же может быть выделен некоторый представитель. Находясь в аудитории, я могу сказать the blackboard 'доска' (с определенным артиклем) и т. п., вполне рассчитывая, что референт будет отождествлен. Аналогичная ситуация может иметь место в пределах определенной социальной группы, например, в семье. Избитым примером такого рода может служить предложение Did you feed the dog? 'Ты накормил собаку?', где людям, которых это касается, нетрудно определить, какая собака имеется в виду. Наиболее очевидный способ определенности — упоминание референта в предшествующем тексте. Чтобы ввести новый референт, я буду вынужден сказать нечто вроде I received an odd letter this morning 'Сегодня утром я получил странное письмо', но после этого я буду говорить the letter 'письмо' (с определенным артиклем), полагая, что в таком лингвистически заданном контексте вы сумеете отождествить референт. Там, где трудно рассчитывать

на отождествление референта имени самого по себе, используются определения, создающие ad hoc такие категории, с помощью которых может быть осуществлено это отождествление. Например, если бы я сказал в некоторой ситуации: *This morning I ran into the mechanic* 'Сегодня утром я заехал к механику', меня могли бы не понять, так как мне не следовало предполагать, что слушающему известно, о каком механике идет речь, тогда как я мог достичь цели, сказав: *This morning I ran into the mechanic with the red beard* 'Сегодня утром я заехал к рыжебородому механику', или *the mechanic who fixed our carburetor last week* 'к механику, который на прошлой неделе ремонтировал наш карбюратор'. Особый интерес представляют случаи, в которых одна деталь влечет за собой другую, так что, сказав *I looked at a new house yesterday* 'Вчера я осматривал новый дом', я могу продолжить: *The kitchen was extra large* 'Кухня была очень большая', поскольку естественно ожидать, что в домах бывают кухни. Подобные выводы могут связывать не только имена с именами, но и имена с глаголами. Поскольку в определенном акте купли-продажи участвуют определенные деньги, постольку, сказав *I sold my bike yesterday* 'Вчера я продал мой велосипед', я могу продолжить так: *I wonder what I'll do with the money?* 'Как же мне распорядиться деньгами?'

Как долго сохраняется определенность? На с. 13 книги А. Кестлера «Дело жабы-повитухи» («*The case of the midwife toad*») есть предложение *One of his (Paul Kammerer's) pockets contained a letter addressed „to the person who finds my body“* 'В одном из его (Пола Каммерера) карманов было письмо, адресованное „тому, кто найдет мое тело“'. Далее это письмо не упоминается вплоть до с. 118, где мы находим предложение, начинающееся словами: *As far as we know he wrote four farewell letters (apart from the note „to the person who will find my body“)*... 'Насколько мы знаем, он написал четыре прощальных письма (не считая записки, адресованной „тому, кто найдет мое тело“)'... Таким образом, предполагается, что с помощью цитаты из письма читатель сумеет отождествить это письмо, и отсюда мы можем сделать вывод, что статус определенности сохранялся для рассматриваемого референта на протяжении 105 страниц. Возможно, здесь имеет значение тот факт, что большинство этих промежуточных страниц являются возвращением к прошлому и содержат описание событий,

которые привели к самоубийству Каммерера, а также то, что лишь в начале и в конце книги речь идет собственно об обстоятельствах самоубийства. Именно таким образом связаны между собой эпизоды на с. 118 и на с. 13. Во всяком случае, похоже, что ответы на вопросы о том, сколь долго сохраняется определенность и данное, очень отличаются друг от друга, и что факторы, аналогичные ограниченности объема сознания, здесь ни при чем. Наиболее важным фактором является, по-видимому, контекст или ситуация: определенность может сохраняться неограниченно долго, если событийный контекст, в котором референт употребляется вновь, достаточно узок, чтобы гарантировать отождествление данного референта. Тем не менее бывают случаи, когда нечто, получившее ранее определенный статус, вновь вводится затем как неопределенное: *I bought a car yesterday. It's the one I told you about* 'Я купил вчера машину. Это та, о которой я вам говорил'. Вероятно, машина считалась определенной в предшествовавшем разговоре, но в последнем предложении она вводится заново и считается неопределенной. Как и в случае данного, было бы полезно исследовать большие и самые разнообразные образцы естественной речи, чтобы выявить, в каких условиях вновь вводимый референт сохраняет, а в каких теряет свою определенность.

Хэвиленд и Кларк (H a v i l a n d — C l a r k 1974) описывают эксперимент, в котором испытуемым предлагалось в качестве контекста предложение *We got some beer out of the trunk* 'Мы достали из багажника пиво', после чего им предъявлялось контрольное предложение *The beer was warm* 'Пиво было теплым'. Испытуемых просили нажать кнопку, как только они почувствуют, что поняли контрольное предложение. Другим испытуемым в качестве контекста давалось предложение *We checked the picnic supplies* 'Мы попробовали припасы, предназначенные для пикника', за которым следовало то же самое контрольное предложение *The beer was warm* 'Пиво было теплым'. Во втором случае контрольное предложение понималось медленнее, чем в первом. Здесь, безусловно, сказывается влияние статуса данного. В первом случае, когда пиво было упомянуто в предшествующем предложении, оно действительно является в контрольном предложении данным, и можно ожидать, что испытуемые, если бы их попросили прочитать контрольное предложение

вслух, произносили бы слово *пиво* с низким тоном. (В действительности, если бы у испытуемых был выбор, они скорее всего, предпочли бы заменить это слово местоимением *it* 'оно'.) Во втором случае, когда пиво не было упомянуто в предшествующем предложении, в контрольном предложении оно не является данным, и можно ожидать, что при чтении это слово будет произнесено с высоким тоном (и, конечно, не будет заменено на местоимение).

Однако совершенно неизвестно, является ли именно это различие причиной более продолжительного времени реакции во втором случае, так как определенность референта, выраженного словом *пиво* имеет в двух контрольных предложениях разные основания. В первом случае этот референт эксплицитно вводился с помощью слов *some beer* 'пиво', и именно поэтому говорящий вправе считать, что слушающий сумеет определить, о каком пиве идет речь в контрольном предложении. С другой стороны, во втором случае отождествление представляется возможным потому, что упоминание о припасах для пикника позволяет сделать предположение о наличии пива (во всяком случае, так рассуждает говорящий). Таким образом, есть основания предполагать, что необходимость дополнительного времени для понимания предложения во втором случае объясняется тем, что в поисках референта слова *the beer* 'пиво' слушающий должен перебрать все следствия, вытекающие из употребления выражения *the picnic supplies* 'припасы, предназначенные для пикника', а не тем, что ему требуется некоторое время на установление референта в сознании. И действительно, из обсуждения этого эксперимента Кларком и Хэвиленд следует, что они скорее мыслят в терминах обеспечения определенности, чем в терминах данного. Они говорят о построении слушающим «структуры-мостика», а в работе Clark — Haviland (in press) говорится, что, «когда слушающий не может найти прямой антецедент, он обычно бывает в состоянии сформировать косвенный антецедент, устанавливая логическую связь с тем, что ему уже известно». Несомненно, речь здесь идет об обеспечении определенности одного объекта на основании знания о другом объекте. Обнаружение того, что такой процесс требует времени, представляет собой значительный интерес, но это не процесс введения в сознание новой информации. Насколько мне известно, в настоящий момент не существует свиде-

тельств того, что противопоставление данного/нового связано с какими-то временными параметрами.

Между статусами данного и определенного, безусловно, существует взаимодействие. В частности, неопределенность и новое часто сочетаются друг с другом, поскольку неопределенные объекты также не являются и данными, как, например, последняя именная группа в предложении *I just saw a funny looking bird* 'Я только что видел забавную птицу'. Причина очевидна: когда предполагается, что слушающий не в состоянии отождествить референт, мало вероятно, чтобы этот референт уже присутствовал в его сознании. В действительности единственно возможные кандидаты на роль единиц, одновременно неопределенных и данных, выступают в контекстах типа следующего:

(5) *I saw an eagle this morning.*

'Сегодня утром я видел орла'.

(6) *Sally saw one too.*

'Салли тоже видела орла'.

Интерес здесь представляет референт, выраженный словом *one* 'один' в предложении (6). Он, несомненно, является данным, поскольку имеет низкий тон и выражен местоимением. Однако референт слова *one* 'один' отличен от референта слова *eagle* 'орел' в примере (5), и данным он является только потому, что выражаемые этими словами понятия относятся к одной и той же категории (см. выше обсуждение того, как устанавливается статус данного). Таким образом, видимо, можно сказать, что неопределенность предполагает новое, за исключением тех случаев, когда неопределенный референт отличен от референта, который обеспечил ему статус данного.

Напротив, ничто не препятствует референтам, имеющим определенный статус, быть как данными, так и новыми. Определенность и данное часто выступают вместе, например, в таких ситуациях, когда, сказав *I hired a carpenter yesterday* 'Я нанял вчера плотника', я могу далее называть его *he* 'он' или *the carpenter* 'плотник' (с определенным артиклем), обращаясь с ним в обоих случаях как с данным. Но, конечно, достаточно обычны и предложения типа *I talked with the carpenter yesterday* 'Вчера я разговаривал с плотником', где референт слова *плотник* является одновременно и определенным, и новым. В таких случаях определенность обеспечивается не непосредственным пред-

шествующим упоминанием, что создавало бы заодно и статус данного, а некоторым другим способом. Но мы уже видели, что существует много других факторов, обеспечивающих определенность. Подводя итоги, можно сделать вывод, что из четырех возможных комбинаций достаточно естественны три: неопределенное и новое, определенное и новое, определенное и данное. Четвертая комбинация, неопределенное и данное, встречается лишь тогда, когда рассматриваемый референт отличен от референта, который обеспечил статус данного.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Что это такое? Существует все еще широко распространенная точка зрения, что статус имени, выступающего в роли подлежащего, понятие сугубо синтаксическое, имеющее в лучшем случае лишь косвенное отношение к содержанию. Мне кажется априори маловероятным, чтобы статус, имеющий такое значение для английского и многих других языков, не выполнял бы в языке никакой другой функции, кроме чисто условной и поверхностной. Едва ли правильно, хотя бы с методологической точки зрения, отвергать возможность того, что статус подлежащего играет важную содержательную роль, прежде чем эта возможность будет тщательно изучена. С другой стороны, не следует удивляться, обнаружив, что эта роль на протяжении истории некоторого языка часто смешивалась с другими ролями. Более того, могло бы оказаться (и в некоторых языках, кажется, так оно и есть), что статус поверхностного подлежащего не связан сколько-нибудь последовательно с каким-то одним содержательным статусом. Однако в английском языке эта связь представляется мне более последовательной, чем обычно считается.

Насколько я сейчас могу судить, лучший способ охарактеризовать функцию подлежащего немногим отличается от того, как это делает восходящее к античности утверждение, что подлежащее — это то, о чем мы говорим (см. S a n d t a n 1954, где содержится представительный обзор всего того, что было высказано по поводу подлежащего). Знания человека, помимо всего прочего, состоят, судя по всему, из большого числа смысловых единиц, представляющих собой наши знания об отдельных лицах и событиях. И о каждом из этих объектов известно нечто опреде-

ленное. Быть может, было бы удобно считать, что знание о некотором объекте связано с другими фрагментами наших знаний с помощью стрелок или что это знание является представлением, которое активизируется в связи с данным объектом. Возможно также, что справедливы обе точки зрения. Но в любом случае похоже, что один из основных, а возможно, и единственный способ сообщения нового знания, состоит в том, чтобы, приняв некоторый объект за исходную точку, сообщить слушающему дополнительную информацию об этом объекте. Например, в предложениях *John broke his arm yesterday* 'Джон вчера сломал руку' или *John got knocked over by a bicycle yesterday* 'Джон вчера был сбит велосипедом'. В обоих случаях *John* принимается за исходную точку и о нем сообщается новая информация. Таким образом, основной результат восприятия данных предложений состоит в добавлении нового знания к тому, что слушающий уже знает о Джоне. Конечно, при этом слушающий узнает нечто и о руке Джона, и о каком-то велосипеде, но, возможно, такая дополнительная информация извлекается из основного смысла этих предложений лишь во вторую очередь. Данные предложения «упаковывают» информацию таким образом, что она сообщается как информация о Джоне. Как только упаковка раскрыта, внутри могут быть обнаружены и другие вещи, но прежде всего открывается доступ к информации, прямо связанной с подлежащим.

Такую гипотезу о функционировании подлежащих можно было бы назвать гипотезой «добавления информации». Она, как представляется, имеет некоторые следствия, допускающие экспериментальную проверку. Например, если знания, полученные в результате прослушивания предложения, подвергнуть вскоре после этого проверке, можно ожидать, что ответы на вопросы, касающиеся подлежащих, будут даны быстрее, чем ответы на вопросы о других элементах предложения. Из предложения извлекается именно информация о подлежащем — информация о других единицах должна быть каким-то образом вычислена. Перфетти и Голдман (*Perfetti — Goldman 1974*) недавно провели несколько иной эксперимент, который, как представляется, имеет отношение к делу. Они построили несколько пар небольших текстов по следующему принципу: в одном из текстов некоторый референт упоминается часто, а другой — редко, во втором тексте — на-

оборот. Имеется, например, пара текстов о псевдоисторических событиях в Польше в XVII веке, в одном из которых часто упоминаются крепостные и редко некий барон. В другом тексте барон упоминается часто, а крепостные редко. Последнее предложение каждого текста было: The serfs rebelled against the baron 'Крепостные восстали против барона'. Затем исследовалась способность каждого из слов (*крепостные* и *барон*) служить в качестве подсказки для восстановления этого заключительного предложения. Как и следовало ожидать, когда в предшествующем тексте речь шла главным образом о крепостных, это слово оказывалось более эффективным средством для восстановления предложения, чем слово *барон*. Однако здесь интересны результаты, полученные в эксперименте с текстом, в котором речь идет главным образом о бароне. В этом случае эффективность обоих слов как средств восстановления предложения была одинаковой. Слово *крепостные* является подлежащим контрольного предложения, и полученные результаты показывают, что подлежащее оказывается чрезвычайно эффективным средством восстановления того предложения, в которое оно входит, даже тогда, когда в предшествующем контексте речь шла главным образом о чем-то другом, т. е. решающим оказывалось то, что данно предложение касалось крепостных. Для аналогичных исследований можно было бы построить тексты, в которых два слова употребляются с одинаковой частотой, но при этом одно всегда является подлежащим, а другое никогда им не является. Согласно защищаемой здесь гипотезе, информация о единице, выступающей в форме подлежащего, должна быть более доступна. Представляется, что экспериментальные исследования свойств подлежащих, хотя они уже начаты в ряде работ, упомянутых в ссылках к данной статье, могут быть продолжены в новых и интересных направлениях.

Как выражается статус подлежащего? В ряде статей данного сборника способам выражения подлежащего в различных языках уделяется большое внимание. Я добавлю лишь несколько наблюдений из языков дакота и сенека, которые имеют значение для гипотезы о том, что статус подлежащего так или иначе учитывается всеми языками. Различные исследования недвусмысленно демонстрируют тот факт, что языки значительно отличаются друг от друга с точки зрения эксплицитности выражения

данного статуса на поверхностном уровне. Английский и некоторые другие европейские языки находятся, видимо, на том полюсе, где статус подлежащего играет решающую синтаксическую роль. На другом полюсе находятся языки типа дакота, в котором такой важный поверхностный показатель, как глагольное согласование, определяется скорее статусом падежа, чем статусом подлежащего. Так, префикс глагола wa- (примеры взяты из диалекта лакота (тетон)) используется для согласования с 1-м лицом ед. ч. а г е н с а, например, walówā 'Я пел' и thiýópa he warátitā 'Я толкнул дверь'. Префикс tã- используется для согласования с 1-м лицом единственного числа пациенса (или иногда бенефактива), например, tãrátitā 'Он толкнул меня', tãkhúže 'Я болен' или tãhíxraue 'Я упал'. На этих примерах видно, что подлежащее (судя по крайней мере по переводу) иногда передается через показатель wa-, иногда через tã-, поскольку эти глагольные префиксы выражают скорее противопоставление агенса-пациенса, чем статус подлежащего.

Тем не менее дакота и другие языки подобного типа, по-видимому, выражают статус подлежащего другими способами. Одним из этих способов является, очевидно, порядок слов, который в дакота на первый взгляд производит впечатление довольно «свободного». Примером могут служить следующие два предложения:

(7) Šúka he thaló.he yúte.

Собака-эта мясо-это съела.

(8) Thaló he šúka he yúte.

Мясо-это собака-эта съела

Исследование контекстов и реакции информантов дает основание предположить, что первое слово в каждом из этих предложений является подлежащим в том смысле, что именно о нем сообщается дополнительная информация. Если это так, то наиболее точным английским переводом будет предложение The dog ate the meat 'Собака съела мясо' для примера (7) и предложение The meat was eaten by the dog 'Мясо было съедено собакой' для примера (8), хотя в дакота и нет пассивной конструкции как таковой. Буквальный перевод предложения (8) The meat, the dog ate 'Мясо, собака его съела' неправилен, так как подобное предложение в английском языке обязательно контрастивно (см. ниже), тогда как в дакота контрастивность здесь вовсе не обязательна. Наблюдение над просодией предложения в

дакота подтверждает вывод о том, что первая главная единица имеет особый статус (видимо, статус подлежащего), поскольку за этой единицей часто следует специальная пауза или интонационная граница.

Другим свидетельством в пользу существования в дакота подлежащих служит союз *yǫkhǎ*, который выступает как эквивалент английского союза *and* 'и' в том случае, когда подлежащее второго из сочиняемых предложений отличается от подлежащего первого:

- (9) *Ínǎwapha yǫkhǎ wíchǎša wǎ thǎkál nǎžĩ.*
я вышел и человек-некоторый снаружи стоял
'Я вышел, а снаружи стоял какой-то человек'.

Интересный пример такого сочинения приводят Боас и Делориа (*Boas—Deloria* 1939, 144):

- (10) *Thaté hiyú yǫkhǎ čhaxóta woblu iyéye?*
Ветер налетел, и пепел развеял/ развеялся.
Глагол второго предложения является переходным, так что оно скорее могло бы означать не то, что пепел развеялся, а то, что он (ветер) развеял пепел, если бы только такой перевод не предполагал идентичность подлежащих первого и второго предложений. А такое предположение противоречит тому, что известно о функции союза *yǫkhǎ*. Очевидно, подлежащим второго предложения является слово *čhaxóta* 'пепел', поскольку *ветер* быть подлежащим не может. Тогда наиболее подходящий английский перевод должен быть такой: *The wind came up and the ashes were blown away* 'Налетел ветер, и пепел развеялся'*, при котором пассив опять используется там, где дакота передает статус подлежащего, помещая соответствующее слово на первое место в предложении и используя (в данном случае) союз *yǫkhǎ*.

Ирокезские языки типа сенека, видимо, представляют собой переходную ступень между такими языками, как дакота, который выражает с помощью глагольного согласования *п а д е ж н ы й* статус, и европейскими языками, которые используют глагольное согласование для выражения статуса *п о д л е ж а щ е г о*. Так, сенека похож на дакота в том отношении, что глагол согласуется с агенсом и пациенсом, а не с подлежащим, например, в таких предложениях:

* В русском переводе предпочтительна форма не пассивного, а так называемого среднего залога.— *Прим. перев.*

(11) Oʔkatěno·těʔ.

‘Я пел’.

(12) Ōkáh̄taʔt (из *waʔ wakahtaʔt).

‘Я насытился’.

Инфикс -k- в предложении (11) является показателем первого лица агенса, а исходная (или реконструируемая) форма -wak- в предложении (12) — показателем первого лица пациенса. Однако ирокезские глаголы не так последовательны в этом отношении, как глаголы языка дакота. В частности, при ряде непереходных ирокезских глаголов согласование с пациенсом осуществляется с помощью агентивного инфикса. Так происходит в случае инфикса -k— показателя первого лица агенса в примере oʔkáʔsěʔt ‘я упал’ или oʔka·sět ‘я устал’. Видимо, здесь произошло частичное смешение статуса агенса и подлежащего по той причине, что эти два статуса вообще чаще совпадают, чем различаются. Таким образом, агентивный по своему происхождению инфикс при некоторых глаголах превратился в показатель подлежащего. Этот факт языка сенека может служить аргументом в защиту функционального или содержательного характера статуса подлежащего. Иначе трудно себе представить, почему согласование в языке может изменяться таким образом, чтобы маркировать подлежащее, если только этот статус не обладает значением, которое стоило бы маркировать.

Как устанавливается статус подлежащего и как долго он сохраняется? В настоящее время на эти вопросы еще нет удовлетворительных ответов. Конечно, при переходе от одного предложения к другому «сменить подлежащее» не так уж трудно. С другой стороны, безусловно, имеется тенденция сохранять подлежащее на протяжении нескольких предложений. В последовательности предложений *Ted saw Harry yesterday. He told him about the meeting* ‘Вчера Тед видел Гарри. Он сказал ему о собрании’ отсутствие трудностей при интерпретации референтов местоимений *he* ‘он’ и *him* ‘ему’ во втором предложении обусловлено, вероятно, хотя бы отчасти тем, что слушающий ожидает сохранения статуса подлежащего на протяжении обоих предложений при том, что все остальное не изменится. В данном случае, как и в предыдущих, прежде чем делать какие-либо выводы об условиях установления, сохранения и смены подлежащих, необходимо исследовать образцы естественной речи.

Смешение статуса подлежащего со статусом данного. Хорнби (Hornby 1971) характеризует понятие топика следующим образом: «Часть предложения, представляющая собой то, о чем говорится в предложении, называется топиком предложения. Остальная часть предложения, комментарий, сообщает новую информацию о топике» (с. 1976). Если исходить из того, что топик в терминологии Хорнби более или менее соответствует тому, что я называю подлежащим, то можно задать вопрос, уместно ли говорить, что остальная часть предложения сообщает «новую информацию». Конечно, эта проблема относится к данному и новому по крайней мере в той же степени, как и к сущности статуса подлежащего или статуса топика. Утверждением Хорнби я пользуюсь для того, чтобы отметить, что обязательной связи между статусом подлежащего и статусом данного или статусом не-подлежащего и статусом нового не существует. Независимость статуса подлежащего от статуса данного можно было бы проиллюстрировать, например, такой ситуацией: услышав грохот из соседней комнаты, я кричу тому, кто там находится: *What happened? 'Что случилось?'*. В ответ могло бы прозвучать предложение: *The dog knocked over the lamp 'Собака опрокинула лампу'*, в котором знание ситуации говорящим передается как новая информация о собаке, но и слово *собака* здесь тоже обозначает новую, т. е. только что введенную в сознание слушающего информацию. И конечно, существуют многочисленные примеры, когда в качестве данного выступает не-подлежащее: как, например, местоимение *it 'ее'* в примере *What happened to the lamp? The dog knocked it over 'Что случилось с лампой? Ее опрокинула собака'*. Таким образом — хотя подлежащие и имеют тенденцию быть данными,— это, пожалуй, все, что мы можем сказать о взаимодействии между статусом подлежащего и противопоставлением данного/нового.

В другой своей работе Хорнби (Hornby 1972) приводит результаты, которые имеют отношение не только к статусам подлежащего и данного, но также и к статусу контрастивности. Цель работы состояла в исследовании «психологического субъекта», противопоставляемого «логическому» и «грамматическому» субъекту. Предъявив испытуемым одновременно две картинки и предложение, им задавали вопрос, какую из картинок описывает предъявляемое предложение. Одно из предложений было, на-

пример, такое: The Indian is building the igloo 'Индеец строит йглу'. Однако ни одна из картинок не изображала индейца, строящего йглу. На одной был нарисован индеец, строящий тйпи, а на другой — эскимос, строящий йглу. Испытуемые знали, что ни одно из предложений не будет «абсолютно правильным», но им была дана инструкция даже в такой ситуации определить, «какую картинку описывает предложение». Вне зависимости от активности или пассивности предложения испытуемые выбирали в основном ту картинку, на которой был изображен референт подлежащего, что подтверждает, на мой взгляд, гипотезу о том, что подлежащее — это то, о чем говорится в предложении. Но Хорнби также использовал в эксперименте ряд контрастивных предложений: The Indian is building the igloo 'Йглу строит индеец', It is the Indian who is building the igloo 'Йглу строит именно индеец', The one who is building the igloo is the Indian 'Тот, кто строит йглу, — индеец' и т. п. В этих случаях испытуемые обычно выбирали картинку с тем объектом, имя которого не находится в фокусе контраста: для приведенных выше примеров это the igloo 'йглу'. Слово the igloo в этих предложениях не подлежащее, и, хотя оно является данным, нет оснований считать, что the Indian — не данное. Эти результаты показывают, что в контрастивных предложениях скорее основание контраста, а не его фокус будет считаться «тем, о чем говорится в предложении». Впрочем, опять-таки неясно, сможем ли мы распространить выводы, сделанные на основе изучения контрастивных предложений, на предложения других типов.

ТОПИКИ, АНГЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ

Часто говорится, что в таких предложениях, как (13) The play, John saw yesterday.

'Пьеса, Джон видел ее вчера', референт, выраженный словом the play 'пьеса', является топиком (или, в терминологии Хэллидея (Halliday 1967), — «темой»). Говорится также, что в результате перемещения слова the play в начало предложения имеет место его «топикализация». Но, разумеется, эти предложения, как и похожие на них предложения типа (14):

(14) As for the play, John saw it yesterday.

'Что касается пьесы, то Джон видел ее вчера',

являются контрастивными. Так называемый топик является просто фокусом контраста, который по какой-то причине помещен в необычную для него позицию начала предложения. Таковы все английские примеры топиков и топикализации.

В двух только что приведенных примерах каждое предложение имеет два фокуса контраста. Можно представить, что предложение (13) произносится тогда, когда имеются основания предполагать, что слушающий имеет в виду ряд возможных сочетаний событий-зрелищ (пьесы, кинокартины, оперы) с некоторым моментом времени, в который Джон мог посещать или действительно посетил одно из таких зрелищ. Говорящий сообщает, что одно из правильных сочетаний — это сочетание понятий *the play* 'пьеса' и *yesterday* 'вчера'. Предложение (14) отличается от предложения (13) незначительно, но оно более эксплицитно выражает тот факт, что пьеса входит в список объектов, образующих возможные сочетания. В начале такого контрастивного предложения должно быть поставлено именно слово *the play* 'пьеса', так как это понятие, очевидно, признается данным в результате явного или воображаемого перебора понятий из имеющегося перечня, тогда как *yesterday* 'вчера' подается как новая информация, которая должна была быть соединена с предыдущей. Противоположное утверждение — *Yesterday, John saw the play* 'Вчера — Джон видел пьесу', — очевидно, употребляется тогда, когда говорящий (также явным образом или в воображении) перебирает моменты времени из имеющегося перечня и соединяет с ними различные зрелища, которые Джон видел в эти моменты.

Однако в английском языке не все примеры так называемой топикализации содержат двойной контраст. К числу возможных способов, позволяющих представить Джона в качестве единственного фокуса контраста, наряду с примерами *I saw John* 'Я видел Джона', *It was John I saw* 'Я видел именно Джона', *The one I saw was John* 'Тот, кого я видел, — Джон' можно добавить также предложение типа *John I saw* 'Джона я видел'. По-видимому, помещая Джона на первое место, мы в каком-то смысле более тесно связываем его с непосредственно предшествующим контекстом, однако тонкие различия между этими четырьмя способами выражения контрастивного фокуса требуют дальнейшего изучения.

Помещение контрастивного фокуса в начало предложения с нарушением нормального для английского языка порядка слов — явление, судя по всему, нередкое. Вопрос заключается лишь в том, хорошо ли называть такие объекты топиками, подразумевая тем самым, что они тождественны топику в китайском и других языках «с выдвижением топики». Поскольку языки последнего типа не требуют наличия у топики контрастивного значения и поскольку в действительности роль топиков, которые мы могли бы назвать «истинными», совсем иная, я полагаю, что мы сделали бы шаг вперед, перестав употреблять термин «топик» по отношению к рассмотренным английским примерам с контрастивностью.

ТОПИКИ, КИТАЙСКИЙ ВАРИАНТ

Не будучи непосредственно знаком с языками, выделяющими топик, я ограничусь здесь рядом общих и, быть может, несколько туманных замечаний. Следующие китайские предложения, сообщенные Ли и Томпсон, являются типичными примерами с топикуми:

(15) Nèi-xie shùmu shù-shēn dà.

те деревья дерева-ствол большой

(16) Nèi-ge rén yáng míng George Zhang.

тот человек иностранное имя Джордж Чжан

Прежде всего неверно, как это делают некоторые авторы, давать здесь стандартные английские переводы *As for those trees the trunks are big* 'Что касается тех деревьев, то их стволы большие' и *As for that person, his foreign name is George Zhang* 'Что касается того человека, то его иностранное имя Джордж Чжан', если, а насколько я понимаю, так оно и есть, в китайских предложениях ни о какой контрастивности речи нет. В действительности в этих случаях китайский язык, видимо, сообщает информацию в такой форме, которая не имеет аналогий в английском. Другими словами, в английском нет такого способа упаковки, который соответствовал бы китайскому топику, а следовательно, нет и безусловно адекватного перевода.

Что же такое этот топик? Примеры, которыми я располагал, не соответствуют представлению, что топик — это «то, о чем говорится в предложении»; такая характеристика, я думаю, скорее применима к английским подлежа-

щим и, возможно, к китайским подлежащим типа *shù-shēn* 'дерева-ствол' и *yáng míng* 'иностранное имя' в вышеприведенных предложениях. Если, например, посмотреть, к чему относится предикат величины в предложении (15), то окажется, что он связан не с "теми деревьями", а с их стволами. Роль топиков, таким образом, состоит в том, чтобы ограничить применение главной предикации некоторой определенной областью: величина стволов рассматривается относительно указанных деревьев; то, что иностранное имя этого человека Джордж Чжан, верно применительно к данному лицу. Обычно топик устанавливает, по-видимому, пространственные, временные или личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация. В английском нечто подобное может происходить с некоторыми временными наречиями: *Tuesday I went to the dentist* 'Во вторник я ходил к зубному врачу'. В китайском этот способ явно широко распространен, тогда как в английском в большинстве случаев приходится использовать предлоги и другие аналогичные средства: *In Dwinelle Hall people are always getting lost* 'В Двинелл-Холле легко заблудиться'. В китайском языке в подобной ситуации никакой предлог не понадобился бы. Короче говоря, «истинные» топики (в языках, выделяющих топик) означают не столько «то, о чем говорится в предложении», сколько «те рамки, в которые заключается предложение». В английском языке нечто подобное может быть получено с помощью обстоятельственных оборотов или путем существенной перестройки предложения *The trunks of those trees are big* 'Стволы этих деревьев велики' или *Those trees have big trunks* 'Эти деревья имеют большие стволы'. В последнем варианте китайский топик становится в английском подлежащим, т. е. способ упаковки меняется.

ТОПИКИ, КАК ПРЕДВАРЯЮЩИЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ

Еще один кандидат, который мог бы претендовать на термин «топик», возникает в тех случаях, когда, переводя свой замысел в языковую форму, говорящий испытывает некоторые колебания при определении порядка построения предложения (ср. *Sh a f e* (in press)). Прежде всего говорящий должен решить, как на определенном этапе организовать некоторый блок информации в предложение.

Разбив все содержание своего замысла на блоки, объем которых более или менее соответствует размерам предложения, говорящий должен осуществить ряд специальных операций, относящихся к собственно построению предложения. В данный момент нас особенно интересуют две из них: выбор для предложения падежной рамки и выбор одного из имен падежной рамки в качестве подлежащего предложения. Вероятно, что эти две операции осуществляются обычно более или менее одновременно. Даже если они отчасти и независимы, между ними обязательно существует взаимодействие. Выбор падежной рамки обеспечивает кандидатов на роль подлежащего, и, наоборот, выбор подлежащего накладывает ограничения на возможные падежные рамки: а именно, в падежную рамку должно входить имя, которое станет подлежащим. Я полагаю, что благодаря этой взаимозависимости говорящий может думать одновременно и о наиболее подходящей для выражения его замысла падежной рамке, и о наиболее подходящем способе упаковки подлежащего. Однако говорящие нередко нарушают эту одновременность, выбирая — и реально называя — подлежащее до того, как выбрана падежная рамка. Я проиллюстрирую это явление на нескольких примерах, взятых из магнитофонных записей рассказов и разговоров на языке американских индейцев каддо (на котором говорят в настоящее время в штате Оклахома): (17) K'án? kámhah? wá· wa? háwwi dúhya?..

утки они-сказали о'кэй теперь

Первое слово имеет интонацию законченного предложения, хотя оно является просто отдельным изолированным существительным. Женщина, произнесшая это предложение, явно решила, что будет говорить об утках, прежде чем точно определить, каким образом они будут включены в падежную рамку всего предложения. Поэтому она произнесла слово *утки* как самостоятельное предложение до того, как начать то полное предложение, где уткам будет отведена роль агенса. Существует и другая возможность: между предваряющим подлежащим и остальным предложением вводится какая-нибудь частица со значением нерешительности и колебания, дающая говорящему некоторое время, чтобы решить, каким образом включить это имя в предложение. В рассказах на языке каддо имеется вездесущая частица, означающая что-то вроде *it is said* 'так сказать':

(18) Sa ?u?úš bah?na sinátti? tučát?i· hahwah.

Миссис Авл так сказать потом она-рассыпала-это

Женщина, сказавшая это, явно решила, что миссис Авл будет подлежащим, прежде чем точно определить, какую именно роль она будет играть. Помимо использования частицы, передающей колебание, о предварительности выбора свидетельствует также позиция слова, соответствующего английскому слову then 'потом', которое, как и в английском языке, обычно употребляется в начале предложения. Таким образом, аналогичный результат для английского языка был бы получен в том случае, если бы кто-то сказал: Mrs. Owl... then she spilled it 'Миссис Авл... потом она это рассыпала'. Существует и еще одна возможность: предваряющее подлежащее впоследствии вообще не будет включено в падежную рамку следующего за ним предложения, поскольку говорящий тем временем решил оформить предложение так, что первоначально выбранное подлежащее в него не входит:

(19) Kisí? kahutánčúnna?ah... na· sinátti?

кукуруза стержни-початков это потом

háh?i?úšnisa?.

она-обкуривает-это

Женщина, сказавшая это, ведет речь об обкуривании кож. Она, видно, собиралась сначала сказать что-то вроде She uses corn cobs 'Она использует стержни кукурузных початков' (как топливо), но заколебалась, передумала и, наконец, произнесла предложение, в котором стержни кукурузных початков вообще не фигурировали.

Мы могли бы назвать такие предварительно выбранные подлежащие топиками или даже предположить, что топики в отличие от подлежащих обязаны своим происхождением именно такому рассогласованию процессов построения предложения. Короче говоря, топик является чем-то вроде подлежащего или, возможно, возник из подлежащего, которое выбрано слишком поспешно и не очень гладко входит в последующее предложение. В некоторых языках говорящие, по-видимому, имеют полную возможность говорить так, как было продемонстрировано выше на примерах из языка каддо. В каддо, по-видимому, такие предложения достаточно распространены и считаются вполне приемлемыми. На этом основании каддо, быть может, стоило бы считать по крайней мере некоторым подтипом

того типа языков, которые мы называем языками «с выдвиганием топики», но это подтип, в корне отличный от того, к которому относится китайский.

АНТИТОПИКИ

Когда я подобрал примеры для языков каддо и сенека, я был поражен, увидев, насколько по-разному эти языки упорядочивают те операции, о которых только что шла речь: выбор подлежащего и выбор падежной рамки. В то время как говорящие на каддо склонны выбирать подлежащее до выбора падежной рамки, носители сенека, по-видимому, часто выбирают падежную рамку прежде, чем выбрать подлежащее. Такая последовательность оказывается возможной благодаря тому, что глаголы в сенека, как уже отмечалось, согласуются, как правило, не с подлежащими, а с падежными ролями. Таким образом, говорящий на сенека может произнести предложение или часть предложения, в котором падежные роли выбраны, а подлежащее еще нет. Затем после некоторого колебания добавляется и подлежащее:

(20) Káeoʔtaʔ næ· haʔæ· ʔthak...
 ружье действительно он-бывало-использовал
 nē·kē· neʔʔ·kweh.
 этот человек

Здесь, как чаще всего и бывает, подлежащим оказывается агенс, но в первой части предложения — при развертывании падежной рамки — ничто не указывает на то, что подлежащим является слово *человек*, а не слово *ружье*. Если бы, поколебавшись, говорящий сказал *большое ружье* или что-то в этом роде, то ружье и стало бы тем, о чем говорится в предложении. В следующем примере реализованная падежная рамка произносится с интонацией законченного предложения, но на этом говорящий не останавливается и дает далее гораздо более подробное описание референта, которого он избирает в качестве подлежащего:

(21) ta neʔ wai næ· hotihsaʔʔh
 и правда действительно они-использовали-это
 nē·kē· n'a·tikēhtsiʔshʔʔh nē·kē·
 те старики те
 ʔʔkwahsoshæshʔkē·ʔʔ... ʔónēhtsi thēnʔhēnyʔk
 наши-предки давно они-жили

При обычном порядке слов подлежащее в сенека должно стоять на первом месте. Но, как показывают приведенные примеры, говорящий на сенека может не слишком заботиться о том, чтобы назвать подлежащее в самом начале; в сенека имеется тенденция сообщать его дополнительно, как «антитопик», после того, как падежная рамка уже реализована. Таким образом, в этом отношении в сенека проявляется тенденция, диаметрально противоположная тенденции каддо.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ИЛИ ЭМПАТИЯ

Куно отметил (Куно 1976), что, употребляя предложение *John hit his wife* 'Джон ударил свою жену', говорящий описывает событие «со стороны Джона» (при этом не обязательно принимая сторону Джона), тогда как в предложении *Mary's husband hit her* 'Муж Марии ударил ее' событие описывается «со стороны Марии». Куно говорит об «эмпатии» по отношению к Джону или Марии и замечает далее, что отдельное предложение не может иметь более одного фокуса эмпатии; поэтому предложение **Mary's husband hit his wife* '*Муж Марии ударил свою жену' выглядит очень странно. Куно и Кабураки (в подготавливаемой работе) приводят много других примеров, иллюстрирующих способы выражения эмпатии в английском и японском языках. Они приводят также примеры различных видов взаимодействия между фокусом эмпатии и другими возможными статусами референтов. Например, если говорящий сам играет какую-то роль в предложении, можно ожидать, что он проявит эмпатию к самому себе, эмпатии по отношению к слушающему отдается предпочтение перед эмпатией по отношению к третьему лицу. Чаще всего эмпатия проявляется по отношению к референтам-людям. Статус фокуса эмпатии обычно совпадает со статусом подлежащего и, возможно, со статусом определенности.

Эти и другие соображения наводят на мысль, что эмпатия, или точка зрения, является еще одним из видов упаковки, который мы можем добавить к нашему перечню. Содержательная основа этого статуса состоит, по-видимому, в том, что человек обладает способностью представить себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения, и в том, что эта способность влияет на использование языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, я выдвинул предположение, что конкретное имя в предложении, или, более строго, представление, выраженное данным именем, наряду с некоторым «падежным» статусом может иметь различные «упаковочные» статусы, которые выбираются говорящим в зависимости от его оценки текущего состояния сознания слушающего. Я рассмотрел шесть таких статусов. Некоторая единица может быть либо данной, либо новой в зависимости от того, считает ли говорящий, что она содержится в сознании слушающего в момент произнесения предложения. С другой стороны, эта единица может быть фокусом контраста: говорящий выбирает ее из ограниченного набора возможных кандидатов как соответствующую рассматриваемой роли. Она может быть определенной, если говорящий считает, что слушающий способен отождествить референт. Она может быть подлежащим, если говорящий считает ее той единицей, о которой дается дополнительная информация. Она может быть топиком, но, по-видимому, значение этого последнего для разных языков различно. В английском языке статус топика связан с начальной позицией в предложении некоторых контрастивных единиц. В китайском языке топик может быть связан с установлением пространственных, временных или личностных рамок или той области, для которой выполняется последующее утверждение. А в языке каддо функция топика сводится к введению предваряющего подлежащего. Наконец, референтом имени может являться индивидуум, по отношению к которому говорящий проявляет эмпатию. Конечно, список упаковочных явлений может этим и не ограничиваться, и, возможно, не все они получили здесь адекватную характеристику. Однако сделанные наблюдения могут оказаться полезными при упорядочивании тех факторов, с которыми приходится иметь дело говорящему, чтобы довести свое сообщение до слушающего с учетом текущего состояния его сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Boas — Deloria 1939 — Boas F., Deloria E. Dakota Grammar. In: "Memoirs of the National Academy of Sciences", 1939, 23, 2.
Bolinger 1961 — Bolinger D. L. Contrastive Accent and Contrastive Stress, In: "Language", 1961, 37, 83—96,

Brown 1958 — **Brown R.** How shall a Thing be Called? In: "Psychological Review", 1958, 65, 14—21.

Chafe 1972 — **Chafe W. L.** Discourse Structure and Human Knowledge. In: "Language Comprehension and the Acquisition of Knowledge", J. B. Carroll and R. O. Freedle (eds.), V. H. Winston, Washington, 1972.

Chafe 1974 — **Chafe W. L.** Language and Consciousness. In: "Language", 1974, 50, 111—133.

Chafe (in press) — **Chafe W. L.** Creativity in Verbalization and its Implications for the Nature of Stored Knowledge. In: "Discourse Production and Comprehension", R. O. Freedle, (ed.), Hillsdale N. J.: Lawrence Erlbaum Assoc.

Clark — Haviland (in press) — **Clark H. H., Haviland S. E.** Comprehension and the Given-New Contact. In: "Discourse Production and Comprehension", R. O. Freedle, (ed.), Hillsdale, N. J. Lawrence Erlbaum Assoc.

Fillmore 1968 — **Fillmore Ch.** The Case for Case. In: "Universals in Linguistic Theory", E. Bach, R. Harms (eds.), 1968, 1—90 (русский перевод см. в сб. «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X, «Прогресс», М., 1981).

Firbas 1966 — **Firbas J.** On Defining the Theme in Functional Sentence Analysis. In: «Travaux linguistiques de Prague», Praha, 1966, 1, 267—280.

Halliday 1967 — **Halliday M. A. K.** Notes on Transitivity and Theme in English: II. In: «Journal of Linguistics», 1967, 3, 199—244.

Halliday 1970 — **Halliday M. A. K.** Language Structure and Language Function. In: «New Horizons in Linguistics», J. Lyons (ed.), Penguin Books, New York, 1970.

Haviland — Clark 1974 — **Haviland S. E., Clark H. H.** What's New? Acquiring New Information as a Process in Comprehension. In: "Journal of verbal learning and verbal behavior", 1974, 13, 512—521.

Hornby 1971 — **Hornby P. A.** Surface Structure and the Topic-Comment Distinction: a Developmental Study. In: "Child Development", 1971, 42, 1975—1988.

Hornby 1972 — **Hornby P. A.** The Psychological Subject and Predicate. In: "Cognitive Psychology", 1972, 3, 632—642.

Jespersen 1961 — **Jespersen O.** A Modern English Grammar on Historical Principles, part VII, Syntax, Allen and Unwin, London, 1961.

Karttunen 1968 — **Karttunen L.** What Makes Definite Noun Phrases Definite? Report P-3871. Rand Corporation, Santa Monica, 1968.

Kuno 1972 — **Kuno S.** Functional Sentence Perspective: a Case Study from Japanese and English. In: "Linguistic Inquiry", 1972, 3, 269—320.

Kuno 1976 — **Kuno S.** Subject, Theme, and the Speaker's Empathy — A Reexamination of Relativization Phenomena. In: "Subject and Topic", Ch. N. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976.

Perfetty — Goldman 1974 — **Perfetty Ch. A., Goldman S. R.** Thematization and Sentence Retrieval. In: "Journal of verbal learning and verbal behavior", 1974, 14, 70—79.

S a n d m a n 1954 — S a n d m a n M. Subject and Predicate: a Contribution to the Theory of Syntax. Edinburgh University Press, 1954.

S c h a c h t e r 1974 — S c h a c h t e r P. The Subject in Philippine Languages: Topic, Actor, Actor—Topic, or None of the Above. In: "Subject and Topic", Ch, N, Li (ed.), Academic Press, New York, 1976.

РОЛЕВЫЕ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ПОДЛЕЖАЩИХ

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа является продолжением моего исследования, касающегося проблемы определения грамматического подлежащего в филиппинских языках. Ранее в своей статье «Подлежащее в филиппинских языках» (далее — ПФЯ, см. Schachter 1976a) я высказал некоторые предварительные соображения о том, какое значение могут иметь данные филиппинских языков для изучения подлежащих в других языках. В настоящем очерке я, используя филиппинский материал, собираюсь подробнее остановиться на этой проблеме, а также на некоторых других вопросах, касающихся теории синтаксиса.

Как описано подробно в ПФЯ, в филиппинских языках нет единой составляющей с явным набором таких синтаксических свойств, которые обычно ассоциируются с подлежащим в других языках. Вместо этого множество так называемых свойств подлежащего (ср. Keenan 1976) разделяется на два подкласса, каждый из которых связан с особым типом составляющей — один подкласс связан с тем, что специалисты по филиппинским языкам называют обычно топиком (topic), а другой — с тем, что они обычно называют актором (actor). (О значении этих терминов я буду говорить ниже. Пока я лишь предостерегаю читателя от того, чтобы термины «топик» и «актор» воспринимались в буквальном смысле.)

Таким образом, с точки зрения большинства других языков в филиппинских языках синтаксические свойства подлежащего распределены между топиком и актором.

Paul Schachter. Reference-related and Role-related Properties of Subjects.—In: "Syntax and Semantics", vol. 8, Grammatical Relations, P. Cole, J. M. Sadock (eds), Academic Press, New York, 1977, p. 279—306.

Напротив, если принять за точку отсчета филиппинские языки, то обнаружится, что в большинстве других языков синтаксические свойства топики и актора сливаются в одном типе составляющей — в подлежащем. Хотя последнее утверждение представляется непривычным, оно, как я попытаюсь показать далее, может оказаться крайне полезным и плодотворным. Исходя из него, может быть показано, что синтаксические свойства филиппинского топики и актора в значительной степени выводятся из их семантических свойств. Более того, отталкиваясь от модели филиппинских языков, можно показать, что и синтаксические свойства подлежащего также в значительной мере выводятся из его семантических свойств, при условии, что множество этих свойств достаточно адекватно определено.

Однако, прежде чем мы перейдем к дальнейшему обсуждению проблемы топики и актора, необходимо дать читателю в качестве исходного материала основные представления о структуре филиппинского предложения. Этот грамматический очерк (часть которого берется дословно из ПФЯ) будет ограничен тем, что может быть названо простыми повествовательными предложениями, и будет сопровождаться примерами из тагальского языка. (В дальнейшем изложении все специально не оговоренные филиппинские примеры являются примерами из тагальского языка. Другие языки будут привлекаться только в тех случаях, когда они отличаются от тагальского и эти отличия представляют специальный интерес. В общем же, филиппинские языки очень схожи между собой по своей базисной структуре, так что примеры из какого-либо одного языка в основном имеют прямые параллели во всех других языках.)

В тагальском языке простое повествовательное предложение состоит из глагола, за которым следуют одно или несколько имен, и одно имя помечено как топик. Имеется два способа формальной маркировки топики: использование топиковой местоименной формы или постановка показателя топики перед соответствующим именем. В смысловом отношении топику всегда приписано значение определенности (подробнее об этом будет сказано ниже). Все имена-нетопики, которые встречаются в предложении, получают падежную маркировку опять-таки либо при помощи особой местоименной формы, либо посредством

показателя, стоящего перед именем. В отличие от топиков падежно маркированные имена могут быть как определенными, так и неопределенными. Эти падежи имеют некоторое семантическое содержание, и именам с падежными показателями обычно присваивают квазисемантические наименования, такие, как актер, цель, направление и другие. Кроме того, в глаголе имеется аффикс, выполняющий функцию падежного показателя и указывающий на падежную роль имени-топика. Таким образом, существуют глаголы с показателем *актора-топика*, *топика цели*, *топика направления* и т. д. Топики, встречающиеся с этими глаголами, могут быть названы *актер-топик*, *топик цели* и т. д. Каждая падежная роль представлена в простом предложении один раз, так что, если в нем есть актер-топик, то другого имени, обозначающего актер, в этом предложении нет; если есть топик цели, то в предложении нет другого имени со значением цели, и так далее.

Рассмотрим теперь некоторые примеры. В переводах этих и всех других примеров при глаголах встречаются сокращения *АТ*, *ЦТ*, *НТ*, которые означают, что эти глаголы маркированы соответственно как глаголы с актером-топиком, топиком цели, топиком направления; сокращения *А*, *Ц*, *Н* и *Т* при именах и местоимениях означают, что имена или местоимения маркированы соответственно как актер, цель, направление и топик.

- (1) а) Magbibigay ang babae ng bigas sa bata.
АТ-даст *Т* женщина *Ц* рис *Н* ребенок
 'Эта женщина даст рис ребенку'.
 б) Ibibigay ng babae ang bigas sa bata.
ЦТ-даст *А* женщина *Т* рис *Н* ребенок
 'Женщина даст этот рис ребенку'.
 в) Bibigyan ng babae ng bigas ang bata.
НТ-даст *А* женщина *Ц* рис *Т* ребенок
 'Женщина даст рис этому ребенку'.

Все три предложения (1) описывают одно и то же событие, но отличаются одно от другого выбором топика. Показателем топика для нарицательных имен является *ang*. В каждом предложении имя, являющееся топиком, выделено подчеркиванием. Так же выделен и глагольный аффикс, который выражает падежную роль топика. В предложении (1а) mag — это аффикс актера-топика, а ang

babae — сам актер-топик; во фразе (1b) i- — это аффикс топика цели и ang bigas — топик цели; в примере (1c) an — аффикс топика направления, а ang bata — топик направления. В английских эквивалентах этих предложений топик должен всегда переводиться с определенным артиклем. Так, предложение (1a) требует перевода со словами *the woman* '(эта) женщина', (1b) — *the rice* '(этот) рис', (1c) — *the child* '(этот) ребенок'. С другой стороны, имена-нетопики могут или должны переводиться с неопределенным артиклем. (Говоря точнее, в простом повествовательном предложении имена-нетопики со значением цели всегда неопределенны, тогда как другие имена-нетопики могут быть как определенными, так и неопределенными.) Как показывают примеры, при нарицательных именах, являющихся актерами-нетопиками и нетопиками цели, употребляется падежный показатель *ng* (произносится [nɑŋ]), а для нетопика направления показателем служит *sa*.

Следует отметить, что, за исключением начальной позиции глагола, порядок составляющих в предложениях (1) произволен. Это означает, что возможен любой порядок следования имен, означающих актер, цель или направление, и топик может встречаться на любом месте по отношению к составляющим с нетопиками. (Однако, как будет указано ниже, существуют некоторые филиппинские языки, в которых порядок слов менее свободен, чем в тагальском языке.)

А теперь, представляя себе в общих чертах структуру предложения, обратимся к обсуждению семантических свойств топика и актора в филиппинских языках. В употреблении нефилиппинистов термин «топик» часто означает составляющую, которая представляет собой «центр внимания» речевого контекста (см. *Li — Thompson* 1976, наст. сборник, с. 193—235). Такое употребление неприменимо к топикку филиппинских языков, что очевидно из следующего примера, где речевой контекст прямо направляет внимание на референт, который обозначен нетопиком:

- (2) Говорящий А: *Nasaan ang katulong?*
 где *T* служанка
 'Где эта служанка?'

Говорящий Б: *Inihahanda niya ang pagkain.*

ЦТ-готовить А-она Т пища

'Она готовит эту пищу'.

В этом примере центр внимания сосредоточен на служанке, но местоимение, которое обозначает служанку,— это местоимение актора-нетопика *niya*, а топиком предложения является *ang pagkain* 'пища'.

Вместе с тем топик филиппинских языков обладает одной характеристикой, которая объединяет его с составляющей, именуемой топиком в других языках. Как отмечают Ли и Томпсон, топик регулярно определен, и это одинаково верно для филиппинского топика и терминологически идентичной ему составляющей нефилиппинских языков. Поэтому филиппинский топик обычно переводится на английский язык определенной именной группой, такой, как нарицательное имя с определенным артиклем *the*, имя собственное или личное местоимение.

Сказать, что топик обычно определен, значит, сказать, что он обычно употребляется референтно и, более того, что имеется презумпция его референтности в том смысле, что говорящий предполагает, что слушающему известен подразумеваемый референт. В отношении нетопиков, напротив, обычно нет презумпции их референтности, и поэтому они могут быть определенными или неопределенными. Это различие между топиками и нетопиками проявляется наиболее ярко тогда, когда оба имени — топик и нетопик — являются нарицательными существительными, как в примерах (1). В таком случае, как уже было отмечено, только топика однозначно определены, тогда как нетопики могут или должны считаться неопределенными. Это различие менее ясно в таких случаях, как (3), где нетопики выражены личными местоимениями или собственными именами:

(3) *Ibibigay niya ang bigas kay Juan.*

ЦТ-даст А-она Т рис Н Хуан

'Она даст рис Хуану'.

Ясно, что в данном примере нетопики *niya* и *kay Juan*, так же как и топик *ang bigas*, обязательно определены. Заметим, однако, что в случае топика в примере (3) его обязательная определенность, или, иначе, презумпция референтности, выводится из того, что это имя является топиком. (Нетопик, выраженный нарицательным существительным, как, например, 'рис' в примере (1),

не обладает презумпцией референтности.) С другой стороны, при нетопиках, как в примере (3), презумпция их референтности не выводится из их свойства быть нетопиками (это становится ясным при сравнении с примерами (1)), а объясняется тем обстоятельством, что они выражены личным местоимением или собственным именем. Поэтому только про топик можно наверняка утверждать, что он обладает (презумптивной) референтностью независимо от типа имени или местоимения, которым он выражен. Можно сказать, таким образом, что топик отличается от любых нетопиков своей референциальной выделенностью (*referential prominence*).

Обратимся теперь к семантическим свойствам актора. Нижеследующие примеры (4) — (5) показывают, что термин «актор» не должен считаться эквивалентным агенту (деятелю), по крайней мере при условии, что агент выполняет такую роль, которую Филлмор определил как «обычно одушевленный инициатор действия» (Fillmore 1968, 24). В каждом из примеров актер подчеркнут. Примеры приводятся парами, в примерах (а) актер выступает как топик, а глагол имеет значение актора-топика, в примерах (б) актер не является топиком, а глагол имеет значение топика цели:

- (4) а) *Tatanggar* ang bata ng bigas sa babae.
 АТ-получит *T* ребенок Ц рис *H* женщина
 'Этот ребенок получит рис от женщины'.
 б) *Tatanggapin* ng bata ang bigas sa babae.
 ЦТ-получит *A* ребенок *T* рис *H* женщина
 'Ребенок получит этот рис от женщины'.
- (5) а) *Nagtiis* ang babae ng kahirapan.
 АТ-перенесла *T* женщина Ц невзгоды
 'Эта женщина перенесла некоторые невзгоды'.
 б) *Tiniis* ng babae ang kahirapan.
 ЦТ-перенесла *A* женщина *T* невзгоды
 'Женщина перенесла эти невзгоды'.

Эти примеры ясно иллюстрируют, что референт актора не обязательно должен быть «инициатором действия». Так, в предложениях (4) ребенок не более инициатор действия, чем в предложениях (1). В предложениях примера (5) не ясно, происходит ли вообще какое-нибудь «действие», но, если и происходит, оно определенно не было инициировано референтом актора, то есть женщиной.

Что же в таком случае можно сказать о семантических свойствах актора? Я думаю, что такой термин, как «главный герой» (protagonist), применительно к обсуждаемым свойствам мог бы быть более подходящим, чем «актор», хотя, по традиции, я и далее буду пользоваться термином «актор». Референт актора, как главный герой пьесы, есть лицо, которое находится в центре событий. Следовательно, при выборе актора важна не столько особая объективная роль, которую индивид играет в событии, сколько субъективная точка зрения говорящего на значение или важность этой роли и этого индивида. Например, предложения (1) и (4), так же как и их переводы, по существу выражают одно и то же событие, состоящее в передаче риса от женщины к ребенку, но если в предложениях (1) роль женщины рассматривается как центральная, то в предложениях (4) центральная роль отводится ребенку. Можно привести аналогичные примеры с глаголами, эквивалентными глаголам *продавать* и *покупать*, *давать* *взаимы* и *брать* *взаимы*. В каждом таком случае говорящий выбирает индивида, роль которого в событии он хотел бы выделить. В филиппинских языках этот индивид в каждом случае выражается актором. Мы можем поэтому сказать, что референт актора в предложении всегда выполняет выделенную роль (Role Prominence) в отличие от референтов неакторов.

Таким образом, в филиппинских языках мы можем различить два разных вида семантического выделения составляющих: референциальное выделение топика и ролевое выделение актора. В случаях, подобных предложениям (1a), (4a) и (5a), то есть при наличии глаголов с актором-топиком, оба вида выделения фактически связаны с одной и той же составляющей — актором-топиком. Однако такое совмещение свойств в одной составляющей не является необходимым в филиппинских языках, поскольку топик и актер часто различаются.

С другой стороны, в большинстве остальных языков оба типа выделения — референциальное и ролевое — проявляются обычно в единственном типе составляющей — подлежащем. Относительно референциального выделения подлежащих Кинэн (Keenan 1976) утверждает, что в английском и в других языках именно подлежащее базисных предложений, но не прямое дополнение обычно обладает «абсолютной референтностью». Это значит, что в таких предложениях логически подразумевается, что их

подлежащие имеют референт. Кинэн замечает, что подлежащее базисного предложения может быть неопределенным (как, например, в предложении *A student just called you* 'Вам только что звонил студент'), однако он указывает, что такая неопределенность тем не менее референтна. Например, подлежащее приведенного выше предложения по смыслу относится к конкретному студенту. (Напротив, неподлежащие, будучи неопределенными, часто и нереферентны, как показывают следующие примеры Кинэна: *John ordered a beer* 'Джон заказал пива', *John painted a pony* 'Джон нарисовал пони' и др.)

Тот факт, что подлежащие могут быть неопределенными, в известной степени отличает их от топиков в филиппинских языках. Хотя, по мнению Кинэна, и подлежащие, и топики «абсолютно референтны», только к топикам относится презумпция референтности, что делает их регулярно определенными. (Однако, по-видимому, большинство подлежащих все же определено; см. статистические данные, приведенные в G i v ó p 1974.) Тем не менее ясно, что подлежащие, подобно топикам и в противоположность другим именам, референциально выделяются в предложении.

О том, что подлежащие в отношении ролевой выделенности в действительности похожи на акторы, свидетельствует и тот факт, что филиппинский актер регулярно переводится подлежащим в других языках. (Точнее говоря, актер простого повествовательного предложения регулярно переводится активным * подлежащим.) Поэтому та часть значимого различия между предложениями (1a) и (4a), которая связана с различием в выборе актора, в переводах этих предложений связана с различием в выборе подлежащего. И если в одном случае это значимое различие может быть объяснено наличием «ролевого выделения», то так же его следует описывать и в других случаях.

Вернемся теперь к некоторым положениям, высказанным ранее. Я показал в ПФЯ, что с точки зрения филиппинских языков в других языках синтаксические свойства подлежащего представляют совмещение синтаксических свойств топика и актора. Я также высказал предположение и надеюсь остановиться на этом более подробно в данной

* Имеется в виду подлежащее в активной конструкции предложения.— *Прим. перев.*

статье, что синтаксические свойства топиков и акторов следуют из их семантических свойств. Говоря точнее, я предполагаю, что синтаксические свойства топиков связаны с референцией и следуют из референциального выделения топиков, в то время как синтаксические свойства акторов связаны с их ролью и следуют из ролевого выделения актора. Но если, как я только что заявил, подлежащее представляет собой совмещение семантических свойств топика и актора (в том смысле, что оно манифестирует как референциальное, так и ролевое выделение) и если семантические свойства топика и актора обуславливают их синтаксические свойства, тогда обнаруженное совмещение синтаксических свойств топика и актора в подлежащем также, по-видимому, может иметь семантическую основу. Таким образом, в свете филиппинских данных, очевидно, можно сделать вывод, что синтаксические свойства подлежащего не являются произвольным множеством, как это могло бы показаться, а распадаются на два подкласса свойств: референциальных и ролевых. Именно к обоснованию этого вывода я и хотел бы теперь перейти.

СВОЙСТВА ПОДЛЕЖАЩИХ, СВЯЗАННЫЕ С РЕФЕРЕНЦИЕЙ

В следующих параграфах я рассмотрю три синтаксических свойства, которые являются общими для топиков филиппинских языков и подлежащих в других языках. В каждом случае я буду пытаться показать, что рассматриваемое свойство предопределяется тем, что филиппинский топик и подлежащее других языков являются референциально выделенными.

Релятивизация

Первое рассматриваемое свойство уже обсуждалось в ПФЯ: это способность к релятивизации. Кинэн и Комри предполагают (Кеепан — Согге, 1977; см. наст. сборник), что ограничения на типы составляющих, которые некоторый язык разрешает релятивизировать, должны соответствовать универсальной Иерархии Доступности. В вершину предполагаемой иерархии, которая строится на основе данных широкого круга языков, Кинэн и Комри помещают подлежащее, утверждая, что все языки

разрешают релятивизацию подлежащих, а в некоторых языках релятивизироваться могут только подлежащие.

В филиппинских языках релятивизироваться могут только топики, а относительные обороты имеют форму предложений с опущенными топиками. Отсутствующий топик относительного оборота всегда воспринимается соотносящимся с вершиной относительной группы. Для примера сравним предложения (6) с грамматически правильными относительными группами (7) и грамматически неправильными выражениями (8). В переводах выражений (7) и (8) помета *Li* (Linker) означает «связку» -ng, которая вводит относительный оборот.

(6) a) Bumili ang babae ng baro.
AT-купить T женщина Ц платье
'Эта женщина купила платье'.

b) Binili ng babae ang baro.
ЦT-купить A женщина T платье
'Женщина купила это платье'.

(7) a) Iyon ang babaeng bumili ng baro.
вот T женщина-Li AT-купить Ц платье
'Вот та женщина, которая купила платье'.

b) Iyon ang barong binili ng babae.
вот T платье-Li ЦT-купить A женщина
'Вот то платье, которое купила женщина'.

(8) a) *Iyon ang barong bumili ang babae.
Вот T платье-Li AT-купить T женщина

b) *Iyon ang babaeng binili ang baro.
вот T женщина-Li ЦT-купить T платье

В предложении (6a), где имеется глагол с актором-топиком и нетопик цели, можно релятивизировать актор-топик, но не цель (ср. примеры (7a) и (8a)). С другой стороны, в предложении (6b), в котором имеется глагол с топиком цели и нетопик-актор, можно релятивизировать топик цели, но не актор (ср. примеры (7b) и (8b)).

Как уже было объяснено во введении, топик референциально выделен в том смысле, что он является единственным именем в простом повествовательном предложении, которое всегда обладает презумпцией референтности. Но заметим, что релятивизируемое имя также обычно имеет презумпцию референтности, поскольку референт такого имени всегда идентичен референту вершины относительной группы. (Например, референты релятивизированных имен в предложениях (7a) и (7b) — то есть референты отсутст-

вующих топиков относительных оборотов — непременно идентичны референтам вершинных имен: *babae* 'женщина' и *baḡo* 'платье'.) Поэтому кажется вполне естественным, чтобы в филиппинских языках топик был выбран в качестве категории, способной к релятивизации.

Таким образом, если подлежащие обладают «абсолютной референтностью» и в большей степени, чем неподлежащие, склонны иметь презумпцию референтности, то естественно, что подлежащие имеют склонность к релятивизации не в меньшей мере, чем любая другая синтаксическая категория в языке, что соответствует сравнительно-типологическим наблюдениям Кинэна и Комри. Следовательно, способность подлежащих релятивизироваться, как и аналогичная способность топиков в филиппинских языках, объясняется тем, что я назвал референциальной выделенностью.

Свободное перемещение кванторов

Согласно Белл (Bell 1974), в рамках теории реляционной грамматики, разрабатываемой Перлмуттером и Посталом, утверждается, что только «термовые грамматические отношения» — то есть подлежащее, прямое дополнение и не прямое дополнение — могут «отпускать от себя свободно перемещающиеся кванторы». Свободно перемещающимся называется такой квантор, которому позволено «покинуть свою именную группу», как в предложении *The men were all surprised* 'Люди были все удивлены', полученном из фразы *All the men were surprised* 'Все люди были удивлены'. Более того, эти термы выстраиваются в иерархию: 1 — подлежащее, 2 — прямое дополнение, 3 — не прямое дополнение, и применение «структурно-обусловленных» правил, таких, как правило Свободного перемещения кванторов, может быть ограничено некоторой частью иерархии: «Например, правило Свободного перемещения кванторов применяется только к подлежащему в английском языке, к подлежащему и прямому дополнению — в японском и ко всем трем термам — во французском языке» (Bell 1974).

В тагальском языке квантор *lahat* 'все' обычно находится внутри некоторой именной группы, например:

(9) a) Bumabasa ang lahat ng mga bata ng mga
AT-читать T все Li мн ребенок Ц мн
libro¹.

книга

{ 'Все эти дети читают (некоторые) книги' *.
{ 'Все дети читают (некоторые) книги'.

b) Binabasa ng lahat ng mga bata ang mga
ЦТ-читать A все Li мн ребенок T мн
libro.

книга

{ 'Все эти дети читают эти книги'.
{ 'Все дети читают эти книги'.

c) Binabasa ng mga bata ang lahat ng mga
ЦТ-читать A мн ребенок T все Li мн
libro.

книга

'Эти/некоторые дети читают все эти книги'.

Однако, как было замечено в ПФЯ, существует также конструкция, в которой *lahat* непосредственно следует за глаголом, начинающим предложение (подробнее см. Schachter—Otanés 1972, 147—148). В этой конструкции *lahat* всегда воспринимается как относящийся к топикку:

(10) a) Bumabasa lahat ang mga bata ng mga libro.
AT-читать все T мн ребенок Ц мн книга
'Все (эти) дети читают некоторые книги'.

b) Binabasa lahat ng mga bata ang mga libro.
ЦТ-читать все A мн ребенок T мн книга
'(Эти) дети читают все эти книги'.

В предложении (10a) *lahat* может пониматься только как относящийся к актору-топикку, в предложении (10b) — к топикку цели. Таким образом, оказывается, что только топик в тагальском языке может «отпускать от себя» слово *lahat*, так же как — по мнению Белл — только подлежащее в английском языке может отпускать от себя его переводной эквивалент *all*.

В поисках объяснения только что изложенных фактов

* Местоимением *эти* переводится определенный артикль. Перевод не вполне передает специфику оригинала, где в первом случае речь идет об актуальном действии, а во втором — об абитуальном.— Прим. перев.

мы можем отметить, что, когда lahat находится внутри именной группы, как в предложениях (9), эта именная группа всегда референтна, и, более того, она обладает презумпцией референтности, т. е. говорящий всегда предполагает, что слушающему известен подразумеваемый референт этой группы. (Часто фраза, содержащая слово lahat, двузначна, имея одновременно конкретное (specific) и родовое (generic) значение, как в примерах (9a) и (9b), где выражение lahat ng mga bata имеет конкретное значение 'все эти дети' и родовое 'все дети'. Но, имея конкретное или родовое значение, такая именная группа обязательно обладает презумпцией референтности или значением определенности, и это одинаково относится как к случаям, когда именная группа употребляется в качестве топика, как в примерах (9a) и (9c), так и к случаям, когда она является нетопиком, как в (9b).)

В то же время, как было отмечено выше, топика (со словом lahat или без него) также имеют презумпцию референтности или значение определенности². Поэтому, когда слову lahat разрешается «отделиться» от именной группы топика, презумпция, связанная с квантором, продолжает выражаться тем именем, к которому этот квантор относится. С другой стороны, если бы разрешалось отделение слова lahat от именной группы нетопика (такой, как именная группа актора в примере (9b)), то такая именная группа сама по себе не содержала бы презумпции референтности или определенности, и тогда могло бы возникнуть противоречие между презумпцией, касающейся квантора, и отсутствием такой презумпции в отношении той именной группы, членом которой он является.

Если экстраполировать ситуацию тагальского языка на другие языки, то оказываются, что свободно перемещаться могут только такие кванторы, которые имеют презумпцию референтности (такие, как тагальское lahat и английское all). Если это так, то естественно ожидать, что свободно перемещающиеся кванторы будет легче всего «отпускать от себя» такой тип именных групп, который сам по себе наиболее склонен быть референтным. Поскольку в большинстве языков такой тип составляющих является подлежащим, становится понятным, почему подлежащее занимает привилегированное положение в отношении способности отпускать от себя свободно перемещающиеся кванторы.

Экзистенциальные предложения

В работе Clark 1970 рассматриваются эквиваленты предложений (11a) к (11b) более чем в 30 языках.

(11) a) The book is on the table.

‘(Эта) книга (находится) на столе’.

b) There is a book on the table.

‘На столе книга’.

Хотя предложения (11a) и (11b) кажутся схожими по смыслу и могли бы быть описаны как различающиеся семантически только в отношении определенности или неопределенности референта слова book ‘книга’ (далее я буду доказывать, что такое описание было бы некорректным), их синтаксические структуры совершенно различны. Более того, Кларк считает, что употребление различных синтаксических структур для предложений со значением местонахождения (locatives) (например, 11a) и существования (existentials) (например, 11b) — явление широко распространенное, характерное для большинства рассматриваемых языков³.

Сравнивая предложения (11a) и (11b), мы находим, что различие между ними состоит в следующем: в локативном предложении локализуемая сущность (the book ‘эта книга’) выражена подлежащим, а в экзистенциальном предложении экзистент (= существование чего констатируется: a book) синтаксически выражен как часть сказуемого*. Оказывается, что точно такие же различия имеются в тех 24 языках, в которых используются разные синтаксические структуры для локативных и экзистенциальных значений (ср. Clark 1970; табл. 3). Таким образом, во всех этих 24 языках эквивалент слова the book из (11a) выражается именем, стоящим в предложении в исходной позиции, которая в каждом из этих языков является обычно позицией подлежащего. Одновременно во всех 24 языках эквивалент слова a book из (11b) выражается именем не в начальной позиции, т. е. не подлежащим, а скорее всего таким именем, которое является частью сказуемого.

Дальнейшее исследование структуры экзистенциальных

* Речь идет об английском оригинале, а не о русском переводе, —
Прим. перев.

предложений в этих 24 языках позволяет сделать еще одно обобщение: оказывается, они употребляют в экзистенциальных предложениях либо *б е с п о д л е ж а щ н у ю* конструкцию (21 язык), либо конструкцию с *ф и к т и в н ы м* подлежащим (3 языка). (Экзистенциальное предложение или вовсе не имеет имени в начальной позиции, или имеет семантически пустую проформу, такую, как английское *there* или французское *il*.) Отсутствие в экзистенциальных предложениях обычных подлежащих в широком круге языков вряд ли является случайным и в действительности может быть понято, особенно в свете данных филиппинских языков, как естественное следствие референциального выделения подлежащих.

Тагальскими эквивалентами предложений (11a) и (11b) соответственно являются фразы (12a) и (12b):

- (12) a) *Nasa mesa ang libro.*
на стол *T* книга
'Эта книга на столе'.
b) *May libro sa mesa.*
*E/P** книга на стол
'На столе книга'.

Предложение (12a) соответствует общей модели простого повествовательного предложения в филиппинских языках и состоит из предиката и следующего за ним топика. Такая общая модель, иллюстрируемая также примерами (13), используется в предложениях со сказуемым, выраженным существительными (например, (13a)), прилагательными (например, (13b)) и словосочетаниями с начальными частицами или предлогами различных типов, например, (12a) и (13c):

- (13) a) *Nobela ang libro.*
роман *T* книга
'Эта книга — роман'.
b) *Mahal ang libro.*
дорогой *T* книга
'Эта книга дорогая'.
c) *Para-sa iyo ang libro.*
для ты *T* книга
'Эта книга для тебя'.

* E — Empty (семантически пустой элемент); P — Possessive (посессивный элемент), см. также примечание 4, — *Прим. перев.*

Но в предложении (12b) отсутствует топик, а за сказуемым *may libro* следует предложная группа *sa mesa* ⁴.

Отсутствие топиков в экзистенциальных предложениях в филиппинских языках естественным образом вытекает из свойства топиков быть регулярно определенными, то есть регулярно иметь презумпцию референтности. Так как значение экзистенциального предложения требует, чтобы экзистент был неопределенным, то было бы странно выражать его при помощи референциально выделенного топика. Аналогичным образом в языках с четко выраженным подлежащим (поскольку подлежащее по сравнению с другими именами в предложении является референциально выделенным) оно было бы неподходящим кандидатом для выражения экзистентов. Вот почему многократно было засвидетельствовано отсутствие обычных подлежащих в экзистенциальных предложениях.

СВОЙСТВА ПОДЛЕЖАЩИХ, СВЯЗАННЫЕ С РОЛЕВЫМ СТАТУСОМ

Итак, мы рассмотрели три свойства, объединяющие подлежащее в ряде языков с филиппинским топиком: 1) способность к релятивизации, 2) способность отпускать от себя свободно перемещающиеся кванторы и 3) невстречаемость в экзистенциальных предложениях. Мы видели, что эти свойства могут быть объяснены референциальной выделенностью, общей для подлежащего и топика. Обратимся теперь к рассмотрению некоторых свойств, общих для акторов филиппинских языков и подлежащих в других языках. Как было отмечено во введении, актер представляет собой индивид, чью роль в событии говорящий воспринимает как центральную; это, так сказать, главный герой. Поэтому актер может описываться как имя, обладающее ролевой выделенностью в противоположность другим именам в предложении. Эта его характеристика объединяет актер с подлежащим других языков, которое обычно и используется для перевода филиппинского актора. В последующих разделах я рассмотрю четыре синтаксических свойства, общих для актора и подлежащего, и в каждом случае постараюсь показать, что рассматриваемое свойство может быть объяснено ролевой выделенностью этих составляющих.

Императив

Кинэн заявляет, что «подлежащие обычно выражают адресатную составляющую императивов» (см. наст. сб., с. 260). Перефразируя это утверждение (и оставляя в стороне возможность императивов 1-го и 3-го лица, то есть гортатива и оптатива), можно, видимо, сформулировать следующее важное обобщение: в императивных предложениях подлежащими могут быть только местоимения 2-го лица. Если теперь обратиться к филиппинским языкам, мы увидим, что адресатную составляющую императива обычно выражают а к т о р ы (независимо от того, является актер топиком или нет) и что в императивных предложениях возможны только такие акторы, которые являются местоимениями 2-го лица. Следующие примеры из тагальского языка иллюстрируют эти факты:

- (14) а) Magbigay ka sa kaniya ng kape.
АТ-дать Т-ты Н ему Ц кофе
'Дай ему кофе'.
б) Bigyan mo siya ng kape.
НТ-дать А-ты Т-ему Ц кофе
'Дай ему кофе'.
в) Ibigay mo sa kaniya ang kape
ЦТ-дать А-ты Н ему Т кофе
'Дай ему этот кофе'.

Особый статус филиппинского актора в императивных предложениях естественным образом следует из его ролевой выделенности: то есть из того факта, что актер обозначает лицо, чью роль в событии говорящий воспринимает как центральную. Если рассматривать событие, обозначенное императивным предложением, то совершение или несвершение этого события всецело зависит от того, исполнит ли адресат желание говорящего. Поэтому совершено естественно, что адресат императивного предложения должен быть выражен составляющей, регулярно связанной со значением ролевой выделенности, то есть актором, и что только актер способен выполнять роль адресата. *Mutatis mutandis*, особый статус подлежащего в императивных предложениях в других языках также может быть объяснен исходя из факта его ролевой выделенности в предложении.

Рефлексивизация

В языках с четко выраженной категорией подлежащего одним из синтаксических свойств, обычно приписываемых подлежащему, является способность контролировать рефлексивизацию. Говоря точнее, существует много языков, в которых рефлексивизированные неподлежащие именные группы имеют в качестве антецедентов по анафорическому отношению подлежащие, но не обнаружено каких-либо языков с рефлексивизированными подлежащими, для которых анафорическими антецедентами были бы неподлежащие. Без сомнения, одним из важных факторов в этой ситуации является порядок слов. То есть в огромном большинстве языков подлежащие предшествуют неподлежащим (ср. К е е п а п 1976), а отношение «предшествования» — это одно из «отношений первенства», помогающих выделять главный элемент в анафорических конструкциях (ср. L a n g a s k e r 1969). Ниже я постараюсь показать, что расположение подлежащих перед неподлежащими фактически является отражением ролевой выделенности подлежащего в предложении, так что контроль подлежащего над рефлексивизацией можно описать как косвенное проявление ролевого статуса подлежащего. Однако я думаю, что может быть установлена также и более прямая связь между рефлексивизацией и ролевой выделенностью.

Как показывают нижеследующие тагальские примеры, в филиппинских языках актер, независимо от того, является ли он топиком или нет, может контролировать рефлексивизацию (ср. предложения (15a) и (15b)), но не может сам подвергаться рефлексивизации (ср. грамматически неправильные выражения в примерах (16a) и (16b)). (Тагальские рефлексивные группы образуются при помощи притяжательного местоимения и имени *sarili* 'сам'.)

- (15) a) Nag-aalala ang lolo sa kaniyang sarili.
AT-беспокоиться *T* дедушка *H* его сам
 'Дедушка беспокоится о себе'
- b) Inaalala ng lolo ang kaniyang sarili.
HT-беспокоиться *A* дедушка *T* его сам
 'Дедушку беспокоит он сам'.
- (16) a) *Nag-aalala sa lolo ang kaniyang sarili
AT-беспокоиться *H* дедушка *T* его сам
- b) *Inaalala ang lolo ng kaniyang sarili.
HT-беспокоиться *T* дедушка *A* его сам

Иными словами, в филиппинских языках в контексте рефлексивизации именно актер ведет себя подобно подлежащему. Как объясняется этот факт?

Из значений предложений, аналогичных (15), видно прежде всего, что такие предложения содержат два имени, которые соотносятся с одним и тем же лицом: это актер и возвратное местоимение. Во-вторых, видно, что лицо, соотносимое с этими двумя именами, рассматривается говорящим как центральное в событии, отраженном в предложении; фактически никакого другого лица в этом событии нет. И наконец, ясно, что из этих двух имен, соотносящихся с центральным действующим лицом, только одно имя, а именно актер, соотносится с ним *н е з а в и с и м о*, только он в действительности *и д е н т и ф и ц и р у е т* это лицо, а другое рефлексивизированное имя соотносится с главным действующим лицом только благодаря своей кореферентности актору⁵.

Поскольку, как было отмечено ранее, в филиппинских языках именно актер регулярно идентифицирует главное действующее лицо в предложениях, то неудивительно, что актер обладает этой функцией и в предложениях с рефлексивными группами, как в примерах (15a) и (15b). Неудивительно также, что выражения (16a) и (16b) являются грамматически неправильными, поскольку в них актер в действительности не идентифицирует главное действующее лицо, а только соотносит его с другим именем, осуществляющим эту идентификацию.

Аналогичным образом в языках, где подлежащее идентифицирует главное лицо события, кажется обоснованным ожидать, чтобы эта идентификация была максимально непосредственной и чтобы поэтому подлежащее было способно контролировать рефлексивизацию, но само не было способным подвергаться рефлексивизации. Итак, общность свойств актора и подлежащего в контексте рефлексивизации можно рассматривать как следствие ролевой выделенности этих составляющих.

Эллипсис в инфинитивных дополнениях

Среди современных грамматистов существуют некоторые разногласия относительно того, как правильно анализировать предложения с бесподлежащими инфинитив-

ными дополнениями, такие, как John wanted to leave 'Джон хотел уехать' (ср., например, подходы Постала (Postal 1970) и Джекендоффа (Jaskendoff 1972)). Однако все исследователи сходятся в том, что дополнения в таких предложениях имеют эллиптический характер, то есть что в них отсутствует четко выраженное подлежащее, или, иначе, инфинитивные дополнения имеют то же самое подлежащее, что и матричный глагол*.

В филиппинских языках эллиптическая конструкция, которая соответствует бесподлежащему инфинитивному дополнению, является безакторным инфинитивным дополнением. Эта конструкция иллюстрируется примерами:

(17) a) Nag-atubili siyang humiram ng pera sa
 AT-опасался T-он-Li AT-занимать Ц деньги H
 bangko.

банк

'Он опасался занять деньги в банке'.

b) Nag-atubili siyang hiramín ang pera ang
 AT-опасался T-он-Li ЦТ-занимать T деньги H
 bangko.

банк

'Он опасался занять эти деньги в банке'

c) Nag-atubili siyang hiramán ng pera ang
 AT-опасался T-он-Li ЦТ-занимать Ц деньги T
 bangko.

банк

'Он опасался занять деньги в этом банке'.

Если мы сравним эти предложения с предложениями (18), то увидим, что в каждом случае дополнение в предложениях (17) образуется исключением актора (независимо от того, является ли он также топи́ком или нет) из соответствующих предложений (18) и заменой личной глагольной формы соответствующим инфинитивом*:

(18) a) Humiram siya ng pera sa bangko.

AT-занял T-он Ц деньги H банк

'Он занял деньги в банке'.

b) Hiniram niya ang pera sa bangko.

ЦТ-занял A-он T деньги H банк

'Он занял эти деньги в банке'.

* То есть глагол матричного предложения — предложения, в которое вставляется инфинитивное дополнение.— Прим. ред.

с) *Hinigaman niya ng pera ang bangko.*

HT-занял А-он Ц деньги T банк

'Он занял деньги в этом банке'.

Как было доказано в ПФЯ, отсутствие актора в инфинитивных дополнениях в предложениях, подобных (17), может рассматриваться как естественное следствие ролевой выделенности актора. В таких предложениях главная роль в событии, выраженном инфинитивным дополнением, прямо приписывается референту имени матричного предложения. Например, в предложении (17) главная роль приписывается референту матричного имени *siya* 'он'. Таким образом, оказывается возможным исключить из дополнительной конструкции само имя, которое при его наличии интерпретировалось бы так же. И в этом случае, поскольку подлежащее и актор обладают общим семантическим свойством ролевой выделенности, можно ожидать также общности таких синтаксических свойств, которые следуют из ролевой выделенности, как, например, обсуждаемое свойство эллиптичности.

Однако в английском языке существуют некоторые бесподлежащие инфинитивные дополнения, которые могли бы опровергнуть сделанные выше утверждения. Это п а с с и в н ы е инфинитивные дополнения в предложениях типа

(19) *John wants to be examined by the doctor.*

'Джон хочет быть осмотренным доктором'.

Согласно принятому в трансформационных грамматиках взгляду на пассив, пассивное подлежащее образуется из исходного прямого дополнения. А в соответствии с принятыми представлениями об отношениях между синтаксисом и семантикой только исходная функция имени семантически значима⁷. Поэтому могло бы показаться сомнительным желание объяснять отсутствие подлежащего в составе инфинитивного дополнения в предложении, подобном (19), общим семантическим явлением «ролевого выделения».

Интересно, что в филиппинских языках нет конструкций, которые были бы сравнимы с предложением (19). Например, чтобы выразить по-тагальски приблизительный смысл предложения (19), нужно употребить фразу (20a), где нет эллипсиса внутри инфинитивного дополнения, а не грамматически неправильное выражение (20b):

(20) a) *Gusto ni Juang suriin siya ng*
ЦТ-хотеть А Хуан-Ли ЦТ-осмотреть Т-он А
doctor.

доктор

'Хуан хочет, чтобы доктор осмотрел его'.

b) **Gusto ni Juang suriin ng doctor.*
ЦТ-хотеть А Хуан-Ли ЦТ-осмотреть А доктор.

Грамматическая неправильность выражения (20b) согласуется со сделанным выше утверждением о том, что только имя с выделенной ролью, а именно актер, может быть опущено при образовании эллиптического инфинитивного дополнения. В инфинитивном дополнении в (20b) опущен не актер, а топик цели (ср. с предложением (20a)); отсюда и грамматически неправильный результат.

С другой стороны, грамматическая правильность предложения (19) может, как уже отмечалось, не совпадать с описанным нами отношением между эллипсисом и ролевым выделением в том случае, если смотреть на пассив с точки зрения трансформационной грамматики. Однако в последнем разделе статьи я надеюсь показать, что этот взгляд на пассив в действительности неверен и что пассивное подлежащее в такой же мере, как и активное, является исходным подлежащим. Если это допущение верно, тогда предложения, подобные (19), не противоречат моему утверждению о связи ролевого статуса с эллипсисом в инфинитивных дополнениях.

Порядок слов

Во введении уже говорилось, что в тагальском языке в простых повествовательных предложениях только глагол занимает фиксированную (начальную) позицию, а порядок имен в предложении, как правило, совершенно свободный. Однако существуют другие филиппинские языки, в которых имена располагаются вслед за глаголом в фиксированном порядке. В этих языках позиционные особенности актора напоминают соответствующие свойства подлежащего.

Насколько я знаю, во всех филиппинских языках, где порядок имен фиксирован, актер (независимо от того, является ли он топиком или нет) всегда занимает в предложении место первого имени. Так, например, обстоит дело в языках себуано (ср. Bell 1974), калаган

(ср. Collins 1970) и пангасинан (ср. Benton 1971)⁸. В то же время в языках с фиксированным порядком слов и четко выраженным подлежащим обычно подлежащее предшествует любому другому имени в предложении. Так, Кинэн (Keenan 1976), хотя и отмечает ряд исключений, фактически считает нахождение в «самой левой» позиции именной группы одним из универсальных свойств подлежащего. Представляется, таким образом, очевидным, что в отношении порядка слов актер в филиппинских языках подобен подлежащему, как в силу того, что он имеет отношение к порядку слов, так и в связи с тем, какую реальную позицию относительно других имен он занимает.

Предшествование актора всем прочим именам в предложении довольно естественно следует из его ролевой выделенности. Поскольку актер обозначает лицо, чья роль в событии воспринимается говорящим как центральная, кажется вполне понятным намерение назвать это лицо в предложении как можно раньше. Аналогично можно объяснить факт предшествования подлежащих неподлежащим. Представляется, таким образом, что общность свойств подлежащего и актора в отношении порядка слов, так же как и отмеченные ранее общие свойства, связанные с императивами, рефлексивизацией и эллиптическими инфинитивными дополнениями, могут быть с достаточным основанием соотнесены с тем фактом, что подлежащие и акторы имеют общее семантическое свойство ролевой выделенности.

Прочие следствия из данных филиппинских языков

Как уже было показано выше, филиппинские языки, хотя в них и отсутствует синтаксическая категория, которая может быть однозначно отождествлена с категорией подлежащего других языков, позволяют выдвинуть некоторые объяснения того, почему подлежащие других языков обладают присущими им синтаксическими свойствами. В заключительной части настоящей работы я предполагаю рассмотреть некоторые другие следствия, вытекающие из фактов филиппинских языков, которые имеют значение для синтаксического описания других языков и для общей синтаксической теории. В частности, я хочу рассмотреть, какое значение имеют данные филипп-

пинских языков для анализа экзистенциальных предложений и «производных подлежащих», а также для определения статуса подлежащего в универсальной грамматике.

Анализ экзистенциальных предложений

Выше было показано, что эквиваленты экзистенциальных предложений, таких, как

(11) b) *There is a book on the table.*

‘На столе книга’,

в филиппинских языках не имеют топиков, и утверждалось, что этот синтаксический факт имеет семантическую природу, а именно: топик регулярно имеет презумпцию референтности, а она несовместима со значением экзистенциального предложения. Было отмечено также, что в большинстве языков с четко выраженным подлежащим в экзистенциальных предложениях фактически отсутствует обычное подлежащее: эти предложения либо являются бесподлежащими, либо имеют семантически пустое подлежащее, аналогичное английскому *there*. Это явление, как было сказано, имеет также семантическую природу, поскольку подлежащее, подобно топикю, референциально выделено.

С обычной точки зрения грамматистов — как сторонников порождающей грамматики, так и их предшественников — в таких английских экзистенциальных предложениях, как (11b) или как (21):

(21) *There is a solution to the energy problem.*

‘Существует решение энергетической проблемы’, собственно подлежащим или глубинным подлежащим считается та именная группа, которая в поверхностной структуре следует за глаголом *be* (например, в предложении (21) это именная группа *a solution to the energy problem*), а слово *there*, которое предшествует *be*, считается квазиподлежащим, или поверхностным подлежащим^{9, 10}. В трансформационных грамматиках смещение глубинного подлежащего и вставление *there* описывается трансформационным правилом *there*-вставления (см., например, *Васн* 1974, 143—145). Это правило, которое ставит глубинное подлежащее в позицию именной части сказуемого и помещает *there* в позицию подлежащего, оказывается просто

произвольным правилом английского синтаксиса. Поэтому вряд ли можно надеяться обнаружить аналогичные правила в других, не родственном английском языках.

Однако, как было отмечено выше, Кларк (Clark 1970) обнаружил, что в экзистенциальных предложениях многих языков, как и в английском языке, экзистент представляет собой часть предиката, хотя относительно немногие языки, подобно английскому, используют семантически пустую морфему в обычной позиции подлежащего. Таким образом, если в английском языке есть произвольное правило перемещения глубинного подлежащего экзистенциального предложения в положение именной части сказуемого, то, по-видимому, во многих других языках также может быть произвольное правило с тем же самым результатом.

Мне представляется, что синтаксическая структура экзистенциальных предложений не так произвольна, как это следует из приведенного порождающего объяснения, а скорее является отражением смысла этих предложений. По моему мнению, экзистенциальное предложение (21) и семантически, и синтаксически подобно неэкзистенциальному идентифицирующему предложению (22):

(22) Conservation is a solution to the energy problem.

‘Консервация есть решение энергетической проблемы’.

В обоих предложениях — (21) и (22) — имеется синтаксический предикат *is a solution to the energy problem* ‘решение энергетической проблемы’, который выражает некоторое свойство (свойство быть решением энергетической проблемы), приписываемое некоторой сущности. Предложения (21) и (22) семантически различаются тем, что в одном из них непосредственно указывается сущность, обладающая этим свойством. В предложении (22) такая сущность (то есть *conservation*) есть, а в предложении (21) ее нет. Синтаксическим коррелятом этого различия является наличие обычного определенного именного подлежащего в предложении (22) и отсутствие такого подлежащего в предложении (21)¹¹. С моей точки зрения, глубинная и поверхностная структуры английских экзистенциальных предложений, таких, как (21), по существу идентичны. Такое понимание резко отличается от обычных представлений порождающей теории, согласно которым, как уже было указано, предложение (21) порождается из глубинной структуры, близкой к:

(23) *A solution to the energy problem is,
и, таким образом, сочетание a solution to the energy problem рассматривается не как исходная часть сказуемого, а как исходное подлежащее. В пользу такого анализа был выдвинут ряд синтаксических аргументов (я надеюсь разобрать их в одной из последующих работ), но существуют синтаксические аргументы и против такого анализа¹². С семантической точки зрения выведение предложения (21) из (23) предполагает, что сочетание a solution to the energy problem в предложении (21), подобно другим подлежащим, является референтным, а это представляется мне не совсем правильной трактовкой семантических фактов. К тому же, исходя из обычной точки зрения, как уже отмечалось, не удается проникнуть в смысл данных разнообразных языков. Предлагаемый мной подход не имеет такого недостатка. Согласно этому подходу, многие языки выражают экзистент синтаксическим предикатом, который тождествен семантическому предикату. В языках с четко выраженным подлежащим экзистенциальные предложения бесподлежащны (или имеют семантически пустое подлежащее) по той же самой причине, по которой в филиппинских языках экзистенциальные предложения не содержат топиков: подлежащие, подобно топикам, референциально выделенны, а это референциальное выделение несовместимо со значением экзистенциальных предложений.

Анализ «производных подлежащих»

Выше было сформулировано утверждение, что в филиппинских языках некоторые синтаксические свойства актора можно с достаточным основанием рассматривать как следствие выделенности его семантической роли. Было также сказано, что в языках типа английского, где рассматриваемые синтаксические свойства характеризуют подлежащее, может быть выявлена та же самая взаимосвязь синтаксиса и семантики.

Об одном возможном возражении против последнего утверждения уже упоминалось в разделе, посвященном эллиптическим инфинитивным дополнениям. Там отмечалось, что примеры типа

(19) John wants to be examined by the doctor.
'Джон хочет быть осмотренным доктором'

показывают, что в английском языке эллипсис в составе инфинитивного дополнения есть свойство не только активного, но также и пассивного подлежащего. Поскольку в трансформационных грамматиках английские пассивные подлежащие традиционно выводятся из глубинных прямых дополнений и поскольку только г л у б и н н а я роль имени традиционно признается семантически значимой, то можно было бы утверждать, что свойство подверженности эллиптическому опущению, общее для активных и пассивных подлежащих, не может быть объяснено на семантической основе.

Аналогичные аргументы против предполагаемой семантико-синтаксической корреляции могут опираться на следующие примеры ¹³:

(24) a) Don't you be fooled by him.

‘Не будь одурачен им’.

b) McGovern wasn't defeated by Nixon, he was defeated by *himself*.

‘Мак-Говерн не был побежден Никсоном; он был побежден *самим собой*’.

(25) a) Don't you be too easy to please.

‘Не будь таким, чтобы тебе было слишком легко угодить’.

b) John appeared to himself to be the obvious choice’
‘Джон казался себе очевидным объектом выбора’.

c) John doesn't want to appear to be overconfident.

‘Джон не хочет показаться слишком самоуверенным’.

Примеры (24) показывают, что эллиптичность в дополнительных оборотах есть не единственное (предположительно ролевое) свойство подлежащего, общее для пассивных и активных подлежащих: из предложения (24a) видно, что адресат императива может быть выражен пассивным подлежащим, в то время как предложение (24b) показывает, что пассивное подлежащее может контролировать рефлексивизацию. В то же время из примеров (25) видно, что, подобно пассивным подлежащим, некоторые другие поверхностные подлежащие, традиционно анализируемые как результат трансформаций, обнаруживают (предположительно ролевые) свойства подлежащего. Так, поверхностное подлежащее предложения (25a) получается, согласно распространенной трансформационной точке зрения (ср. P o s t a l 1974), из глубинного прямого дополнения встав-

ленного предложения, а поверхностное подлежащее предложения (25b) соотносится с глубинным подлежащим вставленного предложения и семантически не связано с матричным глаголом. Согласно той же точке зрения, в примере (25c) отсутствующее подлежащее дополнительного оборота, подчиненного глаголу want, также не является глубинным подлежащим глагола arreag, а скорее глубинным подлежащим вставленного предложения, подчиненного глаголу arreag. Однако рассматриваемое поверхностное подлежащее в каждом конкретном случае обнаруживает одно из тех свойств подлежащего, которые я соотношу с ролевой выделенностью: свойство подлежащего-адресата при императиве в (25a), свойство рефлексивизации в (25b) и свойство эллипсиса в дополнительном обороте в (25c). И, конечно, все поверхностные подлежащие в примерах (24) и (25) стоят в позиции подлежащего, что также было определено мной как ролевое свойство подлежащего.

Итак, мне кажется, что, какова бы ни была история вывода пассивных и поднятых подлежащих * в примерах (24) и (25), их фактически объединяет с подлежащими простых активных предложений общее семантическое свойство ролевой выделенности. Оно состоит в том, что референт подлежащего в каждом случае воспринимается говорящим как лицо, играющее главную роль в соответствующем событии. Я считаю, что самая главная функция пассивной конструкции в том и состоит, чтобы приписать пациенту более важную роль, чем агенту. (В этой связи интересно заметить, что в пассивных предложениях только пациент является обязательно выраженным, а выражение агента — факультативно.) Исходя из вышеизложенного, я бы утверждал, что существует семантическое различие между предложениями (26a) и (26b) и, разумеется, между (26a) и (26c), которое может быть частично объяснено степенью выделенности референта имени McGovern:

(26) a) Nixon defeated McGovern in 1972.

‘Никсон победил Мак-Говерна в 1972 году’.

b) McGovern was defeated by Nixon in 1972.

‘Мак-Говерн был побежден Никсоном в 1972 году’.

* То есть подлежащих, полученных в результате трансформации Подъема.— *Прим. перев.*

c) McGovern was defeated in 1972.

‘Мак-Говерн был побежден в 1972 году’.

Подобные же утверждения могут быть (и уже были) сделаны относительно семантического выделения поднятых подлежащих в противоположность их неподнятым коррелятам. Так, Парти (Partee 1971), рассматривая следующие примеры:

(27) a) It appears that John is shooting at Bill.

‘Кажется, что Джон стреляет в Билла’.

b) John appears to be shooting at Bill.

‘Джон кажется стреляющим в Билла’.

отмечает семантическое различие между ними, которое формулирует следующим образом: «Различие между этими предложениями состоит в различии между точками зрения говорящего: в предложении (27a) он описывает ситуацию в целом, а в (27b) сосредоточивает свое внимание на Джоне» (см. Partee 1971, 17—18). Я полагаю, что сосредоточение внимания на Джоне в предложении (27b) — это и есть обычное ролевое выделение, относящееся к референту подлежащего в предложении. На мой взгляд, пассивные подлежащие и поднятые подлежащие, как подлежащие вообще, объединяет общее свойство семантической выделенности и что это общее семантическое свойство лежит в основе перечисленных выше общих для них синтаксических свойств. Но если это утверждение верно, то тогда что-то должно быть неверно либо в способе, которым сторонники трансформационного метода порождают рассматриваемые конструкции, либо в их взглядах на соотношение между синтаксисом и семантикой, либо, возможно, и в том и другом одновременно. Трансформационалисты обычно утверждают, что пассивные и т. п. подлежащие являются производными подлежащими. В то же время они считают, что только глубокие синтаксические отношения являются семантически значимыми (ср. прим. 7). Разумеется, невозможно отстаивать обе эти точки зрения сразу, если придерживаться высказанного выше взгляда на семантическое сходство пассивных и поднятых подлежащих с подлежащими других типов.

Есть один выход из этого противоречия, и он, как я думаю, имеет хорошую независимую мотивацию. Он заключается в отказе от традиционного трансформационного взгляда на пассивы и конструкции с подъемом в пользу взгляда, согласно которому поверхностное под-

лежащее в этих конструкциях идентично исходному подлежащему, то есть взгляду, согласно которому трансформации Пассива и Подъема исключаются из грамматики. Имея в виду пассивные конструкции, авторы работ *S h o r e n 1972*, *F r e i d i n 1975* предлагают значительное количество аргументов в защиту нетрансформационного анализа; некоторые дополнительные аргументы можно найти в *S c h a c h t e r 1976b*, разд. 4.2. Что касается трансформации Подъема, то в работе *L a s n i k — F i e n g o 1974*, как и в некоторых других, предлагается использовать вместо нее такой способ порождения предложений типа *John is easy to please* 'Джону легко угодить' *, при котором глубинное и поверхностное подлежащее были бы идентичны, поэтому нетрудно найти аргументы в пользу аналогичного непосредственного вывода поверхностных подлежащих в других типах конструкций, связанных с Подъемом (например, *John appears to be shooting at Bill* 'Джон кажется стреляющим в Билла'; ср. *S c h a c h t e r 1976b*, разд. 4.2).

Другим возможным выходом является сохранение трансформаций Пассива и Подъема и изменение традиционного взгляда на соотношение между синтаксисом и семантикой, так, чтобы стало возможным приписывать семантическую выделенность производным подлежащим. Во всяком случае, признание, что существуют ролевые свойства подлежащего и что эти ролевые свойства присущи некоторым типам подлежащих, которые считаются результатом действия трансформаций, имеет далеко идущие последствия.

Статус подлежащего в универсальной грамматике

Пожалуй, самые интересные выводы из рассмотренных нами данных филиппинского языка относятся к вопросу о статусе подлежащего в универсальной грамматике. Если принять, что в филиппинских языках нет единой составляющей, которой соответствовала бы категория подлежащего в других языках, и что вместо нее существуют два типа составляющих — топик и актор, которые делят ряд

* Перевод не передает синтаксической специфики оригинала, в котором *John* 'Джон' является поверхностным подлежащим при сказуемом *is easy* 'легко', — *Прим. перев.*

свойств подлежащего между собой, тогда обычное допущение об универсальности подлежащего, видимо, не может быть признано верным. Хотя я писал уже об этом в ПФЯ, мне кажется, что этого вопроса стоит коснуться еще раз, ибо, если высказанная мной гипотеза окажется достаточно обоснованной, она могла бы поставить под сомнение многие утверждения о языке, которые основываются на презумпции универсальности подлежащих, включая ряд утверждений, характерных, как мне кажется, для теории реляционной грамматики. В этой связи я хотел бы, в частности, остановиться на такой возможности анализа (предложенного мне П. Посталом в личной беседе) филиппинских языков, при котором и топик, и актор идентифицируются как подлежащие, но как подлежащие на различных уровнях синтаксического анализа.

В соответствии с этим предложением актор мог бы рассматриваться как «исходное подлежащее» (или глубинное подлежащее), а топик — как «циклическое подлежащее» (то есть подлежащее, получающееся после всех трансформаций, применимых к сфере наиболее низкого из доминирующих над ним узлов S). При этом предложения с актором-топиком имели бы статус, подобный английскому простому активному предложению, в котором исходное подлежащее является также циклическим подлежащим, в то время как предложения с неактором-топиком имели бы статус, подобный английским пассивным конструкциям, в которых исходное подлежащее и циклическое подлежащее различаются. (В этом разделе я позволю себе ради удобства изложения предположить, что пассивные подлежащие порождаются трансформационно, хотя, как видно из предыдущего раздела, я считаю, что есть веские причины сомневаться в верности этого предположения.) Тогда суть дела состояла бы не в том, что в филиппинских языках ряд свойств подлежащего распределен между двумя типами составляющих, ни одна из которых не является подлежащим, а в том, что эти свойства распределены между исходным и циклическим подлежащими.

Существуют, однако, аргументы, которые можно выдвинуть против этого предложения. Первый аргумент, принадлежащий Белл (Bell 1974), предполагает правильность некоторых синтаксических универсалий, которые предлагаются в рамках реляционной грамматики. Это значит, что, во-первых, определенные грамматические свой-

ства однозначно связаны с так называемыми термовыми грамматическими отношениями, то есть с подлежащими, прямыми дополнениями и непрямыми дополнениями; во-вторых, существует следующий Закон уничтожения отношений:

(28) **Закон уничтожения отношений.** *Если именная группа ИГ₁ приобретает грамматическое отношение, ранее относившееся к именной группе ИГ₂, то тогда группа ИГ₁ перестает обладать каким-либо грамматическим отношением и становится шомёром**.

В соответствии с этим Законом, если начальное подлежащее трансформационно замещается производным циклическим подлежащим, то начальное подлежащее становится ш о м ё р о м и больше не обладает теми свойствами, которые присущи только термам.

Одним из синтаксических свойств, приписываемых исключительно термам, является свойство контролировать рефлексивизацию, а в филиппинских языках, как мы уже видели, этим свойством наделен актер, независимо от того, является ли он еще и топиком или нет; ср. уже приводившиеся примеры:

- (15) а) Nag-aalala ang lolo sa kaniyang sarili.
AT-беспокоиться T дедушка H его сам
 'Дедушка беспокоится о себе'.
 б) Inaalala ng lolo ang kaniyang sarili.
HT-беспокоиться A дедушка T его сам
 'Дедушку беспокоит он сам'.

Но, согласно обсуждаемой интерпретации, при которой актер есть исходное подлежащее, а топик — циклическое подлежащее, нетопик-актер должен быть таким подлежащим, чья первоначальная роль перешла к топику. Таким образом, согласно Закону уничтожения отношений (28), нетопик-актер должен быть шомёром и не в состоянии контролировать рефлексивизацию, что он на самом деле делает в предложении (15b). Поэтому, если Закон уничтожения отношений правилен, то рассматриваемая интерпретация должна быть неверна: актер не может быть исходным подлежащим, потому что нетопик-актер — это явно не шомёр¹⁴.

Второй аргумент против интерпретации, при которой

* О термине «шомёр» см. наст. сборник, с. 23—25, 67.— *Прим. ред.*

акторы являются исходными подлежащими, а топики — циклическими, может быть основан на том факте, что в филиппинских языках с фиксированным порядком слов именно актер, а не топик оказывает влияние на порядок слов и ведет себя в отношении порядка слов подобно подлежащему. Ясно, что не такой ситуации следовало бы ожидать, если бы обсуждаемая интерпретация была правильной, поскольку в языках с четко выраженным подлежащим, таких, как английский, порядок слов всегда определяется циклическим, а не исходным подлежащим. Например, в английских пассивных предложениях позиция подлежащего занята не агенсом (который реляционной грамматикой анализировался бы как исходное подлежащее), а пассивным подлежащим (реляционная грамматика анализировала бы его как исходное прямое дополнение, которое становится циклическим подлежащим). Если согласиться со вторым аргументом, то филиппинские языки с фиксированным порядком слов странным образом отличались бы от прочих языков с фиксированным порядком слов, ибо их правила, предположительно изменяющие синтаксические отношения, оставляли бы порядок исходных составляющих в основном нетронутым.

Третий аргумент против обсуждаемой интерпретации зависит от корректности высказанных выше утверждений относительно семантического сходства между филиппинским актором и поверхностным подлежащим в других языках. Высказывалось мнение, что «ролевое выделение», присущее актору в филиппинских языках, в других языках обычно связано с поверхностным подлежащим, независимо от того, получено ли это поверхностное подлежащее, согласно обычному описанию, из глубинного (или исходного) подлежащего или нет. Утверждалось, таким образом, что пассивным подлежащим и подлежащим, которые, согласно традиционной точке зрения, поднимаются в позицию подлежащего из вставленных предложений, свойственно то же ролевое выделение, что и обычным активным подлежащим.

Заметим, однако, что, если обсуждаемая интерпретация правильна, тогда актер в филиппинских языках является исходным подлежащим, но совсем не обязательно он должен быть поверхностным подлежащим. В этом случае необходимо дать объяснение, почему выделение семантической роли, которое в языках с четкой идентификацией подле-

жащих связано с поверхностными подлежащими, в филиппинских языках присуще только исходному подлежащему.

Последний аргумент против обсуждаемой интерпретации базируется на том, что если согласиться с ней, то все глагольные конструкции, содержащие неактор-топик, должны образовываться из глубинных конструкций с актором в качестве подлежащего, так что, если не действует правило изменения термов, в итоге должно получаться предложение с актором-топиком. Далее, как отмечено в ПФЯ, в тагальском языке (и, я полагаю, в других филиппинских языках) имеется достаточно много переходных глаголов с актором-топиком, которые дистрибутивно более ограничены, чем их корреляты с топиком цели. Формы этих глаголов с топиком цели могут быть предикатами простых повествовательных предложений, в то время как формы с актором-топиком ими быть не могут, поскольку встречаются только в относительных предложениях и в некоторых номинализациях (которые могут рассматриваться как безвершинные придаточные относительные). Следующие примеры иллюстрируют эти дистрибутивные свойства:

- (29) a) *Tinakot ng lalaki ang bata.*
ЦТ-испугал А человек Т ребенок
'Некоторый/этот человек испугал этого ребенка'.
b) **Tumakot ang lalaki ng bata.*
АТ-испугал Т человек Ц ребенок
c) *Nasaan ang lalaking tumakot ng bata?*
где Т человек-Ли АТ-испугал Ц ребенок
'Где этот человек, который испугал ребенка?'
d) *Nasaan ang tumakot ng bata?*
где Т АТ-испугал Ц ребенок
'Где тот, кто испугал ребенка?'
(Где испугавший ребенка?)'.

Как показывают эти примеры, глагол *tinakot* с топиком цели используется в качестве предиката простого повествовательного предложения (29a), но соответствующий глагол *tumakot* с актором-топиком не используется в таком предложении (ср. (29b)), хотя он может употребляться в относительном придаточном (29c) или при номинализации (29d).

Можно ли объяснить эту дистрибуцию с помощью ин-

терпретации, при которой актер всегда является исходным подлежащим, а «подлежащее-цель», т. е. топик цели, образуется только в результате трансформации? По-видимому, для этого следовало бы присвоить рассматриваемым глаголам некоторый лексический признак, который вызывал бы обязательное применение правила образования подлежащего-цели только там, где это нужно, то есть в главных предложениях, но не в относительных придаточных и т. д. Введение такой лексической маркировки, разумеется, возможно, но вряд ли целесообразно, поскольку оно потребовало бы достаточно мощного формального аппарата исключительно для данной частной цели. С другой стороны, если конструкции с топиком цели не являются трансформационно выводимыми, тогда для объяснения дистрибуции, проиллюстрированной примерами из (29), достаточно присвоить некоторым глаголам с актором-топиком контекстуальный признак, который ограничивал бы их включение в соответствующие контексты.

Как мне представляется, приведенные выше аргументы показывают, что анализ филиппинских языков, трактующий актер как исходное подлежащее, а топик как циклическое подлежащее, если не является абсолютно невозможным, то почти наверняка вводит в заблуждение. Ибо, принимая этот анализ, необходимо быть готовым отказаться от многих ценных обобщений относительно подлежащего, основанных на данных тех языков, для которых идентификация подлежащего осуществляется однозначно, и согласиться на объяснение ряда фактов самих филиппинских языков методом *ad hoc*. Поскольку я не знаю ни одного более успешного способа описания филиппинских языков как языков, обладающих категорией подлежащего, и поскольку эти языки могут быть удовлетворительно описаны как не имеющие подлежащих, я считаю, что предположение об универсальности подлежащего, во всяком случае для филиппинских языков, является чем-то вроде прокрустова ложа, и не вижу никакого выигрыша от втискивания их в это ложе. В то же время я усматриваю определенные преимущества в том, чтобы продолжать исследовать филиппинские языки, как имеющие не категорию подлежащего, а два неподлежащих типа составляющих, обладающих подлежащеподобными свойствами. И далеко не последним преимуществом такого описания является — надеюсь, мне удалось показать это в данной статье — то,

что таким способом удается неожиданно пролить свет на причины, в силу которых четко выраженные подлежащие других языков обладают присущими им свойствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Частица *ng* [naŋ], которая стоит после *lahat* в этом предложении, может рассматриваться как тип связки. *Mga* [maŋa] — префикс множественного числа.

² Кроме того, оказывается, что топики без слова *lahat* обладают той же неоднозначностью конкретного родового значения, что и именные группы, содержащие *lahat*. Ср. с (9a) два прочтения следующего предложения:

Binabasa ang mga bata ng mga libro.
AT-читать *T* *мн* ребенок *Ц* *мн* книга
 { 'Эти дети читают (некоторые) книги'. }
 { 'Дети читают (некоторые) книги'. }

³ Согласно таблице Кларка (Clark 1970, 12), 24 из 31 языка употребляют различные структуры для локативных и экзистенциальных предложений. Кроме того, в его списке среди семи языков, использующих одинаковую структуру для значений местонахождения и существования, приводится тагальский язык, а это, как мы увидим, неверно.

⁴ Перевод частицы *may* при помощи обозначения *E/P* в предложении (12b) отражает две функции этой частицы: экзистенциальную функцию, представленную в (12b), и посессивную функцию, как, например, в следующем предложении:

May libro ang bata
E/P книга *T* ребенок

'Этот ребенок имеет книгу (У этого ребенка есть книга)'.

Отношения между этими двумя функциями представляют собой интригующий материал для рассмотрения, но здесь не исследуются.

Составляющая *sa mesa* в предложении (12b) является несказуемым коррелятом сказуемого употребления локативной предложной группы *pasa mesa* в (12a).

⁵ Поэтому референция актора не меняется, если рефлексивную группу заменить каким-то другим именем, но референция рефлексивной группы изменяется при изменении актора, как это видно при сравнении предложения (15b) со следующими двумя примерами:

(i) *Inaalala ng lolo ang tatay.*

ЦТ-беспокоиться *A* дедушка *T* отец

'Дедушка беспокоится об отце'.

(ii) *Inaalala ng tatay ang kaniyang sarili.*

ЦТ-беспокоиться *A* отец *T* его сам

'Отец беспокоится о себе'.

⁶ В случае глагола с актором-топиком *humigam* (ср. (17a) и (18a)) личная (перфектная) форма и инфинитив омонимичны.

⁷ Так, несомненно, обстоит дело в рамках Стандартной теории трансформационной грамматики, где единственный уровень синтаксической структуры, обладающий семантической значимостью, — это уровень глубинной, или исходной, структуры. Но даже в рамках Рас,

ширенной стандартной теории Хомского (Chomsky 1972), где некоторые аспекты значения соотносятся с уровнем поверхностной синтаксической структуры, все-таки утверждается, что «всякий раз, когда грамматические отношения (такие, как подлежащее) играют роль при определении значения, это суть грамматические отношения глубинной структуры» (с. 134).

⁸ В языке калаган, в отличие от других указанных языков, топик также связан с порядком слов, а именно: топик, не являющийся актором, непосредственно следует за актором.

⁹ «Собственно подлежащее» и «квазиподлежащее» — это термины Есперсена (Jespersen 1949, 109—110), а «глубинное подлежащее» и «поверхностное подлежащее» — термины, используемые в литературе по трансформационной грамматике.

¹⁰ Следовало бы заметить, что среди сторонников порождающей грамматики существует по крайней мере одна точка зрения, согласно которой в экзистенциальных предложениях имя, следующее за глаголом *be*, не считается глубинным подлежащим. Такой взгляд, близкий к предлагаемой ниже интерпретации, содержится в Jenkins 1972.

¹¹ Я предполагаю, что в английских экзистенциальных предложениях наличие «пустого подлежащего» *there* (вместо отсутствия подлежащего совсем) отражает общее запрещение в английском языке синтаксически бесподлежащих неимперативных предложений. Поэтому в английском языке конструкции *it's raining* 'идет дождь', *it's hot today* 'сегодня жарко' и т. п. также требуют синтаксического подлежащего в отличие от многих других языков.

¹² Например, если конструкцию (21) считать производной от (23), тогда, очевидно, базовый компонент должен порождать структуры общего вида *NP+be*. В случаях, подобных (23), где «исходное подлежащее» выражено неопределенной именной группой, вставление *there*, по-видимому, обязательно, так что грамматически неправильные выражения, подобные (23), практически не доходят до поверхностного уровня. А если исходное подлежащее определено? Поскольку нежелательно допускать порождение выражений типа

* *The solution to the energy problem is.*

и поскольку отсутствует обязательная трансформация, которая превращала бы эти конструкции в грамматически правильные, то они должны, очевидно, «отфильтровываться» с помощью некоторой процедуры *ad hoc*. Таковы неизбежные последствия обычного порождающего описания экзистенциальных предложений; их не возникает при той интерпретации, которая предлагается в настоящей статье.

¹³ Я отдаю себе отчет в том, что некоторые из этих примеров включают такие типы конструкций, которые часто считаются отклонением от синтаксической нормы, например, пассивная конструкция с возвратностью в примере (24b). С моей точки зрения, эти типы конструкций синтаксически правильны, хотя иллюстрирующие их предложения часто семантически необычны. Во всяком случае, мое главное утверждение не очень зависит от грамматической правильности всех приведенных конструкций.

¹⁴ Однако этот аргумент несколько ослабляется тем, что в объяснение рассматриваемых фактов можно включить требование об урегулировании порядка правил: пусть актор будет исходным подлежащим, а топик — циклическим подлежащим, но пусть правило рефлексиви-

зации действует раньше, чем начинает действовать правило образования неактора-топика. При этом порядке при порождении фразы (15b) актор остается подлежащим тогда, когда действует правило рефлексивизации, так что Закон уничтожения отношений не вступает в силу. Но, согласно Белл, это предположение будет нарушать общий принцип упорядочивания правил в реляционной грамматике, по которому правила, образующие термы, всегда предшествуют правилам, изменяющим форму. Ясно, что правило, порождающее неактор-топик (то есть «циклическое подлежащее») в предложении (15b), должно быть правилом образования термов, но, если принимать требование об урегулировании порядка правил, оно должно действовать лишь после правила рефлексивизации, являющегося правилом изменения формы.

ЛИТЕРАТУРА

Bach 1974 — Bach E. *Syntactic Theory*. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1974.

Bell 1974 — Bell S. *Some Notes on Cebuano and Relational Grammar*. Unpublished paper, 1974.

Benton 1971 — Benton R. *Pangasinan Reference Grammar*. University of Hawaii Press, Honolulu, Hawaii, 1971.

Chomsky 1972 — Chomsky N. *Some Empirical Issues in the Theory of Transformational Grammar*. In: «*Studies on Semantics in Generative Grammar*», Mouton, The Hague, 1972.

Clark 1970 — Clark E. V. *Locatives: A Study of the Relations between 'Existential', 'Locative', and 'Possessive' Constructions*. In: «*Working Papers on Language Universals*», vol. 3, Stanford University, Stanford, California, 1970, 1—36.

Collins 1970 — Collins G. C. *Two Views of Kalagan Grammar*. Unpublished doctoral dissertation. Indiana University, Bloomington, Indiana, 1970.

Fillmore 1968 — Fillmore C. J. *The Case for Case*. In: «*Universals in Linguistic Theory*», E. Bach, R. Harms (eds.), Holt, Rinehart and Winston, New York, 1968 (русский перевод см. в сб. «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X. «Прогресс», М., 1981).

Freidin 1975 — Freidin R. *The Analysis of Passives*. In: «*Language*», 1975, 51, 384—405.

Givón 1974 — Givón T. *Toward a Discourse Definition of Syntax*. Unpublished paper, 1974.

Jackendoff 1972 — Jackendoff R. *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1972.

Jenkins 1972 — Jenkins L. *Modality in English Syntax*. Unpublished doctoral dissertation. MIT, Cambridge (Mass.), 1972.

Jespersen 1949 — Jespersen O. *A Modern English Grammar on Historical Principles*. Part VII. George Allen and Unwin, London, 1949.

Keenan 1976 — Keenan E. L. *Towards a Universal Definition of 'Subject'* (см. наст. сб., с. 236—276).

Keenan—Comrie 1977 — Keenan E. L., Comrie B. *Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar* (см. наст. сб., с. 111—165).

Langacker 1969 — **Langacker R. W.** On Pronominalization and the Chain of Command. In: «Modern Studies in English», D. Reibel, S. Schane (eds. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1969).

Lasnik — Fiengo 1974 — **Lasnik H., Fiengo R.** Complement Object Deletion. In: «Linguistic Inquiry», 1974, 5, 535—571.

Li — Thompson 1976 — **Li Ch., Thompson S.** Subject and Topic: A New Typology of Language (см. наст. сб., с. 193—235).

Partee 1971 — **Partee B. H.** On the Requirement that Transformations Preserve Meaning. In: «Studies in Linguistic Semantics», Ch. Fillmore, D. T. Langendoen (eds.), Holt, Rinehart and Winston, New York, 1971.

Postal 1970 — **Postal P.** On Coreferential Complement Subject Deletion. In: «Linguistic Inquiry», 1970, 1, 439—500.

Postal 1974 — **Postal P.** On Raising. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1974.

Schachter 1976a — **Schachter P.** The Subject in Philippine Languages: Topic, Actor, Actor-Topic, or None of the Above. In: «Subject and Topic», Ch. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976.

Schachter 1976b — **Schachter P.** A Nontransformational Account of Gerundive Nominals in English. In: «Linguistic Inquiry», 1976, 7, 205—241.

Schachter—Otanés 1972 — **Schachter P., Otanés F. T.** A Tagalog Reference Grammar. University of California Press, Berkeley, 1972.

Shopen 1972 — **Shopen T.** A Generative Theory of Ellipsis. Unpublished doctoral dissertation, University of California, Los Angeles, 1972.

О ПОДЛЕЖАЩИХ И ТОПИКАХ

I

Такие грамматические отношения, как подлежащее и дополнение, всегда были частью традиционного инвентаря категорий в грамматических описаниях западных языковедов. В практических описательных работах использование этих терминов по большей части было относительно непротиворечивым, несмотря на большое разнообразие синтаксических реализаций этих отношений и тех типов семантико-прагматической информации, которые ими кодируются¹.

В последнее время был высказан ряд предложений, касающихся природы этих отношений. Эти предложения удобно сгруппировать в две общие категории:

1. Такие грамматические отношения, как подлежащее и дополнение, есть простейшие понятия грамматической теории, отличные от семантических или прагматических понятий, таких, как агенс, пациенс или топик, и неопределимые только в терминах структуры составляющих (во всяком случае, из-за наличия языков с порядком слов VSO и VOS * единообразная формулировка подобного определения была бы затруднительной). В наиболее явном виде этот подход был предложен в работах создателей реляционной грамматики (см. Johnson 1974 и Perlmutter — Postal 1977).

2. Грамматические отношения есть вторичные свойства предложений, определяемые в терминах некоторых других, более элементарных свойств или отношений.

Michael Noonan. 'On Subjects and Topics.— In.: "Proceedings of the Third Annual Meeting of Berkeley Linguistic Society", Berkeley, California, 1976.

* Сокращением VSO обозначается порядок слов «Глагол-сказуемое — Подлежащее — Дополнение», а VOS — «Глагол-сказуемое — Дополнение — Подлежащее», — *Прим. перев.*

- 2а) Грамматические отношения могут быть определены грамматически: либо в терминах структурных отношений (выражаемых с помощью определенной расстановки скобок), имеющих в базовой или в производной структуре (С h o m s k y 1965), либо в терминах тех типов синтаксических свойств, которыми обладает данный элемент, и тех грамматических отношений, членом которых он может являться (как в том подходе к определению подлежащего в виде «пучка» признаков, который предложен Э. Кинэном (К e e n a n 1976; наст. сб., с. 236—276 ^а).
- 2б) Грамматические отношения могут быть определены на основе некоторых семантических или прагматических критериев, то есть определение будет функциональным. Это подход, принятый Чейфом (С h a f e 1976; наст. сб., с. 277—316) при анализе понятия подлежащего; подобный же подход можно усмотреть и в исследованиях других лингвистов, таких, как Ли и Томпсон (L i — T h o m p s o n 1976; наст. сб., с. 193—235).

Сторонники указанных разновидностей второго подхода могли бы жить спокойнее, считая, что подлежащее и дополнение не являются универсальными категориями, поскольку может оказаться так, что более базисные категории, на основе которых конструируются понятия типа подлежащего и дополнения, в некотором языке устроены таким образом, что никакой элемент типа подлежащего не играет в этом языке никакой заметной роли. Для представителей первого подхода отсутствие подлежащих и дополнений в каком-либо языке доставило бы больше хлопот, поскольку тогда им потребовалось бы дать общее объяснение того, как и почему предложенные элементарные понятия появляются или не появляются в грамматиках конкретных языков.

Следует заметить, что различия между этими двумя подходами, возможно, окажутся, как уже было со многими проблемами в теории лингвистики, скорее иллюзорными, чем настоящими. Но пока полезно будет, по-видимому, проследить, какие логические следствия вытекают из этих теорий. В этой статье мне хотелось бы в общих чертах изложить свои предложения по поводу трактовки понятия подлежащего с функциональной точки зрения, сравнивая

и сопоставляя подлежащее с синтаксическим отношением «топик» в том виде, в каком оно представлено, в частности, в китайском языке (см. L i — T h o m p s o n 1976). В ходе анализа мне хотелось бы показать, что подлежащему может быть дано сравнительно простое определение, позволяющее объяснить его типичные свойства. Кроме того, мне хотелось бы показать, как разнятся подлежащие от языка к языку и как язык может обходиться без такого грамматического отношения, как подлежащее.

II

В этом разделе я собираюсь ввести три простейших функциональных свойства предложений, которые, на мой взгляд, лежат в основе синтаксических отношений «подлежащее» и «топик».

А. Различение семантических ролей

Во всех языках есть те или иные синтаксические механизмы для кодировки информации о ролях аргументов — таких, как агенс, пациенс, экспериенцер и т. д. С самого начала, однако, следует отметить, что, хотя такие механизмы есть во всех языках, степень последовательности, с которой они употребляются в разных языках, неодинакова. В частности, в английском дело обстоит так, что в контрастивных предложениях вроде конструкций с «расщеплением» разграничение агенса и пациенса соблюдается всегда, так что предложение (1)

(1) It's John that Thomas hit.
это-есть Джон кого Томас ударил
'Кого Томас ударил, так это Джона'

нельзя спутать с предложением (2)

(2) It's John that hit Thomas.
это-есть Джон кто ударил Томаса
'Кто ударил Томаса, так это Джон'.

Однако в ирландском языке предложение (3)

(3) Is é Seán a bhuail Tomás

может иметь и такое значение, как у предложения (1), и такое значение, как у предложения (2). В изолированном употреблении предложение (3) неоднозначно, однако в

тексте или в речи приписывание ролей будет вполне ясным, поскольку предложение (3) не будет произнесено, если в контексте не содержится такой фоновый материал, из которого вытекает отношение *Томаса* к глаголу *ударил*. Другой пример: в языке сквамиш предложение (4)

(4) Na č'ém'tas ta Tam ta Pita.

может иметь значение либо (5), либо (6) (К ue g ip 1967, 170):

(5) 'Том укусил Питера'.

(6) 'Питер укусил Тома'.

Чтобы интерпретировать это предложение как (6), нужна определенная поддержка окружающего контекста; в противном случае выбирается интерпретация (5). В обоих рассмотренных случаях приписывание ролей оказывается ясным благодаря контексту, хотя в изолированном употреблении предложение может казаться неоднозначным. Впрочем, и в ирландском языке, и в языке сквамиш есть средства, позволяющие, не прибегая к контексту, разрешать неоднозначность предложений, похожих на те, что были приведены выше, хотя, вообще говоря, такие средства есть не во всех языках и некоторые языки могут опираться на контекст в большей степени, чем языки, названные выше.

Системы кодировки ролей аргументов могут быть, в общем, разделены на два класса. Первый, и наиболее простой, предполагает для всякого аргумента явную маркировку тем или иным способом той роли, которую этот аргумент выполняет в предложении; так что, например, агент будет прямо снабжен показателем агентивности, пациенс — показателем пациенсности и т. д. Системы, основанные на тех или иных вариациях этой идеи, можно назвать системами с «прямой маркировкой ролей». Такой системой, по-видимому, является тагальский язык. В тагальском языке простое повествовательное предложение состоит, грубо говоря, из глагола и цепочки аргументов, один из которых помечается как «топик»³. Каждый аргумент сопровождается частицей, служащей показателем его роли, такой, как агент-экспериенцер, цель (пациенс), направление и бенефактив. В том случае, если аргумент выбран в качестве топика, ролевая частица замещается специальной топиковой частицей *ang*, а глагол маркируется посредством аффикса, согласуемого с ролью топика (S c h a c h t e r 1976; S c h a c h t e r — O t a n e s 1972). Например, предложения (7) — (10) отличаются друг от друга

только тем, что в них в качестве топиков выбраны разные роли. При этом топик всегда получает интерпретацию, соответствующую грамматическому значению определенности (примеры взяты из Schachter 1976, 494—495; топиком является подчеркнутое существительное):

- (7) Mag-salis ang babae ng bigas sa sako para sa bata.
вынет женщина рис мешок ребенок
'Эта женщина вынет рис из некоторого/этого мешка для некоторого/этого ребенка'.
- (8) Aalisin ng babae ang bigas sa sako para sa bata
Этот рис некоторая/эта женщина вынет из некоторого/этого мешка для некоторого/этого ребенка'.
- (9) Aalisin ng babae ng bigas ang sako para sa bata.
Из этого мешка некоторая/эта женщина вынет рис для некоторого/этого ребенка'.
- (10) Irag-salis ng babae ng bigas sa sako ang bata.
'Для этого ребенка некоторая/эта женщина вынет рис из некоторого/этого мешка'. *

Тагальский язык является языком с «прямой маркировкой ролей», поскольку в общем каждому аргументу где-нибудь в предложении приписан показатель, идентифицирующий ту роль, которая представлена данным аргументом, и уникальный для этой роли. Никакого другого средства ролевой маркировки, кроме метода прямой маркировки ролей, в тагальском языке нет.

Язык аомие ** (Austing — Uria 1975) обнаруживает многие свойства, характерные для языков с прямой маркировкой ролей. Так, агенсы маркируются суффиксом -го~ёго⁴, а также получают особый набор согласовательных аффиксов в глаголе. Как видно из примеров (11) — (14), показатель агенса выступает при агенсах в предложениях как с переходным, так и с непереходным глаголом:

- (11) Sigob-ёго⁴ ? ajiomajo.
змея-агенси поднялась
'Змея поднялась'.

* В переводах примеров (7) — (10) словами «этот/некоторый» передаются значения, соответствующие определенному и неопределенному артиклям.— Прим. перев.

** Аомие (Omie) — один из малых папуасских языков семьи койари в Центральной Папуа.— Прим. перев.

- (12) Jabumē- go gōvēʔē jīō.
они- агенс придти-перфект быть
'Они пришли'.
- (13) A- ěgo ʔōho ʔanadeje.
человек-агенс собака ударил
'Человек ударил собаку'.
- (14) A-go hu ʔanōdeje.
я-агенс его ударил
'Я ударил его'.

Суффикс -го~-ёго—это не просто показатель подлежащего, поскольку не-агенсы, даже когда они переводятся на английский язык [или на русский.—Прим. перев.] подлежащим, суффиксом -го~-ёго все-таки не маркируются:

- (15) Ja dadivave.
ты отрицание-знать
'Ты не знаешь'.
- (16) Na saʔ a-ge bejevadeje.
я земля-локатив упал
'Я упал на землю'.
- (17) Saʔ aho ijo-ʔ e jie.
земля дерево-свойство быть
'На этой земле есть деревья'.
- (18) Na juvae ijōmi.
я кокосовый-орех съесть хотеть
'Я хочу съесть кокосовый орех'.

Другие роли могут прямо указываться посредством суффиксов, таких, как бенефактивный суффикс -пī и различные локативные суффиксы вроде -г и -пō. Однако пациенсы и дативы/экспериенцеры прямо аффиксами не различаются и оба выступают в той форме, которая в работе A u s t i n g — U r i a 1975 называется нейтральным падежом; этот падеж показателя не имеет. Если датив/экспериенцер и пациенс встречаются в одном предложении, глагол согласуется только с дативом/экспериенцером:

- (19) Na ja p-eg-e
я ты хотеть-1л-ед-наст
'Я хочу тебя'.
- (20) Na ōvo dup-eg-e.
я рука болеть-1л-ед-наст
'У меня рука болит',

Если в предложениях встречается агент и пациент, то согласование в глаголе осуществляется и с тем и с другим:

(21) A-ëго на g-ev-ade-je.
человек-агент я видеть-1л, ед-3л, ед-вспомог
'(Какой-то) человек увидел меня'.

(22) Na kaejō-ëго
я нож-агент (см. прим. 4)
pet-ev-ade-je.
ранить-1л, ед-3л, ед-вспомог
'Я ранен ножом (=нож ранил меня)'.

Для дативов/экспериенцеров в (19) — (20) и пациентов в (21) — (22) глагольные согласовательные аффиксы берутся из одного и того же набора (называемого в работе A и s t i p g — U r i a 1975 «прямыми референтами»), в то время как для агентов в (21) — (22) глагольные согласовательные аффиксы берутся из другого набора (называемого в той же работе «показателями активного подлежащего»).

Язык аомие может быть описан как язык с прямой маркировкой ролей постольку, поскольку в целом приписывание таких аффиксов, как -го — -ëго и возможности глагольного согласования могут быть заданы прямо в терминах ролей аргументов без всякого обращения к понятиям подлежащего и дополнения.

Языки с прямой маркировкой ролей, подобные тагальскому или аомие, сравнительно редки. Наиболее обычный тип системы кодировки аргументных ролей предполагает установление двух иерархий: иерархии синтаксических позиций и иерархии аргументных ролей⁵. Иерархия синтаксических позиций может отражаться в порядке слов, в словоизменительной морфологии или в комбинации того и другого. В иерархии аргументных ролей агент всегда располагается на самом верху, пациент и локатив — в самом низу, а расположение прочих ролей крайне разнообразно и специфично по языкам⁶. Синтаксической позицией высшего ранга будет такая позиция, с которой будет связана аргументная роль высшего ранга (агент, если таковой имеется) в немаркированных предложениях⁷. Здесь важно, что позиция высшего ранга, которую обычно именуют «подлежащим», не закреплена за агентами, а будет занята в немаркированном предложении имеющимся в нем аргументом максимально высокого ранга, каковым в данном языке может оказаться пациент или экспериенцер. Так, например, Роско является подлежащим в каждом из

предложений (23), но во всех этих случаях играет разные роли:

(23) Roscoe ran (агeнс).

‘Роско бежал’.

Roscoe wants a new Chevy (экспертиенцер).

‘Роско хочет новый “шевроле”’.

Roscoe is tall (пациенс)

‘Роско высок’⁸.

В языке с прямой маркировкой ролей ожидалось бы использование разных синтаксических позиций для *Роско*, зависящее от тех аргументных ролей, в которых *Роско* выступает в предложениях (23).

В английском и в других языках, где применяется система помещения различных аргументных ролей в одну синтаксическую позицию (в отличие от однозначного соответствия между аргументными ролями и синтаксическими позициями, наблюдающегося в языке с прямой маркировкой ролей), интерпретация аргументной роли имени, стоящего, например, в позиции подлежащего (т. е. в высшей синтаксической позиции), является непрямой и выводится говорящим на основе его знаний о значении глагола, на основе наличия в предложении других аргументов и, возможно, некоторых других факторов вроде одушевленности этого имени⁹. Языки, в которых применяется такая система, можно называть языками с «непрямой маркировкой ролей». С этой точки зрения такие грамматические механизмы, как подлежащее и дополнение, релевантны только для языков с непрямой маркировкой ролей, поскольку они функционируют как синтаксические позиции в системе кодирования аргументных ролей, соотносящей синтаксическую позицию высшего ранга с ролью высшего ранга. В языках с прямой маркировкой ролей аргументы маркируются прямо в соответствии с их ролью, и нет никакой синтаксической позиции, аналогичной подлежащему в английском (русском или китайском) языке, которая была бы существенна для идентификации роли и которая могла бы быть заполнена, хотя бы потенциально, именем, представляющим произвольную аргументную роль¹⁰. В дальнейшем я буду использовать термин «подлежащее» в указанном выше смысле, а именно как синтаксическую позицию высшего ранга в системе с непрямой маркировкой ролей безотносительно к тому, что подлежащее в конкретных языках может иметь и еще какие-то иные свойства¹¹.

Б. Задание ориентации

Рассмотрим следующие предложения:

(24) Floyd hit Roscoe.

'Флойд ударил Роско'.

(25) Roscoe was hit by Floyd.

'Роско был ударен Флойдом'.

Традиционно эти предложения описываются таким образом, что в них усматривается различие в перспективе, или точке зрения, на того, о ком передается информация, несмотря на то, что оба предложения могут быть использованы для описания одного и того же события и логически следуют одно из другого. Предложение (24) передает информацию о Флойде, представляя при этом ситуацию с его точки зрения или с ориентацией на него, в то время как (25) ориентировано относительно Роско и представляет ту же самую информацию с его точки зрения. Аналогичное утверждение может быть сделано о следующих двух русских предложениях:

(26) Борис ударил Ивана.

(27) Ивана ударил Борис.

Как и приведенные выше предложения (24) — (25), предложения (26) — (27) различаются своей ориентацией, или точкой зрения, между тем как во всем остальном эти предложения тождественны по значению. В предложениях (24) — (25) есть разница и в грамматических отношениях: если, пользуясь терминологией реляционной грамматики, принять предложение (24) за базисное, то предложение (25) иллюстрирует повышение дополнения в статус подлежащего и понижение подлежащего в статус косвенного дополнения. Соотношение между предложениями (26) и (27), семантически очень близкое к соотношению между (24) и (25), связано всего лишь с изменением порядка слов¹². Этим иллюстрируется важное различие между английским и русским языками, а именно то, что подлежащее в английском, скорее всего, задает также и ориентацию внутри предложения, или точку зрения для этого предложения, отграничивая рамку, в пределах которой интерпретируется остальная часть предложения¹³. С другой стороны, в русском языке первое место в предложении обычно закреплено за указателем ориентации этого предложения, и если ориентация не связана с подлежащим, то оно вовсе не обязательно должно быть понижено, а просто может быть пере-

двинута с первого места, как в примере (27). Ситуация, в некоторых отношениях похожая на то, что наблюдается в русском языке, имеет место в испанском, где расположение подлежащего и дополнения может быть изменено на обратное без всяких изменений в форме глагола и с сохранением у дополнения его показателя (предлога *a* у одушевленных существительных). Помимо изменения порядка слов, требуется только одно изменение: оно состоит в добавлении местоимения-дополнения, согласующегося с собственно дополнением¹⁴:

(28) El camión atropelló a los perros.

‘Грузовик задавил собак’.

(29) A los perros los atropelló el camión.

‘Собака (их) задавил грузовик’.

В работе Ноорег 1976 показано, что контекстное употребление предложений типа (29) параллельно употреблению английского пассивного предложения, которое могло бы служить переводом предложения (29): *the dogs were run over by the truck*. Первое место в испанских и русских предложениях предназначено не для подлежащего (оба этих языка являются языками с непрямой маркировкой ролей, и подлежащие в них имеются), а скорее для ориентации этого предложения. В английском предложении место непосредственно перед глаголом обычно закреплено за подлежащим, и в современном английском языке инверсии такого типа, который иллюстрируется примерами (26) — (27) и (28) — (29), невозможны¹⁵. Если предложение ориентировано относительно дополнения, то наиболее удобным способом указать это в литературном английском языке служит пассив¹⁶; подлежащее и ориентация предложения — это в английском, как правило, одно и то же. В испанском и русском языках подлежащее и ориентацию предложения легче отделить друг от друга и можно рассматривать как две отдельные грамматические сущности, которые тем не менее часто представляются одним и тем же словом (как в (26) и (28)).

Китайский язык * (L i — T h o m p s o n 1976, см. наст. сб.) является еще одним примером языка, в котором легко разделить подлежащее и ориентацию предложения. Подлежащее ставится непосредственно перед глаголом¹⁷, в то время как ориентация предложения, называемая у Ли

* Имеется в виду пекинский диалект китайского языка (так называемый Mandarin Chinese). — Прим. перев.

и Томпсон топиком, стоит в предложении на первом месте. Часто одно и то же слово (или группа) может оказаться и подлежащим, и топиком, как в примере (30), где Zhāng-sān находится и непосредственно перед глаголом, и на первом месте в предложении (примеры взяты из работы Ли и Томпсон):

(30) Zhāng-sān mǎi le piào.
Чжан-сань покупать вид билет
'Чжан-сань купил билет'.

Ли и Томпсон приводят многочисленные примеры случаев, когда подлежащее и топик представлены разными составляющими предложения. Иллюстрацией такого случая служит предложение (31):

(31) Nèi chāng huǒ xiāofàngduì lái le.
тот класси- пожар пожарная бригада приехала
фикатор
zǎo.
рано
'тот пожар (топик), пожарная бригада приехала рано'.

Топик выражает здесь рамку, которая задает интерпретацию остальной части предложения (по поводу семантики топиков в китайском языке см. Li — Thompson 1976, Teng 1974 и Wang 1975). Здесь важно отметить, что есть определенное соотношение между топиком в китайском и тем, что я назвал ориентацией, в английском, испанском и в русском языках. Во всех этих случаях выбор некоторой составляющей в качестве ориентации предложения мотивируется желанием говорящего связать данную предикацию с предыдущим текстом или фоном к данному тексту путем уточнения сущности, относительно которой имеет смысл утверждать то, о чем говорится в остальной части предикации. Объединение этих элементов под общим названием «ориентация» возможно в силу их функционального сходства несмотря на то, что имеются различия в их оформлении.

То, что я называю ориентацией, не следует отождествлять со старой информацией, поскольку, очевидно, старой информацией в данном контексте (старой относительно предшествующего текста или фона данного текста) может быть нечто большее, чем только ориентация предложения. Вопрос о соотношении ориентации предложения с категорией определенности будет рассмотрен ниже.

Подлежащее само по себе, по-видимому, не имеет никаких особых семантических функций, помимо функции определения аргументной роли того элемента, который является подлежащим, и помимо всевозможных семантических следствий, вытекающих из того, что в качестве подлежащего выбран элемент с данной ролью. Обычные формулировки значения подлежащего (то, о чем говорится в предложении, и т. п.) относятся скорее к ориентации, которая часто, но не всегда и в различной степени в разных языках, сопровождает подлежащее.

У. Чейф утверждает, что подлежащие — это то, «о чем говорится в предложении», а топики в языках вроде китайского выражают «пространственные, временные и личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация» (С h a f e 1976; см. наст. сб. с. 308—309). По-видимому, как показывают предложения (24) — (29), то, о чем говорится в предложении, определяется все же не грамматическим подлежащим, а тем, что я назвал ориентацией. Хотя в предложениях могут иметься пространственные и временные рамки, отличные от ориентаций (например: «Сегодня рано утром Флойд ударил Роско»), непонятно, каким образом личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация, могут быть отличны от того, о чем говорится в предложении. В примере Ли и Томпсон (см. наст. сб., с. 209)

(32) Nèikē shù yèzi dà, suǒyǐ wǒ bù
 то дерево листья большие поэтому я не
 xǐhuān____.
 люблю_____.

‘То дерево (топик), листья большие, поэтому я не люблю его’.

опущенное дополнение во втором простом предложении может быть понято только как относящееся к топикю ‘то дерево’, а не к подлежащему ‘те листья’, потому что первое простое предложение — это явным образом утверждение о ‘том дереве’, а не о ‘тех листьях’. Аналогичным образом в английском языке местоимение him ‘его’ в предложении Floyd hit Roscoe, so I don’t like him ‘Флойд ударил Роско, поэтому я не люблю его’ следует понимать как относящееся к Флойду, потому что первое простое предложение было утверждением о Флойде, в то время как в предложении Roscoe was hit by Floyd, so I don’t like him ‘Роско был ударен Флойдом, поэтому я не люблю его’ местоимение him

‘его’ относится к Роско, поскольку первое простое предложение было утверждением о Роско. Другие примеры, приводящиеся в Li — Thompson 1976, Teng 1974 и Ваггу 1975, похоже, подтверждают интерпретацию такого рода.

Выше говорилось, что в английском языке для подлежащего нормально быть также ориентацией предложения. Но в английском встречаются, однако, и такие предложения, когда это не так. В частности, в английском есть предложения, напоминающие китайскую конструкцию с топиком (или с двойным подлежащим), иллюстрируемую приводившимися выше примерами (31) и (32). Таково, например, предложение (33):

(33) Ol' George Creech, his son just wrecked his new Chevy.
‘Старик Джордж Крич, его сын только что разбил его новый “шевроле”’.

В этом предложении George Creech употреблено неконтрастно, с этого предложения вполне удачно можно начать текст¹⁸. Имя George Creech в предложении (33) задает рамку, в пределах которой следует интерпретировать предикацию his son just wrecked his new Chevy ‘его сын только что разбил его новый “шевроле”’. То, о чем говорится в предложении (33), есть группа George Creech, а не подлежащее этого предложения son ‘сын’, и в этом смысле эта группа похожа на подлежащие в предложениях (24) и (25), поскольку она задает ориентацию предложения. Многие примеры китайских конструкций с топиком, приводимые Ли и Томпсон, имеют грубые английские параллели в виде конструкций типа (33). Так, например, предложение (34)

(34) Nèi-ge rén yáng míng George Zhang.
тот человек иностранное имя Джордж Чжан
имеет грубую параллель в виде (35):

(35) { That guy over there } his foreign
 { You know that guy }
 { Вон тот парень } , его иностранное
 { Знаешь того парня }
 name is George Zhang.
 имя—Джордж Чжан’.

Предложение (35) опять-таки не обязано иметь контрастную интерпретацию, а может, насколько я могу судить по ответам моих китайских информантов, быть параллельно

по значению предложению (34). Я не утверждаю, что эти предложения тождественны по значению, а говорю лишь, что они достаточно параллельны в своем функционировании, чтобы такие их части, как *pèi-ge rén* и *that guy over there*, можно было объединить в один класс под общим названием «ориентация предложения».

У предложений типа (33) и (35) есть интересные свойства, заслуживающие отдельного исследования. Именные группы, представляющие собой ориентацию, должны быть упомянуты еще раз внутри главной предикации (такую функцию выполняет, например, притяжательное местоимение 'ego' и в (33), и в (35)) для того, чтобы показать, каково отношение между ориентацией и следующей за ней предикацией. В китайском языке это отношение вовсе не обязательно должно быть указано эксплицитно.

В. Значение определенности

Определенность — это признак, приписываемый аргументу и основывающийся на предположении говорящего о том, что тот, кто его слушает, сможет отождествить этот аргумент, опираясь на предыдущий текст или на фон данного текста. Во всех языках, по-видимому, имеются средства сделать определенным (маркировать как ранее отождествленное или выводимое из фона) по крайней мере одно имя во всяком предложении. Такая маркировка может быть осуществлена или с помощью системы артиклей, или специальными референциальными средствами вроде топики в тагальском языке, или путем постановки аргумента на первое место в предложении, как в русском и китайском языках¹⁹.

В силу той функции, которая присуща ориентациям предложений, подавляющее большинство их имеет тенденцию быть определенными; однако, оказывается, все же встречаются предложения и с неопределенными ориентациями. По всей видимости, у ориентаций предложений выделяется одно характерное свойство, которому я в настоящий момент не могу дать никакого специального объяснения: когда ориентация и подлежащее представлены одним и тем же аргументом, этот аргумент может быть неопределенным, но, если ориентация и подлежащее представлены разными аргументами, ориентация непременно

будет определенной. Например, топики в китайском языке (являющиеся ориентациями предложений, но не подлежащими) обязательно определены (см.: Li — Thompson 1976, наст. сб., с. 197). В английском языке, если подлежащее и ориентация представляют собой один и тот же аргумент, они могут быть неопределенными:

(36) a) A couple of people wandered in.

‘Забрела пара людей’.

b) Some guy hit Floyd.

‘Какой-то парень ударил Флойда’.

Однако, когда подлежащее и ориентация представлены не одним и тем же элементом, ориентация не может быть неопределенной:

(37) *A guy over there, his foreign name is

‘Вон какой-то там парень, его иностранное имя—

George Zhang.

Джордж Чжан’.

(ср. с примером (35)). Аналогично обстоит дело в испанском языке: подлежащее, являющееся также и ориентацией предложения, может быть неопределенным:

(38) Un camión atropelló al perro.

‘Какой-то грузовик задавил собаку’.

Однако ориентация, не являющаяся подлежащим, не может быть неопределенной:

(39) ?A un perro lo atropelló el camión.

‘Какую-то собаку ее задавил грузовик’.

III

В этом разделе я хочу коротко перечислить некоторые характерные свойства подлежащих и ориентаций. Термин «топик» будет относиться здесь к таким ориентациям предложений, которые не являются одновременно подлежащими. В последующем изложении я в значительной степени основываюсь на статье Li — Thompson 1976.

Подлежащее обязательно должно быть аргументом глагола, поскольку оно, по определению, представляет собой синтаксическую позицию наивысшего ранга в системе различения ролей. Топик не обязан иметь никакого особого отношения к глаголу, однако должно быть какое-нибудь восстановимое отношение между ним и последующей предикацией, так чтобы эта предикация могла быть предикацией о данном топике.

Подлежащие, но не топики естественным образом играют роль в грамматических процессах, связанных с ролями аргументов, вроде пассива, императива, образования глагольных цепочек * и т. д. Они также играют роль в грамматических процессах, связанных с отношениями аргументов внутри предикаций (типа возвратности) и с отношениями самих предикаций (типа опущений по правилу Экви), поскольку подлежащие являются логически необходимыми составными частями предикаций, между тем как топики могут не быть таковыми, а только сообщать информацию о том, как следует интерпретировать предикацию. Если топик является аргументом глагола, он может быть способен участвовать в некоторых из этих процессов аналогично подлежащим, хотя бы он сам и не являлся подлежащим ²⁰.

Контроль над опущением кореферентных аргументов или прономинализацией не зависит от ролей аргументов. Первыми претендентами на контролирование такого опущения являются топики, задающие рамку, в пределах которой интерпретируется остальная часть предложения:
(40) His son wrecked his new Chevy and boy
'Его сын разбил его новый "шевроле", и, господи,
was he mad.
он сошел с ума'.

Сравним (40), где разумная интерпретация местоимения he 'он' во втором предложении такова, что оно кореферентно с существительным 'сын', с предложением (41):

(41) 'Ol' George Creech his son wrecked his new
'Старик Джордж Крич, его сын разбил его новый
Chevy and boy was he mad.
"шевроле", и, господи, он сошел с ума',

где he необходимым образом должно быть кореферентно с именем George Creech, а не с son. Для ориентаций предложений, не являющихся в то же время подлежащими, представляется более вероятным, что именно они должны контролировать кореферентность (ср. рассмотренное выше свойство определенности) ²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Насколько мне известно, только при анализе некоторых филиппинских языков эти отношения подвергались серьезному пересмотру и были полностью отвергнуты (см. Schachter 1976 и приводимые там

* См. наст. сборник, с. 220, 253.— *Прим. перев.*

ссылки на другие работы). Эти языки будут вкратце обсуждены ниже.

² Не вполне ясно, задумывал ли Э. Кинэн свой список свойств подлежащего как что-либо большее, чем просто эвристику для идентификации подлежащих в неясных случаях (см. наст. сб., с. 239). Во всяком случае, у него нигде не содержится других указаний по поводу того, что, по его мнению, представляет собой подлежащее.

³ Употребление термина «топик» исследователями филиппинских языков не следует считать вполне тождественным с употреблением этого термина другими лингвистами (см. Schachter 1976, 496).

⁴ В работе Austing — Uria 1975 этот суффикс называется «аблативом»; он употребляется также как показатель инструмента:

(i) Hesí òv-égo íjajeje.

его рука-агенса он-ест

‘Он ест рукой’.

⁵ Такой способ говорить об интересующих нас вещах восходит в конечном счете к работе Fillmore 1968, к которой я и отсылаю читателя, где он найдет более подробное обсуждение соответствующих проблем и нужные уточнения.

⁶ См., к примеру, работу Noopaa (in press), где говорится о дативах-экспериментерах в связи с их отношением к этой иерархии и об их возможностях употребляться в качестве подлежащего.

⁷ Под ними может пониматься то же, что называется «базисными предложениями» в работе Keenan 1976.

⁸ Мое использование традиционного термина «пациенс» в этой работе ближе всего к филлморовскому падежу «объектив» или к «нейтральной» аргументной роли у Стокуэлла и др. (Stockwell et al. 1973).

⁹ Обсуждение этой проблемы см. также в Fillmore 1968 и Platt 1971.

¹⁰ По поводу обсуждения релевантности понятия подлежащего для тагальского языка см. Schachter 1976.

¹¹ Истинно эргативные языки, равно как и языки номинативно-аккузативные, могут рассматриваться как языки с непрямой маркировкой ролей, даже если употребление эргатива в этих языках может сводиться к маркировке агентов (как, например, в языке шина — Bailey 1924). Первый, и самый главный аргумент — это то, что не все агенты выражаются эргативом, а могут — в предложении с непереходным глаголом — кодироваться номинативом (ср. приводившиеся выше факты из языка аомие, где агенты всегда получают одну и ту же маркировку). Во-вторых, номинатив с точки зрения выражаемых им ролей потенциально имеет столь же широкие возможности, как и позиция подлежащего в английском языке, так что номинатив в языке шина, например, может использоваться для кодировки и агента, и экспериментера, и пациенса. В эргативных языках иерархия грамматических позиций и ее отношение к иерархии ролей, по-видимому, являются несколько более сложными, чем в номинативно-аккузативных языках, однако представляют собой тем не менее систему того же рода.

¹² Следует отметить, что в русском языке, как и в английском, имеется собственно пассив. Этот пассив, достаточно широко распространенный в русском литературном языке, сравнительно редок в устной речи. В то же время изменение порядка слов — как в примерах (26) — (27) — распространено во всех стилях речи.

¹³ Из этого не следует делать вывод, что единственное различие

между (24) и (25) связано с различием в ориентации. Речевые контексты, в которых каждое из этих предложений может быть правильно употреблено, отличаются в ряде аспектов. Анализ этих различий увел бы нас далеко за рамки данной статьи, однако в качестве иллюстрации того, какие расхождения здесь обнаруживаются, можно привести следующий набор предложений:

(i) What happened to Roscoe?
'Что случилось с Роско?'	Floyd hit him.
'Флойд его ударил'.
He was hit by Floyd.
'Он был ударен Флойдом'.
(ii) What did Floyd do?
'Что сделал Флойд?'	He hit Roscoe.
'Он ударил Роско'.
??Roscoe was hit by him.
'Роско был им ударен'.

¹⁴ В испанском языке, как и в русском, также есть собственно пассив, используемый нечасто.

¹⁵ Инверсия в английских предложениях обычно затрагивает предложения со структурой S—V—PP [«Подлежащее — Глагол — Предложная Группа»], например:

Up the street waddled the troll.
'Вверх по улице проковылял тролль'.

¹⁶ Это не означает, что такова единственная возможность употребления пассивов в английском языке. См., к примеру, D u š k o v á 1971 и 1972 об употреблении английских пассивов в сравнении с чешскими.

¹⁷ Как и в английском, в китайском языке есть некоторые конструкции, в которых подлежащее не стоит непосредственно перед глаголом. В работе T e n g 1974 рассматривается одна такая конструкция, где подлежащее вынесено за глагол:

Wáng Miǎn sǐ le fùqīn.
Ван Мянъ умирать вид отец
'У Ван Мянъ умер отец'.

В работе T e n g 1974 обсуждается семантика таких разрывных притяжательных конструкций. Эта конструкция, как и английская конструкция предложения с инвертированным порядком слов, представляет собой отклонение от нормального предглагольного расположения подлежащего в китайском языке. Никакие другие приводимые в данной работе примеры, если они не имеют отношения к этой особой конструкции, а также никакие из примеров, приводимых Ли и Томпсон и в работе B a r r y 1975, не противоречат этому правилу словорасположения,

¹⁸ Ср. замечания Чейфа в работе C h a f e 1976, 50 (наст. сб., с. 308).

¹⁹ По поводу этого явления в русском языке см. B o r g a s — C h r i s t i a n 1959. Первое место в русском предложении обычно закреплено за грамматически определенными именными группами и названиями родовых понятий.

²⁰ См. обсуждение вынесения дополнения вперед в индонезийском языке в работе C h u n g 1976, где вынесенное дополнение представляется, по всей видимости, кандидатом для такого статуса.

²¹ Ли и Томпсон отмечают, что фиктивные подлежащие бывают только в языках, для которых важно понятие подлежащего. Хотя в общем и верно их утверждение, что фиктивные подлежащие, вроде

английских *it* и *there*, обнаруживаются преимущественно в языках с выдвижением подлежащего (в языках, в которых нормой является совмещение подлежащего и ориентации), тем не менее следует указать, что такая черта наблюдается, по-видимому, только в северо-западных европейских языках и вполне может быть сочтена ареальной чертой. Так, например, в немецком языке можно поставить любую группу на первое место в предложении, не меняя при этом грамматических отношений в предложении посредством какого-нибудь процесса вроде пассива, и создать таким образом новую ориентацию предложения. Хотя в немецком подлежащее и ориентация с легкостью разделяются, тем не менее в нем есть фиктивное подлежащее *es*. В ирландском языке нет регулярного использования фиктивного подлежащего, однако совмещение ориентации предложения с подлежащим является нормой. Так что даже внутри северо-западной части Европы корреляция между выдвинутостью подлежащего и фиктивными подлежащими последовательно не выдерживается.

ЛИТЕРАТУРА

A u s t i n g — U p i a 1975 — A u s t i n g J., U p i a R. Highlights of Ömie Morphology. In: "Studies in Languages of Southeast Papua", T. Dutton (ed.). NAL, Canberra, 1975.

B a i l e y 1924 — B a i l e y T. Grammar of the Shina Language. Royal Asiatic Society, London, 1924.

B a r r y 1975 — B a r r y R. Topic in Chinese. In: "CLS Parasession on Functionalism". Chicago Linguistic Society, Chicago, 1975.

B o r r a s — C h r i s t i a n 1959 — B o r r a s F., C h r i s t i a n R. Russian Syntax. Oxford, 1959.

C h a f e 1976 — C h a f e, Wallace L. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics and Point of View (см. наст. сб., с. 277—316).

C h o m s k y 1965 — C h o m s k y N. Aspects of the Theory of Syntax. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1965 (русский перевод: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Изд-во МГУ, М., 1972).

C h u n g 1976 — C h u n g S. On the Subject of Two Passives in Indonesian. In: Li 1976, 57—98.

D u š k o v á 1971 — D u š k o v á L. On Some Functional and Stylistic Aspects of the Passive in Present-Day English. In: «Philologia Pragensia», 1971, 14, 3.

D u š k o v á 1972 — D u š k o v á L. The Passive Voice in English and Czech. In: «Philologia Pragensia», 1972, 15, 2.

F i l l m o r e 1968 — F i l l m o r e Ch. The Case for Case. In: "Universals in Linguistic Theory", E. Bach and R. Harms (eds.). Holt, Rinehart and Winston. New York, 1968, 1—90 (русский перевод см. в сб. «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X. «Прогресс», М., 1981).

H o o p e r 1976 — H o o p e r J. Marked Word Order in English and Spanish (manuscript).

J o h n s o n 1974 — J o h n s o n D. Toward a Theory of Relationally Based Grammar. Indiana University Linguistics Club, Bloomington, 1974.

K e e n a n 1976 — K e e n a n E. L. Towards a Universal Definition of "Subject" (см. наст. сб. с. 236—276).

K u i p e r s 1967 — K u i p e r s A. The Squamish Language. Mouton, the Hague, 1967.

L i 1976 — L i Ch. N. (ed.). Subject and Topic. Academic Press, New York, 1976.

L i — T h o m p s o n 1976 — L i Ch. N., T h o m p s o n S. A. Subject and Topic: a New Typology of Language (см. наст. сб., с. 193—235).

N o o n a n (in press) — N o o n a n M. Dative-Experiencer Arguments as Subjects.

P e r l m u t t e r — P o s t a l 1977 — P e r l m u t t e r D. M., P o s t a l P. M. Toward a Universal Characterization of Passivization (см. наст. сб., с. 76—82).

P l a t t 1971 — P l a t t J. Grammatical Form and Grammatical Meaning. North-Holland Publishing Company, Amsterdam, 1971.

S c h a c h t e r 1976 — S c h a c h t e r P. The Subject in Philippine Languages: Topic, Actor, Actor-Topic, or None of the Above. In: L i 1976, 491—518.

S c h a c h t e r — O t a n e s 1972 — S c h a c h t e r P., O t a n e s F. A Tagalog Reference Grammar. University of California Press, Berkeley, 1972.

S t o c k w e l l 1973 — S t o c k w e l l R. et al. The Major Syntactic Constructions in English. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1973.

T e n g 1974 — T e n g, Shou-hsin. Double Nominatives in Chinese. In: "Language", 1974, 3, 455—473.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО-РОЛЕВАЯ ГРАММАТИКА

1. ВВЕДЕНИЕ

В работе представлен особый подход к синтаксической теории и способу синтаксического описания, названный *Референциально-Ролевой Грамматикой (РРГ)*. Подход этот был разработан в первую очередь в связи с изучением австронезийских (особенно филиппинских) и австралийских языков, а также языков американских индейцев. Проблемы, возникающие при описании этих языков, в такой же мере формировали наше мышление и нашу теорию, в какой проблемы английского синтаксиса повлияли на развитие трансформационной теории. В связи с этим основная работа над РРГ пока была сосредоточена на создании универсальной теории, в терминах которой могли бы быть успешно описаны различные типы языков, а не на детальном описании отдельного языка, как это делается в трансформационной грамматике. Предлагаемое ниже краткое описание РРГ не следует рассматривать как законченную теоретическую концепцию. Это скорее очередной отчет, в котором отражено современное состояние работ над РРГ, а также наше нынешнее понимание соответствующих проблем. Выбор тем, затрагиваемых ниже, был, в частности, определен проведенными ранее исследованиями, которые, сконцентрировавшись на одних областях, временно исключали из рассмотрения другие. Более подробное и полное описание РРГ можно будет найти в нашей новой работе, которая готовится к печати.

Robert D. Van Valin and William A. Foley. Role and Reference Grammar.— In: "Syntax and Semantics", vol. 13, Current Approaches to Syntax. E. Moravcsik (ed.), Academic Press, New York, 1980, p. 329—352.

2. ОСНОВНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ РРГ

Референциально-ролевая грамматика в самых общих чертах может быть охарактеризована как функциональный подход к синтаксическому и грамматическому описанию. Другими словами, в РРГ грамматические единицы и синтаксические конструкции анализируются прежде всего с точки зрения их функциональной роли в лингвистической системе (речи) и лишь затем уже с точки зрения их формальных (структурных) свойств. Поскольку язык играет основную роль в общении людей, его функции принципиально связаны с острой необходимостью вербального общественного взаимодействия (ср. Hymes 1974, Gumperz — Cook-Gumperz 1976; Silverstein 1976a, 1977; Van Valin 1980b). Таким образом, если говорить о «функциональных соображениях», то мы имеем дело с коммуникативной функцией. Разумеется, формальные свойства лингвистических элементов и конструкций не игнорируются при функциональном подходе. В действительности одной из главных проблем, подлежащих рассмотрению, является соотношение между (коммуникативной) функцией и формой и, в частности, вопрос о том, как одна и та же форма может обладать различными функциями и как одна и та же функция может реализовываться различными формами. Однако при функционально-ориентированных методах исследования считается, что функция с точки зрения описания значительно важнее формы, а потому целью таких методов является, насколько это возможно, описать форму в терминах функции (см. Heath 1978).

Таким образом, в референциально-ролевой грамматике предполагается, что использование языка в человеческом общении и социальных взаимоотношениях имеет фундаментальное значение для понимания его природы. В этом вопросе мы занимаем позицию, противоположную трансформационной грамматике, которая утверждает, что «изучение употребления будет развиваться лишь в той степени, в какой это допускает понимание лежащей в его основе компетенции» (Chomsky 1965, 10; русск. перев., с. 14), то есть что усиленному изучению языка должно предшествовать понимание его врожденной психологической основы. Мы считаем, что для понимания языка следует сначала обратиться к общению. Это отнюдь не означает, что мы

придерживаемся крайней точки зрения, будто бы всякий акт вербального поведения должен сводиться к акту общения. Наша позиция по этому вопросу аналогична утверждению, что для понимания сущности и структуры молотков прежде всего следует учитывать тот факт, что они в основном предназначены для забивания гвоздей, хотя и могут быть использованы в качестве пресс-папье или стопора для дверей.

Соотношение между синтаксисом и семантикой всегда было основным предметом споров в порождающей грамматике. Хомский неколебимо отстаивал автономию синтаксического компонента, тогда как приверженцы порождающей семантики пытались совместить синтаксис и семантику так, что они уже становились неразличимыми. В РРГ синтаксис не автономен, как в трансформационной грамматике, и не сливается с семантикой, как в порождающей семантике. Более того, поскольку референциально-ролевая грамматика пытается анализировать грамматические системы с учетом коммуникативной функции их элементов, в рассмотрение решающим образом включается прагматика, и, следовательно, уже недостаточно говорить только об отношении между синтаксисом и семантикой. Мы рассматриваем взаимодействие между синтаксисом, семантикой и прагматикой как отношение, при котором синтаксические конструкции предопределяются в первую очередь, но не исключительно взаимодействием семантических и прагматических факторов. Другими словами, синтаксическая структура высказывания рассматривается как результат взаимодействия между намерениями говорящего сообщить пропозиционально формулируемую информацию, с одной стороны, и ограничениями, накладываемыми социальным и лингвистическим контекстом, в котором осуществляется высказывание,— с другой.

Здесь следует отметить два очень важных момента. Во-первых, мы не утверждаем, что синтаксис может быть полностью сведен к семантике и прагматике. Некоторые аспекты морфосинтаксической структуры языка не могут быть описаны в чисто функциональных терминах, как, например, правило, по которому в английском языке прилагательные стоят перед существительными, к которым они относятся, а не позади их. Большая часть таких вопросов, видимо, может быть отнесена к формальным типологическим принципам подобно тем, которые описаны

в работе Greenberg 1966, посвященной типологии порядка слов. Следовательно, морфосинтаксические структуры образуют независимый уровень, отличный от семантических и прагматических факторов, при этом мы и не считаем его абсолютно автономным, как это делает трансформационная грамматика. На синхронном уровне РРГ пытаются объяснить формальные свойства языков в универсальных терминах таким образом, что прагматические и семантические, то есть функциональные, соображения являются наиболее существенными и перевешивают формальные. Что касается конкретно-языковых проблем, то в некоторых случаях диахронические факторы могут играть пояснительную роль. Так, например, базисная структура современного английского предложения (подлежащее + сказуемое + некосвенное дополнение + косвенные дополнения) есть результат как исторического развития данного языка, так и некоторых универсальных принципов организации порядка слов, и именно в этой структуре взаимодействуют семантические и прагматические функции (ср. Heath 1978, 88). Во-вторых, конкретный характер взаимодействия между синтаксисом, семантикой и прагматикой в РРГ не предписывается универсалиями заранее, а скорее является важным предметом исследований. Предшествующие работы (например, Foley — Van Valin 1977, Van Valin 1977b) показали, что такое взаимодействие не осуществляется одинаково во всех языках, и этот факт имеет важное типологическое значение (см. ниже, разд. 3.2.5). Конечно, все языки позволяют осуществлять одну и ту же коммуникативную деятельность независимо от того, как семантические и прагматические факторы формально реализуются в конкретных грамматических системах. Параметры этого взаимодействия будут очерчены более четко при обсуждении ролевой и прагматической структур в разделе 3.

В ходе функционального анализа мы рассматриваем как грамматичность, так и приемлемость высказываний; первое понятие относится к формальным свойствам высказываний, а второе — к их семантическим и прагматическим свойствам. Различия между ними можно проиллюстрировать на следующих пяти примерах:

(1) Revolutionary new ideas appear infrequently.

‘Новые революционные идеи появляются нечасто’.

(2) Colorless green ideas sleep furiously.

‘Бесцветные зеленые идеи неистово спят’.

(3) *Green furiously ideas colorless sleep.

‘Зеленые неистово идеи бесцветные спят’.

(4) a) The man went to the store.

‘Человек пошел в магазин’.

b) He bought two books.

‘Он купил две книги’.

(5) a) The man went to the store.

‘Человек пошел в магазин’.

b) Two books were bought by him.

‘Им были куплены две книги’.

Хорошо известные примеры предложений (1) — (3) демонстрируют независимость грамматичности, строго определенной формально, от приемлемости: предложения (1) и (2) оба грамматически правильны, то есть формально корректны, в отличие от предложения (3), но лишь предложение (1) приемлемо в английском языке, то есть удовлетворительно семантически. Указанные факты примеров (1) — (3) должны учитываться РРГ или любым другим подходом, который стремится достичь адекватности по крайней мере на описательном уровне. В РРГ, однако, понятие приемлемости используется не только по отношению к предложениям типа (2) (семантическая приемлемость), но также и к примерам (4) и (5), где приемлемость зависит от контекста. В этих коротких последовательностях предложений предложение (4b) в контексте (4a) более естественно, чем предложение (5b), хотя оба предложения — (4b) и (5b) — грамматически правильны. Чтобы объяснить, почему предложение (4b) более приемлемо по сравнению с (5b), необходимо рассмотреть семантические и формальные свойства этих высказываний, и тогда объяснение некоторых фактов в примерах (1) — (3) будет автоматически следовать из функционального учета прагматической приемлемости. Таким образом, контекстуальное соответствие (прагматическая приемлемость) высказываний, равно как и семантическая приемлемость и чисто формальная грамматическая правильность, играют важную роль в РРГ, но в терминах функционального анализа прагматическое и семантическое соответствие более важно, чем формальная грамматичность.

Референциально-ролевая грамматика преследует двойную цель: 1) разработать основы универсальной грамматики и 2) разработать основы грамматического анализа,

непосредственно связанного с изучением языка в социокультурном мире. С первого взгляда может показаться, что эти цели несовместимы, однако при внимательном рассмотрении у них есть общая база в функциональной ориентации РРГ, которая пытается описать грамматические элементы в терминах их роли в коммуникации, то есть в вербальном общественном взаимодействии.

Формальные и функциональные теории универсальной грамматики заметно различаются с точки зрения сферы их интересов. Формальные методы имеют дело главным образом с «формальными универсалиями», то есть с обобщениями абстрактных формальных свойств грамматик, например, с ограничениями на применение синтаксических и фонологических правил. Лишь во вторую очередь они рассматривают «субстанциональные универсалии», которые представляют собой обобщения возможных формальных элементов в человеческом языке, как, например, обобщение, что все языки используют синтаксические категории имени и глагола (С h o m s k y 1965, 28; русск. перев., с. 30). Функциональные методы интересуются в первую очередь субстанциональными универсалиями, пытаясь ответить не только на вопрос, какие конструкции существуют в языках, но также и на вопрос, почему одни языки имеют определенные конструкции, а другие — нет (см. V a n V a l i n 1980b). При этом функциональные универсалии будут по своей природе имплицативными, выражающими, как соотносятся между собой функции (например, сохранение референции в последовательности предложений; см. H e a t h 1975) и формальные единицы, реализующие эти функции. Соотношение между формой и функцией имеет весьма сложный характер, ибо, как уже отмечалось, некоторая функция может выполняться различными формами, а некоторая данная форма может иметь различные функции в разных контекстах (см. H e a t h 1978, где можно найти более подробное обсуждение функциональных универсалий). Кроме того, адекватная теория универсальной грамматики должна обеспечить жизнеспособную основу для описания отдельных языков. Поэтому РРГ пытается создать такую основу, которая находится где-то между крайними полюсами: описанием каждого языка в его собственных терминах (что делает затруднительным межъязыковое сравнение) и описанием каждого языка в чисто универсальных терминах (что часто приводит к

сглаживанию многих важных грамматических различий в данном языке в пользу различий, диктуемых теорией).

Еще одной важной целью РРГ является разработка основы грамматического анализа, который бы давал результаты, непосредственно пригодные для использования социолингвистами и антропологолингвистами, которые изучают язык в социокультурном мире. Как показано в работах Silverstein 1976a и 1977, изучение грамматических систем с учетом коммуникативной функции переплетается с социолингвистическим и антрополого-лингвистическим изучением языка в общественном взаимодействии. Теории, ограничивающиеся изучением грамматической концепции идеального говорящего-слушающего в абсолютно однородном с точки зрения речи обществе, мало что могут предложить социолингвистам и антропологолингвистам (ср. Hymes 1974, Van Valin 1980b).

3. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ РРГ

3.1. В референциально-ролевой грамматике предполагается, что грамматическая структура всех языков организована в терминах иерархических уровней; при этом мы будем следовать тагмемной теории (Jones 1980). Стандартная тагмемная иерархия включает: *абзац > независимое предложение (sentence) > элементарное предложение (clause) > составляющая > слово > основа > морфема*. В данной работе мы будем иметь дело лишь с грамматикой на уровне предложения (clause- and sentence-level grammar), так что приведенная иерархия годится для наших целей.

3.2. Название «референциально-ролевая грамматика» возникло из постулированных нами двух основных систем в грамматике на уровне элементарного предложения. Одна система связана с семантической (падежной) ролевой структурой элементарного предложения, а другая — с референциальными или прагматическими свойствами именных групп (ИГ) в простом предложении. Эти две системы считаются частью универсальной грамматики, но это не означает, что обе они реализуются во всех языках (см. ниже, разд. 3.2.5). В 3.2.1 мы рассмотрим систему, которая формирует семантическую ролевую структуру элементарного предложения, а в следующих разделах, 3.2.2—3.2.5, сосредоточим свое внимание на прагматически ориентированной системе.

3.2.1. Общаясь друг с другом, люди часто говорят о некотором действии, событии или состоянии дел в окружающем их мире, а также об объектах, существующих в этом мире или с ним связанных. Этими объектами могут быть, например, люди, животные, вещи, силы и т. д., которые могут играть различные роли в разного рода ситуациях. Язык позволяет людям говорить об этих объектах, предоставляя средства для описания ситуаций и их партиципантов, то есть участников этих ситуаций. Часть таких средств образует то, что мы называем семантической ролевой структурой элементарного предложения, которая связана с выражением самих ситуаций (действий, событий, состояний), их участников и тех разнообразных ролей, которые они играют в описываемых ситуациях. Самой фундаментальной частью этой системы является предикат — основное лингвистическое средство описания ситуаций. Предикаты могут быть классифицированы по нескольким основаниям, среди которых наиболее важные два: а) является ли ситуация статической или динамической и б) контролирует ли ее какой-нибудь участник или нет. Два указанных основания определяют четыре основных типа предикатов: предикаты, относящиеся к состоянию (статические, неуправляемые, например, *весить, напоминать, высокий, больной*); предикаты, относящиеся к происходящему (динамические, неуправляемые, например, *сверкать, расти, падать, умирать*); предикаты, относящиеся к положению (статические, управляемые, например, *сидеть, стоять, лежать*), и предикаты, относящиеся к действию (динамические, управляемые, например, *бежать, прыгать, ударять, есть*). Перечисленные четыре типа составляют, конечно, лишь исходный пункт для дальнейшего анализа, ставящего своей целью развить универсальную типологию предикатов. Однако в рамках настоящего исследования этих типов достаточно.

Участники ситуаций выражаются в языке различными типами именных групп. По отношению к ролевой структуре наиболее значимой характеристикой ИГ является то, что, согласно работе Silverstein 1976, составляет ее «внутреннее лексическое содержание»: это лицо, число, личность (humanness), одушевленность и конкретность. Всем известно, что особенности партиципанта определяют возможные роли, которые он может играть в ситуации. Например, агенты, так же как и получатели и экспериенсеры

физических или ментальных состояний, почти всегда бывают одушевленными, часто людьми; тогда как инструментальные и локативные партиципаны, в сущности, всегда неодушевлены. Аналогичным образом семантическое отношение, которым ИГ может быть связана со своим предикатом, ограничено ее внутренним лексическим содержанием, например, агенсы и экспериенцеры являются обычно одушевленными, тогда как инструментальные и локативные ИГ — нет. Такого параллелизма и следовало ожидать, поскольку предикаты и ИГ представляют собой лингвистические средства для выражения и описания ситуаций и их партиципантов.

Третьим аспектом ролевой структуры элементарного предложения является выражение различных ролей, которые партиципаны могут играть в ситуациях. Лингвистическим средством их выражения являются падежные роли, то есть тематические отношения. Во многих подходах, включая ранние версии РРГ, такие падежные роли рассматривались как простейшие элементы в исходной синтаксической или семантической форме предложений. В РРГ различаются две разные системы падежных ролей: базисная и производная. Базисная система состоит из единственного бинарного противопоставления партиципантов, из которых одни представляют, обуславливают, вызывают или контролируют ситуацию, обозначенную предикатом, а другие не представляют, не обуславливают и не контролируют ситуацию, а скорее испытывают некоторым образом ее воздействие. Первый тип участников мы будем называть *а к т о р о м*, а второй — *п р е т е р п е в а ю щ и м* (*Undergoer*) (см. *V a n V a l i n 1977b, 25*). Следует подчеркнуть, что введенное понятие актора не эквивалентно падежной роли агенса, так же как претерпевающий не эквивалентен падежной роли пациенса. В РРГ такие падежные роли, как агент, пациент и инструмент, составляют часть производной системы, которая рассматривается ниже. Выбор актора и претерпевающего отражает перспективу (*Fillmore 1977*), в которой можно описывать ситуацию, и во многих случаях одна и та же ситуация допускает более одного способа выбрать актор, как в примерах (6) и (7).

(6) a) John bought the book from Harry.

‘Джон купил книгу у Гарри’.

b) Harry sold the book to John.

‘Гарри продал книгу Джону’.

- (7) a) The landlord rented the students the crummy apartment.
 'Хозяин дома сдал студентам крошечную квартирку'.
 b) The students rented the crummy apartment from the landlord.
 'Студенты сняли крошечную квартирку у хозяина дома'.

Оба предложения в примере (6) описывают одно и то же коммерческое событие, связанное с передачей книги от Гарри к Джону; одно и то же событие описывается также в примерах (7a) и (7b). Разница между предложениями в каждой паре состоит в выборе иницирующего и контролирующего участника: в предложениях (6a) и (7a) такими участниками являются соответственно Джон и хозяин дома, тогда как в предложениях (6b) и (7b) иницирующими и контролирующими участниками являются соответственно Гарри и студенты. Разница эта заключается в выборе актора. Обратим внимание на то, что она не сводится к выбору синтаксического подлежащего, что демонстрируют предложения примера (8):

- (8) a) John was sold the book by Harry.
 'Книга была продана Гарри Джону'.
 b) The students were rented the crummy apartment by the landlord.
 'Крошечная квартирка была сдана хозяином дома студентам'.

Хотя John и является подлежащим в предложениях (6a) и (8a), актором он является только в (6a); в (8b) the landlord остается актором, хотя он уже больше не является синтаксическим подлежащим. У большого количества предикатов (таких, как *убить*, *ударить*, *есть*, *делать*) существует только один возможный актор.

Противопоставление актора и претерпевающего более ясно можно увидеть в простых предложениях с переходным глаголом, где актор (А) — подлежащее, а претерпевающий (П) — прямое дополнение; например: The farmer killed the duckling 'Фермер (А) убил утенка (П)'. Это противопоставление сохраняется при синтаксических перестановках: The duckling was killed by the farmer 'Утенок (П) был убит фермером (А)'. В английском языке в качестве ИГ претерпевающего выступает некосвенное дополнение, поставленное сразу после глагола.

(9) a) Max shot the duck.

‘Макс (А) подстрелил утку (П)’.

b) Max shot at the duck.

‘Макс (А) выстрелил в утку’.

(10) a) The Feds loaded grass on the plane.

‘Федеральная полиция (А) погрузила марихуану (П) на самолет’.

b) The Feds loaded the plane with grass.

‘Федеральная полиция (А) загрузила самолет (П) марихуаной’.

В приведенных примерах можно видеть суть контраста *П* и не-*П* в позиции объектной ИГ. В предложениях (9) *the duck* является претерпевающим лишь в (9a), что непосредственно связано с ее интерпретацией как объекта, на который направлено действие глагола; в противоположность этому во фразе (9b) *the duck* не может так интерпретироваться. Аналогичное различие мы можем наблюдать между предложениями (10a) и (10b): когда *the plane* является претерпевающим во фразе (10b), то мы понимаем, что именно на него полностью обращено действие глагола, тогда как во фразе (10a) *the plane* так интерпретировать нельзя. Указанные семантические различия непосредственно выражаются в производной системе падежных ролей. Хотя обсуждение роли претерпевающего было ориентировано на примеры (9) и (10) из английского языка, феномен чередования косвенное/некосвенное дополнение с точно такими же семантическими различиями можно обнаружить во многих языках, включая тонга, валбири, кабардинский и тагальский (ср. Foley 1976; Van Valin 1977a; Foley — Van Valin, in preparation).

Претерпевающие встречаются также при одноместных предикатах, главным образом стативных. Подлежащие при таких предикатах, как *больной*, *высокий*, *толстый*, *печальный* и т. п., семантически являются претерпевающими, а не актерами; они испытывают определенное физическое или психическое состояние, а не выполняют какое-либо действие. Различие это наиболее явно в таких стативно-активных языках, как лакота, где единственный аргумент активного глагола получает показатель актора, тогда как аргумент стативного глагола — показатель претерпевающего.

(11) a) Wakábleche.

я-ломать-это

‘Я ломаю это’.

b) Maúakaštake.

меня-ты-бить

‘Ты бьешь меня’.

c) Wahí.

я-приезжать

‘Я приезжаю’

d) Makhúže.

меня-больной

‘Я болен’.

Модель падежных показателей в языке лакота можно обобщить, если принять, что все акторы имеют один показатель, а все претерпевающие — другой, независимо от того, служат ли они дополнением при переходном глаголе или подлежащим при стативном глаголе.

Противопоставление актора и претерпевающего является фундаментальным организующим принципом падежных ролевых систем, организующих ролевую структуру элементарного предложения. Традиционно принятая система падежных ролей первоначально была предложена в работе Fillmore 1968. Если перечислить только основные из падежных ролей, то это агенс, пациенс, инструмент, цель, источник и локатив. Главное отличие РРГ от других теорий, использующих те же понятия, заключается в том, что в РРГ падежные роли рассматриваются не как простейшие исходные концепты, а скорее как *производные* отношения. Это означает, что они рассматриваются как результат дедуктивного вывода, включающего четыре фактора: семантику предиката (в частности, является ли он состоянием, действием, положением и т. д.), внутреннее лексическое содержание именного аргумента, выбор перспективы (актор или претерпевающий) и морфосинтаксический статус аргументов, не являющихся ни актором, ни претерпевающим, то есть их падежную характеристику в самом широком смысле. Словарная статья каждого глагола содержит указания о падежных показателях его аргументов. Например, при английском глаголе load ‘грузить’ будет записано: load (ИГ 1 [Актор], (with) ИГ 2, (on) ИГ 3, . . .). Здесь в качестве актора обозначена ИГ 1, а для двух других основных элементов указано, что они могут встретиться с

соответствующими предложениями. Один из этих аргументов избирается в качестве претерпевающего и потому употребляется без предлога, а ИГ не претерпевающего употребляется со своим предлогом, как в приведенных выше примерах (10). Пример образования падежной роли агенса представляет предложение типа *The man smashed the window with a hammer* 'Человек (А) разбил окно (П) молотком'. Здесь слово *the man* является личным актором при глаголе, обозначающем физическое разрушение, и, следовательно, агенсом. Вторая ИГ — *the window* — это неодушевленный претерпевающий при том же глаголе, и, следовательно, пациенс. В том же предложении *hammer* есть неодушевленный объект с предлогом *with*, употребленный при предикате, обозначающем физическое разрушение, и личном акторе, что говорит о том, что его можно интерпретировать лишь как инструмент. С другой стороны, в предложении *The hammer smashed the window* 'Молоток (А) разбил окно (П)' *the hammer* является актором при глаголе *smash*, и в то же время, поскольку это неодушевленный предмет, его следует по-прежнему интерпретировать как инструмент. Несмотря на то что он не организует и не контролирует действие глагола, он производит это действие сам и потому является актором. Примеры, в которых претерпевающий является пациенсом, содержатся в предложениях типа *Harry carved a small statue* 'Гарри (А) изваял маленькую статую (П)', где претерпевающий создается действием самого глагола, а до этого действия он не существует. Здесь мы имеем то, что в работе *Fillmore 1968* называется ИГ фактитива. В предложении *Five dollars will buy you a steak dinner* 'Пять долларов (А) позволят получить вам (П) обед с мясом' претерпевающий является ИГ реципиента или цели.

Приведенные соображения ни в коей мере не претендуют на законченность, это лишь попытка проиллюстрировать способ, которым падежные роли Филлмора могут рассматриваться не как базисные, а как производные. Такой подход позволяет избавиться от большого числа проблем, с самого начала затруднявших формулирование основных положений падежной грамматики, например, проблем, связанных с числом падежей, их мотивацией, с реализацией глубинных падежей на поверхностном уровне (см. *Fillmore 1977*). Мы постулируем лишь одно фундаментальное универсальное семантическое противопоставление

актера и претерпевающего, а семантически различные падежные роли становятся при этом дериватами, специфическими для данного языка. Иными словами, падежные роли, устанавливаемые при анализе каждого конкретного языка, зависят от указанных выше факторов: от семантики предиката, внутреннего лексического содержания именных аргументов, выбора актера и претерпевающего и от морфосинтаксического статуса остальных аргументов. Образование этих падежных ролей определяется набором правил, конкретизирующих интерпретацию совместного действия этих факторов. Изучение ролевых структур многих языков может дать важные обобщения о взаимодействии этих факторов, а также о системах падежных ролей в естественных языках. Вероятнее всего, что некоторые падежи, такие, как агенс, пациенс, инструмент, цель, источник и локатив, можно, видимо, обнаружить во всех языках. Независимо от конкретного числа падежных ролей, найденных в любом данном языке, мы можем заранее предсказать, что некоторые случаи нам вообще никогда не встретятся. Например, ни в одном языке не возможна ситуация, чтобы актер имел падежную роль пациенса или претерпевающий — падежную роль агенса.

3.2.2. Вторая важная система в грамматике на уровне элементарного предложения связана с организацией предложения в терминах дискурсивных ролей отдельных его составляющих. Такую прагматически ориентированную систему мы называем прагматической структурой простого предложения. (В ранних работах она называлась нами «референциальной структурой».) Наряду с универсальной тенденцией, состоящей в том, что элементы, несущие контекстуально данную информацию, предшествуют элементам, несущим контекстуально новую информацию (эта закономерность обсуждалась Фирбасом, Хэллдеем и другими учеными), в элементарном предложении одна именная составляющая выделяется специальными морфосинтаксическими средствами как прагматически наиболее значимая ИГ. Прагматическая значимость задается двумя взаимодействующими факторами. Ими являются, с одной стороны, выделенность в дискурсе (т. е. определенность, конкретность и данное), а с другой стороны, то, что в работе Zubin 1978 называется «фокусом интереса» говорящего. В него попадает участник, которого говорящий считает наиболее значимым в рассматриваемой ситуации. Прагма-

тически наиболее значимая ИГ в простом предложении называется прагматическим пиком (ПрП).

Факторы, определяющие выбор ПрП, несколько меняются от языка к языку, но они всегда относятся к одному из двух только что указанных общих классов. Согласно работе Zubin 1978, фокус интереса говорящего играет первостепенную роль в немецком языке в определении того, какая ИГ встретится в качестве ПрП в именительном падеже, и, как указывалось выше, этот интерес относится к самому значимому участнику ситуации. В общем случае одушевленные участники, особенно люди, имеют, как правило, большую значимость, чем неодушевленные или абстрактные участники. Это есть проявление того самого базисного свойства (то есть внутреннего лексического содержания ИГ), которое обсуждалось в разделе 3.2.1. В тагальском и в других филиппинских языках (Foley 1976), так же как и во многих языках банту, например, в языке руанда (Kitempeyi 1980), ПрП должен обладать свойством определенности, неопределенный ПрП невозможен. В английском и немецком языках, напротив, допускаются неопределенные ПрП, хотя большинство их являются определенными; «пустые подлежащие» в этих языках, например *it*, *there* и *es*, не являются ПрП. Два указанных класса прагматических факторов могут быть охарактеризованы как «относящиеся к говорящему» и «относящиеся к слушающему». К говорящему относятся те факторы, которые рассматривались в работе Zubin 1978. Они отражают суждение говорящего об относительной значимости участников ситуации. Заметим при этом, что понятие наиболее значимого участника не тождественно понятию актора, хотя оба этих понятия часто совпадают. С другой стороны, к слушающему относятся такие факторы, как определенность, конкретность и данное, которые связаны с предположениями говорящего о способностях слушающего идентифицировать референты ИГ и о возможности применения в этой связи контекста дискурса. Эти вопросы относятся к проблеме контекстуализации высказываний с точки зрения ситуации, в которой они имеют место (см. Van Valin 1980 b).

Прагматическая структура может быть выражена либо падежной маркировкой, либо порядком слов. В английском языке она выражается главным образом порядком слов, при котором ПрП задается его позицией в начале предложения

перед глаголом. В то же время в немецком языке ПрП сигнализируется падежом ИГ (а именно именительным падежом). Порядок слов в немецком языке не играет роли при определении ПрП, поскольку повествовательное предложение может начинаться любая составляющая, за исключением личной формы глагола. Наше употребление термина «падежная маркировка» не следует связывать лишь со склонением имен в том виде, в каком оно встречается в немецком и латинском языках. Скорее падежной маркировкой можно считать всякий способ морфологического выражения грамматической функции или прагматической значимости (или того и другого вместе) именной группы в элементарном предложении. Например, в тагальском языке ПрП маркируется предлогом *ang* (Foley 1976; ср. Foley — Valin 1977).

Таким образом, прагматическая структура является второй системой организации элементарного предложения наряду с системой ролевой структуры, рассмотренной в разделе 3.2.1. Там мы доказывали, что выбор актора независим от выбора подлежащего в английском языке, и в качестве иллюстрации были приведены примеры (7b) и (8b); в обоих предложениях *The students* является ПрП, но в (7b) действие предиката приписывается студентам, тогда как в (8b) — нет. Следовательно, выбор актора действительно не зависит от прагматической структуры, но это не означает, что они не взаимодействуют. В элементарных предложениях с активным глаголом актор является ПрП, в пассивных конструкциях в качестве ПрП чаще всего выступает не актор, а претерпевающий. Мы можем описать соотношение между «перспективной» и прагматической структурой следующим образом: акторы имеют преимущественное право стать ПрП, и поэтому такой выбор специально не маркируется. Выбор не-акторов является маркированным, и их маркированный статус выражается соответствующей пассивной конструкцией. Для английского языка это можно подытожить следующей Иерархией доступа к ПрП: *актор* > *претерпевающий* > *прочие*. Приведенная иерархия отражает тот факт, что в английском языке не-претерпевающие могут стать ПрП, когда в предложении нет претерпевающего. Так, мы можем сказать *The duck was shot at by Max* 'Макс выстрелил в утку', но нельзя сказать * *The duck was shot an arrow by Max* '* Утка была подстрелена стрела Максом'.

В австралийском эргативном языке дирбал маркированный выбор ПрП происходит по сравнению с английским языком противоположным образом. ПрП выражается абсолютивом (Van Valin 1977a), и его маркированный выбор связан с претерпевающим, который является пациентом или целью для большинства переходных глаголов, а также целью для глаголов, означающих 'давать' (данные из Dixon 1972).

(12) а) Balan dyugumbil bangul yaḡangu
женщина-абс (П) мужчина-эрг (А)
buḡan.

видеть + время

'Мужчина увидел женщину'.

б) Balan dyugumbil bangul yaḡangu
женщина-абс (П) мужчина-эрг (А)
banggu yugungu wugan.

палка-инст (пац) давать + время

'Мужчина дал женщине палку'.

Когда актер выступает в качестве ПрП, следует использовать особую конструкцию, известную как антипассив. В языке дирбал имеется две такие конструкции: конструкция с ḡau в примере (13а) и «псевдовозвратная» конструкция в примере (13б).

(13) а) Bai yaḡa balgaḡaḡu
мужчина-абс (А) ударить + ḡau + время

bagun dyugumbilgu.

женщина-дат (П)

'Мужчина ударил женщину'.

б) Bai yaḡa balgayiriḡu
мужчина-абс (А) ударить + возвр + время

bagun dyugumbilgu.

женщина-дат (П)

'Мужчина ударил женщину'.

В приведенных примерах актер стоит в абсолютиве, а глагол изменяется таким образом, чтобы указать, что мы имеем дело с особым типом ИГ в качестве ПрП. Существует третья антипассивная конструкция, которая позволяет инструментальным ИГ стать ПрП. Таким образом, в языке дирбал Иерархия доступа к ПрП выглядит следующим образом: *претерпевающий* > *актер* > *прочие*.

Своими двумя первыми членами эта иерархия противоположна английской.

Теперь мы можем подытожить положение с доступом к статусу ПрП в языках английском и дирбал следующим образом:

(14) Английский: *актор* > *претерпевающий* > *прочие* (пассив).

Дирбал: *претерпевающий* > *актор* > *прочие* (антипассив).

В обоих указанных языках имеются конструкции, обеспечивающие ИГ различных типов возможность выступать в роли ПрП.

Понятие ПрП, развитое в настоящей работе, соответствует тому, что традиционно называется «грамматическим подлежащим» в английском, немецком и французском языках, тогда как в других языках «подлежащее» и ПрП не всегда одно и то же, как мы уже неоднократно отмечали в работах Foley — Van Valin 1977, Van Valin 1977a, а также в разделе 3.2.5 настоящей работы. ПрП следует отличать от «топика» — термина, который мы будем использовать для таких феноменов на уровне предложения (sentence-level), которые иллюстрируют нижеследующие примеры (15):

(15) a) As for the World Cup many people thought the refereeing stunk.

‘Что касается первенства мира, то многие считают, что судейство было мерзким’.

b) The Yankees, a lot of people love them and a lot hate them.

‘Янки, многие любят их, а многие ненавидят’.

c) Gakkoo-wa boku-ga isogasi-kat-ta.

школа *топик* я *част* занят *прош*

‘Если говорить о школе, то я был занят’.

Пример из японского языка (15с) заимствован из работы Li — Thompson 1976 (см. наст. сб, с. 198), где предлагается несколько критериев различения подлежащих и топиков, которые можно использовать, вообще говоря, для различения ПрП и топиков в указанных выше значениях (см. также Van Valin 1977b, 66—67).

3.2.3. Если принять наше определение ПрП как наиболее значимой ИГ в элементарном предложении с точки зрения речевой выделенности и фокуса интереса говорящего, то можно ожидать, что мы обнаружим важную функциональную роль ПрП в формировании связной речи. Выделенные партиципранты ситуации должны часто упоминаться,

и поэтому мы вправе ожидать, что средства связи высказываний с предшествующим контекстом часто группируются вокруг ПрП, поскольку ПрП соотносится с выделенными партиципантами и является в силу этого центральной ИГ высказывания.

ИГ в именительном падеже является ПрП в немецком элементарном предложении, поэтому она должна играть важную роль в обеспечении связности текста, причем гораздо большую роль, чем ИГ в дательном или винительном падежах. В работе Z и b i n 1978 показано, что среди последовательностей кореферентных ИГ в высказываниях (он называет такие последовательности «цепочками») частота ИГ в именительном падеже, относящихся к одному и тому же предмету, значительно превышает частоту ИГ в винительном или дательном падежах. Результаты этой работы говорят о том, что лишь меньшая часть употреблений именительного падежа не входит в цепочки (44%), тогда как употребления дательного и винительного падежей не попадают в цепочки в большинстве случаев (66 и 81% соответственно). Более того, по мере увеличения длины цепочки превосходство именительного падежа над дательным и винительным растет: в то время как в цепочках, охватывающих по меньшей мере четыре простых предложения, обнаруживается 19% употреблений именительного падежа, в таких же цепочках встречается лишь 8% употреблений дательного падежа и 2% употреблений винительного падежа. Эти данные свидетельствуют о том, что с увеличением цепочки возрастает отношение числа употреблений именительного падежа к числу употреблений дательного и винительного падежей. Обнаруженные факты подкрепляют мнение, что в немецком языке именительный падеж указывает на ПрП и он как таковой играет фундаментальную роль в обеспечении связности текстов.

Язык дирбал, будучи эргативным языком, представляет типологически несколько иную картину по сравнению с немецким языком. Однако в отношении функции связывания текста, которая присуща ПрП, эти языки заметно похожи. Как уже указывалось, в языке дирбал абсолютив сигнализирует о ПрП. В работе D i x o n 1972, 71, указывается, что функция связывания текста, выполняемая абсолютивом, проявляется в явлении, которое автор называет «образованием топиковых цепочек». Далее он пишет, что «если несколько идущих друг за другом предложений имеют об-

щую ИГ с общим референтом, то они образуют цепочку топиков; это приводит к тому, что каждое предложение преобразуется в форму, при которой общая ИГ становится топиковой ИГ, т. е. стоит в абсолютиве. Эта ИГ может быть упомянута лишь один раз в самом начале цепочки топиков. . . Поэтому нет ничего особенного в том, что встретилась цепочка из дюжины предложений, каждое из которых “комментирует” топик, встретившийся единственный раз».

Например, мы можем добавить *balan dyugumbil baniñu* ‘женщина пришла’ к предложениям примера (12), чтобы образовать цепочку топиков, показанную в примере (16).

(16) *Balan dyugumbil baniñu*

женщина-*абс* (А) *приходить + время*

bangul yarangu buran *banju yugungu*

мужчина-*эрг* (А) *видеть + время* *палка-инст (пац)*

bagul (yaragu) wugalñau.

мужчина-*дат* (Цель) *давать + пау + время*

‘Женщина пришла, мужчина увидел (ее); (она) дала ему палку’.

Здесь топиком (в том смысле, в каком он представлен в работе Dixon 1972) является *balan dyugumbil* ‘женщина’, которая трактуется, как если бы она была ПрП во всех простых предложениях. Когда топик является актором, как в третьем предложении, необходимо использовать антипассивную конструкцию с *пау*.

Несмотря на типологические различия между немецким языком и языком дирбал, функции ПрП в высказываниях на обоих языках поразительно похожи. Если в немецком языке именительный падеж намного более употребителен для упоминания одного и того же участника в цепочках высказываний в тексте, то в языке дирбал одна и та же центральная сущность, образующая цепочку топиков, отмечается абсолютивом. Такое сходство является хорошим свидетельством в пользу нашего понятия ПрП и роли, которую он играет в тексте.

3.2.4. Мы уже дали определения понятий прагматической структуры и ПрП и продемонстрировали на разных языках примеры этих понятий. Важный практический вопрос, на который теперь следует ответить, — это как определить для данного языка, имеется ли в его грамматике на уровне элементарного предложения прагматическая структура. Существует несколько проверочных тестов, которые

можно использовать в поисках ответа на этот вопрос. Взятые вместе, эти тесты создают достаточно ясную картину организации грамматики уровня элементарного предложения в соответствующем языке.

Наиболее важный процесс внутри элементарного предложения, который подлежит исследованию, — это процесс выбора подлежащего, поскольку именно в этом процессе выявляется ПрП. Так как ПрП определяется в терминах прагматической значимости, то такие прагматические факторы, как определенность или данное, должны играть роль при выборе ПрП. Если подлежащие в некотором языке выбираются на чисто семантической основе (например, акторы всегда являются подлежащими или, наоборот, в элементарных предложениях, содержащих предикаты с более чем одним аргументом, прагматические факторы не влияют на выбор подлежащего), то такие подлежащие не являются ПрП (см. раздел 3.2.5. данной работы). Обычно ПрП стремятся быть самой левой, наименее морфосинтаксически маркированной и зачастую обязательной ИГ (см. Foley — Van Valin 1977, Van Valin 1977a). В разделе 3.2.2 говорилось, что в некоторых языках существуют иерархии доступа к статусу ПрП, что существуют конструкции, позволяющие ИГ, имеющим низкий ранг в иерархии, повыситься в ранге и оказаться в позиции ПрП. Это пассивная и антипассивная конструкции, а их существование в языке является ключом к обнаружению существования прагматической структуры (см. Van Valin 1977b). Следует отметить, что пассив и антипассив могут выполнять в языке функции, отличные от тех, которые позволяют именным группам, расположенным на низком уровне иерархии, оказаться в позиции ПрП, например, выполнять функции устранения актора или претерпевающего (см. Heath 1976, Sinha 1978, Silverstein 1978). Это значит, что такие конструкции могут существовать в языке и вообще не нести прагматических функций, описанных выше. Тем не менее их наличие в языке может рассматриваться как потенциально положительный индикатор прагматической структуры, существование которой следует оценивать с учетом функций этих конструкций в грамматической системе в целом. Так, пассивная конструкция в английском и немецком языках, различные антипассивы в языке дирбал и система фокуса интереса в тагальском языке (Foley — Van Valin 1977) тесно связаны с прагматической

организацией грамматики элементарного предложения в этих языках.

Мы уже рассмотрели важную роль ПрП в организации текста в немецком языке и языке дирбал и выявили тот факт, что в процессах, связанных с построением сложных предложений, ПрП часто выделяется специальным образом. К важнейшим процессам такого рода относятся релятивизация и «опущение» при кореферентности в дополнительных оборотах и сочинительных конструкциях. В некоторых языках релятивизация ограничивается исключительно позицией ПрП, например, в языках тагальском и дирбал, а в других существуют специальные стратегии формирования относительных оборотов, которые применяются только к ПрП (например, в английском и немецком языках имеются специальные причастные относительные обороты, требующие, чтобы релятивизируемая ИГ находилась в позиции ПрП); во всех таких случаях релятивизация происходит путем «опущения» (см. Van Valin 1977 b). В английском и немецком языках опущение при кореферентности в дополнительных конструкциях ограничено ПрП, как и кореферентное опущение при сочинении (сочинительное сокращение). (Здесь не принципиально, чтобы эти явления описывались как действительные опущения, скорее мы просто используем для них общепринятый термин.) Существование ограничений на «опущение» в конструкциях такого рода является сильным доводом в пользу существования прагматической структуры. Для того чтобы получить картину грамматики в целом, необходимо учесть данные как внутренних процессов элементарного предложения, так и процессов, происходящих между предложениями.

Мы описали ряд тестов, способствующих установлению существования в языке прагматической структуры. Тесты в пределах элементарного предложения, в частности критерии выбора «подлежащего», дают существенные свидетельства о статусе прагматической структуры. Эти свидетельства дополняются тестами, связанными с межфразовыми явлениями. Тот факт, что внутрифразовые явления могут быть таким способом объединены с межфразовыми, является, конечно, поразительным, и это лишь еще больше свидетельствует в пользу понятий прагматической структуры и прагматического пика.

3.2.5. Из вышеприведенных рассуждений о тестах, помогающих установить прагматическую структуру, вытекает

предположение, что существуют языки, которые «удовлетворяют» таким тестам, и языки, которые им не «удовлетворяют». До сих пор мы рассматривали языки, которые им «удовлетворяют», то есть языки с прагматической структурой. В настоящем разделе мы кратко рассмотрим языки, в грамматике которых на уровне элементарного предложения нет прагматической структуры.

Если грамматика элементарного предложения некоторого языка не содержит прагматической структуры, то в ней нет и ПрП. В разделе 3.2.4 мы уже отмечали, что если в каком-либо языке выбор «подлежащего» целиком определяется семантическими критериями, то в этом языке отсутствуют ПрП и прагматическая структура. Примером такого языка является язык чоктав (Heath 1977). В языке чоктав имеются две системы падежного маркирования: одна для полных ИГ, а другая — состоящая из аффиксов в глагольном комплексе. Первая система говорит лишь о различии «подлежащее/косвенное дополнение», тогда как вторая указывает падежные роли агенса, пациенса, датива (термин Хита), инструмента и локатива. Приведем следующие примеры из работы Heath 1977:

- (17) a) Hattak at ø-iyə-h.
 мужчина *арт-подл* *3л-агнс-идти-наст*
 'Мужчина идет'.
 b) Hattak at oho:yoh (ā:)
 мужчина *арт-подл* женщина *арт-доп*
 ø-ø-pisa-h
3л-агнс-3л-пац-видеть-наст
 'Мужчина видит женщину'.

(В приведенных примерах глагольные толкования взяты у Хита.) В данных предложениях at (a- 'определенный артикль' + -t 'подлежащее') указывает на «подлежащее», а ā: (a- + -n 'дополнение' = ā:) — на «косвенное дополнение». Наиболее важным фактом в этой системе падежного маркирования ИГ является то, что она полностью определяется семантическими ролевыми функциями ИГ в элементарном предложении. Хит следующим образом формулирует правило выбора «основного подлежащего» (Heath 1977, 207): «Если задан ряд рангов *агнс* > *пациенс* > *датив* > *прочие*, то ИГ самого высокого ранга в элементарном предложении маркируется как подлежащее». ИГ, получающая в предложении языка чоктав показатель подлежащего -t, обусловлена своей семантической падежной ролью. При

этом прагматические факторы не играют никакой роли. Таким образом, подлежащее в языке чоктав описывается целиком семантически, а потому оно не может рассматриваться как ПрП. Отсюда получается, что в языке чоктав отсутствует прагматическая структура. Такое заключение подкрепляется и другим внутрифразовым тестом, а именно: в языке чоктав мы не находим пассивных конструкций, какие имеются в английском и немецком языках. Хит замечает (H e a t h 1977, 207), что в языке чоктав «нет продуктивных правил пассивизации или чего-либо подобного, что влияло бы на свободное падежное маркирование (ИГ), хотя в этом языке имеются для глаголов обычные дублиеты переходный/переходный, которые дают смысл типа 'быть сломанным/ломать', и т. д.». Дальнейшие подтверждения мы можем найти в фактах, касающихся релятивизации. В языке чоктав, как и в языках тагальском и дирбал, релятивизация осуществляется посредством «опущения», но для нее оказывается очень мало ограничений. В частности, релятивизироваться могут подлежащее, дополнение и дополнения с послелогоми (V a n V a l i n 1977b). Таким образом, все эти факты приводят к заключению, что в языке чоктав отсутствует система прагматической структуры, если анализировать его грамматику на уровне простого предложения.

В этом язык чоктав не является исключением. К языкам, в которых также отсутствует прагматическая структура, относятся лакота, туника, чумаш барбареньо *, тонкава, восточный помо, хопи, каддо и ирокезские языки (Северная Америка); валбири, валмасараи и дяри (Австралия); языки шумерский, шерпа и тибетский (Азия); энга и йимас (Новая Гвинея, Папуа) (см. V a n V a l i n 1977b, V a n V a l i n 1980). Поскольку в перечисленных языках нет прагматической структуры, в организации их грамматики элементарного предложения доминируют системы, выражающие семантическую ролевую структуру (см. разд. 3.2.1). Если в таком языке и существуют формально пассивная и антипассивная конструкции, то их функции не имеют никакого отношения к прагматическим вопросам, рассмотренным в разд. 3.2.2, и связаны обычно с устранением актора или претерпевающего в элементарном предложении. Более

* Разговорный язык чумаш, на котором говорят в районе г. Санта Барбара (Калифорния, США).— *Прим. ред.*

того, во многих из этих языков, например, в языках лакота, туника, энга и валбири, вообще отсутствуют формальные пассивы и антипассивы. Языки, в которых нет прагматической структуры, а грамматика элементарного предложения организована на базе системы ролевой структуры, мы будем называть ролевыми языками (role-dominated languages). А языки с прагматической структурой, такие, как английский или дирбал, мы будем называть референциальными языками (reference-dominated languages).

В разделе 2 мы сформулировали основную идею РРГ: синтаксис в значительной степени является результатом совмещения семантики и прагматики, и в референциальных языках взаимодействие между ними обнаруживается в первую очередь в совмещении ролевой и прагматической структур. Кроме того, в таких языках существует, конечно, влияние распределения данной и новой информации на порядок слов. В то же время в ролевых языках влияние прагматических текстовых факторов не грамматикализовано на уровне элементарного предложения. Поэтому взаимодействие семантики и прагматики в этих языках должно принципиально отличаться от взаимодействия в референциальных языках. В ролевых языках такое взаимодействие имеет место главным образом на уровне целого предложения (sentence level). Например, в языке лакота (Vap Valip 1977b) текстовая выделенность ИГ выражена системой специальных детерминаторов, а также посредством топикализации. ИГ в этом языке могут выступать в качестве топиков на уровне целого предложения, как показано в примерах (18).

(18) a) Wašíču hená mathó ki ktépi
 белый-человек те медведь эти они-убивают-его
 на yugárapí.
 и они-снимают-с-него-шкуру
 'Белые люди убили медведя и сняли с него шкуру'.

b) Mathó ki wašíču hená ktépi на yugárapí.
 'Этот медведь, белые люди убили его и сняли с него шкуру'.

Во втором предложении претерпевающий mathó 'медведь' стал топиком и переместился в начало предложения. Такая топикализация управляется текстовыми факторами, и в ней находит отражение влияние прагматики на синтаксис языка лакота. Но mathó, несомненно, является топиком, а не ПрП, поскольку в данном случае не происхо-

дит никаких изменений ни в структуре элементарных предложений, ни в глагольной морфологии, что непременно имело бы место в пассивной конструкции в таких языках, как английский или немецкий. В языке лакота подобной конструкции не существует. Приведенные примеры из лакота иллюстрируют взаимодействие семантики и прагматики в ролевом языке, взаимодействие, имеющее место на совсем другом уровне по сравнению с языками с прагматической структурой (см. Van Valin 1977b).

В разделе 3.2.3 мы рассмотрели важную функцию ПрП, относящуюся к связности текста. Теперь мы кратко остановимся на средствах, обеспечивающих связность текста в ролевых языках. В цепочке топиков в примере (16) на языке дирбал мы уже видели, что центральный участник всегда ставится в абсолютивном падеже, то есть является ПрП, и что для указания актора в качестве ПрП используется антипассивная конструкция с *rau*. Таким образом, в системе языка дирбал один и тот же участник «прослеживается» во всех элементарных предложениях, причем морфология глагола указывает, является ли он претерпевающим (простая форма глагола) или актором (антипассив с *rau*) (см. Siverstein 1976b). В то же время во многих ролевых языках обнаруживается совсем другой способ связывания текста: конкретная семантическая роль, часто это актор, прослеживается во всех элементарных предложениях, и существуют некоторые морфологические средства, указывающие, является ли участник, выполняющий эту роль в данном элементарном предложении, тем же самым или другим по отношению к участнику, выполняющему ту же роль в следующем предложении. Такая система была названа системой переключения референции (Jacobson 1967), и мы можем проиллюстрировать ее данными на языке чоқтав в (19) (Heath 1975) и на языке энга в (20) (Lap 1973):

(19) а) \emptyset - \emptyset -pi:sa-ča \emptyset -iya-tok.
Зл-агенс-Зл-пац-видеть-тожд *Зл-агенс-идти-прош*
'Он₁ увидел его₁, затем он₁ ушел'.

б) \emptyset - \emptyset -pi:sa-na: \emptyset -iya-tok.
нетожд
'Он₁ увидел его₁, затем он_{1/2} ушел'.

- (20) а) Ваа-тмэ ра-о kalái p-i-á.
 он-агeнс идти-тожд работа делать-прош-3л-ед
 'Он пошел и работал (в то же самое время)'.
- б) Namba p-e-ó-ра baа-тмэ
 я идти-прош-1л-ед-нетожд он-агeнс
 kalái p-i-á
 работа делать-прош-3л-ед
 'Я пошел, а он работал'.

Система переключения референции в языке чоктав распространяется на ИГ самого высокого ранга в каждом простом предложении в смысле иерархии выбора подлежащего, описанной выше (N e a t h 1977, 207). При этом, если имеет место кореферентность, то используется *ǵa*, а если нет, то *na*. Следовательно, про систему языка чоктав нельзя сказать, что она контролирует конкретную семантическую роль. Скорее она контролирует то, что можно назвать р о л е в ы м п и к о м простого предложения. (Этот термин заимствован из работы O l s o n 1978.) Система языка энга направлена главным образом на то, чтобы указывать, о том же самом или о другом акторе идет речь (L a n g 1973).

Если сравнить системы связи простых предложений в языках дирбал, с одной стороны, и чоктав и энга — с другой, то можно видеть, что первая концентрирует внимание на главном участнике, используя грамматические средства, указывающие на его функцию в различных элементарных предложениях, тогда как вторая ориентирована прежде всего на конкретную грамматическую (семантическую) функцию и на выражение того, является ли участник, выполняющий эту функцию, тем же самым или другим в идущих подряд простых предложениях. Поэтому систему языка дирбал мы будем называть с и с т е м о й п е р е к л ю ч е - н и я ф у н к ц и и, а термин «переключение референции» сохраним для системы типа языков чоктав и энга. Обе системы всецело направлены на обеспечение связности текста, но отличаются друг от друга своими формальными свойствами. Такое различие не следует интерпретировать как абсолютную дихотомию, лучше считать их двумя конечными точками типологического континуума систем связи простых предложений. Как правило, многие ролевые языки имеют системы переключения референции описанного выше типа. Референциальные языки, с другой стороны, стремятся иметь системы переключения функции, хотя среди них

иногда встречаются языки, например, эскимосский (W o o d b u r g у 1980) и бараи (O l s o n 1978), с системой переключения референции.

3.3. Итак, было предложено выделять две основные системы грамматики уровня элементарного предложения: ролевую структуру и прагматическую структуру. Ролевая структура выражает ситуации, их участников и роли, которые эти участники играют в данных ситуациях. Прагматическая структура — это организация элементов простого предложения с точки зрения их роли в тексте. Фундаментальным для прагматической структуры является понятие прагматического пика, то есть прагматически наиболее значимой ИГ в элементарном предложении. Грамматика элементарного предложения не во всех языках имеет прагматическую структуру. Языки, имеющие такую структуру, мы назвали референциальными, а языки, не имеющие ее, — ролевыми языками.

4.0. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Изложив достаточно подробно основные идеи РРГ, обратимся к анализу небольшой группы английских предложений:

- (21) a) The farmer killed the duckling.
'Фермер убил утенка'.
b) The duckling was killed by the farmer.
'Утенок был убит фермером'.
c) The woman believed that John killed the farmer.
'Женщина верила, что Джон убил фермера'.
d) The woman believed John to have killed the farmer.
'Женщина верила, что Джон убил фермера'.*

Если проделать анализ этих предложений в терминах РРГ, то следует показать две взаимодействующие системы английской грамматики элементарного предложения: ролевую структуру и прагматическую структуру. При этом следует отметить тот факт, что в обоих предложениях — (21a) и (21b) — *farmer* является актором и агенсом, а *duckling* — претерпевающим и пациенсом. Указанные два предложения отличаются выбором ПрП: в (21a) ПрП является актер, а в (21b) — претерпевающий. Принятие этих двух систем поз-

* Русский перевод не отражает синтаксической структуры оригинала.— *Прим. перев.*

воляет избежать необходимости различать поверхностную и глубинную синтаксические структуры, вот почему в РРГ эти структуры и не фигурируют. Это в свою очередь устраняет необходимость в деривациях, устанавливающих связь между поверхностной и глубинной структурами. Более того, в РРГ не вводятся никакие чисто грамматические отношения, не зависящие от названных систем, например, «подлежащее» или «прямое дополнение». То, что мы не используем понятия «подлежащее» и «дополнение» в качестве теоретических конструктов, вовсе не означает, что мы отрицаем, что в языках имеются подлежащие и дополнения. Просто здесь следует иметь в виду, что в данном случае мы используем эти термины в качестве меток для специфических конкретно-языковых грамматических категорий. Так, например, то, что мы называем подлежащим в английском языке, является частным случаем объединения ролевой и прагматической структур, которое мы не найдем во многих других языках. Подлежащее в языках лакота и чоктав определяется одной лишь ролевой структурой и потому сильно отличается от английского подлежащего. Поэтому языковые обобщения, основанные на теоретическом конструкте «подлежащее», которые замалчивают существенные различия между английскими подлежащими и подлежащими в языках чоктав и лакота, имеют сомнительную ценность (Foley—Vain Valin 1977, Vain Valin 1977 a, b).

Аналитические утверждения РРГ формулируются в виде иерархий и ограничений. (Здесь следует подчеркнуть, что весьма малая часть работы, проделанной в РРГ до сих пор, была посвящена разработке символики для выражения этих иерархий и ограничений, а также для представления анализируемых предложений. Основное внимание мы уделяли разработке принципиальных аспектов данного подхода и игнорировали его формальную сторону, полагая, что она является важным направлением дальнейших работ в области РРГ.) В примере (14) мы уже показали иерархию доступа к статусу ПрП в языках английском и дирбал. Английская иерархия, конечно, годится для анализа приведенных выше примеров, в частности (21a) и (21b). В английском языке пассивные конструкции используются тогда, когда по какой-либо причине не-актор становится ПрП. Мы можем поэтому предложить следующее пробное правило:

(22) ПрП \neq Актор \supset ПрП — V [+п а сс] — X — (by + + Актор).

Это правило гласит, что, когда ПрП не-актор, возникает пассивная конструкция. Это правило, правда, дает нам не слишком много, поскольку оно не указывает семантических и прагматических условий, при которых ИГ, не являющиеся актором, могут в английском языке получить статус ПрП. Полная формулировка «правила пассива» в РРГ включала бы тщательный функциональный анализ этой конструкции с целью выявить как семантические, так и прагматические условия появления пассива, а это в свою очередь предполагало бы функциональный анализ английского синтаксиса в целом, которого на сегодняшний день еще не существует. Более адекватную формулировку можно было бы дать в виде ограничений на использование пассива, наложив контекстуальные и другие условия на возможность его появления. Вообще же РРГ пытается описать такие альтернативные синтаксические модели, которые прежде составляли основу трансформационного анализа в терминах трансформации перемещения, в связи с прагматическими и семантическими условиями их появления. Такой подход предполагает, что такие альтернативные модели возникают отнюдь не случайно: с ними связаны различия в семантических и прагматических значениях.

Возвращаясь к анализу предложений (21a) и (21b), мы можем представить грамматическую информацию, характеризующую предложение (21b) в виде схемы, показанной на рис. 1.

Рис. 1

Прагматическая и ролевая структуры представлены здесь узлами ПрП и Предикат, находящимися под узлом Простое предложение. Обратим внимание на то, что эти два узла доминируют над минимально необходимыми элементами

английского простого предложения, а именно подлежащим и сказуемым. Перспектива изображается стрелками, идущими от вершины Предикат к двум ИГ, причем П указывает претерпевающего, а А — актора. Наконец, сами семантические падежные роли изображены помеченными стрелками, идущими от самого глагола. Связь этой пассивной конструкции с ее активным эквивалентом, предложением (21a), состоит в идентичности выборов перспективы и падежных ролей. Отличаются эти два предложения лишь выбором ПрП. Подробности грамматики уровня составляющих для этих примеров опущены.

Работа над структурами дополнительных оборотов типа показанных в примерах (21c) и (21d) в рамках РРГ только началась как часть развития общей теории внутрифразовых отношений и межфразовых связей, которая должна иметь дело не только с приведенными примерами, но и с системами переключения референции и переключения функции типа тех, которые рассматривались в разделе 3.2.5. Тем не менее здесь мы можем кратко охарактеризовать использование метода РРГ для анализа этих двух типов предложений. В примере (21c) дополнительное придаточное предложение *that John killed the farmer* 'что Джон убил фермера' является одновременно и претерпевающим основного глагола *believe* 'верить', и его аргументом, выполняющим падежную роль, которую мы назовем «референтом» (РФ) для использования в данных рассуждениях. Далее, *John* является актором глагола *kill* 'убивать' и его агенсом, тогда как *the farmer* 'фермер' — претерпевающим и пациенсом. Схематически это можно изобразить на рис. 2. В предложении (21d) *John* теперь уже является претерпевающим главного глагола, вытеснившим дополнительное придаточное предложение, и больше уже не является актором глагола *kill* 'убивать'. Однако он еще остается агенсом глагола *kill*, поскольку редуцированное дополнительное придаточное предложение все еще остается референтом глагола *believe* 'верить'. Схематически это изображено на рис. 3. В предложениях (21c) и (21d) важно обратить внимание на то, что падежные роли в обоих случаях одинаковы, а разница заключается в том, является ли претерпевающим главного глагола все дополнительное придаточное предложение или только подлежащее этого предложения. Как и в примерах (21a) и (21b), полный анализ предложений (21c) и (21d) указал бы семантические и прагматические условия появления

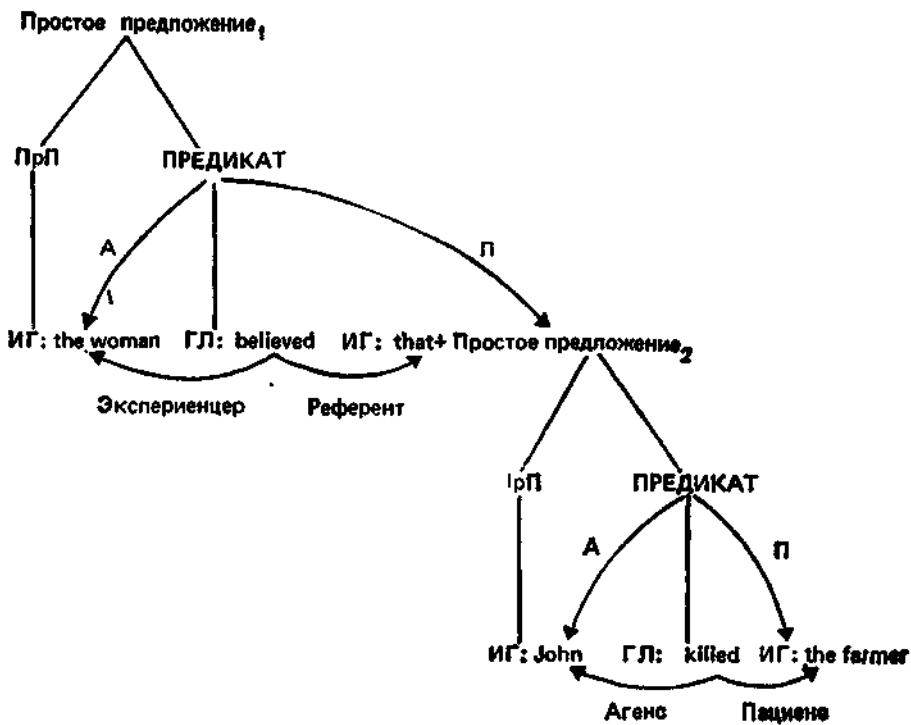

Рис. 2

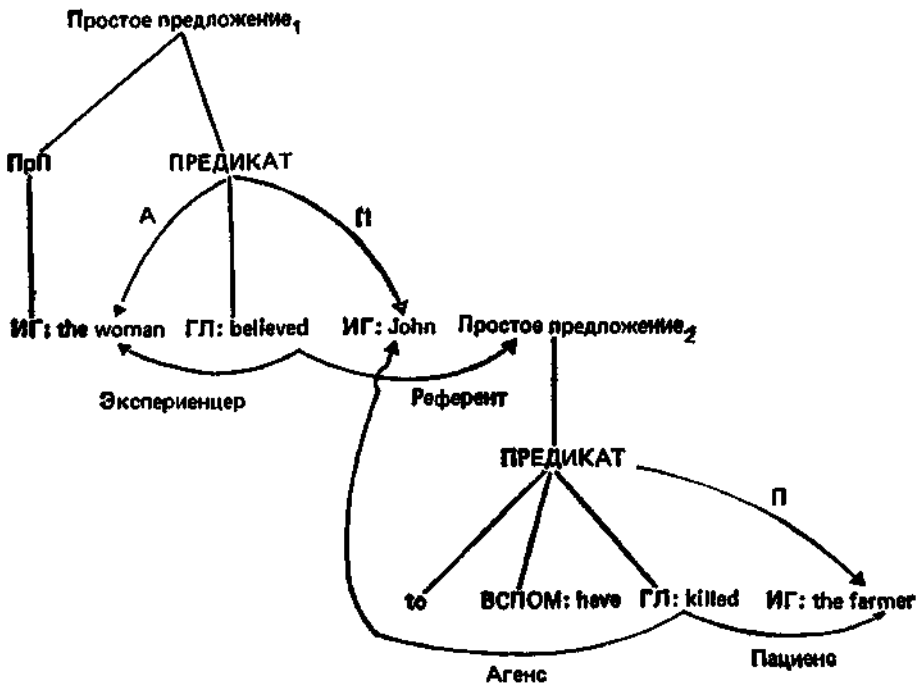

Рис. 3

дополнительного ПрП придаточного предложения в качестве претерпевающего при главном глаголе. Приведенный анализ предложений примера (21) не претендует на законченность и полноту. Предполагалось только, что он иллюстрирует способ, которым в РРГ можно проводить анализ таких предложений.

ЛИТЕРАТУРА

Chomsky 1965 — Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. MIT Press, Cambridge (Mass.), 1965 (русский перевод: Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Изд-во МГУ, М., 1972.)

Dixon 1972 — Dixon R. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge University Press, Cambridge, 1972.

Fillmore 1968 — Fillmore C. The Case for Case. In: «Universals in Linguistics Theory», E. Bach, R. Harms (eds.), Holt, Rinehart and Winston, New York, 1968, 1—88 (русский перевод см. в сб. «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X, «Прогресс», М., 1981).

Fillmore 1977 — Fillmore C. The Case for Case Reopened. In: «Syntax and Semantics», vol. 8: Grammatical Relations, P. Cole, J. Sadock (eds.), Academic Press, New York, 1977, 59—81 (русский перевод см. в сб. «Новое в зарубежной лингвистике», вып. X, «Прогресс», М., 1981).

Foley 1976 — Foley W. Comparative Syntax in Austronesian. Unpublished doct. dissertation. University of California, Berkeley, 1976.

Foley — Van Valin 1977 — Foley W., Van Valin R. On the Viability of the Notion of 'Subject' in Universal Grammar. In: «Proceedings of the Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Berkeley Linguistics Society, Berkeley, 1977, 293—320.

Foley — Van Valin (in preparation) — Foley W., Van Valin R. Role and Reference Grammar: a Functional Approach to Grammar.

Greenberg 1966 — Greenberg J. Some Universals of Grammar with Particular reference to the Order of Meaningful Elements. In: «Universals of Language», J. Greenberg (ed.), MIT Press, Cambridge (Mass.), 1966, 73—113 (русский перевод см. в сб. «Новое в лингвистике», вып. V, «Прогресс», М., 1970, с. 114—162).

Gumperz — Cook - Gumperz 1976 — Gumperz J., Cook - Gumperz J. Papers on language and context. In: «Language Behavior Research Laboratory Working Paper», № 46. University of California, Berkeley, 1976.

Heath 1975 — Heath J. Some Functional Relationships in Grammar. In: «Language», 1975, 51, 89—104.

Heath 1976 — Heath J. Antipassivization: a Functional Typology. In: «Proceedings of the Second Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Berkeley University Society, Berkeley, 1976, 202—211.

Heath 1977 — Heath J. Choktaw cases. In: «Proceedings of the Third Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Berkeley Linguistics Society, Berkeley, 1977, 204—213.

Heath 1978 — Heath J. Functional Universals. In: «Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Berkeley Linguistics Society, Berkeley, 1978, 86—95.

Hymes 1974 — Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1974.

Jacobsen 1967 Jacobsen W. Switch-reference in Hokan-Coahuiltecan. In: «Studies in Southwestern Ethnolinguistics», D. Hymes, W. Bittle (eds.), Mouton, The Hague, 1967, 238—263.

Jones 1980 — Jones L. A Synopsis of Tagmemics. In: «Syntax and Semantics», vol. 13: Current Approaches to Syntax. Academic Press, New York, 1980.

Kimenyi 1980 — Kimenyi A. A Relational Grammar of Kinyarwanda. In: «Publications in Linguistics», № 91. University of California, Berkeley/Los Angeles, 1980.

Lang 1973 — Lang R. Grammatical Sketch. In: A. Lang. «Enga Dictionary», Pacific Linguistics Series C, № 20, 1973, XVIII—LVII.

Li—Thompson 1976 — Li Ch., Thompson S. Subject and Topic: a New Typology of Language. (см. наст. сб., с. 193—235).

Olson 1978 — Olson M. Switch-reference in Barai. In: «Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Berkeley Linguistics Society, Berkeley, 1978, 140—156.

Silverstein 1976a — Silverstein M. Shifters, Linguistics Categories and Cultural Description. In: «Meaning in Anthropology», K. Basso, H. Selby (eds.), University of New Mexico Press, 1976, 11—56.

Silverstein 1976b — Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity. In: «Grammatical Categories in Australian Languages», R. Dixon (ed.), Humanities Press, New York, 1976, 112—174.

Silverstein 1977 — Silverstein M. Cultural Prerequisites to Grammatical Analysis. In: «Linguistics and Anthropology», M. Saville-Troike (ed.), Georgetown University Press, Washington D. C., 1977, 139—152.

Silverstein 1978 — Silverstein M. Deixis and Deducibility in a Wasco-Wishram Passive of Evidence. In: «Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», Berkeley Linguistics Society, Berkeley, 1978, 238—253.

Sinha 1978 — Sinha A. Another Look at the Universal Characterization of the Passive Voice. In: «Papers from the Fourteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society», University of Chicago, Chicago, 1978, 445—457.

Van Valin 1977a — Van Valin R. Ergativity and the Universality of Subjects. In: «Papers from the Thirteenth Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society», University of Chicago, Chicago, 1977, 689—705.

Van Valin 1977b — Van Valin R. Aspects of Lakhota Syntax, Unpublished doctoral dissertation. University of California, Berkeley, 1977.

Van Valin 1980a — Van Valin R. On the Distribution of

Passive and Antipassive Construction in Universal Grammar. In: «Lingua», 1980, 50, 303—327.

Van Valin 1980b — Van Valin R. Meaning and Interpretation. In: «Journal of Pragmatics», 1980, 4, 213—231.

Woodbury 1975 — Woodbury A. Ergativity of Grammatical Processes. Unpublished master's essay. University of Chicago, Chicago, 1975.

Zubin 1978 — Zubin D. Discourse Function of Morphology. In: «Discourse and Syntax», T. Givón (ed.), Academic Press, New York, 1978, 469—504.

И. Бехерт

**ЭРГАТИВНОСТЬ КАК ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ИЗУЧЕНИЯ
ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ
ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ* ****

1. Пытаясь разрешить какой-либо вопрос общего языкознания, мы каждый раз сталкиваемся с тем, что наше абстрактное представление о языке зависит от наших знаний конкретных языков, от практического языкового опыта прежних поколений лингвистов, а также от воздействия их отвлеченных понятий на наши теории. В этой связи легко объяснить, почему «язык» как предмет общей лингвистики в большинстве случаев оказывается продуктом абстракции, в котором смешиваются данные современных индоевропейских языков, мертвых языков — латинского, греческого и санскрита, — а иногда и неиндоевропейских языков, таких, как древнееврейский, арабский и др.

Ниже я собираюсь показать, что именно отсутствующее в упомянутых языках явление, а именно эргативность, имеет большое значение в поисках ответа на один из коренных вопросов общего языкознания: существует ли общий принцип образования грамматических категорий?

2. Язык как средство общения должен охватывать множество знаков, за которыми стоят лица, предметы, процессы, качества и т. д., то есть язык должен иметь *словарь*. Этот факт настолько очевиден, что не нуждается в коммен-

* Предлагаемая читателю статья И. Бехерта (Johannes Beher t), лингвиста из ФРГ, была написана автором по-русски, специально для настоящего издания. Подробнее см. вступительную статью к наст. сборнику.— *Прим. ред.*

** Выражаю искреннюю благодарность своим коллегам из Советского Союза И. А. Исакову (г. Махачкала) и А. Е. Кибрику (г. Москва) за терпеливую чуткость, с которой они выправили стилистические шероховатости в данной статье.— *Прим. автора*

тариях. Столь же очевидно и то, что язык нуждается в средствах, которые указывали бы на *отношения* между лицами, предметами, процессами, качествами и т. д. Некоторые из этих отношений выражаются специфическими знаками словаря — союзами, предлогами и т. п., тогда как другие отношения считаются, по-видимому, настолько важными, что выражаются посредством *грамматических категорий*, т. е. выражаются в каждом соответствующем знаке более или менее обязательным образом с помощью добавочных — прямых или косвенных (ср. В е с h e r t 1970) — средств обозначения. Обязательным образом передаются с помощью грамматических категорий и определенные качества лиц, предметов, процессов, признаков.

Так, например, в русском языке при обозначении какого-нибудь предмета необходимо указать, разумеется ли более одного экземпляра этого предмета или нет; это значит, что безотносительно к тому, имеет ли значение эта информация в контексте данного сообщения или не имеет, каждое существительное стоит или в единственном, или во множественном числе. При обозначении какого-либо процесса на русском языке нужно указать время и вид, и, хотя это указание иногда может быть несущественным в речевом акте, каждый русский глагол обязательно стоит или в настоящем, или в прошедшем, или в будущем времени и избирает либо совершенный, либо несовершенный вид.

Возникает вопрос: есть ли *общий принцип выбора* тех значений, которые можно — или нужно — выразить грамматическими категориями, или выбор этих значений является свободным и произвольным в каждом конкретном языке?

3. С этим вопросом связан и другой вопрос. Все области какой-либо языковой системы, как известно, характеризуются *асимметричными противопоставлениями*. Фонологические признаки, слова в семантических полях и грамматические категории, как правило, встречаются в противопоставленных парах, один член которых выражает наличие определенного содержания, а другой — оставляет его наличие без обозначения, то есть оказывается нейтральным по отношению к наличию или отсутствию данного содержания.

Так, например, русское слово *львица* обозначает самку льва, но слово *лев* не обозначает самца льва, а оставляет вопрос открытым, идет ли речь о самце или о самке. Множе-

ственное число существительных в русском языке обозначает «раздельное множество предметов» (А х м а н о в а 1966, 236), но единственное число не всегда обозначает единичность предмета. Единственное число является обязательным при неисчисляемых именах, таких, как *песок*, *железо*, *молоко* и т. п., а также употребляется в общих высказываниях (например, *ёж* — *насекомоядное животное*), то есть первоначально не обозначает ни единственности, ни множественности.

При описании такого рода явлений используется термин «маркированность»; из двух противоположных грамматических категорий, слов в семантических полях или фонологических признаков один элемент бывает маркированным, а другой — не маркированным; например, в русском языке множественное число маркировано, а единственное число не маркировано. (Здесь я ссылаюсь на классическое определение маркированности у Якобсона (J a k o b s o n 1966 [1932], 22; ср. P l a n k 1977.)

Итак, вопрос состоит в следующем: оказывается ли изменяемой по языкам маркированность либо не маркированность грамматических категорий, или же *существует основной принцип*, из которого можно вывести *маркированность* или *не маркированность* данных грамматических категорий?

4. Теории грамматических категорий и их маркированности, которая могла бы ответить на поставленные вопросы, пока нет, и цель настоящей публикации — не изложить, а только подготовить такую теорию, поэтому ее притязания ограничены.

Данная статья построена следующим образом. После вступительных замечаний о понятиях грамматической категории, эргативности и номинативности я попытаюсь описать так называемую *расщепленную эргативность* (*split ergativity*), т. е. соединение эргативной и номинативной систем в одном и том же языке. На примере расщепленной эргативности будет показано, что между грамматическими категориями существует *эбирательное средство*, или определенная склонность к связи их друг с другом. Регулярно во взаимной связи повторяются одни и те же категории (например, эргативная конструкция с прошедшим временем противопоставлена номинативной конструкции с настоящим временем), в то время как другие, мыслимые по аналогии сочетания, по-видимому, никогда не встречаются (например,

эргативная конструкция с настоящим временем в противопоставлении номинативной конструкции с прошедшим временем).

Это избирательное средство изобразить совсем просто, а именно: данные грамматические категории расположены в *двух рядах* так, что возможны лишь сочетания внутри одного и того же ряда. Из этого расположения следует, что эргативная конструкция и прошедшее время входят в состав одного ряда, а номинативная конструкция и настоящее время — в состав другого ряда.

Однако такое избирательное средство можно не только описать, но и обосновать. *Общий принцип*, к которому сводится это средство, с одной стороны, предопределяет *критерий маркированности* грамматических категорий, *определенной прагматикой* и, следовательно, независимый от систем отдельных языков; с другой стороны, он отвечает — по крайней мере в первом приближении — на вопрос *основе образования* грамматических категорий.

В конце статьи будет рассмотрен *третий ряд* грамматических категорий в его отношении к первому и второму рядам.

5. Термин “грамматическая категория” здесь понимается в самом широком смысле. Он включает в себя содержание всех классифицирующих терминов в области грамматики. Таким образом, под грамматическими категориями понимаются не только *морфологические грамматические категории* традиционной грамматики, такие, как падеж (то есть морфологический падеж), число, глагольные лица, время, вид, наклонение, залог и т. д., но и

части речи: имя (существительное, прилагательное), местоимение, глагол, наречие, союз и т. д.;

субкатегориальные признаки частей речи: личная и именная формы глагола, стативные и активные (статические и динамические) глаголы, род, степени сравнения прилагательных и наречий и т. п.;

классы словосочетаний: глагольная группа (вербальный комплекс), именная группа, предложная группа и т. д.;

грамматические отношения (члены предложения): субъект (подлежащее), прямой, косвенный и другие объекты (дополнения), сказуемое, определение, обстоятельство и т. д.;

классификация предложений: главное и придаточное предложения, относительное и союзное придаточные пред-

ложения, причастные, деепричастные и инфинитивные обороты и т. п.;

семантические актанты (глубинные падежи): агенс, пациенс, экспериенцер и т. д.;

категории коммуникативной организации смысла: функциональная перспектива предложения, тема и рема и т. п.

6. Понятие э р г а т и в н о с т и, или э р г а т и в н о й с и с т е м ы, традиционно связано с характером кодирования грамматических отношений (coding properties см. К е е п а н 1976, 324), то есть с передачей подлежащего, прямого дополнения и сказуемого (предиката) морфологическими падежами, глагольным согласованием и порядком слов. В этом контексте эргативность, или эргативная система, обозначает тот факт, что подлежащее предложения с непереходным (интранзитивным) глаголом (S_I) кодируется таким же образом, как и прямое дополнение предложения с переходным (транзитивным) глаголом (DO), а подлежащее предложения с переходным глаголом (S_T) кодируется по-другому. В противоположность этому н о м и н а т и в н о с т ь, или н о м и н а т и в н а я с и с т е м а, означает тот факт, что S_I кодируется так же, как и S_T , а DO кодируется иным образом (ср. здесь и ниже В e s c h e r t 1979).

Схема 1

а) Эргативная система:

S_T : 1	V	DO : 2
S_I : 2	V	

б) Номинативная система:

S_T : 1	V	DO : 2
S_I : 1	V	

Примечание к схеме 1. Каждая строчка символизирует определенную структуру предложения. Внутри обеих систем — а) и б) — первая строчка обозначает предложение с переходным глаголом, вторая — предложение с непереходным глаголом; V — глагол. Внутри одной и той же системы, а не между обеими системами, тождественность цифр означает тождественность кодирующей техники, а различие цифр — различие кодирующей техники.

Морфологическое обозначение падежей, например, окончаниями или чередованиями в начале слов, не является необходимым условием ни эргативности, ни номинативности, так что можно различить S_T , S_I и DO с таким же

успехом при помощи порядка слов или глагольного согласования. Если в языке существуют морфологически выраженные падежи, в номинативной системе падеж S_1 и S_2 называется *номинативом* (именительным падежом), падеж DO — *аккузативом* (винительным падежом), тогда как в эргативной системе падеж S называется *эргативом* (или эргативным падежом), а падеж S_1 и DO — *абсолютивом* (или абсолютным падежом).

7. Как известно, эргативность и номинативность могут соединиться друг с другом в одном и том же языке. Существование этих двух логически несовместимых систем предполагает, что внутри языка разграничиваются, так сказать, две сферы влияния. Соответствующая комбинация обеих систем называется *расщепленной эргативностью*.

При разграничении сфер влияния эргативности и номинативности *временные* или *видовые противопоставления* и *иерархический ранг именных групп на шкале одушевленности* (animacy hierarchy; см. Comrie 1978, 385—388) являются двумя активно действующими критериями. В двух картвельских языках, грузинском и сванском, во многих современных индоиранских языках и в генетически изолированном, но географически соседнем с ними языке бурушаски эргативная система сопряжена с прошедшими временами или совершенным видом, тогда как номинативная система реализуется в настоящем времени или несовершенном виде (Климов 1973, 64—65; Comrie 1973; Logiher 1935, 64, и сл.; Пирейко 1968). *Обратная комбинация, по-видимому, не существует* (см. схему 2, а).

Во многих австралийских языках номинативная система сопряжена с личными местоимениями 1-го и 2-го лица: *ты, мы с вами* (инклюзивное лицо), *мы (без вас)* (эксклюзивное лицо) и *вы*, которые стоят на первом месте шкалы одушевленности, тогда как во всех прочих именных группах действительной является эргативная система (Dixon 1972, 4 и сл., 135 и сл.; Blake 1976, 282 и сл.). Аналогичным явлением можно считать совпадение эргатива и абсолютива личных местоимений 1-го и 2-го лица в большом количестве кавказских языков (Бокарев — Ломтадзе 1967); по крайней мере можно интерпретировать нейтрализацию этого морфологического противопоставления как первый шаг к номинативной системе (или же как последний пережиток номинативной системы), тогда как в

большинстве кавказских языков в именном и местоименном склонении преобладает эргативная система. Взаимосвязь личных местоимений с номинативной системой наблюдается и там, где противопоставления номинативной и эргативной систем нет, например в хантыйском языке (Steinitz 1950, 60 и сл.; ср. Comrie 1977). С другой стороны, в индоевропейских языках с их ярко выраженной номинативностью морфологическое противопоставление между именительным и винительным падежами нейтрализуется в нижнем конце шкалы одушевленности, то есть при именах среднего рода, которые обычно обозначают неодушевленные предметы; это можно интерпретировать как первый шаг к эргативной системе (или же как остаток эргативной системы). *Обратная комбинация, по-видимому, не существует*: эргативная система на первом месте шкалы одушевленности, а на остальных — номинативная система; или номинативная система на нижнем краю шкалы одушевленности, а в прочих местах шкалы — эргативная система. Таких комбинаций, по всей вероятности, не существует (см. схему 2, б).

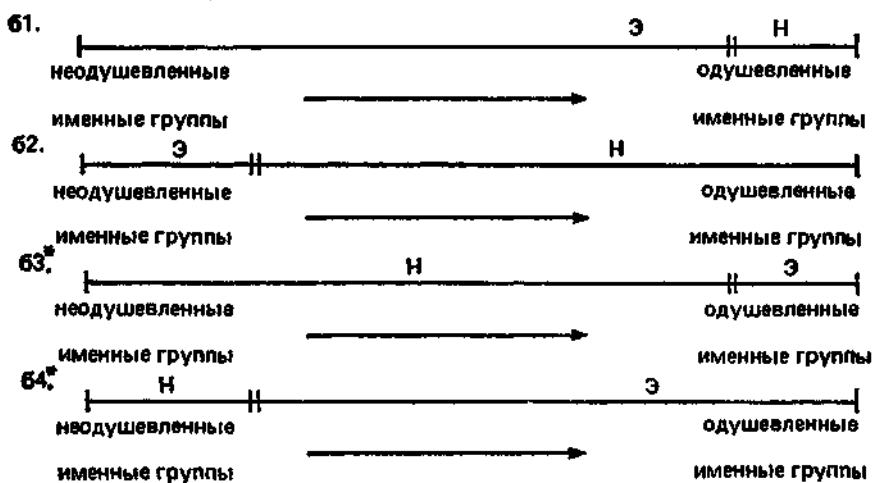
Схема 2

а) Комбинации временных/видовых противопоставлений с эргативной/номинативной системой:

- а1. $\left(\begin{array}{c} \text{Н} \\ \text{настоящее время} \end{array} \right) - \left(\begin{array}{c} \text{Э} \\ \text{прошедшее время} \end{array} \right)$
- а2. $\left(\begin{array}{c} \text{Н} \\ \text{несовершенный вид} \end{array} \right) - \left(\begin{array}{c} \text{Э} \\ \text{совершенный вид} \end{array} \right)$
- а3. $* \left(\begin{array}{c} \text{Н} \\ \text{прошедшее время} \end{array} \right) - \left(\begin{array}{c} \text{Э} \\ \text{настоящее время} \end{array} \right)$
- а4. $* \left(\begin{array}{c} \text{Н} \\ \text{совершенный вид} \end{array} \right) - \left(\begin{array}{c} \text{Э} \\ \text{несовершенный вид} \end{array} \right)$

Примечание к схеме 2а. а1, а2, а3, а4 символизируют различные грамматические структуры. Скобки обозначают комбинации; тире — противопоставления. Н — номинативная система; Э — эргативная система. Звездочка (*) означает, что данная структура не реализуется. Так, например, а1 изображает грамматическую структуру, состоящую из противопоставления двух комбинаций: комбинации номинативной системы с настоящим временем и комбинации эргативной системы с прошедшим временем. Эта структура реализуется в естественных языках,

б) Комбинации именных групп с эргативной/номинативной системой по отношению к позиции этих групп на шкале одушевленности:

Примечание к схеме 26. 61, 62, 63, 64 символизируют различные грамматические структуры. Н, Э и звездочка (*) означают то же, что и в схеме 2 а. Знак || означает шкалу одушевленности; менее одушевленные именные группы расположены слева, более одушевленные — справа. Знак || означает границу между сферами действия эргативной и номинативной систем. Так, например, 63 изображает грамматическую структуру, в которой эргативная система действительна в правом конце шкалы одушевленности, а в остальных местах шкалы действительна номинативная система. Эта структура не реализуется в естественных языках.

Третьим критерием разграничения сфер влияния эргативности и номинативности часто является противопоставление *статических* и *динамических* (стативных и активных) глаголов. При этом все переходные глаголы понимаются как динамические, а непереходные глаголы делятся на два подкласса: статические и динамические. S_T и S_I динамических глаголов кодируются одинаково, но иначе, чем DO , а DO кодируется таким же образом, что и S_I статических глаголов. Это означает, что динамические глаголы связаны с типичной конфигурацией кодирования номинативной системы, то есть с тождественностью кодирования для S_I и S_T , тогда как при статических глаголах наблюдается тождественность кодирования для S_I и DO , характерная для эргативной системы. Такое соединение двух систем, так называемая *активная система*, засвидетельствовано в некоторых языках американских индейцев (К л и м о в 1973, 213—226; ср. С о т г и е 1976а). В таких системах па-

деж S_T и S_I динамических глаголов называется *активным*, а падеж S_I статических глаголов и DO динамических глаголов — *инактивным падежом*. Обратная комбинация, по-видимому, не существует: тождественное кодирование S_I статических и S_T динамических глаголов, с одной стороны, и идентичное обозначение S_I и DO динамических глаголов, — с другой (т. е. взаимосвязь конфигурации номинативной системы со статическими глаголами, а конфигурации эргативной системы с динамическими глаголами) представляется невозможным.

Схема 3

а) Активная система:		
S_T : 1	V_{dyn}	DO : 2
S_I : 1	V_{dyn}	
S_I : 2	V_{st}	
б) Обратная комбинация:		
* S_T : 1	V_{dyn}	DO : 2
S_I : 2	V_{dyn}	
S_I : 1	V_{st}	

Примечание к схеме 3. Каждая строчка символизирует определенную структуру предложения. Внутри обеих систем — а) и б) — первая строчка обозначает предложение с переходным (и динамическим) глаголом, вторая — предложение с непереходным динамическим глаголом, третья — предложение с непереходным статическим глаголом. V_{dyn} — динамический глагол; V_{st} — статический глагол. Внутри одной и той же системы тождественность цифр обозначает тождественность кодирования, а различие цифр — различие кодирования. Звездочка * перед системой б) означает, что такая «антиактивная» система в естественных языках не реализуется.

Вместо расщепленной эргативности можно найти другой компромисс между эргативностью и номинативностью с помощью *трех разных кодирований* для S_T , S_I и DO. Однако эта возможность осуществляется редко (Comrie 1975, 120; 1978, 333—334; Blake 1976, 283, 286—287; Dixon 1972, 135).

8. Таким образом, получают следующие два ряда грамматических категорий:

1-й ряд: номинативная система — одушевленная именная группа — динамический глагол — настоящее время — несовершенный вид;

2-й ряд: эргативная система — неодушевленная именная группа — статический глагол — прошедшее время — совершенный вид.

В случае расщепленной эргативности допустимы только комбинации внутри одного и того же ряда, а не между двумя рядами. При этом необходимо иметь в виду, что две категории — одушевленная именная группа и неодушевленная именная группа — обозначают крайние точки континуума. При более подробном рассмотрении следовало бы подставлять названия «более одушевленная именная группа» и «менее одушевленная именная группа» или же говорить о «высшем» и «низшем» рангах на шкале одушевленности. Я предполагаю, но пока не могу доказать, что другие пары соответствующих категорий 1-го и 2-го рядов также обозначают крайние точки шкал, так что надо было бы подставлять термины «более динамический глагол» и «более статический глагол», «более настоящее время» и «более прошедшее время» и т. д.

9. Категории 1-го ряда, точно так же как и категории 2-го ряда, по-видимому, связаны между собой каким-то образом: они составляют, что называется, естественный класс. Если отвлечься от отправного пункта наших рассуждений — от расщепленной эргативности, — который имеет только эвристическое значение в нашем контексте, и продолжить поиск категорий, связанных с элементами 1-го и 2-го рядов, то к категориям «одушевленная именная группа» и «неодушевленная именная группа» можно прибавить соответственно известные прагматико-семантические качества подлежащего и прямого дополнения и, стало быть, те же самые грамматические отношения — подлежащее и прямое дополнение (Keenan 1976; Givón 1976; ср. Comrie 1975b; 1976b; Bechert 1979).

Таким образом, получается следующая форма двух рядов:

1-й ряд: номинативная система — одушевленная именная группа — подлежащее — агенс (как семантический актант) — определенная/обобщенная (родовая) именная группа — тема — динамический глагол — настоящее время — несовершенный вид;

2-й ряд: эргативная система — неодушевленная именная группа — прямое дополнение — пациенс (как семантический актант) — неопределенная именная группа — рема — статический глагол — прошедшее время — совершенный вид.

Взаимосвязь категорий 1-го ряда, пока еще не точно определенная, а также, соответственно, взаимосвязь категорий 2-го ряда называется нами *избирательным сродством*.

Но как возникают такие сродства и в чем они заключаются? Что имеют общего категории одного ряда и чем они отличаются от категорий другого ряда?

10. Я утверждаю, что грамматические категории передают типичные качества *речевой ситуации*; в этом заключено их прагматическое основание, независимое от систем отдельных языков. Категории 1-го ряда обозначают типичные качества говорящего; этим их взаимосвязь определена и обоснована. Категории 2-го ряда обозначают качества, которых у говорящего *нет*.

Говорящий одушевлен и определен, он понимается как подлежащее и агент речевого акта, а его деятельность воспринимается в виде содержания динамического глагола, имеет место в настоящем времени (презент) и является незаконченной (несовершенный вид). Категории 2-го ряда являются собой точную противоположность всему этому.

11. Далее, я считаю, что категории 1-го ряда *немаркированы*, а категории 2-го ряда *маркированы*. Категории 1-го ряда образуют, так сказать, задний план речевой ситуации: они выражают то, что само собой разумеется и, следовательно, предполагается, тогда как категории 2-го ряда обозначают то, что привлекает к себе внимание и выделяется на фоне известного, нормального, очевидного. Так объясняется принадлежность категории «тема» к 1-му ряду, а категории «рема» — ко 2-му. Немаркированные категории не обозначают того, что обозначают соответствующие маркированные категории. Поскольку немаркированные категории связаны непосредственно с речевой ситуацией, они приобретают постоянные значения, ибо такая связь делает излишним более подробное фиксирование этих категорий. Маркированные же категории не могут существовать без четко разработанного определения; они постольку изолированы от говорящего (то есть от исходной точки речевой ситуации), поскольку противопоставлены тем категориям, которые обозначают качества говорящего. Маркированные категории приобретают свое значение в речевой ситуации только косвенным образом, а именно посредством отрицания. Так, немаркированность грамматических категорий определяется как согласованность с типичными качествами говорящего, а маркированность — как несогласованность с этими

качествами. Этот опыт прагматического обоснования понятия маркированности может быть подвергнут сравнению с уже разработанными формальными критериями маркированности, которые, например, приведены в работе G r e e n b e r g 1966 (ср. P l a n k 1977). Сообразно с этими критериями немаркированные категории являются, между прочим, более многозначными, чем маркированные; они выражаются преимущественно нулевыми знаками, употребляются в позициях нейтрализации, встречаются в тексте чаще, чем маркированные категории. Зато маркированные категории имеют склонность к синкретизму, то есть к слиянию категорий; они скорее факультативны, чем обязательны, содержат меньше нерегулярностей в своем морфологическом выражении, чем немаркированные категории, и т. п. Однако тщательная проверка свойств маркированных и немаркированных категорий путем сравнения с формальными критериями маркированности — это работа большого объема.

Таким образом, если обосновать немаркированность прагматикой, то можно также вывести немаркированность категорий из согласованности их значений с типичными качествами говорящего. Так, например, обосновывается принадлежность категорий «единственное число» и «действительный залог» к 1-му ряду и соответственно принадлежность категорий «множественное число» и «страдательный залог» ко 2-му ряду.

12. Здесь, мне кажется, уместно подчеркнуть сходство моего тезиса о прагматической основе грамматических категорий с принципом Купера и Росса (C o o p e r — R o s s 1975), относящимся к сочинительным словосочетаниям в английском языке. Купер и Росс называют свой принцип «*Me First Principle*», что приблизительно можно перевести словами «Сперва моя очередь». Принцип Купера и Росса означает, что первые члены сочинительных словосочетаний выражают обстоятельства, соответствующие прототипическому говорящему: *то тут, то там, не сегодня-завтра, отцы и дети, отец и мать, муж и жена, более или менее, теперь или никогда, один-два раза, отечественные и иностранные ученые, друг и недруг, не на жизнь, а на смерть, ни жив ни мертв*. С прототипическим говорящим связаны качества: здесь, теперь, взрослый, мужского пола, положительный, в единственном числе, патриот, дружелюбный, жив, а не противоположные. Как видно, здесь легко подобрать

русские примеры взамен английских, но с полным основанием высказываться здесь по вопросу о русских сочинительных словосочетаниях я не смею, так как есть и противоположные примеры: *там и сям, тогда се, ни туда, ни сюда, то и это* (ср. Соорег — Росс 1975, 101).

Часть упомянутых качеств прототипического говорящего несомненно, зависит от данной культуры. Так, «язык обычно высказывается с точки зрения мужчины» (Schulze 1966, 853), но, может быть, и не каждый язык.

13. Как было сказано выше, принцип выбора тех значений, которые можно — или нужно — выразить грамматическими категориями, состоит в том, что эти значения могут выражать типичные качества речевой ситуации или же точные противоположности этих качеств. Однако вышеприведенные два ряда не охватывают всех грамматических категорий. Так, например, существует ряд грамматических категорий, которые характеризуют одушевленные именные группы, но в то же время они являются маркированными, а значит, и противоречащими, по-видимому, вышеуказанной схеме.

Этот ряд можно сконструировать, исходя из так называемой д а т и в н о й с и с т е м ы, действительной, например, для глаголов чувствования и восприятия, то есть для а ф ф е к т и в н ы х глаголов, выделяемых во многих кавказских языках (*verba sentiendi*) (см. Б о к а р е в — Л о м т а т и д з е 1967). В этих языках говорят 'она любима ему'/'она нравится ему' вместо 'он любит ее'; 'она видима ему'/'она появляется ему' вместо 'он видит ее'; 'она слышна ему'/'она звучит ему' вместо 'он слышит ее' и т. д. Термин «дательная система» означает, что подлежащее предложения с аффективным глаголом (S_{Aff}) кодируется таким же образом, как и не прямое дополнение предложения с переходным трехместным глаголом (IO), но иначе, чем прямое дополнение предложения с переходным глаголом (DO), которое со своей стороны кодируется так же, как прямое дополнение предложения с аффективным глаголом (DO_{Aff}) и как подлежащее предложения с непереходным глаголом (S_I) (см. схему 4, а). Здесь обнаруживается избирательное сродство между аффективными глаголами, дательной системой, непрямым дополнением и семантическим актантом (экспериенцером). Понятие экспериенцера относится к одушевленному предмету, в котором происходит психический процесс, как-то: восприятие, мышление, эмоция или волеизъявление (см. Pouradier-Duteil 1976).

а) Дативная система (в контексте эргативной системы):

S_T	: 1 V	DO	: 2	IO	: 3
S_{Aff}	: 3 V	DO_{Aff}	: 2		
S_T	: 1 V	DO	: 2		
S_I	: 2 V				

Примечание к схеме 4. Каждая строчка символизирует определенную структуру предложения. Первая строчка обозначает предложение с переходным трехместным глаголом, вторая — предложение с аффективным глаголом, третья — предложение с переходным (двухместным) глаголом, четвертая — предложение с непереходным глаголом. Тождественность цифр означает тождественность кодирования, а различие цифр -- различие кодирования.

Как видно, две последние строчки совпадают со схемой 1, а, то есть с изображением эргативной системы; это объясняется тем, что здесь дативная система вписывается в контекст эргативной системы. Однако дативная система возможна также и в контексте номинативной системы:

б) Дативная система (в контексте номинативной системы):

S_T	: 1 V	DO	: 2	IO	: 3
S_{Aff}	: 3 V	DO_{Aff}	: 1		
S_T	: 1 V	DO	: 2		
S_I	: 1 V				

С дативной системой ассоциируются следующие факты: дативная конструкция при результативных временах грузинского глагола: '(оказывается), отцу письмо написано' вместо '(оказывается), отец написал письмо'; дательный падеж деятеля (*dativus auctoris*) при перфекте страдательного залога в латинском и греческом языках; историческая связь между категориями перфекта и среднего залога в индоевропейских языках (К и г у ł о в і с з 1932); функции древнегреческого медиума, в частности взаимность (*друг другу, друг друга, друг с другом* и т. д.); косвенная возвратность (*себе, для себя, в своих интересах*); особенное аффективное участие субъекта в действии (V e n d г у е s 1947/48; ср. В е с н е р т 1964). Эти предварительные и неполные наблюдения лежат в основе гипотетической конструкции следующего третьего ряда грамматических категорий:

3-й ряд: дативная система — непрямое дополнение — экспериенцер (как семантический актант) — аффективный глагол — перфект — средний залог.

В состав этого ряда, должно быть, входят также двойст-

венное число и творительный падеж, совместное значение которых можно сформулировать следующим образом: «вместе с другим, как дополнением» (Lewy 1961 [1938], 213—214 и 1961 [1913], 216—217). Двойственное число в том виде, в каком оно сохранилось в индоевропейских языках, обозначает не просто количество предметов (или живых существ), а их объединение в пару, то есть определенное по содержанию соединение. Творительный падеж имеет указанное значение в своей функции как социатив (совместный творительный) в основном при употреблении с одушевленными именными группами (ср. Delbrück 1893, 184). Двойственное число в немаркированном падеже (то есть в винительном) и творительный падеж в немаркированном числе (то есть в единственном числе) при основах на —i, —u, —o реконструированного индоевропейского праязыка не только сходны по значению, но и формально одинаковы (см. Lewy, там же). Взаимная функция среднего залога (*друг с другом, друг другу* и т. д.) совсем близка к значению двойственного числа и совместного творительного падежа (социатива).

14. Дательный падеж является категорией, привлекающей к себе аффективные оттенки (коннотации). Хорошо известен этический дательный, следует также упомянуть о более общей субкатегории симпатического дательного (*dativus sympatheticus*), описанного в работе Naves 1911: «Этот датив выражает внутреннее участие лица, затронутого значением данного глагола; он субъективнее, теплее и задушевнее генитива, который попросту объективно констатирует отношение обладания»; в работе Naves 1911, 2 цитируется в качестве подтверждения этого примечание Гильдерслива к Пиндару: во фразе $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\lambda\omicron\sigma\iota\nu$ $\iota\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha\iota$ $\nu\acute{o}\sigma\omicron\upsilon\zeta$ 'людям лечить болезни' (Пиндар, *Третья пифийская ода, строка 46*); $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\lambda\omicron\sigma\iota\nu$ 'людям' звучит более проникновенно, чем $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\lambda\omicron\nu$ 'людей'. Симпатический дательный проявляет особенно тесные связи с личными местоимениями, а также с именами собственными лиц и наименованиями родства, то есть с наивысшими позициями на шкале одушевленности (Naves 1911, 317—324).

Средний залог также является категорией, выражающей аффективные коннотации, а часть аффективных глаголов выражает аффекты самым непосредственным образом.

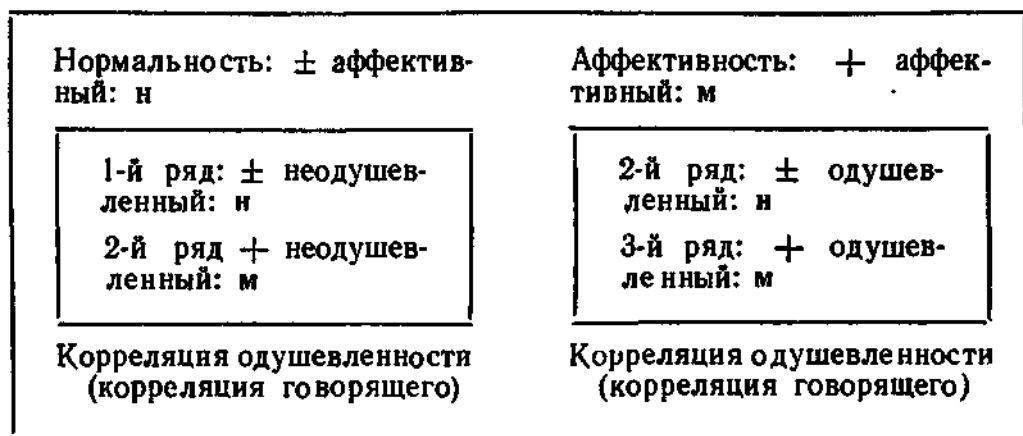
15. Я считаю, что категории 3-го ряда обозначают качества взаимодействия между людьми (говорящим и слуша-

ющим) в речевой ситуации: совместность, взаимность, косвенная возвратность, аффективное участие говорящего, приобщение слушающего к сфере говорящего, взаимосвязь при помощи коммуникации, то есть посредством сообщения мысленного содержания (в этой связи ср. значения некоторых аффективных глаголов, в частности глаголов умственной деятельности). Я предполагаю, что среди названных качеств центральное место занимает аффективное участие говорящего; ср. ниже, раздел 16.

В связи с интерпретацией категорий 3-го ряда необходимым оказывается понятие инверсии маркированности (см. Plank 1977), которое состоит в следующем. Величины «немаркированный» (н) и «маркированный» (м) в каком-то противопоставлении могут переворачиваться «в маркированном контексте», то есть в контексте маркированного члена другого противопоставления; тогда в первом противопоставлении н становится м, и м становится н. Противопоставление, которое является *контекстом* такой переоценки, называется доминирующим или доминантным; противопоставление, в котором происходит переоценка, называется доминированным. Обращение (переоценка) величин н и м называется «инверсией маркированности». Например: в английском языке существует противопоставление двух типов положительных повествовательных предложений — утвердительных (м: they do know) и неутвердительных (н: they know). Положительные повествовательные предложения со своей стороны противопоставлены отрицательным повествовательным предложениям; отрицательные предложения маркированы, положительные — не маркированы. «В маркированном контексте» отрицательных предложений противопоставление утвердительных и неутвердительных предложений нейтрализовано, но представителем нейтрализованного противопоставления является *маркированный* член вместо немаркированного: they do not know.

Тот факт, что категории 3-го ряда в отличие от категорий 1-го ряда маркированы, объясняется инверсией маркированности в маркированном контексте (см. Plank 1977). Этот маркированный контекст вызван корреляцией, доминирующей над корреляцией 1-го и 2-го рядов. Доминантную корреляцию я буду называть *корреляцией аффективности*, а доминированную — *корреляцией одушевленности*, или *корреляцией говорящего*.

Корреляция аффективности

Примечание к схеме 5. Большой прямоугольник символизирует доминантную корреляцию, малые прямоугольники символизируют дважды одну и ту же доминированную корреляцию — слева в «нормальном состоянии», справа с инверсией маркированности. Название доминантной корреляции, «корреляция аффективности», надписано, словно этикетка, над большим прямоугольником, а название доминированной корреляции — «корреляция одушевленности» = «корреляция говорящего» — подписаны слева и справа под малыми прямоугольниками. Члены доминантной корреляции, «нормальность» и «аффективность», стоят над членами доминированной корреляции — слева над 1-м и 2-м рядами, справа над 2-м и 3-м рядами категорий. «Аффективность» — маркированный член доминантной корреляции, то есть «маркированный контекст» для инверсии маркированности в доминированной корреляции. «Нормальность» — немаркированный член доминантной корреляции; этот член не изменяет доминированную корреляцию.

Названия «корреляция одушевленности» и «корреляция говорящего» — сокращения подробного наименования, которое должно было бы гласить примерно следующее: «Корреляция, относящаяся к признаку “(не)согласованность с типичными качествами говорящего”». Названия признаков «одушевленный/неодушевленный» тоже являются сокращенным вариантом выражений «согласованный/несогласованный с типичными качествами говорящего». Термин «корреляция аффективности» означает: «Корреляция, относящаяся к признаку выражение аффективного участия говорящего».

16. Таким образом, прагматическое содержание маркированности грамматических категорий оказывается связанным по меньшей мере с двумя факторами:

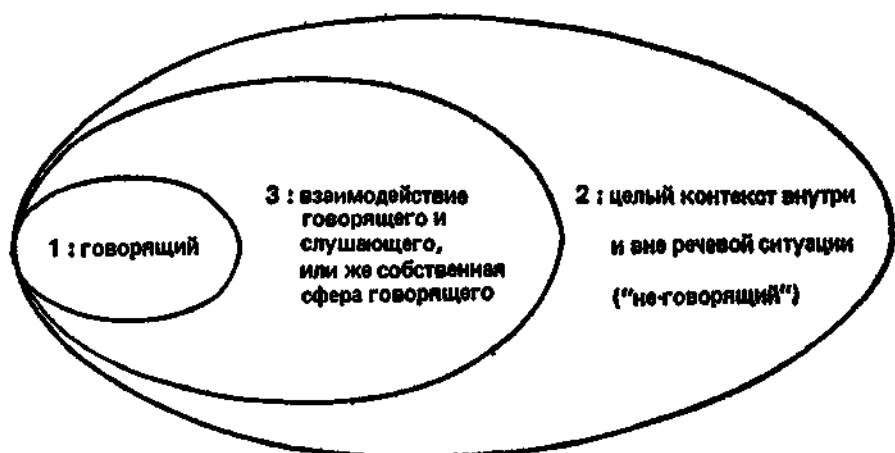
1) с несогласованностью с типичными качествами говорящего (см. выше, раздел 11);

2) с выражением аффективного участия говорящего. При этом 1) и 2) иерархически упорядочены: 2) выше, чем 1), о чем свидетельствует доминантность корреляции с содержанием 2) (то есть корреляции аффективности) над корреляцией с содержанием 1).

Говорящий может принять аффективное участие как во взаимодействии со слушателем, так и в своей собственной сфере. Из этого следует соединение значений, выражающих взаимодействие, со значениями собственной сферы, прямой возвратности, состояния: ср., с одной стороны, взаимную функцию медиума, экспериенцер, двойственное число, творительный падеж как социатив, аффективный глагол, а с другой — медиум как прямовозвратный залог, медиум и перфект как категории состояния, распространенную перифразу перфекта при помощи глагола *иметь* и в связи с этим историческое соотношение оборотов *я имею* и *мне есть/у меня есть* (Meillet 1923). В чем, кроме этого, говорящий может принять аффективное участие, показано в работе Wisman 1939, 5—7.

17. Отношение трех рядов категорий к речевой ситуации можно графически изобразить примерно так:

Схема 6

Изменчивость систем грамматических категорий по отдельным языкам состоит не только в разнообразной реализации отдельных категорий и категориальных подсистем, но и в том, что в различных языках можно дать названия тем же самым внеязыковым референтам при помощи категорий различных рядов, то есть 1-й ряд может распространить

свою сферу действия наружу за счет 3-го ряда, а затем за счет 2-го ряда; 3-й ряд может расширить свою область влияния и внутрь, и наружу за счет 1-го и 2-го рядов; 2-й ряд также может распространить свое влияние внутрь, к ядру речевой ситуации, за счет 3-го и, наконец, даже за счет 1-го ряда.

18. Итоговая схема 7 дает сжатый обзор выявленных до сих пор элементов трех рядов грамматических категорий; в квадратных скобках приводятся некоторые дополнительные предложения:

Схема 7

1-й ряд	2-й ряд	3-й ряд
номинативная система	эргативная система	дативная система
одушевленная именная группа подлежащее агенс	неодушевленная именная группа прямое дополнение пациенс	одушевленная именная группа непрямое дополнение экспериенцер
определенная/обобщенная (родовая) именная группа единственное число	неопределенная именная группа множественное число	[определенная / обобщенная (родовая) именная группа] двойственное число/творительный падеж как социатив
тема	рема	[рема]
динамический (активный) глагол настоящее время (презент) несовершенный вид	статический (стативный) глагол прошедшее время (претерит) совершенный вид	(аффективный глагол) перфект [перфектный (аффективный) вид]
действительный залог (актив)	страдательный залог (пассив)	средний залог (медиум)

ЛИТЕРАТУРА

А х м а н о в а 1966 — А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Б о к а р е в — Л о м т а т и д з е 1967 — Б о к а р е в Е. А., Л о м т а т и д з е К. В. и др. (ред.). Языки народов СССР, т. 4. Иберийско-кавказские языки. — «Языки народов СССР» в 5-ти тт., под ред. акад. В. В. Виноградова и др., М., 1967.

К л и м о в 1973 — К л и м о в Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.

Пирейко 1968 — Пирейко Л. А. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.

Bechert 1964 — Bechert J. Die Diathesen von *idéiv* und *δράν* bei Homer. In: «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», Beiheft F., 1. und 2. Teil. München, 1964.

Bechert 1970 — Bechert J. Zur gegenseitigen Verhältnis grammatischer Kategorien in einfachen griechischen Sätzen. In: «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», B. 84, 1970, 27—75.

Bechert 1977 — Bechert J. Zur funktionalen Erklärung des Ergativsystem. In: «Papiere zur Linguistik», 1977, 12, 57—86.

Bechert 1979 — Bechert J. Ergativity and the Constitution of Grammatical Relations. In: «Ergativity», F. Plank (ed.), New York, San Francisco, London, 1979, 45—59.

Blake 1976 — Blake B. J. On Ergativity and the Notion of Subject: Some Australian Cases. In: «Lingua», vol. 39, 1976, 281—300.

Comrie 1973 — Comrie B. The Ergative: Variations on a Theme. In: «Lingua», 32, 1973, 239—253.

Comrie 1975 — Comrie B. The Antiergative: Finland's Answer to Basque. In: «Papers from the Eleventh Regional Meetings», Chicago Linguistic Society, R. E. Grossman et al. (eds.), Chicago, 1975, 112—121.

Comrie 1976a — Comrie B. Review of Klimow's ocherk obshchey teorii ergativnosti. In: «Lingua», 39, 1976, 252—260.

Comrie 1976b — Comrie B. «Definite» and «Animate» Direct Objects: a Natural Class? In: «Linguistica Silesiana», 3, 1976.

Comrie 1977 — Comrie B. Subjects and Direct Objects in Uralic Languages: A Functional Explanation of Case-Marking Systems. In: «Études Finno-Ougriennes», 12, 1977, 5—17.

Comrie 1978 — Comrie B. Ergativity. In: «Syntactic Typology», W. P. Lehmann (ed.), The Harvester Press, Sussex, 1978, 329—394.

Cooper — Ross 1975 — Cooper W. E., Ross J. R. World Order. In: «Papers from Parasession on Functionalism», R. E. Grossman et al. (eds.), Chicago, 1975, 63—111.

Delbrück 1893 — Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, I. In: «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen», von K. Brugmann und B. Delbrück, B. 3, Strassburg, 1893.

Dixon 1972 — Dixon R. The Dyirbal Language of North Queensland. In: «Cambridge Studies in Linguistics», 9, Cambridge, 1972.

Givón 1976 — Givón T. Topic, Pronoun, and Grammatical Agreement. In: «Subject and Topic», Ch. Li (ed.), Academic Press, New York, 1976, 149—188.

Greenberg 1966 — Greenberg J. Language Universals. With Special Reference to Feature Hierarchies. In: «Janua Linguarum», series minor, LIX, The Hague — Paris, 1966.

Havers 1911 — Havers W. Untersuchungen zur Kasussyntax der indogermanischen Sprachen. In: «Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft», hrsg. v. K. Brugmann und A. Thumb, 3, Strassburg, 1911.

Jakobson 1966 [1932] — Jakobson R. Zur Struktur des russischen Verbuns. In: «Readings in Linguistics II», E. P. Hamp et al,

(eds.), Chicago—London, 1966, 22—30 [«Charisteria V. Mathesio oblata», Prague, 1932, 74—83].

Keenan 1976 — **Keenan** E. Towards a Universal Definition of «Subject» (см. наст. сб., с. 236—276).

Kuryłowicz 1932 — **Kuryłowicz** J. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite. In: «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», 33, fasc. 1, 1932, 1—4.

Lewy 1961 [1913] — **Lewy** E. Zum Dual und zum Tocharischen. In: «Kleine Schriften», von E. Lewy, Berlin, 215—218 [«Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», B. 45, 1913, 365—368].

Lewy 1961 [1938] — **Lewy** E. Zur urindogermanischen Flexion. In: «Kleine Schriften», von E. Lewy, Berlin, 1961, 213—215 [«Indogermanische Forschungen», B. 56, 1938, 31—34].

Lorimer 1935 — **Lorimer** D. L. R. The Burushaski Language, vol. 1: Introduction and Grammar. In: «Instituttet for sammenlignende kulturforskning», serie B: Skrifter, XXIX, 1, Oslo, 1935.

Meillet 1923 — **Meillet** A. Le développement du verbe «avoir». In: «Avriðopov. Festschrift Jacob Wackernagel», Göttingen, 1923, 9—13.

Plank 1977 — **Plank** F. Markierheitsumkehrung in der Syntax. In: «Papiere zur Linguistik», 17/18, 1977, 6—66.

Pouradier Duteil 1976 — **Pouradier Duteil** F. Trois suffixes nominalisateurs. Un essai d'analyse actantielle. Diss., Universität Bremen, 1976.

Schulze 1966 — **Schulze** W. Das Neutrum im Germanischen und die indogermanischen Witterungsimpersonalien. In: «Kleine Schriften», 2, von W. Schulze, durchgesehene Auflage mit Nachträgen hrsg. v. W. Wissmann. Göttingen, 1966, 849—857.

Steinitz 1950 — **Steinitz** W. Ostjakische Grammatik und Chrestomatie mit Wörterverzeichnis. 2. verbesserte Auflage. Leipzig, 1950.

Vendryes 1947/48 — **Vendryes** J. Une catégorie verbale: le mode de participation du sujet. In: «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», 44, fasc. 1, 1947/48, 1—20.

Wissmann 1939 — **Wissmann** W. Ausdrucksworte und Lautverschiebung. In: «Zeitschrift für deutsche Literatur», B. 76, 1939, 1—12.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ДЖОНСОН Дэвид Э. (Johnson David E.) (род. 1941 г.) — американский лингвист. Окончательное лингвистическое образование получил в Иллинойском университете в Урбана-Шампэйн, где в 1974 г. был удостоен докторской степени за диссертацию «К вопросу о теории реляционной грамматики». (Эта диссертация была издана отдельной книгой: *Toward a Theory of Relationally Based Grammar*. Garland Publishing, 1976.) В настоящее время является адъюнкт-профессором отделения лингвистики в Йельском университете и одновременно консультирует по вопросам вычислительной и теоретической лингвистики в Научно-исследовательском центре Томаса Дж. Уотсона при фирме IBM. Автор нескольких статей по проблемам синтаксиса и реляционной грамматики и (совместно с Полом Посталом) книги «Грамматика спаренных дуг» (*Arc Pair Grammar*. Princeton University Press, 1980).

ПЕРЛМУТТЕР Дэвид М. (Perlmutter, David M.) (род. в 1938 г.) — известный американский лингвист. Окончил Гарвардский университет в 1959 г. Докторская степень за диссертацию на тему «Глубинные и поверхностные структурные ограничения в синтаксисе» присуждена в 1968 г. в Массачусетском технологическом институте, а сама диссертация вышла отдельной книгой в 1971 г. В настоящее время Перлмуттер является профессором лингвистики Калифорнийского университета в Сан-Диего и продолжает свою работу по теории синтаксиса со специализацией в области лингвистических универсалий и типологии. Помимо диссертации опубликовал книгу «Синтаксическая аргументация и структура английского языка» (в соавторстве с С. Скоттом) (*Perlmutter, David M., Scott, Soames. Syntactic Argumentation and the Structure of English*, University of California Press, 1979) и большое

количество статей в различных сборниках и журналах. Под его редакцией в 1981—1982 гг. выходит двухтомный сборник «Исследования по реляционной грамматике» (Studies in Relational Grammar).

ПОСТАЛ Пол (Postal Paul) (род. в 1936 г.) — известный американский лингвист. Получил лингвистическое образование и степень бакалавра в 1957 г. в Колумбийском университете, а докторскую степень в 1962—1963 гг. в Йельском университете за диссертацию «Некоторые синтаксические правила в языке могаvk» (в 1979 г. она была опубликована отдельной книгой). В своих статьях и книгах, посвященных вопросам грамматической теории и прежде всего соотношению семантики и синтаксиса, представил ряд концепций, отличающихся новизной и оригинальностью. Внес заметный вклад в развитие семантического компонента порождающей грамматики (эти идеи изложены в написанной совместно с Дж. Катцем книге «Объединенная теория лингвистических описаний» (An Integrated Theory of Linguistic Descriptions, MIT Press, Cambridge (Mass.), 1964), а затем, в последующих книгах, высказал ряд важных идей порождающей семантики в работах: «Явления пересечения» (Cross-Over Phenomena, New York, 1971); «О трансформации подъема» (On Raising, MIT Press, 1974) и др. В последнее время развивает новую концепцию — реляционную грамматику, которой посвящена книга «Грамматика спаренных дуг» (Ate Pair Grammar, Princeton University Press, 1980), написанная в соавторстве с Д. Джонсоном. В течение многих лет работает в исследовательском центре фирмы IBM, а также ведет лингвистические курсы в Массачусетском технологическом институте и Университете г. Нью-Йорка.

КИНЭН Эдвард Луис (Keenan Edward Louis) (род. в 1937 г.) — известный американский лингвист. Получил образование в Свартмор-колледже и Пенсильванском университете. В 1969 г. защитил в Пенсильванском университете докторскую диссертацию на тему «Логический базис трансформационной грамматики английского языка». Занимается проблемами языковых универсалий и формальной семантики естественных языков. Автор ряда крупных статей по этим темам, получивших широкий отклик в лингвистическом мире; в их числе: «О грамматике на семантической основе» (On Semantically Based Grammar.— «Linguistic Inquiry», 1972, Vol. 3, p. 413—461); «К универсальному определению подлежащего» (см. наст. сб., с. 236—276); «Логическая семантика и универсальная грамматика» (Logical Semantics and Universal grammar.— «Theoretical Linguistics», 1977, Vol. 4); «Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика» (в соавтор-

стве с Б. Комри, см. наст. сб., с. 111—165); «Языковая вариативность и логическая структура универсальной грамматики» (*Language Variation and the Logical Structure of Universal Grammar*.— «*Language Universals*», Seiler H. (ed.), Tübingen, 1978).

КОМРИ Бернард (Comrie Bernard) (род. в 1947 г.) — известный английский лингвист. В 1968 г. закончил Кембриджский университет (Великобритания) со степенью бакалавра и в 1972 г. защитил там же докторскую диссертацию, посвященную придаточным дополнительным предложениям в русском языке. С 1978 г. преподает лингвистику в Университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе (США). Видный специалист в области языковых универсалий и лингвистической типологии; особое внимание уделяет вопросам синтаксиса и фонологии. Автор книг по типологии глагольного вида и по типологии каузативных конструкций, а также большой статьи по теории эргативности, в которых представлен богатейший набор фактов из языков различных систем. Известен также как славист и специалист по языкам народов СССР; опубликовал книги «Русский язык после революции» (в соавторстве с Джеральдом Стоуном) (Comrie, B., Stone, G. *The Russian Language since the Revolution*. Oxford, 1978) и «Языки Советского Союза» (*Languages of the Soviet Union*. Cambridge, 1981). В 1969—1970 гг. был стажером в Московском Государственном Университете, а в 1976 г. вел исследования в СССР в Институте языкознания АН СССР в Москве и Ленинграде.

ТИМБЕРЛЕЙК Ален (Timberlake Alan) (род. в 1946 г.) — американский славист. Получил образование в Гарвардском колледже и в Гарвардском университете, где в 1973 г. им была защищена докторская диссертация на тему «Именительный падеж дополнения в славянских, балтийских и западнофинских языках». В настоящее время является адъюнкт-профессором на отделении славянских языков и литератур в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В числе публикаций наиболее представительны: «Иерархичность в употреблении родительного падежа при отрицании» (*Hierarchies in the Genitive of Negation*.— «*Slavic and East European Journal*», v. 19, p. 123—138); «К истории задне-небных фонем в севернославянских языках» («*American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists*», 19, p. 699—726); «Условия определения референтов русских возвратных местоимений» (*Reference Conditions on Russian Reflexivization*.— «*Language*», в печати).

ЛИ Чарльз Н. (Li Charles N.) — американский лингвист-китаист. Начиная свое образование в Баудойн-колледже и в Стэнфордском

университете по специальности «математика» (1961—1966 гг.) и до 1970 г. некоторое время работал программистом и консультантом по математике, однако за время аспирантуры в Калифорнийском университете в Беркли (1966—1969 гг.) подготовил и защитил докторскую диссертацию по лингвистике. С тех пор занимается лингвистикой. Издал (в качестве редактора) три сборника статей по вопросам синтаксиса, а в соавторстве с Сандрой А. Томпсон — книгу «Пекинский диалект китайского языка: функциональная описательная грамматика» (*Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley, California, 1980). Автор более чем 30 статей, тематика которых достаточно разнообразна, однако основное внимание уделяется все же проблемам синтаксиса китайского языка. В настоящее время является адъюнкт-профессором и заведующим отделением лингвистики Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

ТОМПСОН Сандра Аннеар (Thompson Sandra Annear) (род. в 1941 г.) — американский лингвист. Лингвистическое образование получила в Государственном университете в Огайо. Докторскую степень получила в 1969 г. за диссертацию «О структуре придаточных определительных предложений в связи с типом сложности предложения». В настоящее время является профессором лингвистики Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Опубликовала более 50 работ, преимущественно по проблемам синтаксиса в английском и китайском языках, в том числе (в соавторстве с Чарльзом Н. Ли) книгу «Пекинский диалект китайского языка: функциональная описательная грамматика» (*Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar*. Berkeley, California, 1980).

ЧЕЙФ Уоллес Л. (Chafe Wallace L.) (род. в 1927 г.) — известный американский лингвист, профессор лингвистики в Калифорнийском университете в Беркли. Получил лингвистическое образование в Йельском университете. Докторскую степень получил в 1958 г. за диссертацию по морфологии индейского языка сенека. Автор многочисленных работ по основам грамматической теории в самых различных областях лингвистики: фонологии, морфологии, синтаксисе, семантике. Итогом многолетней работы явилась книга «*Meaning and the Structure of Language*» (Chicago, University of Chicago Press, 1971), переведенная на русский язык («Значение и структура языка», М., «Прогресс», 1975). В 1980 г. опубликована книга «Истории о грушах: познавательные культурные и языковые аспекты построения повествования» (*The Pear*

Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production. Ablex Publishing Corporation, 1980).

ШАХТЕР Пол (Schachter Paul) (род. в 1929 г.) — известный американский лингвист. Образование получил в Колумбийском университете. Докторская степень ему была присуждена в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе в 1960 г. за диссертацию, посвященную сравнительному анализу английского языка и языка пангасиан. В настоящее время является профессором лингвистики в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Специализируется в области синтаксиса. Автор многих работ по частным и общим проблемам синтаксиса, в их числе книг: «Описательная грамматика тагальского языка» (в соавторстве с Отанесом) (O t a n e s F. and S c h a c h t e r P. Tagalog Reference Grammar. Berkeley — Los Angeles, 1972); «Основные синтаксические структуры английского языка» (в соавторстве с Р. П. Стокуэллом и Барбарой Парти) (S t o c k w e l l R. P., P a r t y B., S c h a c h t e r P. Major Syntactic Structures of English. New York, 1973).

НУНЭН Майкл Пол (Noonan Michael Paul) (род. в 1947 г.) — американский лингвист. Окончил Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, где в 1980 г. получил докторскую степень. В настоящее время преподает на отделении лингвистики Государственного Нью-Йоркского университета в Буффало. Основные научные интересы лежат в области синтаксической типологии и языковых универсалий, а также семантики и прагматики, однако в числе написанных им книг и статей (их более 20) рассматриваются самые разные проблемы синхронической и диахронической лингвистики, от фонологии до прагматики. В своих работах уделяет большое внимание эмпирическим данным из многих типологически различных языков (африканских, индейских, кельтских и др.). Летом в 1977—1979 гг. принимал участие в обеспечении работы советско-американской программы обмена стажерами IREX.

ВАН ВАЛИН Роберт Д., младший (Van Valin Robert D., Jr.) (род. в 1952 г.) — американский лингвист. Получил образование в Калифорнийском университете в Сан-Диего (1970—1973) и в Беркли (1973—1977), где защитил докторскую диссертацию по синтаксису индейского языка лакота (1977 г.). Сфера научных интересов охватывает функциональный синтаксис, проблемы универсальной грамматики и теории эргативности, а также различные аспекты языков американ-

ских индейцев. По этим темам опубликован ряд статей в известных американских и международных журналах и периодических сборниках, в том числе статьи о немецкой частице *doch* (German *doch*: the Basic Phenomena.— «Papers from the 11th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society», Chicago, 1975, p. 625—637) и о ее ближайшем русском эквиваленте — частице *же* (The Russian Particle-Connective *že*: its Use and Origin.— «Russian Language Journal», 1977, vol. 108, p. 61—67). В настоящее время работает в Австралии на отделении антропологии Научного центра тихоокеанских исследований и в Институте новейших проблем при Австралийском национальном университете в Канберре.

ФОЛИ Уильям А. (Foley William A.) (род. в 1949 г.) — американский лингвист. Образование получил в Университете Брауна и Калифорнийском университете, где в 1976 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Сравнительный синтаксис австронезийских языков». Занимается проблемами синтаксической и семантической теории, языковых универсалий и лингвистической типологии, сравнительной и исторической лингвистикой; при этом особое внимание уделяет папуасским и австронезийским языкам. Основные работы (помимо включенной в настоящий сборник): «Функциональная грамматика и культурная антропология» (Functional Grammar and Cultural Anthropology.— «Canberra Anthropology», 1980, v. 3, p. 67—85); «К вопросу об универсальной типологии именной группы» (Toward a Universal Typology of the Noun Phrase.— «Studies in Language», 1980); «О комбинациях свойств подлежащего в универсальной грамматике» (в соавторстве с Р. Д. Ван Валином) (On the Organization of «Subject» Properties in Universal Grammar.— «Proceedings of the 3rd Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society», 1977). Является членом редакционного консультативного совета журнала «Studies in Language». В настоящее время работает в Австралии.

БЕХЕРТ Иоганнес (Bechert Johannes) (род. в 1931 г.) — известный западногерманский лингвист. Образование получил в университетах в Майнце и в Мюнхене (ФРГ). В 1964 г. в Мюнхенском университете защитил кандидатскую диссертацию на тему, связанную с некоторыми проблемами синтаксиса в языке Гомера, а в 1968 г. там же — докторскую диссертацию на тему «Исследование грамматических категорий». С 1971 г. до настоящего времени — профессор лингвистики в Бременском университете (ФРГ). В 1976 и 1978 гг. занимался исследовательской работой в Дагестанском филиале АН СССР в г. Махачкале.

Сейчас работает над исследованием по ареальной лингвистике: «Языковые контакты и грамматические категории» — о географическом распределении грамматических категорий в Европе, Северной Азии, на Кавказе, на Ближнем и Среднем Востоке. Автор более 25 работ по проблемам порождающей фонологии, синтаксиса и типологии грамматических категорий, среди которых выделяется книга «Введение в трансформационную порождающую грамматику», написанная в соавторстве с Д. Клеман, В. Тюммелем, К. Х. Вагнером (*Einführung in die Generative Transformationsgrammatik. München, 1970*).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютив, абсолютивный падеж** (absolutive) 66, 139—144, 147, 392, 395, 401, 416
- автономность** (autonomy), автономности свойства (autonomy properties) 247—258
- агента** (agent) 27, 29, 79, 142—144, 147—148, 170, 183, 200, 206, 212—215, 217—220, 230, 243, 259—260, 278, 302—304, 322, 349, 356, 358—362, 372, 383—384, 387—389, 398, 402—403, 405—407, 421
- адресат** (addressee) 29
— императива (a. of imperative) 260, 333, 343
- аккузатив** (accusative) 200, 267, 272, 273, 416 (ср. *винительный падеж*)
- активная система** 418
- активный падеж** 419
- активный предикат** см. *предикат динамический vs. статический*
- актер** (actor) 28—29, 200, 212, 317—325, 332—339, 346—352, 384—396, 399, 401—406
- антипассив** (antipassive) 141, 392, 395, 396, 399—401
- антитопик** (antitopic) 312—313
- ассертивная** [часть смысла предложения] (asserted) 225—227
- аффективный глагол** 423—425, 428
- Базисный** (basic), базисность (basicness) 194—196, 205, 210—212, 219, 227, 245, 255, 261, 364, 384
- базисное предложение** = б-предложение (b. sentence = b-sentence) 143, 211—212, 239—247, 254
- отношение «более базисное, чем»** (relation «more basic than») 211—212, 240—241
- базисное подлежащее** = б-подлежащее (b. subject = b-subject) 239, 246—262, 372
- бенефактив** (benefactive) 23, 29, 40, 66, 82, 97, 169, 178, 181—183, 185—188, 190, 359, 361
- Вершинная именная группа** [относительного оборота] (head NP) 112—116, 122, 137—139, 158—159, 162, 326
- винительный падеж** (accusative; accusative case) 394, 416, 417, 425 (ср. *аккузатив*)
- возвратность, возвратные местоимения** см. *рефлексивизация, рефлексивность*
- вопрос, вопросительное предложение** (question) 38, 46, 242, 254, 257, 258, 262, 290
- восхождение** (ascension) 41—42, 44, 68, 84, 187—188
- вставление** (insertion) 41—42, 62, 242, 245
— пустой группы (i. of an empty NP) 42, 46, 84—85
— there (there i.) 42, 340, 353

выделенность, выделение (prominence), выделенный (prominent) 33, 172—173, 190, 323, 393—394, 400

— референциальная (referential p.) 322—325, 332, 340, 342
— ролевая (role p.) 323—325, 332—339, 342, 344—345, 349

Генитив (genitive), генитивная именная группа (genitive/«possessor» NP = GEN) 69, 95, 108, 116—117, 118, 129, 150—154, 156, 187, 210, 223—224, 258 (ср. *родительный падеж*)

гипотеза (hypothesis)
— косвенно-объектного контроля = ГКК (obliques control h.) 167—168, 172—175, 189—190

— подлежащего контроля = ГПК (subject control h.) 167, 170—172, 174, 180, 184, 187, 189

«главный герой» (protagonist) 28—29, 323

главные именные группы (major NPs) 122, 147, 238

глагол см. *предикат*; *сказуемое*
глубинный см. *исходный*

грамматичность = грамматическая правильность (grammaticality) 353, 380

граница компонента схемы см. *схема реляционного правила*

Данное (given; given information) = старая информация (old information) 30, 32, 33, 256, 279, 281—285, 296—299, 305—306, 314, 366, 389—390, 396

дательный падеж (dative; dative case) 24, 166, 182, 269, 279, 394, 424—425 (ср. *датель*)

датель (dative) 9, 29, 66, 166, 169, 171—174, 180—183, 186—188, 190, 200, 206, 218, 230, 269, 273, 361—362, 398

дательная система 423—424

«двойное» подлежащее см. *подлежащее «двойное»*

двойственное число 425, 428
деепричастие (gerund) 173

диаграмма со слоями (stratal diagram) 80—81, 87, 94—95
дискурс (discourse) 19, 33, 36, 389—390

дистрибуция (distribution) 137, 141, 150, 154, 187, 189, 191, 225—227, 350—351

дополнение (object) 8—9, 23—24, 29, 45, 117, 124, 169, 203, 210, 233, 243, 249, 250, 252, 254, 256—259, 262, 266—271, 273, 356—357, 363—365, 367, 386, 387, 399, 404, 414

— косвенное = косвенный объект (oblique = OBL, oblique o. = OO, oblique nominal) 23—24 сн., 40, 50—51, 53—55, 59—60, 66, 68, 71, 82, 83, 86, 87, 97, 100, 116—117, 125—128, 142, 145, 147, 148, 151—152, 157, 160, 161, 166—167, 169—174, 180—191, 379, 386, 398

— непрямоe (indirect o. = IO) 23—24 сн., 29, 40, 43, 48—49, 52—55, 64, 66, 68, 73, 78, 116, 121, 125—128, 145, 157, 160, 166, 327, 423—424

— прямоe = прямой объект (direct o. = DO) 9, 18, 23—25, 29, 40, 42, 43, 47—58, 63—64, 66, 69—73, 78, 87, 116, 117, 120—125, 127—128, 130—136, 139, 144—151, 157, 160, 161, 170, 184—187, 189, 223, 233, 237, 266, 268, 323, 327, 337, 343, 386, 405, 414, 415, 418, 423
— прямоe-шомер = прямо-объектный шомер (direct o. chômeur) 43

дополнительное придаточное = дополнительный оборот (complement; complement clause) 72, 225, 227, 245, 252—253, 397, 406

доступность именной группы (NP accessibility) 26, 45, 61, 111 сн., 116, 119, 152, 158, 161 (см. также *иерархия доступности*)

дуга (arc) 77—82, 89, 93—94
дуги глава (a. head) 77
дуги параллельные (parallel as.) 89—91

- дуги соседствующие (neighbours) 89—90, 92, 94
 дуги сходящиеся (overlapping as.) 89—90
 дуга продвиженца (advances a.) 88—91, 92, 99, 102, 104, 106, 108
 дуга пониженной именной группы (demotee a.) 91
 дуга реляционно перемеченная (revaluce a.) 90—92
- Жертва [правила] (victim) 25, 28, 55—64, 71, 175 (см. также контроль, контролер)**
- «Зависающий» (stranded)**
 — предлог (s. preposition) 124, 152
 — сравнительный союз (s. comparative particle) 152
- Закон... см. реляционные принципы**
- залог (voice) 27, 34, 94—96, 121, 237, 260, 348, 354, 414, 428**
- Идиомы (idioms) 157, 180, 255**
- иерархия (hierarchy) 68, 218, 327, 362, 372, 404**
 — аргументных ролей (h. of argument roles) 362
 — грамматических отношений (h. of grammatical relations) 83
 — доступа к прагматическому пику (access-to-pragmatic-peak h.) 391—393, 396, 404
 — доступности = ИД (accessibility h.) 26, 45—47, 68, 116—122, 130, 134—135, 148—152, 156—162, 236, 237, 325
 — кодирования (coding h.) 265, 270, 272—273
 — одушевленности см. шкала одушевленности
 — свойств при повышении в подлежащее = модель тактики повышения (promotion to subject h.) 264—265, 269
 — синтаксических позиций (h. of syntactic slots) 362
 — степени силы контроля (h. of control strength) 183
 — тагмемная (tagmemic h.) 383
- эргативная см. эргативная иерархия
- избирательное средство 20, 413, 421, 423**
- именительный падеж см. номинатив**
- императив см. повелительное наклонение**
- инактивный падеж 419**
- инверсия¹ [= изменение нормального порядка слов в предложении] (inversion) 365—356, 373—374**
- инверсия² [= (в реляционной грамматике) изменение нормального соотношения грамматических отношений у предиката] (inversion) 100—105, 109, 170, 171, 174**
- инвертирующие предикаты (i. predicates) 166, 170, 171, 181, 190**
- инвертирующие предложения (i. sentences) 103—105, 172, 174—180, 182, 188—190**
- инверсия маркированности 426—427**
- инкорпорация имени (noun incorporation) 61, 71**
- инструмент (instrument) 27, 29, 41, 108, 109, 183, 384, 387—389, 399**
- инструменталь (instrumental = INS) 40, 41, 51—53, 66, 86—87, 97, 108, 127, 142, 218, 230**
- инфинитивное дополнение = инфинитивный оборот (infinitival complement) 204, 335—338, 342—343**
- источник (source) 387—389**
- исходный = глубинный [уровень, грамматическое отношение, структура, позиция и т. п.] (initial) 9, 24, 40—41, 43, 66, 67, 68, 70, 84, 86—87, 93, 101—103, 108, 137, 158, 169, 171, 174, 180, 337, 352**
- Кандидат (candidate) 53—54, 62, 64, 161—162**
- каузатив; каузативный [конструкция, предложение и т. п.] (causative) 160, 200, 214, 259, 260**

- кванторы перемещающиеся (floating quantifiers), свободное перемещение кванторов (quantifier floating) 29, 42, 46, 67—68, 258, 327—329
- клитики, клитические местоимения (clitics; clitic pronouns) 145—148
- кодирующие свойства [подлежащего] (coding properties) 202, 205, 222, 264—266, 273, 415
- комитатив (comitative) 53, 66 (см. также *социатив*)
- комментарий (comment) 172, 193—195, 202, 208, 219—221, 230, 231, 305 (см. также *топик*)
- коммуникативная организация предложения 20, 22
- коммуникативный динамизм (communicative dynamism) 285
- конкретное [имя] (specific) 279, 329, 383, 390
- контрастивность (contrastiveness) 30, 279, 286—293, 302, 305—308, 368
- контроль, контролировать (control), контролер [правила] (controller) 25, 26, 28, 45, 55—64, 70—72, 143, 166—168, 170—191, 204, 208—209, 221, 225, 250—252, 265, 371
- координата (coordinate) = координатный индекс (coordinate index) 76, 79, 80, 81, 90—91
- копредикатив (predicate nominal) 173, 179, 183, 190
- корреферентность (coreference) 113, 158—159, 168, 183, 203, 211, 249, 251—253, 265, 335, 371, 394, 397, 402
— обусловленная (stipulated c.) 250
- корреферентное опущение см. *опущение корреферентное*
- корреляция
— аффективности 426—428
— доминированная 426—427
— доминирующая = доминантная 426—428
— одушевленности = говорящего 426—427
- Локатив, локативный падеж (locative) 9, 23, 29, 40, 73, 86—87, 108, 167, 169, 181—183, 188, 190, 251, 271—272, 352, 361, 362, 385, 388, 389, 399
- локативные предложения = предложения со значением местонахождения (l. sentences; locatives) 330, 352
- Маркированный (marked), маркированность (markedness) 137, 143, 150, 211, 225, 227, 391—392, 413, 414, 421—422, 426—427
- маркировка (marking)
— падежная = кодировка падежная (case m.) 171, 182, 188, 258—259, 264, 266, 268—270, 273, 318—319, 390—391, 398—399
— ролей: прямая (direct role m.) 362; непрямая (indirect role m.) 363, 365, 372
- матричное предложение (matrix clause) 141, 253 сн., 336 сн., 337, 344
- местоимения (pronouns) 121—126, 128—129, 144—148, 152, 154—157, 162, 176, 177, 216, 232, 241, 243, 250, 252, 256, 258, 262, 265, 270, 283, 284, 288, 291, 293, 297—298, 304, 321, 333, 365, 367, 369, 371; их употребление в относительных оборотах 115, 116, 121—126, 128—129, 144—148, 152, 154—157, 258
— возвратные см. *рефлексивизация*
— личные (personal p.) 21, 116, 232, 256, 283, 321, 331, 416, 425
- мишень (target) 53—54, 142, 161—162, 256—257
— рефлексивизации (t. of reflexivization) 175, 176, 178—181, 183, 188, 190
- Неопределенное [имя] (indefinite) 71, 142, 144, 148, 197, 201, 254—256, 279, 296, 298, 320—321, 324, 332, 353, 369—370, 390, 420, 429 (ср. *определенное [имя]*)

- неотчуждаемый посессив (inalienable possessive) 143, 154
- непосредственная доминанция узла S над подлежащим (immediate dominance of subject by the node S) 260—261, 405
- неспецифическое [имя] (nonspecific) 279 (ср. конкретное [имя])
- «нечистое» грамматическое отношение («impure» grammatical relation) 40, 67
- новое (new; new information) 30, 279, 281—285, 287—293, 298—300, 305, 307, 314, 389 (ср. данное)
- номинализация (nominalization) 242, 243, 259, 350
- номинатив = именительный падеж (nominative) 22, 94—95, 189, 230, 238, 270, 273, 280, 372, 390, 391, 394, 416, 417
- номинативность = номинативная система 415—419, 424
- Объединения предложений правило (clause union) 41
- объект (object), объектив (objective) 200, 206, 218, 223, 230, 372, 386 (ср. дополнение; пациенс)
— прямой см. дополнение прямое
— сравнения (o. of comparison = OCOMP) 46, 108, 117, 129, 130, 134, 151—153
- обязательность (indispensability) 34, 142, 144, 157, 248, 268, 344, 396
- Ограничение... см. реляционные принципы
- ограничивающее предложение (restricting sentence) 112, 113, 115, 136, 155
- ограничивающий оборот (restricting clause) 112, 113—116, 122, 126—128, 137—139, 155, 159, 162 (ср. относительный оборот)
- ограничительный [относительный] оборот (restrictive relative) 113, 225—226
- однородность см. сочинение
- одушевленность (animacy) 213, 214, 259, 322, 363, 365, 383—384, 388, 390, 416—421, 423, 425, 427, 429
- определенное [имя] (definite), определенность (definiteness) 30, 32, 33, 113, 143, 196—197, 201, 202, 218—219, 230, 255, 256, 279, 293—299, 319—321, 324, 329, 332, 353, 360, 369—370, 373, 389—390, 396, 420—421, 429 (ср. неопределенное [имя])
- определяющее придаточное предложение см. ограничивающий оборот; относительный оборот
- опущение (deletion) 41, 56—57, 68, 69, 126, 128, 233, 242, 248, 251, 253, 326, 343, 367, 397, 399
— кореферентное (coreferential d.) 44, 55—62, 69, 70, 143, 251, 253, 397
— идентичной/кореферентной именной группы = трансформация/правило «экви» (Equi; Equi-NP-d.) 29, 33—34, 45, 69, 70, 72, 142—143, 203—204, 208—209, 225, 253, 265, 371 (см. также эллипсис в инфинитивных дополнениях)
— неопределенной именной группы (Indefinite-NP-d.) 61, 71, 142, 144, 148, 248
- ориентация (orientation) 30, 34, 364—371, 373, 374
- ось (axis) 22, 28, 30, 172, 173—174, 190, 191
- относительная группа = ОГ (relative clause) 26, 38, 45, 111, 112 сн., 113—118, 122, 125, 126, 129, 130, 136—139, 144, 145, 146, 148, 150—153, 155, 158—159, 162, 326
- относительный оборот, относительное [придаточное] предложение (relative clause) 112 сн., 123, 128, 225—226, 245, 326—327, 350, 397, 414 (ср. ограничивающий оборот)
- отношение (relation)
— грамматическое (grammatical r.) 8, 35, 38—41, 47, 54, 59, 61—63, 66, 67, 72, 76, 78, 83, 84, 94, 118 сн., 169, 171—174, 180, 182—184, 187—190, 193—

- 195, 199, 212, 236, 348, 353, 357, 373, 404 (см. также *отношение синтаксическое*)
 — дейктическое (deictic г.) 22 сн., 31
 — кандидат (candidate г.) 53, 63, 64
 — коммуникативное 22, 29—35
 — мишень (target г.) 53
 — референциальное 22, 29—33
 — семантическое 9, 10, 22, 28—30 (см. также *падеж*¹; *роль семантическая*)
 — синтаксическое (syntactic г.) 7—9, 11, 12, 18, 22—31, 34, 35, 117, 179, 180, 218, 349, 358 (см. также *отношение грамматическое*)
 — сочетаемое (selectional г.) 33, 197—199, 202, 204, 207, 221, 232, 233
- Падеж**¹ [семантический = глубинный], падежное отношение/роль/статус ([semantic] case; case relation/role/status) 9, 18, 22, 200 сн., 218, 278, 302, 303, 312, 314, 319, 384, 387—389, 398, 405 (см. также *роль семантическая*)
 падежная грамматика (case grammar) 6 сн., 9, 27, 387—388
 падежная рамка (case frame) 228, 233, 278, 310—313
- падеж**² [= падежная форма] (case) 182, 266—267, 269—270, 272—273, 280, 387, 414, 415
 падежная кодировка/маркировка см. *маркировка падежная*
- пассив** (passive), пассивизация (rule of passive; passivization) 25—26, 41, 43, 64, 71, 84, 87, 91, 93—96, 98—108, 121, 142, 147—150, 160, 170—171, 183, 187, 200, 203—206, 211, 223, 232, 237, 243—245, 250, 256, 260, 262, 263, 265—271, 302—304, 337—338, 343—347, 349, 353, 365, 371—373, 396, 399, 400, 404—406.
- пациент** (patient) 9, 27, 29, 79, 142, 200, 212, 214, 243, 302—304, 356, 358—359, 361—363, 372, 384, 388—389, 392, 398, 403, 406, 420, 429
- передвижение датива** (dative movement) 41, 43
- переключение** (switch)
 — референции (s-reference) 251, 303, 401, 402, 406
 — функции (s-function) 402, 406
- переменный компонент правила/схемы** см. *схема реляционного правила*
- переходный/непереходный** [глагол-сказуемое] (transitive/intransitive [verb]) 107, 136, 139, 140, 142—144, 184, 185, 200, 237, 248, 258—259, 268, 350, 385, 387, 415, 423, 424
- повелительное наклонение** = императив (imperative) 29, 38, 203, 204, 260, 333, 339, 343, 344, 371
- поверхностный** [грамматическое отношение, структура, позиция и т. п.] см. *исходный*
- повышение** (promotion) 41—42, 44, 83, 121—122, 140—142, 149—150, 185, 187, 203, 264, 364
- подлежащее** [= субъект] (subject = S = SU) 8—9, 11, 16—17, 19—21, 23, 25, 27—34, 38—40, 42 сн., 45—50, 55—57, 61, 62, 65, 67, 70, 72, 73, 77, 78, 88, 97, 116—130, 134—136, 139, 142—146, 147, 148—153, 157—161, 166, 167, 169—172, 179—181, 185—188, 193—214, 216, 218—225, 228—233, 236—239, 246—273, 279, 280, 299—306, 309—311, 314, 317, 318, 323—325, 329—352, 356—358, 362, 363, 370—371, 385, 386, 393, 396, 398, 404, 414, 415, 418, 420, 423, 429
 — активное vs. пассивное (active vs. passive s.) 265, 343, 349
 — «двойное» (double s.) 207—208, 211, 223—225, 229—230, 232, 368
 — исходное [= глубинное, нециклическое] (initial = deep, noncyclic s.) 24—25, 40—

- 41, 67, 69, 103, 170—171, 174, 180, 184—186, 189, 340—342, 344—351, 353
- логическое (logical s.) 21—22, 277—278, 305
- психологическое (psychological s.) 21—22, 277, 305
- пустое = фиктивное (empty = dummy s.) 42, 84—85, 189, 201, 206—207, 231, 254, 331, 340, 342, 353, 373—374, 390
- результирующее [= поверхностное, циклическое, производное] (final = surface, cyclic, derived s.) 40—41, 67, 121, 170—171, 177, 179, 180, 184—185, 199, 210, 262—268, 270—273, 340, 343—351, 353, 354
- -шомёр, подлежащий шомёр (s. chômeur) 41, 43, 66, 67, 73, 95
- подлежащность именной группы (subjecthood of an NP) 239
- подчинять (command) 44, 68
- подъем [трансформационное правило] (raising) 93, 199, 236, 258, 265, 344—346
- подлежащего в позицию дополнения (subject-to-object r.) 38, 41—42, 44, 67, 68, 93
- предиката (predicate r.) 41, 67
- «познающий» (cognizer) 101, 109
- понижение (demotion) 89, 95, 100, 108, 171, 172, 180, 187, 269, 364
- поессора (possessor d.) 171, 172, 174
- порождающая семантика (generative semantics) 6 сн., 378
- порядок слов (word order) 38, 41, 68, 69, 78, 81, 114, 120, 122, 144, 146, 202—203, 209, 212, 220, 229—230, 242, 257, 261—262, 265, 266, 267, 269, 291, 302, 308, 313, 320, 334, 338—339, 349, 353, 356, 364—365, 372, 379, 390, 391, 400, 415
- последовательная [именная группа] (consistent NP) 169, 172, 174, 184, 190, 191
- посессор (possessor) 167, 171—178, 180—183, 186—188, 190
- прагматика (pragmatics) 7, 20, 21, 35, 213, 231, 378, 379, 405, 414
- прагматическая структура [предложения] (pragmatic structure) 34, 389—391, 395—397, 398—401, 403
- прагматический пик = ПрП (pragmatic peak = PrP) 30, 33—34, 390—401, 403—405
- предикат (predicate) 9, 40, 67, 116, 170, 174, 180, 182, 184, 189, 190, 191, 197, 199, 331, 340, 342, 350, 383, 385, 405 (ср. *сказуемое*)
- динамический = активный vs. статический = стативный (dynamic = activ vs. static = stative p.) 166, 191, 200, 383, 386—387, 389, 396, 414, 418, 419, 422, 429
- модальный vs. экспериенциальный vs. квантифицирующий (modal vs. experiential vs. quantifier) 166—167, 170—171, 177, 179, 182, 185, 191
- управляемый vs. неуправляемый (controlled vs. uncontrolled p.) 383
- экзистенциальный (existential p.) 170, 181, 184—186, 190, 191
- презумпция референтности (presupposed reference) см. *референтность*
- пресуппозиция (presupposition) 19, 225 сн., 227, 233, 245
- претерпевающий (undergoer) 384—389, 391—393, 396, 399, 401, 403, 406
- приемлемость (acceptability) 152—153, 168, 379—380
- признак семантический (semantic feature = property) 176, 213—214
- Принцип... см. *реляционные принципы*
- приоритет (primacy) 45—46, 55, 60, 61
- приоритетное ограничение (p. constraint) 45, 60, 72

- причастный оборот (participial clause) 112 сн., 113, 123, 397
- продвижение (advancement) 41, 43, 46—55, 62, 64, 68, 73, 83—88, 89, 91—97, 101—105, 107—109, 142, 160—161, 184, 185, 237, 256, 269
- продвиженец (advancee) 83, 85—91, 101—103
- прономинализация (pronominization) 41, 72, 159, 242, 251, 252, 282, 288, 371 (ср. *местоимения*)
- «псевдовозвратная» конструкция (pseudoreflexive construction) 392
- «псевдопассив» (pseudopassive) 101—105, 109, 222—223, 233
- псевдорасщепленное предложение (pseudo-cleft sentence) 290—291
- пустое подлежащее см. *подлежащее пустое*
- Ранг** (rank) 26, 44, 47, 117—119, 120, 129, 130, 148—149, 151—152, 160—161, 237, 362—363, 396, 398, 416—418, 420
- расщепление (cleft, clefting) 46, 257, 290, 358
- релятивизация (relativization) 26, 29, 34, 45, 46, 62, 87, 111, 113—134, 140—158, 162, 242, 257, 258, 265, 326—327, 397, 399
- первичная (primary) 119
- исключительно подлежащих 122—123
- подлежащих и прямых дополнений 123—125
- последовательности рангов от подлежащего до генитива 129
- последовательности рангов от подлежащего до косвенного дополнения 128—129
- последовательности рангов от подлежащего до непрямого дополнения 125—128
- всех рангов — от подлежащего до объекта сравнения 130
- релятивизации область (domain of r.) 112—113
- релятивизации стратегия см. *стратегия образования относительного оборота*
- релятивизируемая именная группа (relativized NP) 113, 116, 134, 144, 397
- релятивизируемость (relativizability) 68, 113, 120, 141, 142
- реляционный (relational)
- грамматика = РГ (r. grammar) 7, 12, 19, 23—28, 35, 38—41, 67, 70, 84, 107, 169, 171, 174, 175 сн., 327, 347, 349, 356, 364
- иерархия = РИ (r. hierarchy = RH) 24, 26, 43, 44, 46—47, 59, 62, 68, 72, 83, 107
- мена: конструкция с реляционной меной (revaluation construction) 88—89
- помета (r. sign) 76—78, 80, 81, 90, 92
- правило грамматики (r. rule of grammar) 41, 65, 66
- принципы = ограничения (r. constraints) 24, 38, 54, 59, 62, 66, 71:
- Закон антитяготения (Anti-Gravity Law) 108
- Закон единственности продвижения в позицию 1 [в позицию подлежащего] = ЗЕПП 1 (1-Advancement Exclusiveness Law) 88, 92, 94—100, 102—107
- Закон изменения ранга (Re-ranking Law) 44, 46, 54, 64, 65
- Закон кореферентного опущения (Coreferential Deletion Law) 44, 59, 60
- Закон минимального продвижения (Advancee Laziness Law) 64, 68
- Закон обусловленного шомажа (Motivated Chômage Law) 85, 89
- Закон реляционной преемственности (Relational Succession Law) 44 (ср. *Принцип функционального наследования*)
- Закон рефлексивизации (Reflexivization Law) 44, 59
- Закон согласования (Agreement Law) 44
- Закон сохранения состояния

продвиженца (Advancee Target Law) 84—85, 88, 108
Закон/принцип уничтожения отношений (Relational Annihilation Law/Principle) 43, 65, 66, 348, 354
Ограничение на антецедент возвратного местоимения (Clausemate Controller Constraint) 59
Ограничения на иерархию доступности (Hierarchy Constraints) 117—118, 134, 139, 144, 149—150, 154, 157
Ограничение на образование двойных цепочек (Double Chaining Constraint) 59—61
Ограничения на первичную релятивизацию (Primary Relativization Constraints) 119—120, 130
Принцип единственности мишени (Target Uniqueness Principle) 54
Принцип единственности синтаксической зависимости (Unique Dependency Principle) 42
Принцип непрерывности отрезков иерархии (Continuous Segment Principle) 62, 64—66, 73, 117, 144
Принцип непрерывности продвижения (Advancement Continuity Principle) 237 (ср. *Цепочечное ограничение на продвижение в позицию подлежащего*)
Принцип функционального наследования (Functional Succession Principle) 236 (ср. *Закон реляционной преемственности*)
Условие верхней границы продвижения (Advancement Upper Bound Constraint) 63—64
Условие наличия границ (Boundary Condition) 63, 65
Условия продвижения (Advancement Conditions):
Условие на мишень (Target Condition) 161
Условие на расстояние (Distance Condition) 161

Цепочечное ограничение на продвижение
— в позицию подлежащего (Advancement-to-Subject Chaining Constraint) 47, 73 (ср. *Принцип непрерывности продвижения*)
— в позицию прямого дополнения (Advancement-to-DO Chaining Constraint) 53
— в ядерную позицию (Nuclear Chaining Constraint) 54
реляционная сеть = РС (r. network = RN) 15, 24, 27, 76—78, 82, 87, 88, 90—96, 104
— цепочка (r. chain) 55, 59, 62
рема (rheme) 32, 193, 231, 415, 420—421 (ср. *тема*)
референт (referent) 279, 344, 362, 390
референтность (reference) 31, 254—256, 342
— абсолютная (absolute r.) 31, 253—254, 323, 327
— независимая (independent r.) 158—159 (ср. *референция автономная*)
— презумптивная, презумпция референтности (presupposed r.) 29, 31, 33, 254—255, 321—322
референтный (referential) 31, 254—256, 342
«высоко референтная» именная группа («highly referential» NP) 256
референция (reference) 20, 159, 241, 248—250, 254, 264, 325, 352
— автономная (autonomous r.) 31, 248—250, 257 (ср. *референтность независимая*)
— контрастивная (contrastive r.) 175—179, 181, 183, 190, 191
референциальная выделенность см. *выделенность референциальная*
референциально-ролевая грамматика (role and reference grammar) 7, 35, 376—381, 382—384, 387, 404
референциальные признаки = свойства (referential properties) 22, 30—31, 143, 325

- референциальные языки (reference dominated languages) 400, 402—403
- рефлексивизация (reflexivization), рефлексивность = возвратность (reflexivity) 26, 27, 29, 33, 44, 45, 55—56, 58—63, 68—70, 143, 166—191, 203—204, 216, 221, 250, 334—335, 339, 343, 344, 348, 353—354, 371, 424
- актантная (*себя*-reflexivization) 178—181, 183, 186
- притяжательная (*свой*-reflexivization) 177—179, 181, 186
- родительный падеж (genitive) 171, 179, 186 (ср. *генитив*)
- при отрицании (g. of negation) 179, 184—185
- родовое [имя] (generic) 197, 279, 284, 329, 373
- роль семантическая (semantic role) 27, 29—30, 36, 79, 97—99, 103, 108, 200 сн., 201, 206, 218, 349, 358—363, 367, 383, 384, 399, 402 (см. также *отношение семантическое; падеж*¹)
- [семантическая] ролевая структура [предложения] ([semantic] role structure) 382, 383—384, 399, 400, 404
- ролевое выделение см. *выделенность ролевая*
- ролевой пик (role peak) 402
- ролевые языки (role dominated languages) 400—403
- Связность текста (discourse cohesion) 395, 401—402
- семантика (semantics) 7, 16, 20, 27, 35, 175, 190, 339, 342, 345, 366, 373, 378, 379, 387, 389, 400, 405
- синтаксическая позиция (syntactic slot) 12, 29, 30, 117—118 сн., 362—363 (см. также *отношение синтаксическое; член предложения*)
- сказуемое (predicate) 8, 9, 11, 78, 82, 157, 186, 187, 193—196, 199, 202, 203, 208, 209, 218, 220, 231, 233, 254, 342, 352, 379, 405, 414, 415 (см. также *предикат*)
- *сентенциальное* (sentential subject) 208, 232
- слой (stratum) 80, 81, 93—94, 96, 109, 173
- согласование [глагольное] ([verb] agreement) 27, 33, 41, 44, 46, 62, 69, 70, 72, 78, 145, 147, 171, 184, 188, 189, 202—204, 231, 252, 256, 260, 264, 266, 268—273, 280, 291, 294, 302—304, 360—361, 415
- социатив 425, 428 (см. также *комитатив*)
- сочинение, однородность (conjunction) 155, 217—218, 253, 397, 422
- сочинительное сокращение (с. reduction) 34, 143, 253, 397
- сравнительный оборот см. *объект сравнения*
- статус именной (nouns status; status of a noun) 278—281
- стратегия (strategy)
- образования относительного оборота = стратегия релятивизации (relative clause formation s.) 113—115, 117—133, 138, 140, 142, 147, 149, 155—156
- внутренняя (internal s.) 114, 138
- неполная («gapped» s.) 121—122, 149
- падежно-ориентированная (+ case s.) 115, 118, 121, 124, 125, 144, 145
- падежно-неориентированная (— case s.) 115, 120, 144
- первичная (primary s.) 119—120, 122—124, 127, 128
- постноминальная (postnominal s.) 114, 120, 123, 124, 126, 130
- преноминальная (prenominal s.) 114, 124, 126, 128
- субъект см. *подлежащее*
- схема реляционного правила (relational schema) 62—66
- Схема образования подлежащего (Subject-creation Schema) 62, 65
- Схема образования прямого

- дополнения (DO-creation Schema) 62
- граница компонента схемы (bound for a component of a schema) 63
- переменный компонент правила/схемы (variable component of a rule/schema) 63, 64
- Таргемная теория (tagmemic theory) 382
- творительный падеж (instrumental) 183, 425, 428 (ср. *инструмент*; *инструменталь*)
- тема (theme) 31—32, 34, 193, 231, 279, 306, 415, 420—421 (ср. *топик*)
- терм (term) 24, 40, 46, 59, 70, 72, 83, 87, 107—108, 171, 348, 354 — ядерный (nuclear t.) 40, 46, 55
- терминальный узел (terminal node) 76
- топик (topic) 29—34, 81, 135, 143, 172—173, 193—233, 243, 256, 279, 305—312, 314, 317—329, 331—334, 336, 338, 340, 342, 346—349, 352, 353, 356—359, 366—373, 393—395, 400, 401 (ср. *тема*)
- актор-топик (actor-t.) 319—320, 322—326, 328, 347, 350
- топик направления (direction-t.) 319—320
- топик цели (goal-t.) 319—320, 322, 326, 328, 338, 350—351
- топикализация (topicalization) 9, 27, 38, 223, 230, 242, 266, 306—307, 400
- точка зрения см. *эмпатия*
- трансформации (transformations) 20, 37—38, 41, 199, 207, 239, 263, 274, 351
- трансформационная грамматика (transformational grammar) 6—8, 10—12, 14, 15, 17, 25, 35, 39, 66—67, 199, 337—338, 340, 343, 353, 376—379
- tough*-перемещение (*tough*-Movement) 61
- Узел (node) 76—79, 88, 89, 93—94
- универсалии (universals), универсальность '(universality) универсальная грамматика (universal grammar = UG) 13—14, 16—18, 25—28, 34, 35, 37, 47, 62, 65, 107, 111, 116, 196, 236—237, 340, 347, 357, 379—382
- универсалии субстанциональные vs. формальные (substantive vs. formal u.) 16, 381
- «упаковка» (packaging) 29—31, 278—279, 300, 308, 309, 314
- уровень ¹ = уровень вывода [= деривации] предложения (derivational level of a clause/a sentence) 31, 40, 68—70, 76, 78, 80, 167, 169—171, 174, 187, 352
- уровень ² [= область, сфера, порядок]
- элементарного = простого предложения (clause-level) 34, 382, 399, 400
- полного = целого предложения (sentence-level) 34, 78, 382, 393, 400
- Условие... см. *реляционные принципы*
- Фиктивное подлежащее см. *подлежащее пустое*
- фокус (focus) 46, 123, 135, 233 — интереса (f. of interest) 32, 33, 389—390, 393, 396 — контраста (f. of contrast) 279, 287, 292, 306—308, 314
- фон, фоновое знание (background knowledge) 34, 286, 288, 359, 366, 369 (ср. *данное*)
- функционализм (functionalism) функциональный подход (functional approach) 23, 28—29, 357, 377
- Цель (goal) 23, 66, 144, 319, 359, 387—389, 392 (см. также *топик цели*)
- цепочечная глагольная конструкция (verb serialization; serial verb construction) 203, 204, 220—221, 253, 371
- циклический [уровень] (cyclic [level]) 41, 67 (ср. *исходный*)
- циклическое подлежащее см. *подлежащее результирующее*

Член предложения 11, 12, 23—24, 414 (ср. *отношение грамматическое; отношение синтаксическое; синтаксическая позиция*)

«чистое» грамматическое отношение («pure» grammatical relation) 40, 67 (см. также *терм*)

Шкала одушевленности (animacy hierarchy) 416—418, 420

шомаж (chômage) 41, 43, 67

шомёр (chômeur) 23—25, 41, 43, 66, 67, 83, 84, 87, 89, 95, 108, 169, 170, 187, 348

«штандарт» (standart) 173, 190, 191

«Экви» [трансформация] см. *опущение идентичной именной группы*

экзистенциальные предложения = предложения со значением существования (existentials) 29, 167, 170, 173—185, 188, 189, 245, 330—332, 340—342, 352—353

экспериментер (experimenter) 27, 29, 101, 103, 200, 220, 259, 358, 359, 361, 362, 372, 383, 384, 415, 423, 424, 428

экстрапозиция (extraposition) 137

экстрапонируемый относительный оборот (extraposed relative clause) 136

эллипсис в инфинитивных дополнениях (elliptical complements) 29, 335—338, 342—344 (см. также *опущение идентичной именной группы*)

эмпатия = точка зрения (empathy = point of view) 30, 34, 279, 313

эмфаза (emphasis), эмфатический (emphatic) 147, 258, 279

эргатив, эргативный [падеж, именная группа и т. п.] (ergative) 139—143, 147—148, 250, 372, 416

эргативная иерархия = ЭИ (ergative hierarchy = EH) 140

эргативность = эргативная система 18, 66, 411, 415—420, 429

эргативность расщепленная (split ergativity) 413, 416—420

эргативные языки (ergative languages) 18, 71, 135, 139, 140, 248, 372, 394

Ядерное отношение (nuclear relation) 40

языки (languages)

— с выдвижением подлежащего vs. топика (subject vs. topic prominent l.) 194—195, 210—212, 218—220, 227—230, 231, 374

— референциальные см. *референциальные языки*

— ролевые см. *ролевые языки*

— эргативные см. *эргативные языки*

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

- Аварский 252
австралийские 139, 376, 416
акан 253
албанский 48, 51
алгонкинские 264
ангаатага 251
английский 13, 40, 42, 43, 52—53, 56, 58, 61, 63, 69, 70, 72—73, 78, 82, 84, 91—92, 97—109, 112, 115—117, 125, 130, 131, 136—137, 142, 148, 150, 152, 153, 155, 157, 159, 194, 197, 199—201, 206, 220, 228, 229, 231, 232, 240—248, 251, 253—263, 273, 277, 279, 282—284, 286—311, 313, 314, 321, 323—324, 327—331, 336—337, 340—345, 347, 349, 353, 358, 361, 363—368, 370—374, 376, 378—380, 384—388, 390—393, 396, 397, 399—401, 403—407, 422, 426
аоба 131, 156
аомне 360—362, 372
арабский 131, 156, 203, 258, 261, 411
аравак (группа) 132
ароси 252
африкаанс 252
ацехский 69, 71, 271
Бамана 114, 138
банту (группа) 86, 117, 256, 266—267, 271, 390
баран 403
баскский 125—127, 131, 140, 162, 252
блэкфут 252
бретонский 261
бурушаски 416
Валбири 137—140, 257, 262, 386, 399, 400
валмасаран 399
валлийский 123, 131, 156, 258, 261, 270
венгерский 252
вьетнамский 56—58, 252
Гахуку 141
гаэльский (шотландский) 261
генуэзский (диалект итальянского) 131, 156
гильбертский 131, 156, 250, 257
голландский см. *нидерландский*
грузинский 108, 252, 416, 424
Дакота 301—304
днегеньо 114—115, 138
дирбал 13, 52, 56—58, 71, 135, 139—140, 142—144, 148, 195, 237, 260, 392, 394—397, 399—401, 404
дияри 399
дравидийские 127
древнееврейский язык Библии 265—266, 272—273, 411
древнеанглийский 273
древнегреческий 411, 424, 425

Ибан 123, 131
иврит 116, 131, 134, 148, 155, 156
иллокано 195
индейские (языки американских индейцев) 251, 261, 376, 418
индоевропейские 195, 411, 417, 424, 425
индоиранские 416
индонезийский 52, 55—58, 70, 161, 162, 195, 210, 223, 228, 233, 246, 373
ирландский 358, 374
ирокезские 291, 303—304, 399
испанский 129, 131, 365, 366, 370, 373
итальянский 61, 109, 131

Йидин 13
йимас 399
йоруба 131, 144, 146, 154, 156, 252

Кабардинский 386
кавказские 416, 423
каддо 310—314, 399
калаган 55, 338, 353
капампанган 252, 271
картвельские 416
каталанский 129, 131
кельтские 261
кера 131, 156
кимбунду 266—268
китайский 131, 156, 195, 198, 205, 206—209, 219—228, 232, 252, 293, 308—309, 312, 314, 363, 365—370, 373
корейский 128—129, 132, 156, 195, 198, 203, 205, 207, 209, 223—224, 228, 232, 256

Лакота (тетон) — диалект языка дакота 13, 302, 386—387, 399—401, 404
латинский 45, 238, 268—269, 293, 391, 411, 424
лаху 195, 197—198, 203, 205, 207, 209, 223, 228
лису 135, 195, 196, 203, 205, 209, 212—219, 223, 228, 230
лоло-бирманские 195, 196
лувал 267
луганда 51—52, 125, 132, 267
луисеньо 261, 269

Мабуяг 252
майя (группа) 203, 252, 257, 261
малагасийский 13, 19—51, 54, 55, 82, 97, 121—123, 132, 135, 161, 195, 203, 228, 238, 245, 250, 252, 253, 256, 257, 259, 260
малайский 55—56, 124—125, 132, 156, 245
малайско-полинезийские 120—122, 135, 238, 245, 258, 260, 261
маори 132, 245, 252, 260, 261, 265
масаи 261, 267—269
мачигуэнга 252
меланезийские 127
мескитал-отоми 257
микронезийские 257
минангкабау 123, 132, 156
могавк 71—72
моту 258
мояве 259

Немецкий 48, 51, 56, 58, 68, 70, 113, 123, 129, 132, 159, 206, 250, 268, 374, 390, 391, 393—397, 399, 401
нигер-конго (группа) 195, 204
нидерландский (голландский) 109, 131
нило-сахарские 261, 267
ниуэ 147
новогреческий 132, 156, 294
Новой Гвинеи языки 251, 252

Ото-манге (группа) 257, 261

Пангасинан 339
пенути (группа) 203, 261
персидский 132, 156, 262
полинезийские 147
польский 123, 132
помо 399

Ровиана 127—128, 132, 156
руанда 86—87, 108, 117, 256, 390
румынский 129, 132
русский 115, 123, 132, 137, 138, 166—168, 176—187, 190—191, 214, 220—221, 254, 265, 361, 364—366, 369, 372, 373, 412, 413, 422—423.

Самоа 70—71, 249, 261
санскрит 49, 51, 411

сапотек 261
сванский 416
себуано 50—51, 55, 70—71, 94—
97, 338
северный фризский 129, 133
семитские 155, 195, 261
сенека 291, 301, 303, 304, 312—
313
сингалльский 132, 252
сино-тибетские 135, 204, 239
сквамиш 359
словенский 132, 156
среднеанглийский 275
суахили 241—242, 267

Тагальский 13, 28, 70, 97, 123,
132, 135, 195, 196, 245, 249,
256—258, 262, 294, 318—322,
326—329, 331, 333, 334, 336—
338, 348, 350, 352, 359—360,
362, 372, 386, 390, 391, 396,
397, 399

гаи 252
тамильский 127, 132
тви 228
тибетский 248, 262, 399
тоба-батак 120—123, 133, 149,
156
тонга 133, 141, 146—148, 248,
261, 386
тонкава 399
туника 399, 400
турецкий 133, 156, 262

Урхобо 130, 133, 156
уто-астекские 261

Фиджи 144, 258
филиппинские 28—29, 94, 121,
135, 227—278, 249, 256, 317—
318, 320—321, 323—326, 331—
340, 346—351, 371—372, 376,
390

финно-угорские 195
финский 13, 124, 133
французский 48, 51, 84—85, 129,
133, 151, 153, 160, 206, 228,
327, 331, 393
фула 133, 156

Хантыйский 417
хауса 133, 144—146, 156
хинди 55, 117, 133, 134, 137—
138, 140, 252, 262
хопи 251, 399

Целтал 250, 257

Чемевы 270
чешский 133, 156, 373
чинук 252, 261
чичева 271—272
чоктав 398—399, 401, 402, 404
чукотский 13
чумаш 203, 399

Шведский 133, 153—154, 252
швейцарско-немецкий 133, 156
шерпа 399
шина 372
шоа 55, 125, 133, 134, 156, 267
шумерский 399

Энга 399—402
эскимосов гренландских язык
141
эскимосский 71, 135, 248, 403

Юман (группа) 259

Яванский 118, 123, 133, 156
якалтек 141, 203, 252, 261, 265
японский 45, 49, 51, 54, 55, 63—
65, 81—82, 133, 156, 162, 195,
198, 203, 205, 207, 209, 224,
228, 232, 250, 252, 256, 261,
262, 283, 292, 313, 327, 393

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрахамс (Abrahams R. C.)** 144, 162
Аллегон (Alleton, Viviane) 219, 233
Андерсон (Anderson, S. R.) 135, 141, 146, 147, 162
Аругюнова Н. Д. 30
Аршар-Боль (Archard-Baule M.) 165
Ахманова О. С. 413, 429
- Батлер (Butler)** 273
Бах (Bach E.) 37, 72, 73, 340, 354
Бабби (Babby L.) 184, 185, 192
Бейли (Bailey T.) 372, 374
Белл (Bell, Sarah J.) 50, 69, 70, 73, 94, 109, 327, 338, 347, 354
Белошاپкова В. А. 32
Бемгбоуз (Bamgbose A.) 154, 162
Бентон (Benton R.) 338, 354
Берд (Bird C.) 114, 163
Беретти (Beretti M. F.) 165
Берри (Barry R.) 366, 368, 373, 374
Бехерт (Bechert J. R.) 8, 18, 20, 411, 412, 415, 420, 424, 430
Биггз (Biggs B.) 144, 162
Блейк (Blake B. J.) 416, 419, 430
Боас (Boas F.) 303, 314
Бокарев Е. А. 416, 423, 429
Болинджер (Bolinger D. L.) 287, 289, 314
Борра (Borras F.) 373, 374
Браун (Broun R.) 293, 315
Браун (Brown H. D.) 150, 163
- Брезнан (Bresnan, Joan)** 26
Брук (Bruck A.) 164
Валли (Valli H.) 151, 165
Ван Валин (Van Valin R.) 12, 13, 15, 18, 21, 28, 30, 32—35, 376, 379, 381, 382, 384, 386, 390, 391, 392, 393, 396, 397, 399, 400, 401, 404, 408, 410
Вандриес (Vendryes J.) 424, 431
Вежбицка (Wierzbicka, Anna) 21
Вейренк (Veyrenc J.) 168, 192
Виссман (Wissmann W.) 428, 431
Вудбери (Woodbury A.) 135, 141, 165, 403, 410
Вэнс (Vance T. J.) 163
- Гаверс (Havers W.)** 425, 430
Гамперц (Gumperz J.) 377, 408
Гесс (Hess H.) 257, 274
Гивон (Givon T.) 145, 147, 163, 231, 234, 244, 252, 266, 274, 354, 420, 430
Гильдерслив (Gildersleeve B.) 269, 274, 425
Голдмен (Goldman, Susan R.) 300, 315—316
Горбит (Gorbet L.) 114, 163
Гринберг (Greenberg J.) 16, 258, 274, 379, 408, 422, 430
Гроссмен (Grossman, Robin E.) 19, 163
Гэздар (Gazdar G.) 7

- Гэри (Gary J.) 87, 97, 108, 109, 117, 163
- Дайблер (Deibler E. W.) 141, 163
Делориа (Deloria, Ella) 303, 314
Дельбрюк (Delbrück B.) 425, 430
Демьянков В. З. 7, 34
Де Рейк (de Rijk R. P. G.) 126, 163
Джейкобсен (Jacobsen W.) 251, 275, 401, 410
Джейкобсон (Jacobson P.) 74
Джекендофф (Jackendoff R.) 336, 354
Дженкинз (Jenkins L.) 353, 354
Джонсон (Johnson D. E.) 12, 15, 19, 23, 31, 35, 37, 38, 39, 46, 47, 54, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 110, 140, 142, 160, 164, 237, 257, 275, 356, 374
Джордж (George L.) 237, 274
Джоунз (Jones L.) 382, 410
Диксон (Dixon R.) 12, 13, 14, 18, 53, 56, 57, 74, 139, 140, 142, 163, 230, 233, 237, 260, 274, 392, 394, 395, 408, 416, 419, 430
Донеллан (Donnellan K.) 254, 274
Душкова (Dušková L.) 373, 374
Дэн (Teng Shou-hsin) 208, 224, 225, 232, 235, 366, 368, 373, 375
- Есперсен (Jespersen O.) 290, 315, 353, 354
- Зализняк А. А. 138
Золотова Г. А. 10
Зубин (Zubin D.) 32, 389, 390, 394, 410
- Исаков И. А. 411
- Йокояма (Yokoyma O. T.) 168, 173, 192
- Кабураки (Kaburaki E.) 313
Карлсон (Karlsson F.) 124, 164
- Карттунен (Karttunen L.) 294, 315
Кацнельсон С. Д. 18
Кибрик А. Е. 28, 32, 36, 136, 411
Кимени (Kimenyi A.) 86, 110, 390, 410
Кинэн (Keenan, Edward L.) 12, 13, 16—18, 25, 26, 29—32, 37, 38, 45, 49, 66, 67, 70, 72, 74, 87, 97, 107, 108, 109, 111, 117, 121, 122, 134, 135, 145, 150, 151, 155, 158—164, 194, 202, 203, 211, 221, 222, 228, 231, 234, 236, 237, 241, 245, 250, 251, 256, 257, 260, 269, 275, 317, 323—325, 327, 333, 334, 339, 354, 357, 372, 374, 415, 420, 431
Кинэн (Keenan, Elinor O.) 229, 234
Кларк (Clark E. V.) 330, 341, 352, 354
Кларк (Clark H. H.) 282, 292, 296, 297, 315
Климов Г. А. 11, 18, 416, 418, 429
Клинин (Klenin, Emily) 168, 170, 172, 175, 176, 183, 191, 192
Коллинз (Collins G. C.) 339, 354
Комри (Comrie B.) 12, 13, 14, 18, 25, 26, 38, 45, 49, 66, 67, 74, 107, 111, 160, 163, 164, 236, 237, 260, 275, 325, 327, 354, 416—420, 430
Коул (Cole P.) 163
Кристиан (Christian R.) 373, 374
Крэйг (Craig, Colette G.) 141, 163, 265, 274
Куиперс (Kuipers A.) 359, 375
Кук (Cook V. J.) 151, 163
Кук-Гамперц (Cook-Gumperz J.) 377, 408
Куно (Kuno S.) 19, 20, 49, 74, 231, 232, 234, 283, 292, 313, 315
Купер (Cooper W. E.) 422, 423, 430
Курилович (Kuryłowicz J.) 424, 431
Кэпел (Capell A. A.) 258, 274
- Ла Гали (La Galy M. W.) 164
Лакофф (Lakoff G.) 6, 12, 15, 72, 74

- Лафит (Lafitte P.) 164
 Леви (Lewy E.) 425, 431
 Леман (Lehmann W. P.) 209
 Ли (Li Ch. N.) 12, 29, 30, 32, 34, 135, 164, 193, 210, 221, 234, 239, 308, 320, 321, 355, 357, 358, 365, 366, 368, 370, 375, 393, 410
 Ливай (Levi, Judith N.) 164
 Лигам (Legum S.) 150, 151, 164
 Лодж (Lodge G.) 269, 274
 Лолер (Lawler J.) 66, 69, 70, 74, 271, 275
 Ломтатидзе К. В. 416, 423, 429
 Лоример (Lorimer D. L. R.) 416, 431
 Лэнг (Lang R.) 401, 402, 410
 Лэнгекер (Langacker R. W.) 334, 355
 Лэсник (Lasnik H.) 243, 275, 346, 355

 МакДональд (MacDonald R.) 52, 74, 162, 164
 МакКоли (MacCawley J.) 6
 Манро (Munro, Pamela) 251, 259, 269, 270, 275
 Мейе (Meillet A.) 428, 431
 Мещанинов И. И. 11, 18
 Мириkitани (Mirikitani L.) 271, 275
 Моравчик (Moravcsik, Edith) 46, 73, 75, 259
 Морган (Morgan J.) 69
 Мраайеи (Mraayei O.) 267, 276

 Наполи (Napoli, Donna J.) 61, 75
 Никольз (Nichols, Johanna) 168, 173, 183, 192
 Нунэн (Noonan M.) 29, 30, 34, 35, 201, 356, 372, 375

 Олсон (Olson M.) 403, 404, 410
 Остинг (Austing J.) 360—362, 372, 374
 Отанес (Otanés F.) 13, 196, 235, 328, 355, 359, 375

 Падучева Е. В. 30, 138
 Паллум (Pullum G. K.) 39, 70, 75
 Пари (Paris, Marie-Claude) 232
 Парк (Park, Byzing-Soo) 208, 235
 Парти (Partee, Barbara H.) 346, 355
 Перанто (Peranteau P. M.) 164
 Перлмуттер (Perlmutter D.) 12, 15, 23, 25—27, 31, 38, 39, 41, 43—45, 54, 59, 64, 67—70, 75, 76, 83—85, 87—90, 98, 100, 108—110, 160, 164, 166, 169—171, 173, 174, 176, 182, 185, 188, 191, 192, 236, 256, 258, 263, 275, 327, 356, 375
 Перфетти (Perfetty Ch. A.) 300, 315
 Пешковский А. М. 11
 Пирейко Л. А. 416, 430
 Планк (Plank F.) 18, 27, 413, 422, 426, 427, 431
 Платт (Platt Y.) 372, 375
 Постал (Postal P. M.) 12, 15, 23, 25—27, 31, 38, 39, 41, 43—45, 54, 59, 64, 67—70, 72, 75, 76, 83—85, 87—90, 98, 108—110, 160, 162, 164, 166, 169, 173, 174, 188, 192, 199, 235, 236, 256, 258, 263, 269, 275, 327, 336, 343, 347, 355, 356, 375
 Пурадье-Дютей (Pouradier-Duteil F.) 423, 431

 Раппапорт (Rappaport G.) 168, 172, 173, 192
 Розенбаум (Rosenbaum P.) 199, 235
 Росс (Ross J. R.) 6, 38, 45, 55, 60, 61, 67, 75, 199, 235, 422, 423, 430
 Роудз (Rhodes R.) 27, 35

 Сводеш (Swadesh M.) 71, 75
 Силитонга (Silitonga M.) 120, 165
 Сильверстайн (Silverstein M.) 377, 382, 383, 396, 401, 410
 Синха (Sinha A.) 396, 410
 Смит (Smith N.) 14
 Стайнер (Steiner R.) 266, 272
 Степанов Ю. С. 30
 Стокуэлл (Stockwell R.) 372, 375
 Сэйдок (Sadock J.) 163
 Сэмармо (Soemarmo) 233, 235

- Сэн (San, Leslie J.) 163
Сэнджоно (Soenjoно D.) 52, 74,
162, 164
Сэндмен (Sandman M.) 299, 316
- Тагашира (Tagashira Y.) 128, 165
Тай (Tai J. H.-Y.) 219, 235
Такер (Tucker A. N.) 267, 276
Танг (Tang Ch.) 232
Терстоун (Thurstone T. S.) 247,
276
Тимберлейк (Timberlake A.) 22,
25, 166, 175, 177, 192, 265,
276
Томпсон (Thompson, Sandra A.)
12, 29, 30, 32, 34, 135, 164,
193, 210, 220, 233, 234, 239,
308, 320, 321, 355, 357, 365,
366, 368, 370, 373, 375, 393,
410
Тритхарт (Trithart L.) 160, 165,
237, 271, 276
Труитнер (Truitner) 56, 57, 75
- Упия (Upia R.) 360—362, 372,
374
- Фарес (Phares G. C.) 164
Фиенго (Fiengo R.) 243, 275, 346,
355
Филмор (Fillmore Ch.) 6, 9, 10,
12, 22, 27, 30, 32, 35, 200, 206,
223, 233, 278, 315, 322, 354,
372, 374, 384, 387, 388,
408
Фирбас (Firbas J.) 231, 234, 285,
315
Фокс (Fox R.) 164
Фоли (Foley W.) 15, 21, 30, 32—
35, 376, 379, 386, 390, 391,
393, 396, 404, 408
Франц (Frantz D.) 264, 274
Фрейдin (Freidin R.) 346, 354
Фридмен (Friedman, Lynn A.)
229, 234
- Хайд (Hyde) 261, 275
Хаймс (Hymes D.) 377, 382, 410
Хайсман (Huisman R.) 251, 274
Хауард (Howard I.) 232, 234
- Хаусхолдер (Householder F. W.)
219, 234
Хейл (Hale K.) 137, 163, 257,
260
Хиндс (Hinds Y.) 262, 274
Хит (Heath J.) 377, 379, 381,
396, 398, 399, 401, 402, 408—
409
Хокинс (Hawkins S.) 150, 163
Хомский (Chomsky N.) 6—11,
16, 23, 38, 68, 74, 199, 233,
260, 274, 353, 354, 357, 374,
377, 378, 381, 408
Хонг (Hong, Xin-heng) 219, 234
Хорн (Horn L.) 255
Хорнби (Hornby P. A.) 305, 315
Хортон (Horton A.) 267, 274
Хоуп (Hope E.) 196, 212, 230,
234
Хохела (Hohepa P.) 147, 163
Хсие (Hsieh, Hsin-I) 209
Хуанг (Huang S. F.) 219, 234
Хупер (Hooper, Joan B.) 233,
234, 365, 374
Хэвиленд (Haviland, Susan E.)
282, 292, 296, 297, 315
Хэллидей (Halliday M. A. K.)
278, 284, 292, 306, 315
Хэррис (Harris A. C.) 100, 108,
109
Хэтч (Hatch E.) 150, 163
- Чао (Chao Y. R.) 219, 233
Чвани (Chvany, Catherine) 167,
168, 185, 189, 192
Чейпин (Chapin P.) 70, 74, 249,
274
Чейф (Chafe W. L.) 12, 29—34,
196, 197, 201, 233, 277, 281,
282, 284, 289, 294, 309, 315,
357, 367, 373, 374
Чен (Cheng R. L.) 219, 234
Черчворд (Churchward M.) 148,
163, 248, 274
Чехов (Tchekhoff, Claudie) 18,
135, 165
Чунг (Chung, Sandra) 55, 57, 64,
66, 74, 146, 161, 163, 223, 233,
373, 374
- Шахматов А. А. 11, 21

Шахтер (Schachter P.) 12, 13, 28,
29, 32, 33, 35, 66, 70, 75, 94,
135, 144, 164, 196, 218, 227,
231, 235, 249, 253, 275, 294,
316, 317, 328, 346, 355, 359,
360, 371, 372, 375

Шварц (Schwartz A.) 262, 275

Шелдон (Sheldon A.) 151, 165

Шиффелин (Schieffelin, Bam-
bi B.) 229, 234

Шопен (Shopen T.) 346, 355

Штайниц (Steinitz W.) 417, 431

Шульце (Schulze W.) 423, 431

Эндрюс (Andrews A.) 72, 73, 187,
162

Эрнандес (Hernandes N.) 165

Якобсон (Jakobson R.) 22, 413,
430

СОДЕРЖАНИЕ

Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике. <i>Вступительная статья А. Е. Кибрика</i>	5
Д. Э. Джонсон. О реляционных ограничениях на грамматики. <i>Перевод Н. В. Перцова</i>	37
Д. М. Перлмуттер, П. М. Постал. О формальном представлении структуры предложения. <i>Перевод Н. В. Перцова</i>	76
Д. М. Перлмуттер, П. М. Постал. Закон единственности продвижения именных групп в позицию подлежащего. <i>Перевод Н. В. Перцова</i>	83
Э. Л. Кинэн, Б. Комри. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика. <i>Перевод Н. В. Перцова</i>	111
А. Тимберлейк. Косвенно-объектные контролеры рефлексивизации в русском языке. <i>Перевод М. Б. Бергельсон</i>	166
Ч. Н. Ли, С. А. Томпсон. Подлежащее и топик: новая типология языков. <i>Перевод Е. Н. Саввиной</i>	193
Э. Л. Кинэн. К универсальному определению подлежащего. <i>Перевод Т. Я. Казавчинской</i>	236
У. Чейф. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения. <i>Перевод Н. И. Лауфер</i>	277
П. Шахтер. Ролевые и референциальные свойства подлежащих. <i>Перевод Е. М. Сморгуновой</i>	317
М. Нунэн. О подлежащих и топиках. <i>Перевод Е. Н. Саввиной</i>	356
Р. Ван Валин, У. Фоли. Референциально-ролевая грамматика. <i>Перевод Е. М. Сморгуновой</i>	376
ПРИЛОЖЕНИЕ. И. Бехерт. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий	411

Коротко об авторах. Составитель Е. Н. Саввина	432
Предметный указатель. Составитель Е. Н. Саввина	439
Указатель языков. Составитель Е. Н. Саввина	451
Указатель имен. Составитель Е. Н. Саввина	454

НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Выпуск XI

СОВРЕМЕННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

ИБ № 7968

Редактор Н. Н. Попов

Художественный редактор В. А. Пузанков

Технические редакторы И. К. Дерва, И. А. Юдина

Сдано в набор 17.06.81. Подписано в печать 08.12.81.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
латинская. Печать высокая. Условн. печ. л. 24,36.
Уч.-изд. л. 23,07. Тираж 5 600 экз. Заказ № 103.
Цена 2 р. 30 к. Изд. № 29383

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая 28. Отпечатано в Ленинградской типографии № 2 головном предприятии ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.